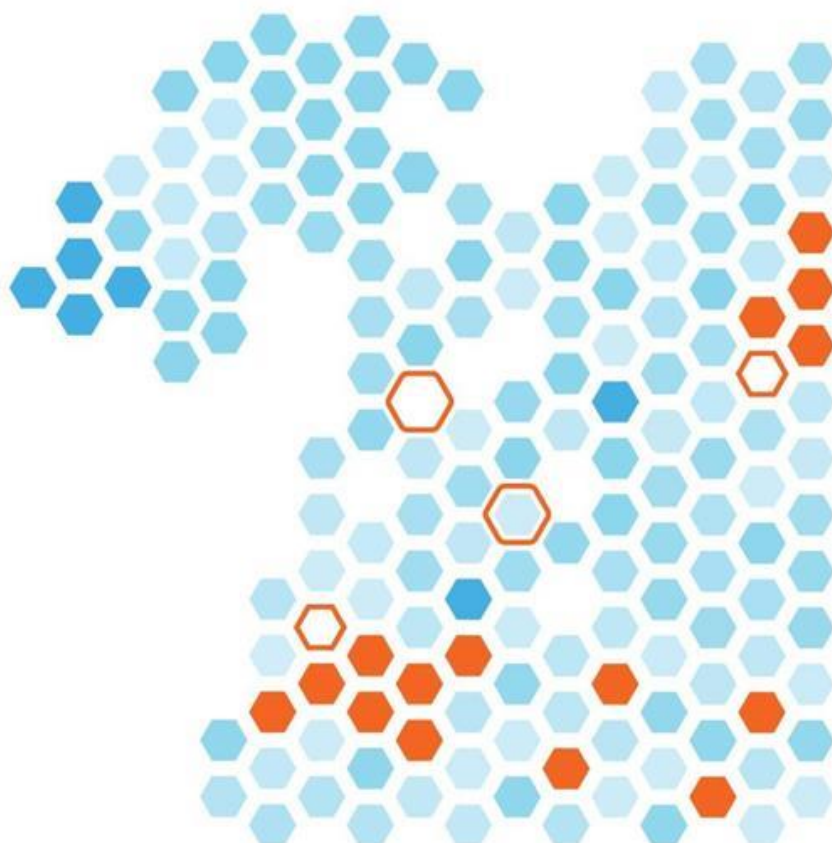

**МАТЕРИАЛЫ V НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С
МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

08 июня 2018 года

г. Петрозаводск

УДК 332.122 ББК 65.04

Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы V научно-практической конференции с международным участием, [8 июня 2018г., г. Петрозаводск] / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; [отв.ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников]. – Петрозаводск: Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», 2018. – 324 с.

Материалы V научно-практической конференции с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» (8 июня 2018 года) включают избранные статьи участников конференции. Материалы посвящены многоаспектным актуальным и дискуссионным вопросам современного положения и развития приграничных территорий России и зарубежных стран. Адресуется специалистам экономических, социальных, экологических, политологических, исторических и культурологических научных направлений, а также представителям федеральных, региональных и муниципальных органов власти, преподавателям и студентам высшей школы, и, безусловно, всем, кто интересуется вопросами приграничного сотрудничества РФ и ее регионов. Материалы представлены в авторской редакции, статьи отражают позицию их авторов.

ISBN 978-5-9274-0822-1

© Карельский научный центр РАН, 2018

© Институт экономики КарНЦ РАН, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
FOREWORD	10
Markku Sippola Who should run social services? Russian and their neighbours' attitudes compared.....	12
Агабекян Р.Л. Роль государственной поддержки малого бизнеса в обеспечении предпринимательской инфраструктуры.....	17
Арпентьева М.Р. Становление личностью, партнером и профессионалом: критерии и проблемы	19
Арпентьева М.Р. Транскультурализм и идентичность жителей приграничья.....	26
Арутюнян В.А. Калининградская область: развитие в современных условиях	29
Астапова Г.В., Скирневская Л.Н. Использование инвестиционной и корпоративно-трудовой моделей приватизации в процессе восстановления функциональности Донецкого аэропорта.....	32
Билял Н.М., Абдукаримова Ш.Б. Создание свободного фармацевтического геоэкономического пространства стран СНГ.....	37
Бичарова М.М., Холова Л.А. Временный брак как форма межконфессионального брака в мусульманских семьях в Каспийском регионе.....	39
Блохин В.Н. Инновационное развитие сельских сообществ: особенности, проблемы, перспективы.....	43
Борисов О.К. Осуществление местного самоуправления на приграничных территориях: особенности и нормативно-правовое регулирование	47
Булычева А.А. Проектная деятельность библиотек финно-угорского мира: возможности и перспективы приграничного сотрудничества.....	51
Бурнасов А.С., Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В., Байсалбекова М.Э., Жекежанова А.Т., Нариман Л.Е. Тенденции и перспективы развития приграничного экономического сотрудничества Российской Федерации и Казахстана	55
Гуменюк И.С. Динамика пересечений российско-польской государственной границы как индикатор оценки уровня приграничного сотрудничества.....	59
Гуменюк Л.Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов Северо-Западного федерального округа России	63
Дружинин П.В. Пространственное развитие приграничной Карелии в ходе реформ....	68
Дупленко Н.Г. Исследование динамики экспорта высокотехнологичной продукции из приграничного региона на примере Калининградской области.....	73

Егоров Д.Г. Межотраслевой баланс как инструмент стратегического планирования развития регионов России с экспортной экономической ориентацией	77
Залывский Н.П. Гуманитарные мотивы приграничных территорий к социокультурному взаимодействию.....	82
Иванов А.Л., Кабинова О.А. Инновационные подходы к конструированию психолого-педагогического дизайна региональных учебных групп слушателей в системе повышения квалификации специалистов по психотерапии	87
Имкина Е.С., Кузьмина В.М. Направления трансграничного международного сотрудничества Китая	92
Искендеров П.А. Приграничные регионы в геополитическом контексте: вызовы и перспективы.....	98
Исхаков А.М. Транснациональная организация незаконной миграции как основательный вызов приграничным территориям в эпоху экономической турбулентности.....	101
Камалова Л.Н., Кузьмина В.М. Приграничное сотрудничество России и Китая в молодежной сфере.....	106
Каргаполова Е.В., Миронова Ю.Г., Иванова А.С. Динамика миграционных процессов в приграничном регионе (на примере Астраханской области).....	110
Кириянен А.П. Социально-экономическое развитие приграничных регионов: вопросы выравнивания бюджетной обеспеченности.....	115
Козырева Г.Б. Трансграничные факторы развития Республики Карелия	119
Козырева Г.Б. Социальная активность местных сообществ как фактор устойчивого лесоправления.....	123
Колоколов И.Р. Социальное воспитание на примере взаимоотношения подростков со сверстниками и представителями старшего поколения в Петрозаводске, как инструмент поддержки развития приграничных территорий.....	128
Кондрашихин А.Б. Приграничные территории в призме экономической методологии	131
Корчак Е.А., Скуфьина Т.П. Современная миграционная ситуация в свете решения задачи накопления человеческого капитала Мурманской области.....	136
Котельникова О.Р., Кузьмина В.М. Направления приграничного сотрудничества в рамках ШОС	141
Лобанов А.А., Богданова Е.Н., Андронов С.В., Попов А.И., Кочкин Р.А., Кострицын В.В., Лобанова Л.П., Протасова И.В., Лобанова Е.А. Проблемы	

регулирования традиционного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе как фактор сбережения коренного населения	146
Маркелова А.А., Шумилова П.А. Миграция как причина возникновения и роста межэтнической напряженности в приграничных регионах Российской Федерации	151
Мартынов В.Л. Пограничная зона и особенности пространственного развития приграничных территорий Ленинградской области	155
Митрофанова И.В., Русскова Е.Г., Буянова М.Э. Трансграничное сотрудничество в рамках Еврорегиона «Донбасс»: история и перспективы.....	160
Морозов А.А. ИКТ в региональном развитии: анализ некоторых регионов Востока и Запада России	165
Морошкина М.В. Социально-экономическое развитие приграничных регионов: сравнительный анализ на примере России и Финляндии	169
Мяки С.А., Морошкина М.В. Перспективы улучшения инвестиционного климата в приграничных регионах в условиях создания территорий с особым режимом предпринимательской деятельности	173
Павлов К.В. Система показателей характеризующих уровень экономических взаимоотношений между приграничными регионами. Внутреннее и внешнее приграничье.....	175
Парусимова Я.В. Антропологические и социальные аспекты развития приграничных регионов в условиях массовой миграции (на примере Оренбургского края)	180
Поливода А.В., Яренко К.В., Вакулич Н.А. Агротуризм в Республике Беларусь	184
Полшков Ю.Н. Диагностика факторов воспроизводства кадрового потенциала в системе управления социально-экономическим развитием приграничного региона ...	187
Поташева О.В., Морошкина М.В. Особенности приграничных регионов в уровне образовательного потенциала молодежи	192
Проскурина Н.В. Социокультурные аспекты русско-украинского пограничья в развитии г. Острогожска Воронежской области.....	197
Прохорова О.В. Рейтинг инвестиционной привлекательности приграничных территорий России	200
Ридевский Г.В. Техничко-технологическая модернизация регионов российско-белорусского приграничья.....	205
Рогалевич Н.А. Социальное иждивенчество молодежи: по материалам эмпирического исследования в Республике Карелия	210
Руднева О.С. К вопросу формирования системы устойчивого природопользования в российско-казахстанском трансграничном регионе	214

Ружинская И.Н. Проект «Путь к Аввакуму», как опыт трансграничного сотрудничества	218
Рыжих А.А., Кузьмина В.М. Динамика социокультурного сотрудничества Курской области с регионами ближнего зарубежья	222
Савицкий И.В. Основные направления изучения «крымской весны» российскими историками	228
Сачук Д.И. Управленческие технологии как ключ к приграничному сотрудничеству	232
Сачук Т.В. Развитие приграничного сотрудничества на муниципальном уровне	237
Соегов Мурадгелди Нейтральный Туркменистан и граничащая с ним по морю Астраханская область РФ: некоторые аспекты культурно-гуманитарного и экономического сотрудничества.....	241
Соколов А.А. Оценка уровня развития промышленного комплекса приграничных регионов степной зоны России и Казахстана.....	245
Спажева И.А. Карельская арт-резиденция как инструмент приграничного сотрудничества и развития региона.....	248
Сухарев М.В. Сетевые формы приграничного сотрудничества.....	253
Телюх И.В. Миграционные процессы в приграничном субъекте (на примере Оренбургской области)	258
Толстогузов О.В. Геоэкономическая стратегия приграничных регионов в контексте глобальных вызовов	263
Толстогузов О.В. Качество информации и структура общественных отношений приграничных регионов в условиях современных вызовов	268
Топчиев М.С., Черничкин Д.А., Дрягалов В.С. Межэтнические семьи на фронтальных территориях Прикаспия	271
Трофимова Н.В. Бедность населения в северных приграничных регионах России	275
Фитисов К.В. Инновационный потенциал молодежи как ресурс профилактики девиантного поведения: по материалам эмпирического исследования в Республике Карелия	280
Фотиева И.В., Иванов А.В. Трансграничные проекты: перспективы и риски	283
Као Тхи Тху Хиен Основные черты и противоречия инновационной экономики.....	287
Хришкевич Т.Г. Балтийский регион в условиях миграционного кризиса 2014-2016 гг.: гендерный аспект.....	290
Хуснулина Р.Р., Сюй Мэнцзяо Проблемы брачной миграции в приграничных регионах Китая	293

Хуснулина Р.Р., Чжэн Сяотун Современное состояние, проблемы и предложения по развитию торговли между приграничными городами России и Китая (на примере Забайкалья, Владивостока и Благовещенска).....	296
Чайка Е.А. Приграничные регионы: территориальное планирование и градостроительные возможности в социально-культурном аспекте	299
Черномаз П.А. Украина между Россией и ЕС: влияние геоэкономического положения на внешнюю торговлю	301
Чунина А.Е., Синицина Д.Г. Проблемы развития государственно-частного партнерства в приграничных районах РФ (на примере Калининградской области).....	305
Шишко Е.Л. Критический анализ определений понятия «риск».....	308
Шорохова И.В. Участие артистов музыкально-драматического театра Петрозаводска в VIII всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году	312
Щетинина К.В., Пономаренко Т.В., Васильченко А.О. Интеграция и трансграничные цепочки добавленной стоимости в оловянном производстве	316
Яловицына С.Э. Интерпретации процессов социальной адаптации мигрантов в Республике Карелия в биографических интервью.....	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-практическая конференция с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» проводится в г. Петрозаводске с 2014 года. В 2018 году конференция в пятый раз собрала российских и иностранных исследователей, вовлечённых в проблематику развития приграничных регионов. География участников конференции представлена учёными и экспертами из Апатит, Архангельска, Астрахани, Донецка, Екатеринбурга, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Финляндии и Сирии. В выступлениях участников и последовавших обсуждениях были освещены вопросы социально-экономической, институциональной, культурной и иных сфер развития приграничных регионов России и зарубежных стран.

Пленарное заседание открыл доклад Маркку Сиппола, преподавателя Университета Тампере, Финляндия. М. Сиппола представил результаты сравнительного анализа отношения общества к различным вариантам организации социальных услуг в России, странах Балтии и Финляндии, выявил общность доминирующих в обществе взглядов на данный вопрос во всех исследованных странах. В развитие темы социальных услуг директор Института экономики КарНЦ РАН Татьяна Морозова в своём докладе раскрыла институциональные возможности и ограничения развития российского рынка социальных услуг в контексте международного сотрудничества. Профессор, главный научный сотрудник Института Европейских исследований МГИМО Ренальд Симонян представил методику и результаты сравнительного анализа западного и восточного приграничья России. Профессор, заведующий кафедрой Уральского Федерального Университета Анатолий Степанов раскрыл тенденции и перспективы развития приграничного экономического сотрудничества России и Казахстана. И.о. начальника Управления по туризму Республики Карелия Денис Максимов представил видение перспектив расширения трансграничного сотрудничества в рамках Еврорегиона «Карелия» в сфере культуры и туризма.

На конференции проведено три секционных заседания по следующим тематическим направлениям: возможности и перспективы взаимодействия приграничных территорий, институты и инструменты поддержки развития приграничных территорий, социальные аспекты развития приграничных регионов. В ходе секционных заседаний были представлены результаты исследований, связанные с многогранными аспектами развития приграничных регионов. Широкий охват социальных, экономических, институциональных и информационных проблем обусловлен современными внешними и внутренними вызовами российского общества.

Участники пришли к выводу, что, во-первых, современная геополитическая обстановка и требования социальной безопасности требуют поиска новых подходов к выбору путей развития приграничных территорий. Во-вторых, современные механизмы регулирования природопользования не создают благоприятных условий для широкого привлечения различных социальных групп к решению вопросов устойчивого лесоуправления. В-третьих, для формирования эффективной структуры общественных отношений повышается актуальность получения качественной информации о состоянии местных сообществ. В-четвертых, требуют особого внимания власти и общества проблемы, связанные с формированием институциональных условий для повышения качества жизни населения приграничных регионов, в частности развития: национальной системы здравоохранения; системы социальной поддержки пожилых граждан с целью улучшения их здоровья; институтов, позволяющих продлевать активную трудовую жизнь населения третьего возраста посредством вовлечения его в

сферу предпринимательства; механизмов, способствующих повышению доступности на рынке жилья; ресурсов профилактики девиантного поведения молодежи.

В таких условиях формируется новая повестка исследований, нацеленная на научное обоснование государственного управления развитием приграничных территорий, ориентированное на минимизацию системных рисков и учет требований социальной безопасности. Это актуализирует разработку инновационных решений, соответствующих критериям безопасности и устойчивого развития территории, а также методологических и методических инструментов их обоснования и апробации.

В рамках конференции также состоялся круглый стол, на котором учёные, представители некоммерческих организаций, бизнеса и органов власти обсудили тему новых ресурсов и стимулов развития туризма на приграничных территориях. Эксперты отметили ряд перспективных направлений туризма: в связи с тенденцией старения населения растет спрос на разработку маршрутов и услуг для граждан старшего возраста; стремление современного человека получать удовольствие стимулирует развитие гастрономического туризма; поиск форм самореализации способствует активизации арт-туризма. Вместе с тем, в Карелии традиционно сохраняют свою актуальность такие направления, как познавательный, природный, событийный, экстрим-туризм. Растет интерес к предложениям на стыке нескольких областей - эксперты отметили такое направление, как горно-геологический туризм, спрос на который в последние годы стабильно увеличивается. Примером может служить горный парк «Рускеала», который за 10 лет вошел в тройку наиболее популярных объектов посещения в Карелии, наряду с о. Кижы и Валаамским архипелагом.

Хотелось бы выразить слова признательности нашим партнерам по организации конференции, Администрации Петрозаводского городского округа в лице Н.В. Лаврушиной; зарубежным и российским коллегам, представившим пленарные и секционные научные доклады на конференции; коллегам-участникам круглого стола. Особую благодарность выражаем сотрудникам Института экономики - членам оргкомитета, без самоотверженной деятельности которых организация конференции была бы затруднительной: Р.В. Белая, П.В. Дружинин, В.В. Каргинова, Г.Б. Козырева, Ю.М. Кузьмичев, Л.М. Кулакова, А.А. Морозов, М.В. Морошкина, О.В. Поташева, С.В. Степанова, С.В. Тишков, Е.А. Шлапек, А.П. Щербак. Благодарим переводчика КарНЦ РАН О.В. Кислову и наладчика КИП и ЛВС В.А. Голикова, обеспечивших безукоризненное сопровождение конференции.

Председатель оргкомитета конференции, д.э.н. Т.В. Морозова

Отв. редактор материалов конференции, к.э.н. Н.Г. Колесников

FOREWORD

The international conference "Prospects of social and economic development of border regions" has been held in Petrozavodsk since 2014. In 2018, the conference for the fifth time brought together Russian and foreign scientists involved in the research of border regions. The geography of the conference participants is represented by scientists and experts from Apatity, Arkhangelsk, Astrakhan, Donetsk, Ekaterinburg, Moscow, Petrozavodsk, St. Petersburg, Finland and Syria. The participants' talks and discussions covered issues of socio-economic, institutional, cultural and other spheres of the border regions development in Russia and abroad.

Markku Sippola, Lecturer at the University of Tampere (Finland) opened the plenary session. Mr. Sippola presented the results of the comparative analysis of the attitudes towards organisation of social services in Russia, the Baltic States and Finland, defining the prevailing views on this issue in the relevant countries. In continuation of the social services topic Tatyana Morozova, Director of the Institute of Economics of the KarRC, highlighted the institutional opportunities and limitations of the Russian social services market in the context of international cooperation. Renald Simonyan, Professor, Senior Researcher at the Institute of European Studies of MGIMO, presented the methodology and results of the research on Russian western and eastern border regions. Anatoly Stepanov, Professor, Head of the department in the Ural Federal University, disclosed the trends and prospects for the development of cross-border economic cooperation between Russia and Kazakhstan. Denis Maksimov, Acting Head of the Republic of Karelia Tourism Authority, presented the prospects of the cross-border cooperation in culture and tourism in Euroregio Karelia.

Three sessions were organized on the following themes: opportunities and prospects for interactions of border areas, institutions and instruments for promoting development in border regions, social aspects of border regions development. The results of the studies related to the various aspects of border regions development were presented. A wide range of social, economic, institutional and information problems are determined by current external and internal challenges for the Russian society.

The conference participants came to the conclusion that, first of all, the modern geopolitical situation and social security requirements call for new approaches to the development of borderlands. Secondly, existing environmental management mechanisms do not create favorable conditions for broad involvement of various social groups in addressing issues of sustainable forest management. Thirdly, qualitative information about the state of local communities is necessary to establish an efficient social relations structure. Fourth, the authorities and society need to pay special attention to the problems associated with the formation of institutional conditions for improving the quality of life in border regions, in particular development of: the national health care system; social support systems for senior citizens to improve their health; institutions for extending the active working life of the third age population by involving them in entrepreneurship; mechanisms to improve accessibility and affordability in the housing market; resources to prevent deviant behavior of young people.

In such conditions, a new research agenda is being formed for the scientific substantiation of the state management of border regions, to minimize systemic risks and take into account the social security requirements. There is, therefore, a new urge for innovative solutions that meet criteria of safety and sustainable development of the territory, as well as for methodological tools for their substantiation and testing.

Scientists, NGO's, business and authorities discussed the topic of new resources and incentives for tourism development in border areas at the round table within the conference. The experts pointed out a number of promising areas of tourism: due to the aging of the

population, there is a growing demand for the development of routes and services for senior citizens; the desire of modern man to enjoy life stimulates the development of gastronomic tourism; the search for forms of personal fulfillment promotes art tourism. At the same time, such traditional spheres as educational-, natural-, event-, extreme- tourism are still in demand in Karelia. There is a growing interest in intersectional proposals – experts mentioned mining and geological tourism. For instance, the Ruskeala Mining Park is the third most visited attraction in Karelia along with Kizhi Island and Valaam archipelago.

We would like to express our gratitude to our partners in organizing the conference: Natalia Lavrushina, Petrozavodsk City Administration; foreign and Russian colleagues who presented scientific papers at the conference; colleagues-participants of the round table session. We specially acknowledge our colleagues at the Institute of Economics – members of the organizing committee, whose help made this conference possible: Raisa Belaya, Pavel Druzhinin, Valentina Karginova, Galina Kozyreva, Yury Kuzmichev, Lyubov Kulakova, Arseniy Morozov, Marina Moroshkina, Olga Potasheva, Svetlana Stepanova, Sergey Tishkov, Ekaterina Shlapeko, Anton Shcherbak. We are grateful to Olga Kislova, interpreter of KarRC RAS and Vladimir Golikov for technical assistance during the conference.

Tatyana Morozova, Dr. of Economics
Chair of the Organizing Committee

Nikolai Kolesnikov, Cand. (PhD) of Economics
Editor-in-charge

WHO SHOULD RUN SOCIAL SERVICES? RUSSIAN AND THEIR NEIGHBOURS' ATTITUDES COMPARED

Markku Sippola

Finland, University of Tampere

markku.sippola@uta.fi

Аннотация: В России растет интерес к тематике социальной политики, и одним из ключевых вопросов является организация социальных услуг в стране. Основное разделение заключается в том, должны ли социальные службы управляться государственным сектором или частными организациями. Этот вопрос решается на основе результатов исследования «Социальные различия в современной России», проведенного в 2015 году. Результаты показывают, что подавляющее большинство респондентов выступает за то, что государственный сектор должен отвечать за организацию ухода за детьми, престарелыми и инвалидами, а также ряд других услуг. Полученные результаты согласуются с предыдущими российскими исследованиями по этому вопросу, а также с результатами исследований по отношению к социальной политике в соседних странах Финляндии и странах Балтии.

Abstract: Interest in social policy issues is growing in Russia, and one of key questions is who should organise social services in the country. The main division in this question lies in whether these services should be operated by the public sector or private organisations. The question is addressed by evidence from the Social Distinctions in Modern Russia survey carried out in 2015. The results show that an overwhelming majority among the respondents are in favour of that public sector should be in charge of organising care for children, elderly and invalids, as well as a number of other services. The findings are in accordance with previous Russian studies on this issue, as well as with findings from studies on the attitudes towards social policy in the neighbouring countries of Finland and the Baltic States.

Ключевые слова: общественное мнение, страны Балтии, Финляндия, Россия, социальная политика, социальные услуги

Key words: attitudes, Baltic States, Finland, Russia, social policy, social services

Introduction

Russian social policy has taken a direction from universal to more means-tested social benefits. The social policy reform in 2000 resulted in a greater number of children receiving benefits but a marginal improvement of poverty situation. Nevertheless, a profound social policy reform in Russia is haunting; this is necessitated by real need. Through social policy, some positive tendencies are visible, but overall implementation of social policy practices still bears the burden of the Soviet past. Such a situation is derived from the top-down process of policy formation, which has restricted the participation of societal groups and experts in the formation of social policy (UNRISD 2015).

This study takes a comparative perspective towards the provision of social services. It seeks to map up Russian people's attitudes towards the provision of services or institutions that are considered to be 'social', including care for children, the elderly and invalids, leisure and medical services as well as educational institutions. The question is: *who should run these services?* The main divisive line between the attitudes will be whether they should be publicly or privately provided. The data on the attitudes towards the provision of these services and institutions are from the Social Distinctions in Modern Russia (SDMR) survey from 2015. The attitudes of Russians in this respect are then discussed in the context of the experiences from neighbouring countries: the Baltic States and Finland.

Public attitudes toward welfare state have been traditionally overwhelmingly positive in Scandinavia (Nordlund 1997). In Finland, there is a strong legitimacy for the provision of social services by public actors. According to a survey done in 2006, 90 percent of the respondents agreed with the statement that the state and municipalities should produce the majority of social services as well as of health and sickness care; however, as many as 57

percent according to the same survey agreed that private services should be increased (Muuri 2008, 47). Throughout the post-Soviet decades, welfare-oriented attitudes have shown their endurance in post-socialistic countries. In the Czech Republic, the residual model combined with *ad hoc* social policy solutions has encountered resistance in minds of the people, who consider the adopted model as unjust, costly and mismanaged (Rabušic & Sirovátka 1999). Butkeviciene (2012) found that Lithuanian people have high expectations for the role of the state in welfare provision. More specifically in Butkeviciene's study, the care for elderly, unemployed, ill as well as physically and mentally handicapped people should be publicly organized.

Social policy as a neglected area in the post-socialist context

Social policy issues have been a largely neglected area of public policy in Russia after the collapse of the Soviet Union. As a result, there has been "an inadequate, unpopular and uneven system of social provision" (UNRISD 2015). It is remarkable that a similar epoch of the negligence of social policy development was evidenced in other post-Soviet countries, such as the Baltic States (Aidukaite 2003).

When it comes to social policy practices, let us take a comparative perspective to other post-Soviet regions. The neoliberal social protection systems in other post-Soviet republics, the Baltic States, do not exactly mimic any of the social protection models developed in other regions of Europe (Paas et al. 2004, 4). The anti-socialist political climate in the post-Soviet Baltic States has left imprint in the evolution of the welfare regimes in the Baltic States (Aidukaite 2011). Even left-leaning politicians regarded the Nordic social-democratic welfare model as too 'leftist' and instead favoured the Continental European *Sozialstaat* (Toots and Bachmann 2010). Traditional models based on gender-role attitudes are relatively persistent (Motiejunaite & Kravchenko 2008), which complies with the Continental European model that renders the dependants reliant on the entitlements of the breadwinner (Esping-Andersen 1996, 67). Households tend to respond to the social costs of the transition from communism to capitalism by cultivating informal economic strategies (Round & Williams 2010). In the transitional context, for example, households create family-based strategies in order to cope with social risks (for the Baltic States, see Karelson & Pall 2003).

Russian social policy has taken a direction from universal to more means-tested social benefits. The social policy reform in 2000 resulted in a greater number of children receiving benefits but a marginal improvement of poverty situation (Notten & Gassmann 2008). A large-scale monetisation of in-kind benefits (*l'goty*) – the conversion of free or discounted use of various public services into allowances – occurred when a new *l'goty* law came into force in 2005 (Wengle & Rasell 2008). The new model redistributed responsibility for welfare provision between the federal and local levels, which led to spatial differentiation of welfare provision (ibid.). This problem has been partially addressed by an administrative reform, which has a special focus on border regions (Izhikova 2013, 113). An overall objective of the reform is to provide citizens' access to services of high quality. An interesting objective of the reform is to integrate the North-western region of Russia with the North of Europe; this is to be done, however, under strict control of the federal centre (ibid.).

The supply of social services: who should provide them?

When it comes to the peculiarities of the provision of social services in Russia, Morozova's (2014, 37) example of the Republic of Karelia is illustrative. By analyzing the number of client applications for alternative services and organisations of social support, she (with a research group) identified a three-tier ranking in popularity who should run social services:

- 1) The most popular alternative: the inner social circle, local authorities and the Orthodox parish;

- 2) 2nd popular alternative: volunteers, local businessmen and other religious organisations;
- 3) The least popular alternative: business companies, charitable foundations and non-governmental organisations.

These findings must be put against the backdrop of a new law on the Basis of Social Services for Citizens that took office in January 2015, extending some of the provision of social services to NGOs (UNRISD 2015). Namely, Morozova (2014, 37) claims that business companies, charitable foundations and NGOs are the least favoured agents to provide social services. But how NGOs can become serious agents in the provision of social services if they are regarded the most unpopular providers of such services? One has to note that Morozova's (ibid.) survey was conducted on the eve of the adoption of the law, while the opinions of the surveyed people might reflect the state-of-affairs at that moment of the provision of social services by different agents. At the reception of the law, it was estimated that there would be 115,000 NGOs in the social services sector that were ready to deliver a wide range of social services; this would account for around ten percent of total social services (UNRISD 2015).

Research setting

The literature reviewed above leads to the central question of our study: *who should run social services?* To address this question, we make use of data from the Social Distinctions in Modern Russia (SDMR) survey, which is from 2015 round of the survey (n = 5,335). The survey has been conducted by the Russian Academy of Sciences institution (State Humanities University) in co-operation with two Finnish universities (Helsinki and Tampere). The design of the survey combined a multi-stage and stratification strategy, and the logic of the selection followed the tested PPS (probability proportionate to size) principle. The first stage consisted in using the PPS principle to split the sample among the Federal Administrative Districts (*okrug*). Within each federal district, the stratification principle was applied: the population was grouped into strata that were formed in accordance with the settlement size.

The question (Question 10.4 of SDMR survey) asked from the data seeks to find an answer to the issue whether Russian households tend to resort to the alternative providers of welfare services, their 'inner circles' (thus, they have a 'family' orientation in the provision of the services) or rather public providers in nine different areas of welfare: care for children, care for elderly, care for disabled, care for orphans, communal services, leisure institutions, medical care, schools and universities.

Results

The following table (Table 1) shows the percentages indicating the popularity of different kind of providers (1: Citizens; 2: Private firms; 3. Municipal authorities; 4: Regional authorities; 5: Federal authorities; 9: Hard to say) of the nine areas of welfare.

The results indicate that public provision of services is overwhelmingly popular. This confirms Morozova's (2014) findings – concerning the Republic of Karelia – putting private firms in the least popular place as providers of social services. Also, in compliance with Morozova's (ibid.) study, 'inner circles' (here: Citizens) are favoured especially when it comes to care for children and elderly people. According to the opinions of the respondents of the SDMR survey, however, individuals of families cannot be given the responsibility for organising housing services, leisure, medical care or education.

Conclusion and discussion

This study evidences that Russian people rank services provided by public institutions higher than by private firms. This is consistent with the finding of other studies on other post-Soviet countries (for example, the Baltic States) in which people still have high expectations for the role of the state in welfare provision. Another explanation might be that people in post-socialistic countries do not fully grasp the idea of private provision of services, since

they have little experience in this; only the richest layer of the population have had an access to, for example, private healthcare services.

Table 1

Replies to the question: “Who Should Run the Following Services?”

Care for children	%	Care for aged people	%	Care for invalids	%	Care for orphans	%	Housing service	%
1 Citizens	42,9	5 Federal authorities	38,7	5 Federal authorities	50,5	5 Federal authorities	56,5	3 Municipal authorities	39
5 Federal authorities	31,4	1 Citizens	23,4	3 Municipal authorities	20,8	3 Municipal authorities	19,2	5 Federal authorities	27,8
3 Municipal authorities	12,7	3 Municipal authorities	19,5	4 Regional authorities	15,1	4 Regional authorities	16,1	4 Regional authorities	20,4
4 Regional authorities	8,4	4 Regional authorities	13,3	1 Citizens	8,1	9 Hard to say	4,6	9 Hard to say	5,2
9 Hard to say	3,9	9 Hard to say	3,7	9 Hard to say	4	1 Citizens	2,2	1 Citizens	4,3
2 Private firms	0,8	2 Private firms	1,5	2 Private firms	1,5	2 Private firms	1,4	2 Private firms	3,2
Leisure institutions	%	Medical institutions	%	Schools	%	Universities	%		
3 Municipal authorities	40,2	5 Federal authorities	53,7	5 Federal authorities	53,9	5 Federal authorities	66,8		
5 Federal authorities	20,3	4 Regional authorities	22,2	4 Regional authorities	21,3	4 Regional authorities	17		
4 Regional authorities	16,8	3 Municipal authorities	17,7	3 Municipal authorities	18,9	3 Municipal authorities	9,6		
2 Private firms	12,7	9 Hard to say	4,3	9 Hard to say	4,1	9 Hard to say	4,9		
9 Hard to say	7,1	2 Private firms	1,5	2 Private firms	1,1	2 Private firms	1		
1 Citizens	3	1 Citizens	0,6	1 Citizens	0,7	1 Citizens	0,7		

It is already known from previous studies that people tend to resort to their inner social circles, local authorities and the Orthodox parish rather than the ‘outside’ providers of the services (Morozova 2014, 37). This study confirmed these findings, as it found that public provision of welfare services gains popularity among Russian people. This result is not identical but quite similar to what is evidenced in the Finnish context: public provision of the services has a wide support among the citizens (Muuri 2008). However, Finns appear to call for more private services to supplement the public provision of welfare services. Actually, the SDMR survey did not who should run supplementary services in deficiency of public services; we do not know if we had similar responses from Russians in this.

What is more, there is a flavour of Mediterranean family-based attitudes towards social policy, which is seen mostly in the preferences concerning care of children and care of aged people. Such a result bears resemblance to the situation in the post-socialistic Baltic countries, in which family-based coping strategies for social risks are being employed (Karelson & Pall 2003). The finding that care for elderly is regarded to be the responsibility of the citizens themselves is, however, different from what Butkeviciene (2012) found in Lithuania; in that country, it appeared that care for elderly was expected to be organized by the public sector. The near future will show whether the Nordic social-democratic welfare model or the Continental European *Sozialstaat* (which gained popularity in the Baltic States) will become the model Russian social policy will develop into. It is also possible – as much of the institutional literature evidences – that Russia will follow a path of its own and develop social policy model that does not imitate any known ‘regimes’ of welfare provision.

References

1. Aidukaite, J. (2003) 'From universal system of social policy to particularistic? The case of the Baltic States', *Communist and Post-Communist Studies* 36(4): 405-426.
2. Aidukate, J. (2011) 'Welfare Reforms and Socio-economic Trends in the Ten New EU Member States of Central and Eastern Europe.' *Journal of Communist and Post-Communist Studies* 44(3): 211-19.
3. Butkeviciene, E. (2012) 'Public attitudes towards social policy: the role of state, individual and family in social provision and welfare in Lithuania', *Social Policy / Socialiniai Mokslai* 3(77): 7-16.
4. Esping-Andersen, G. (1996) Welfare States without Work; the Impasse of Labour Shedding and Familialism in Continental European Social Policy. In: G. Esping-Andersen (ed.) *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies*. SAGE, pp. 66-87.
5. Izhikova, N. V. (2013) Gosudarstvennoe regulirovanie i samoupravlenie v sfere sotsial'noy zhizni regiona. In: V. M. Pivoev, V. N. Birin, L. P. Shved & N. V. Izhikova (eds.) *Sotsiokul'turnyj portret Respubliki Kareliya: Po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya*. Moscow: DirectMEDIA, 109-147.
6. Karelson, K. & Pall, K. (2003) 'Estonian Self-Reliance', in: L. Appleton & L. Hantrais (eds.) *European Case Studies in Family Change, Policy and Practice*. *Cross-National Research Papers* 6(6): 55-63.
7. Morozova, T. (2014) Modern Peculiarities of the Social Service Utilisation in Remote Rural Areas of the Republic of Karelia. In: M. Arola, L. Suhonen & O. Zvyagina (eds.) *Social Services on Both Sides of the Border*. Karelia University of Applied Sciences Publications B:30, pp. 29-37.
8. Motiejunaite, A. & Kravchenko, Z. (2008) 'Family policy, employment and gender-role attitudes: a comparative analysis of Russia and Sweden', *Journal of European Social Policy* 18(1): 38-49.
9. Muuri, A. (2008) Sosiaalipalveluja kaikille ja kaiken ikää? Tutkimus suomalaisten mielipiteistä ja kokemuksista sosiaalipalveluista sekä niiden suhteesta legitimitettiin [Social welfare services for all, at every age? Opinions of the Finnish public on, and its experiences of, social welfare services, and their relation to legitimacy]. *STAKES Research Reports* 178.
10. Nordlund A. (1997) 'Attitudes towards the welfare state in the Scandinavian countries', *Scandinavian Journal of Social Welfare* 6: 233-246.
11. Notten, G. & Gassmann, F. (2008) 'Size matters: targeting efficiency and poverty reduction effects of means-tested and universal child benefits in Russia', *Journal of European Social Policy* 18(3): 260-274.
12. Paas, T., Hinnoaar, M., Masso, J., & Szirko, O. (2004) *Social Protection Systems in the Baltic States*. Working Paper Series, 26/2004. Tartu: Faculty of Economics and Business Administration, University of Tartu.
13. Rabušić, L. & Sirovátka, T. (1999) 'Czech Welfare State and Its Legitimacy', *Polish Sociological Review* 126(2): 239-263.
14. Round, J. & Williams, C. (2010) 'Coping with the social costs of 'transition': Everyday life in post-Soviet Russia and Ukraine', *European Urban and Regional Studies* 17(2): 183-196.
15. Toots, A. & Bachmann, J. (2010) 'Contemporary Welfare Regimes in Baltic States: Adapting Post-Communist Conditions to Post-Modern Challenges.' *Studies of Transition States and Societies* 2(2): 31-44.
16. UNRISD (2015) Civil Society Steps Up: New Directions in Social Policy in the Russian Federation. *United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD) Project Brief* 12 (December 2015). Available at [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/%28httpAuxPages%29/3F1348B9E781AFBAC1257F2300377AB9/\\$file/PB12e%20NDSP%20Russia.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/%28httpAuxPages%29/3F1348B9E781AFBAC1257F2300377AB9/$file/PB12e%20NDSP%20Russia.pdf) [retrieved 24 April, 2018]
17. Wengle, S. & Rasell, M. (2008) 'The Monetisation of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia', *Europe-Asia Studies* 60(5): 739-756.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО БИЗНЕСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Р.Л. Агабекян

*Россия, г. Краснодар, Академия ИМСИТ
27051961@mail.ru*

Аннотация. В статье подчеркивается, что развитие малого бизнеса, активное вовлечение в этот процесс государства и гражданского общества и усиление их воздействия на рынок труда, а также рациональное использование трудовых ресурсов в бизнес-структурах российской экономики, позволит противостоять санкционным мерам западных стран, направленным на подрыв российской экономики. Именно сектор малого и среднего бизнеса в экономике России способствует созданию новых рабочих мест и выполняет ряд важнейших социально-экономических функций: обеспечение занятости, формирование конкурентной среды, поддержание инновационной активности, снятие социальной напряженности.

Abstract. The article emphasizes that the development of small business active involvement in this process of state and civil society and strengthening of their impact on the labour market, as well as the rational use of labor resources in the business structures of the Russian economy, will allow to confront the sanctions of the Western countries aimed at undermining the Russian economy. One of these is small and medium business as source to generate demand on the labor market. It is the sector of small and medium-sized businesses in the Russian economy which contributes to the creation of new jobs, and performs a number of important socio-economic functions: employment, forming a competitive environment, the maintenance of innovative activity, the removal of social tensions.

Ключевые слова. Рынок труда, занятость, безработица, региональный рынок труда, государственное регулирование рынка труда, малый и средний бизнес, трудовые ресурсы, неформальная экономика, неформальная занятость.

Key words. Labor market, employment, unemployment, regional labour market, the state regulation of the labour market, small and medium business, labour resources, informal economy, informal employment.

Развитие современной российской экономики сегодня невозможно без развития предпринимательства, активного вовлечения в этот процесс государства и гражданского общества, усиления их взаимодействия и воздействия на рынок труда, а также рационального использования трудовых ресурсов в бизнес-структурах российской экономики, в особенности, промышленного сектора, невозможно противостоять санкционным мерам западных стран, направленным на подрыв российской экономики.

Роль малого бизнеса в экономике велика, так как он выполняет ряд важнейших социально-экономических функций в обществе, таких как обеспечение занятости, создание конкурентной среды, поддержание инновационной активности, смягчение социального неравенства. Особенности малого бизнеса, такие как простота организации, возможность оперативного принятия гибких решений, быстро переориентировать свое производство на другие товары или услуги, небольшой объем первоначальных инвестиций, ориентация преимущественно на удовлетворение потребностей регионального рынка, позволяет малым предприятиям оперативно решать вопросы трудоустройства населения и стать фактором развития региональных рынков труда и занятости.

В современных условиях взаимоотношения малого и среднего бизнеса и государства в России неоднозначны. Роль государства, в первую очередь, заключается в стимулировании предпринимательской деятельности людей в соответствии с конкретными целями. Взаимоотношения определяются с учетом интересов обеих заинтересованных сторон — бизнеса и государства, обусловленные современным состоянием экономики.

С одной стороны, существующий институциональный вакуум открывает простор неформальной экономике и занятости в малом бизнесе и не дает возможности государству обеспечивать и защищать права всех субъектов рыночных отношений. С другой стороны, излишнее государственное вмешательство и регулирование не обеспечивает поступательное развитие субъектов малого предпринимательства, а способствует частичному переводу легального бизнеса в неформальный сектор, как эффективное условие его выживания.[4, 298] Малый бизнес имеет ряд особенностей, которые как положительно, так и негативно влияют на его эффективность. Важнейшей особенностью малого бизнеса является способность к ускоренному освоению инвестиций, высокая оборачиваемость оборотных средств, активная инновационная деятельность. Вместе с тем ему свойственны относительно низкая доходность, высокая интенсивность труда, сложности с внедрением новых технологий, ограниченность собственных ресурсов и повышенный риск в острой конкурентной борьбе, уход в неформальный сектор.

Сегодня перед экономикой стоит задача легализации теневого бизнеса. В этой связи, одним из важных направлений развития российской экономики является увеличение темпов роста предпринимательства за счет улучшения бизнес-климата, увеличения господдержки и ее рационального распределения. Для решения данных задач необходима серьезная государственная поддержка отдельных видов бизнеса (наукоемкие производства, IT-компании); эффективное регулирование тарифов и цен; перераспределение ограниченных ресурсов; перераспределение доходов и совершенствование налоговой систем, налоговые льготы: защита прав потребителей; формирование правовой базы предпринимательской деятельности; защита конкуренции и ограничение монополистической деятельности; сокращение бесконечных проверок и подготовки отчетности, доступное кредитование - понижение ставки по кредитам для малого бизнеса; обеспечение госзаказами.

Государственная поддержка малого и среднего бизнеса сегодня необходимое условие для сохранения и развития данного субъекта предпринимательства. Потеря данной бизнес-структуры приведет к сокращению, а в дальнейшем возможно и к исчезновению среднего класса общества – основной социальной базы стабильного государства, что приведет к возрастанию социальной напряженности и социальным конфликтам. В первую очередь, государственное регулирование малого бизнеса должно использовать экономические методы и рычаги: налоги, акцизы, инвестиции, кредиты, государственный заказ, тарифы, государственные гарантии и др. Во вторую очередь, это прямая финансовая помощь, которая осуществляется посредством льготного субсидирования малых фирм, предоставления гарантий при получении ими займов из других источников и льготного налогообложения. Такая поддержка предполагает и обратную связь - развитие малого бизнеса должно быть направлено на рациональное использование материальных, финансовых ресурсов, привлекаемого наемного труда и на более полное удовлетворение его социально-экономических потребностей, соотносенных с уровнем развития и состоянием экономической системы.

Таким образом, обеспечение эффективной занятости возможно только при условии гармоничного сочетания интересов наемных работников, предпринимателей и государства, которое должно установить стабильные правила игры, устранить лоббизм крупных государственных компаний, усилить антикоррупционные меры. Для решения этих задач предстоит длительная совместная работа государственных органов, гражданского общества и бизнес-структур.

Литература

1. Малый бизнес в России. Официальный сайт [электронный ресурс]-<http://rcsme.ru/ru/statistics>.

2. Федеральный портал малого и среднего предпринимательства . Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт [электронный ресурс]- <http://smb.gov.ru/statistics/officialdata>.
3. Агабекян Р.Л. Малый бизнес и занятость населения: позитивные и негативные тенденции// Экономика: вчера, сегодня, завтра. ТОМ 7. №1А. 2017.С.35-45.
4. Агабекян Р.Л. Феномен неформальной занятости в российской экономике// Теория и практика общественного развития. 2013.№1.С.297-300.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ, ПАРТНЕРОМ И ПРОФЕССИОНАЛОМ: КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ

М.Р. Арпентьева

Россия, г. Калуга, КГУ имени К.Э. Циолковского, г. Ханты-Мансийск, ЮГУ

Аннотация. Статья раскрывает вопросы зрелости (взрослости) человека как личности, профессионала и партнера. Особый акцент автором сделан на возможность использования выбранных критериев в практике принятия решений в профориентации и профессиональном обучении и деятельности, изменениях в них, в практике принятия решений, касающихся самостоятельной семейной жизни человека, изменений в ней. Автором также выделены критерии взрослости в контексте становления человека как личности, профессионала и как партнера, раскрыты психолого-педагогические условия и препятствия взросления. Автор описывает типы и подтипы психолого-педагогических препятствий взросления, снижения потенциала жизнеутверждения личности.

Abstract. The article reveals the issues of maturity (adulthood) person, professional and partner. Particular emphasis the author placed on the use of selected criteria in the practice of decision making in vocational guidance and vocational training and activities, changes in them, in practice, decisions concerning self, family life, change it. The author also selected criteria for adulthood in the context of the formation of man as an individual, professional and as a partner, revealed the psychological and pedagogical conditions and obstacles of growing up. The author describes the types and subtypes of psychological and pedagogical obstacles of growing up, lowering the potential reassurance of personality.

Ключевые слова: зрелость, взрослость, кризисы, профессиональная деятельность, семейная жизнь, критерии взрослости, становление партнером, становление профессионалом, становление личностью, жизнеутверждение, жизнеотрицание.

Key words: maturity, adulthood, crises, professional activities, family life, criteria of adulthood, becoming a partner, becoming a professional, becoming a personality, life affirmation, the negation of life.

Важнейший момент продуктивной и эффективной педагогической работы с учащимися и обучающимися, в том числе, в контексте профориентации и профессионального обучения и деятельности, а также принятия решений о самостоятельной семейной жизни и успешности самой жизни человека в семье – его и окружающие его (сотрудников, супруга) личностная зрелость. Многочисленность критериев зрелости или взрослости ставит перед педагогами, психологами, социальными работниками, родителями и самими молодыми людьми и подростками множество вопросов: как оценить личностную зрелость учащегося и, таким образом, оптимальность его выбора профессии, а также не менее серьезного - решения о самостоятельной семейной жизни, насколько уверенным можно быть в том, что выбор учащегося точен и не подвергнется в будущем тотальному пересмотру, как оптимизировать процесс профориентации и семейной подготовки, в том числе оценки и самооценки личностной зрелости как готовности к профессиональному обучению и труду и семейной жизни? Ответов на эти вопросы несколько [1; 5; 6; 7; 16; 19; 21; 22; 34].

Во-первых, можно отметить ступенчатость взросления и его полиморфность: взросление включает становление личностью и профессионалом, а также становление партнером. Эти три формы взросления тесно связаны. Однако, чаще всего становление профессионалом и партнером «опираются» на становление личностью [1; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 36; 39].

Взросление и связанные с ним новообразования происходят в процессе разрешения задач ведущей деятельности, в процессе нормативных, возрастных кризисов. Кроме того, существуют кризисы квазинормативные: они скорее наступят, чем нет, однако, сроки и форма их протекания различны. Это кризисы семейного плана (образование и распад семьи, рождение и смерть близких), кризисы профессиональной деятельности (вхождение и выход из профессии, кризисы карьеры и мастерства). Существуют и ненормативные кризисы, связанные с трансординарным – необычным для многих людей - опытом: войны и миграции, преступление и тюремное заключение, изгнание из общности и слава, заложничество и опыт более или менее масштабных катастроф, т.д. Во всех этих случаях, как отмечает К. Рудестам, ссылаясь на Ф. Перлза [17; 34] зрелость наступает, когда человек мобилизует ресурсы для преодоления фрустрации и страхов, возникающих из-за того, что нет необходимой поддержки со стороны окружающих. Если он не может опереться и на себя самого, возникает тупик. Зрелость - в умении пойти на риск, для того, чтобы выбраться из тупика. Некоторые люди, не способные (или не желающие) идти на риск, на долгое время берут на себя защитную роль «беспомощного» или «глупого». Кроме того, зрелый человек способен гибко и адекватно, нравственно и творчески принимать поддержку извне [11; 12; 13; 14; 15; 24; 25; 28; 29; 41; 42].

Однако, не все так просто: развиваться – значит идти на риск, сражаться и преодолевать трудности, выходить из одних отношений и входить в другие, не понимать и прорываться сквозь невежество и т.д. В работах экзистенциально-гуманистического направления описан интересный вид защит, защита от развития или комплекс Ионы (Jonah complex) [1; 4; 8]. Этот комплекс противоположен защитам, описанным в школе З. Фрейда, совершающихся ради развития: он связан с тем, что по вине «страха достижений» - самого себя, успеха и т.д. - более половины людей в мире даже близко не обращаются к задаче развития и не подбираются к какой-либо заметной степени самореализации. Еще Р. Мей отмечал, что главным условием свободы и роста человека является сознание себя и конфронтация с собой, требующие «принятия ответственности и чувства одиночества, которое влечет за собой эта ответственность». Это предполагает отказ от иллюзии «детского всемогущества», принятие того, что абсолютной уверенности в решениях, которые, так или иначе, будут приниматься, никогда не будет [9; 33; 35; 40;]. Люди понимают, что условие становления, перехода на следующий уровень бытия требует мужества, выводящего человека из уютного и безопасного укрытия, на просторы бытия. Это бытие – его собственное, но уже и не его. Через боль инициаций – человек двигается к новым этапам жизни, на которых он часто оказывается один на один с собой и со своим ино-бытием. Развитие - мужество или воля быть, вопреки обстоятельствам и мнениям окружающих, вопреки своим страхам, невинность силы и сила невинности.

Становление собой – тем, кем человек может стать, - глубинное, свойственное каждому человеку стремление, которому противостоит - особенно в моменты кризисов и моменты, когда человек учиться чему-либо, поиск большей уверенности и безопасности. Если стремление к личной и родовой безопасности и комфорту побеждает, если человек не поднимается над инстинктами благополучия и полового размножения, то стремление к росту и становлению оказывается приторможенным или полностью подавленным. Тогда человек довольствуется достигнутым положением

вещей: его все устраивает в своем собственном развитии, в себе, недоволен он только окружающими людьми и обстоятельствами, побуждающими его что-то предпринимать, да еще и учитывая реальные обстоятельства, а не те вымышленные, которые он вместе с решением об отказе от дальнейшего развития принял. Человек будет ходить по замкнутому кругу проторенных дорог, применяя готовые и проверенные способы решения проблем, избегать «лишней нагрузки», бесконечно откладывать то, что требует «выхода из зоны комфорта», игнорировать задачи и людей, с которыми он сталкивается для своего роста, а его неиспользованные и даже неопробованные способности будут оставаться «зарытыми в землю», жизнь и ее изменения – отвергнуты или просто отрицаются. Многие люди, особенно в детстве и молодости, боясь быть осмеянными и чрезмерно задетыми, разрушенными отвержением и неприятием других и неприятием самих себя, угрозой ненужности и одиночества, угрозой прослыть «плохими» и т.д., перестают рисковать изменяться, впадают в комфортное и удобное недовольство собой и жизнью.

Для зрелого же человека даже в юности характерно жизнеуверждение как благоговение перед жизнью, любовь к ней. Оно противостоит жизнеотрицанию как отказу о жизни и любви, свойственному многим людям во взрослом и даже, нередко, подростковом и детском возрасте. Жизнеуверждение – совокупность стратегий, используемых личностью и группой (семьей) для преобразования в целях совладания и развития с несущими угрозу деструкции семьи и личности возникающими в процессе жизнедеятельности кризисными ситуациями разного уровня сложности [2; 3; 37; 38]. Говоря о структуре жизнеуверждения А.Швейцер отмечает, что оно опирается на важнейшие ценностные основания жизни человека и общества, а также «содержит в себе оптимистические волю и надежду, которые никогда не могут быть утрачены. Поэтому взрослый человек не боится повернуться лицом к мрачной реальности и увидеть ее такой, какова она на самом деле». Жизнеуверждение противостоит жизнеотрицанию, проявляющемуся в виде депрессивных и разрушительных тенденций в осмыслении и взаимодействии с жизнью, страхе перед жизнью и людьми, сами собой. Нравственные основы жизнеуверждения придают субъекту пронизательность, позволяющую отличить истинно ценное, преобразующее, развивающее людей — каждого в отдельности и всех вместе [3; 4; 20; 23; 37; 38].

Перечислим основные критерии зрелого человека и зрелых отношений. У. Меннингер, А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, Р.Д. Лейнг, А. Эллис, Б. Ливенхед и многие другие классические и современные исследователи, теоретики и практики, отмечают такие критерии как [5; 6; 7; 8; 9; 4; 15; 16; 19; 21; 22]:

- способность конструктивно взаимодействовать с окружающей действительностью (смотреть в лицо реальности, признавать проблемы, а не убегать от них, искать пути решения или совладания с ситуацией); способность временно отодвигать на задний план личные желания и импульсы до тех пор, пока не завершено важное дело; умение, в поисках счастья и уклонения от боли, поддерживать баланс между перспективой и сиюминутной выгодой, стремление к достижению лично значимых и реалистичных целей и отсутствие утопизма;

- толерантность к неопределенности и способность адаптироваться к изменениям (спокойное отношение к тому, что изменения могут нарушить рутину, изменить ожидания; способность дать себе время на то, чтобы принять новое), склонность к поддержанию порядка, но отсутствие жестких требований к нему, принятие неуверенности и случайностей; уверенность в своей интуиции и адекватности решений, способность оправданно рисковать, которые помогают человеку переносить напряжение, создаваемое неопределённостью возникновения всей череды жизненных ситуаций;

- толерантность к стрессам, умение справляться с психологическим напряжением и проводить профилактику психосоматических реакций (способность находить и использовать конструктивные способы совладания со стрессом, владение навыками релаксации и поддержания внутренней гармонии); способность терпимо относиться как к разочаровывающим или раздражающим явлениям, так и к собственным недостаткам, не озлобляясь внутренне и не ожесточаясь; вариативность защитных механизмов и гибкость в их использовании;

- способность вовлекаться в отношения, открываться другому и любить его таким, какой он есть: со всеми недостатками и достоинствами, без идеализации и обесценивания; безопасность отношений и способность любить и сопереживать, не запятанные собственническими чувствами или ревностью, при которой человек не боится близости, открытости и глубины отношений, толерантность к непониманию и умение понимать людей и находить с ними общий язык, способность человека быть терпимым к различиям (в ценностях или понимании себя и мира) между собой и другими, что позволяет ему демонстрировать глубокое уважение к другим и признание их позиции, а также общность со всеми людьми;

- толерантность к агрессии и ответственность: терпимость к неприятию и способность творчески направлять враждебную энергию в конструктивное русло, мягкость и снисходительность, а также личная ответственность помогает более конструктивно воспринимать критику приводят к тому, что критика не запускает в действие механизмы защиты, а служит полезной обратной связью, улучшающей эффективность деятельности и организацию жизни человека

- способность испытывать удовлетворение от того, что больше отдаешь, чем получаешь и толерантность к несправедливости; умение сотрудничать и приходить к взаимному согласию, помогать друг другу, возможность быть собой и заботиться о собственных интересах, учитывая при этом и интересы партнера, с которым есть отношения и способность работать и играть, привносить в мир что-то новое, брать у мира новое, развивать свой и других творческий потенциал;

- аутентичность (самобытность): полное осознание настоящего момента жизни, самостоятельный выбор способа жизни в данный момент и принятие личной ответственности за данный выбор; способность чувствовать конфликты и при этом не расщепляться и «деформироваться». Автономность как независимость и способность человека регулировать свое поведение изнутри, а не ждать оценки и поддержки со стороны окружающих. Аутентичный человек хочет быть и является самим собой в непосредственных реакциях и в целостном поведении. Широкие границы Я дают возможность посмотреть на себя «со стороны»;

- наличие цельной жизненной философии, открытость собственному опыту (принятие своих чувств) - проживание переживаний, их осознание и осмысление дает возможность выбирать тот или иной способ поведения в каждой ситуации, а не позволяя неосознанным чувствам нарушать мир и себя, терпимость ко всей гамме своих и чужих реакций; умение реалистично и осознанно относиться к себе, слышать, что творится внутри, опираться на себя, принимая решения;

- глубокое самопознание, рефлексия и сила личности, проживание идентичности – соответствия самому себе и миру - увеличивает возможность выбора в своей жизни, «самообъективация», знание собственной психологии: у зрелых людей имеется четкое представление о своих собственных сильных сторонах и слабостях, отсутствие эгоцентризма и иных проявления чувства собственной важности; юмор, препятствующий напыщенному самовозвеличиванию и пустозвонству;

- личностная суверенность - внутреннее согласие человека с обстоятельствами его жизни, проживание человеком аутентичности собственного бытия, уместности,

уверенности в том, что он поступает соответственно собственным желаниям и убеждениям; чувство витальности как способность быть и чувствовать себя живым и принятие того, что мы не можем изменить, пребывание в потоке жизни и открытость новому опыту, а также экологическое мастерство - способность человека активно выбирать и создавать собственное окружение, которое отвечает его психологическим условиям жизни.

Гармоничный, зрелый человек как личность и профессионал, таким образом, характеризуется тремя основными группами черт:

1. Открытость себе самому. в том числе, своим профессиональным интересам. Важна установка на причастность к жизни и профессии. Профессиональная деятельность карьера - процесс, а не раз и навсегда взятое на себя обязательство, раз и навсегда сформированная модель мира и себя самого. Взросление и профессиональный рост – это работа; она «осуществляется как ради своего удовлетворения, так и ради общества и жизни в целом, жизнеутверждения. Становление собой – попытка познать и гармонизировать себя и мир. их сложные взаимосвязи и противоречия. Это – трудное решение для человека – быть собой и преодолевать комплекс Ионы и иные тенденции жизнеотрицания как только они появляются или обнаруживаются, жить, опираясь на свой опыт и смыслы своей собственной жизни, ценя богатство и разнообразие собственной личности и мира в целом.

2. Открытость самопониманию. Жизнь – накопление опыта переживаний и осознаний, диалог с собой и миром. Важно уметь понимать не только свои переживания, но и их воздействие на мир, а также осмысленно относиться к тому, как мир влияет на жизнь человека, его личность и деятельность. Это – готовность принять риск пережить ненужность и отверженность, опустошенность и бессмысленность, непонятость и враждебность. Воля к смыслу противостоит идеалам «понимания жизни» как ее обесценивания и осмеяния ценностей, десакрализации: понимание есть ресакрализация и принятие развития, его проблем и новообразований.

3. Открытость изменениям в самом себе. Стремление быть ответственным и жить по собственному выбору сочетается с принятием диалектики ограниченности и безграничности человеческой жизни, отказ от нереалистичных ожиданий к себе и миру и толерантность к неопределённости.

Для зрелых отношений также характерны:

- высокая самооценка всех участников, все хорошего мнения о самих себе и других, а наказывая, они никогда их не унижают друг друга;

- социальные связи открыты: участники группы любят и уважают друг друга; при этом каждый член группы уверен, что другие готовы его выслушать, и сам он готов выслушать других;

- типично непосредственное и честное общение, люди чувствуют себя настолько свободно, что могут поделиться друг с другом своими переживаниями, искренны;

- правила, по которым живет группа должны быть подвижны и гуманны: по мере того, как люди меняются, меняются и правила, слова не расходятся с делом;

- осознание искушений на Пути: своих и чужих; конфликты и бури - знак чего-то очень важного, а не попытка перекричать всех остальных, стать главнее и добиться «правды»; спокойствие - мирное состояние, а не тревожное молчание от страха и не затишье перед бурей;

- человеческая жизнь и переживания людей гораздо важнее, чем что-либо другое: статус, справедливость и т.д.

- ошибки служат для приобретения нового опыта, личная ответственность - неотъемлемая часть взаимоотношений; искренность как способность определить

собственные желания и сказать «да», «нет», «может быть», выразить свои чувства даже перед лицом неприятных последствий, умение признавать свои ошибки, извиняться, если это необходимо, прерывать отношения, если они наносят вред, готовность воспитывать и быть воспитываемым;

- люди чувствуют себя нужными и любимыми; им свойственна способность просить о поддержке или предоставлять ее другим, не чувствуя себя слабым или уступчивым;

- способность поддерживать свою идентичность, вступая в тесную связь с другими людьми или конфликтуя на почве убеждений; умение оставаться «присутствующим свидетелем» происходящего;

- отсутствие «ложных кумиров» и неприятия к иным людям и группам, понимание взаимосвязи «хорошего» и «плохого» в человеке, «высокого» и «низкого», отсутствие стремления всех «исправлять», навязывать свое «хорошее», побуждать осуждать или хвалить.

Итак, выделенные критерии позволяют оценить личностную зрелость как компонент готовности к профессиональной деятельности и семейной жизни, ответить на вопросы о том, готов ли молодой человек к осознанному выбору и жизни в этих сферах и о том, что необходимо «укрепить» и разрешить в его жизни, чтобы выбор был успешным и продуктивным.

Основы жизнеутверждения, нравственные, содержательные, инструментальные, человек черпает из опыта отношений, в том числе - семьи, развития в семье, а также в школе, в общении со сверстниками и педагогами. Если жизнеутверждающий потенциал семьи и личности каждого из воспитателей высок, они формируют сценарий победителей: члены семьи доверяют себе и миру, переживают мир как источник опыта и возможностей, учатся и не боятся риска, стремятся к нравственным и постоянным отношениям, основанным на взаимопонимании. Типичны удовлетворенность отношениями в семье школе, поддержкой, гармоничность отношений, переживание взаимопонимания и любви, успеха, довольства собой и миром, личностная зрелость членов семьи [2; 3; 18].

Если жизнеутверждающий потенциал низок, реакции неконструктивны, подавляют активность субъекта и семьи, то человек, школа или семья сталкиваются с ощутимыми трудностями в социализации и развитии, налаживании взаимоотношений друг другом и иными людьми, обществом в целом. Характерна личностная или организационная незрелость.

Литература

1. Адлер А. Наука жить. / А.Адлер . Киев: Port-Royal, 1997. – 400с.
2. Арпентьева М.Р. Жизнеутверждающий потенциал личности и профилактика психических расстройств / М.Р. Арпентьева // Международна научна школа «Парадигма». Лято-2015. Варна. - В 8 т. Т.4 / Под ред. А.В. Берлов, Л.Ф. Чупров. – Бългрия, Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – 414 с. - С.22-33.
3. Арпентьева М.Р. Понимание себя и мира в раннем детстве и жизнеутверждающий потенциал личности / М.Р. Арпентьева // Психолог в детском саду. - 2014. -№2. – С.3-30.
4. Арпентьева М.Р. Прокрастинация: комплекс Ионы / М.Р. Арпентьева // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи. – Саратов.: Саратовский источник, 2015. - 139 с. – С.5-25.
5. Ливехуд, Б. Кризисы жизни - шансы жизни / Б. Ливехуд. - Калуга: Духовное познание, 1994. – 224с.
6. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я» / Р. Лэйнг. — СПб.: Белый Кролик, 1995. –380с.
7. Лэнгле А. Дотянуться до жизни /А. Лэнгле. - М.: Генезис, 2010. – 128с.
8. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / А. Маслоу. – М.: Эксмо, 2002. – 272 с.
9. Мей Р. Сила и невинность / Р. Мей. – М.: Смысл, 2001. -319 с.
10. Меннингер К. Человек против самого себя / К. Меннингер. - М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 480с.

11. Минигалиева М.Р. Взрослость / М.Р. Минигалиева // *Возрастная психология* / Под ред. В.А. Романенко, Н.П. Ничипоренко. - Калуга: КГПУ, 2006. - С.133-145
12. Минигалиева М.Р. Взрослость / М.Р. Минигалиева // *Психология зрелости и старения*. - 2000. - №1. - С.5-18.
13. Минигалиева М.Р. Психотерапия как процесс развития понимания и взросления личности / М.Р. Минигалиева // *Психология зрелости и старения*. -2000. - №4. - С.76-94.
14. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт. Под общ. ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2009. - 609 с.
15. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс . – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 480 с.
16. Роджерс К. Брак и его альтернативы. Позитивная психология семейных отношений / К. Роджерс. - М.: Этерна, 2006. – 320с.
17. Рудестам К. Групповая психотерапия / К. Рудестам. – С.-Пб.: Питер, 2000. – 384с.
18. Сатир В. Вы и ваша семья / В. Сатир. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. -320с.
19. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2004. - 571с.
20. Швейцер А. Жизнь и мысли / А. Швейцер. - М.: Республика, 1996. - 528 с.
21. Эльконин Д.Б. Введение в психологию развития / Д.Б. Эльконин. - М.: Наука, 2009. - 538 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность, кризис. / Э. Эриксон - М.: Изд-во МГУ, 2010. - 412 с.
23. Altner G. u.a. Leben inmitten von Leben. Die Aktualität der Ethik Albert Schweitzers / G.Altner. - Stuttgart: S. Hirzel, 2005. – 210s/
24. Brzezińska A. I. Uwarunkowania procesu kształtowania się tożsamości w okresie przejścia z adolescencji do dorosłości / A. I. Brzezińska // *Kultura i Edukacja*. – 2012. - №3. - S. 23-50.
25. Czerka E. Specyfika buntu w okresie dorastania / E. Czerka // *Edukacja i Dialog*. - 2001, №1. - S. 30-34.
26. Furdyna E. Zagrożenia okresu dorastania / E. Furdyna // *Gazeta Szkolna*. – 2001. - № 10. - S. 14 –15
27. Garstka T. Zakompleksieni i zarozumialcy. Małe i duże problemy okresu dorastania / T. Garstka // *Głos Nauczycielski*. - 2011. - № 6. - S. 12-15.
28. Grzegorzewska I. Uwarunkowania realizacji zadań rozwojowych okresu dorastania / I. Grzegorzewska // *Forum Oświatowe*. – 2008. - № 1. - S. 113 – 127.
29. Jósewicz M. Samotność dorastania w epoce późnej nowoczesności / M. Jósewicz // *Remedium*. – 2008. - № 7-8. - S. 18 – 19.
30. Mika St. Psychologia społeczna dla nauczycieli / St. Mika. – Warszawa: WSZiP, 1987.
31. Mogielnicka M. Tożsamość wieku dojrzałego jako suma dokonań wcześniejszych etapów życia / M. Mogielnicka // *Edukacja*. – 2006. - № 4. - S. 77-82.
32. Mróz A. Tożsamość negatywna w okresie dorastania / A. Mróz // *Edukacja i Dialog*. – 2007. - № 4.- S. 14 – 18.
33. Oleszkowicz A., Senejko Al. Psychologia dorastania / A. Oleszkowicz, Al. Senejko. - Warszawa: PWN , 2013. - 298 s.
34. Perls F. Gestalt therapy verbatim / F. Perls. - Lafayette, Calif.: Real People Press, 1969. – 340p.
35. Przetacznik-Gierowska M., Tyszkowa M. Psychologia rozwoju człowieka / M. Przetacznik-Gierowska, M.Tyszkowa . T.1: Zagadnienia ogólne. - Warszawa: PWN, 1996. – 210s.
36. Psychologia rozwoju człowieka. Podręcznik akademicki / Trempała J. (red.). - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2011.
37. Schorlemmer Fr. Albert Schweitzer. Genie der Menschlichkeit / Fr. Schorlemmer. - Berlin: Aufbau Verlag, 2009. – 340s.
38. Schweitzer A. Die Ehrfurcht vor dem Leben. – Grundtexte aus fünf Jahrzehnten / A. Schweitzer. – München: Beck C. H., 2013 .
39. Szenejko J. Wsparcie w rodzinie / J. Szenejko // *Edukacja i Dialog*. – 2004. - № 3. - S. 27 – 30.
40. Tatol K. Trach i zadyma, czyli o buncie nastolatków i poszukiwaniu własnej drogi / K. Tatol // *Głos Pedagogiczny*. – 2010. - № 17. - S. 23 – 25.
41. Turner J. S., Helms D. B. Rozwój człowieka / J.S. Turner, D.B.Helms. - Warszawa: WsiP, 1999. - S. 122-140, 108-119.
42. Vasta R., Haith M., Miller S. Psychologia dziecka / R. Vasta, M. Haith, S. Miller. - Warszawa: WSiP, 1995.

ТРАНСКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

М.Р. Арпентьева

Россия, г. Калуга, КГУ имени К.Э. Циолковского, г. Ханты-Мансийск, ЮГУ

Аннотация: В мире поликультурных (мультикультурных) сообществ и сообществ, возникающих и исчезающих на границах различных этноконфессиональных и иных групп и субгрупп, а также на границах государств, вопрос отношений культур и этносов – один из наиболее важных. Современная транскультурная модель рассматривает такие отношения как попытка понимания культурами друг друга одновременно и как «иных», и как «своих», формирования транскультурной идентичности, в которой сочетаются и переплетаются порой самым причудливым образом фрагменты самых разных культур. В отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскulturация смело развоплощает эту модель и реабилитирует пространство и субъектность «иного», ставя под сомнение сами изобретенные в западноевропейской культуре понятия модерна и постмодерна и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем.

Abstract: In the world of multicultural (multicultural) communities and communities emerging and disappearing on the borders of various ethno-confessional and other groups and subgroups, as well as on the borders of states, the issue of relations between cultures and ethnoses is one of the most important. The modern transcultural model regards such relations as an attempt to understand each other's cultures simultaneously, both as "different" and as "their own," the formation of a transcultural identity in which fragments of the most diverse cultures are combined and interwoven at times in the most bizarre way. Unlike multiculturalism, which is still being built on the Western game over time and ignoring space, transculturation boldly disembores this model and rehabilitates the space and subjectivity of the "other," casting doubt on the very concepts of modernity and postmodernism invented in Western European culture and advocating a real dialogue of equal cultures in the present.

Ключевые слова: идентичность, приграничье, транскультурный подход, конфессии, этносы, гибридная идентичность.

Key words: identity, borderland, transcultural approach, confessions, ethnoses, hybrid identity.

В мире поликультурных (мультикультурных) сообществ и сообществ, возникающих и исчезающих на границах различных этноконфессиональных и иных групп и субгрупп, а также на границах государств, вопрос отношений культур и этносов – один из наиболее важных. Современная транскультурная модель рассматривает такие отношения как попытка понимания культурами друг друга одновременно и как «иных», и как «своих», формирования транскультурной идентичности, в которой сочетаются и переплетаются порой самым причудливым образом фрагменты самых разных культур. Во взаимодействии человека с миром человек всегда стремится к тому, чтобы оставаться одновременно имманентным и себе и миру. Но это соответствие, эта имманентность постоянно нарушается, и тогда возникает проблема выбора — отдать предпочтение представлениям, предоставляемым миром или реализовать собственные возможности, увеличив уровень самопонимания и миропонимания, выйдя из сферы частнокультурной в транскультурную. Однако, в каждый момент времени человек «вживлен» в мир и составляет с ним единую систему и, в то же время, остается самостоятельным суверенным субъектом активности. Кроме того, поскольку современная эпоха характеризуется обострением многих процессов, включая процессы миграции, последствия такого взаимодействия выходят далеко за рамки индивидуальных [Арпентьева, 2014; Минигалиева, 2012].

«В транскulturации «иное» не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом, «... в отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскulturация смело развоплощает эту модель и

реабилитирует пространство и субъектность «иногo», ставя под сомнение сами изобретенные в западноевропейской культуре понятия модерности и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем» [Тлостанова, 2008, с.126, 143]. Транскультурная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее гибридна, чем маргинальна, скорее целостна, чем лоскутна. Транскультурация, согласно Ф. Ортису [Ortiz 1995], «прославляет самосознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текучие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [Coronil 1995, p. XLI]. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье - «la frontera», в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы [Anzaldúa 1987]. Идентичности «пограничья», которые воссоздает Г. Ансальдуа, основаны на понимании «иногo» как самостоятельного голоса: «Пограничье —неопределенное и расплывчатое место, возникающее в результате ... реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [Anzaldúa 1987, p.3, I-II]. Человек с такой идентичностью – «метис» - «Mestiza выживает путем культивирования в себе терпимости к противоречиям и неоднозначности. Его личность плюралистична и действует в плюралистичном мире — ничто не отвергается — ни плохое, ни хорошее, ни уродливое, ничто не исключается и не выбрасывается. Он не только сохраняет противоречия, он переводит амбивалентность в иное качество» [Anzaldúa 1987, p. 79].

М.В. Тлостанова отмечает, что «транскультурация и связанные с ней эпистемологические модели на сегодняшний день являются одними из ключевых терминов и понятий, посредством которых ведется полемика с мультикультурализмом и выстраивание альтернативных образов мира будущего и межличностной этики этого мира, трактовки «иногo» в нем». При этом «транскультурационные модели осмысления мира представляют собой продукты контекстных, альтерглобалистских, деколониальных течений современной социально-философской мысли и активизма» [Тлостанова 2008, с.6]. Она также пишет, что «Транскультурация является вызовом не социальному как таковому, а всего лишь монокультурной природе современного нации-государства... социальная реальность свидетельствует о принципиальной невозможности культурной «чистоты» ни в прошлом, ни тем более сегодня» [Тлостанова 2008, с. 142]. Важно то, что главным «элементом транскультурационной парадигмы является понятие границы...[Тлостанова 2008, с.148]. Последние предстают как пространство и время интенсивной семиотизации и метафорического перевода-трансформации, где часто и обильно генерируются новые тексты и смыслы [Лотман 2002, с. 273]. При этом «амбивалентные полилингвистические границы» являются «самыми горячими точками семиотизации и своеобразными переводящими механизмами, трансформирующими чужие тексты с тем, чтобы они могли быть поняты в нормативном языке определенной культуры, и, вместе с тем, остались в достаточной мере «чужими». Без этого ...различения культурный диалог был бы бессмысленным, а при абсолютном различии ... невозможным» [Лотман 2000, с. 262; Тлостанова 2008, с. 148]. Таким образом, концепция транскультурализма описывает условия возможности и продуктивности диалога культур, в том числе в зонах приграничья. В этих зонах коммуникация и, шире диалог, выступают как центральный феномен отношений людей к себе и миру, к ситуации. При этом эта коммуникация изменяет миропонимание и самопонимание и их способы. «Успешная транскультурная коммуникация предполагает иные этические правила, которые строятся не на эго-политике и тео-политике знания... западной модерности, а на гео- и телесной политике знания .... Телесная политика знания

представляет собой индивидуальные и коллективные биографические основания понимания ..., в то время как гео-политика является местным историческим основанием знания» [Тлостанова 2008, с. 149; Mignolo, Tlostanova 2006]. «Транскультурационная модель призывает не просто увидеть «иное» и понять, что оно не равно в правах, но и попытаться восстановить эти права, дать ему голос, услышать его, сформировать альтернативный мир, в котором возможно множество миров и где ... принцип равенства ... обретет новое дыхание в тезисе — «поскольку мы все равны, мы имеем право быть другими» [Тлостанова 2008, с. 150]. «Пограничье —неопределенное и расплывчатое место, возникающее в результате эмоциональной реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [Anzaldua 2012 р. 3, i-ii]. Особое значение имеет при этом «La Frontera» как транскультурное пограничье, в нем сталкиваются, пересекаются и тесно смыкаются различные феномены и их смыслы. По своей сути эта граница субъективная: это «пространство “между”, иногда это - пауза, «не это, не то, и не другое», везде чужие и везде переходящие, люди переживают состояние внутренней и внешней уязвимости, незащищенности, а также неуверенность в себе и в мире. Это - к основные черты сознания границы, ведущие сознание и бытие к высшим – трансмыслам, в том числе к Богу. Это бытие и сознание которое «находится постоянно в шоке, в состоянии культурного столкновения и выходом может быть растущая способность к пластичности и постоянной смене точек зрения и ролей (органичное приятие собственной бикультурности или поликультурности)» [Тлостанова 2008, с. 157]. При этом субъект и его исследователь начинают «жонглировать культурами», обитая в плюралистичной вселенной, создавать новый способ познания и оценки себя и окружающего мира, пытаясь выйти за пределы субъектно-объектного дуализма, научной точки зрения эпохи классического позитивизма.

В языке это проявляется в языковых коллажах и интерференциях: несоотнесенности порой базовых для культур понятий, вплоть до их отсутствия (несуществования) в языках доминирующих культур («культурного диктата») или в языках культур меньшинств (маргинальных по отношению к господствующей культуре «наречиях»), возникает проблема культурной (не)непереводимости, вне которой невозможно полностью осмыслить транскультурационные процессы. Особенно явно видно на уровне языковых особенностей, что культура может существовать в форме ложной дихотомии (запретное-разрешенное, плохое-хорошее, свое-чужое, цивилизованное-варварское и т.д.), но в культуры не изолированы и не герметичны в своих границах, ценностях и принципах, ритуалах и моделях поведения и взаимодействия, языках и пониманиях себя и мира. Ранее перевод рассматривался, как отмечают В. Миньоло и Ф. Чиуи как некое «обращение», связанное с толкованием, привносящим не только свои смыслы и слова, но и ценности, не оставляющим возможности альтернативных позиций [Mignolo, Schiwy 2003, с. 6]. Поэтому ими предложено переосмысление - понятие трансляции/транскультурации, в котором отражена суть теории «двойного перевода». При этом трансляция — это не просто перевод с языка на язык, это движение в двух направлениях, это «двойной перевод» с мерцающими смыслами и контекстами смыслов, это гибридизация.

Литература

1. Арпентьева М. Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании // Представительная власть — XXI век. 2014. № 7–8. С. 59–65.
2. Лотман Ю. История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург: «Искусство СПб», 2002.- 768с.
3. Лотман Ю. Семiosфера. — Санкт-Петербург: «Искусство СПб», 2000. 704 с.

4. Минигалиева М.Р. Толерантность и мультикультурализм. - Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. - 332 с.
5. Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации. – М.: РУДН, 2008. – 251 с.
6. Anzaldúa, G. Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. — SanFrancisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012–312p.
7. Coronil F. Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint. — Introduction to: Ortiz, F. Cuban Counterpoint. —Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1995. - P. I- XLI.
8. Mignolo W. D. and Tlostanova M. Theorizing from the Borders: Shifting to Geo- and Body-Politics of Knowledge // European Journal of Social Theory Vol. 9, No 1, 2006, pp. 205-221.
9. Mignolo W.D., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation. — Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding / Ed. T. Maranhao and B. Streck.. —Tuscon: The University of Arizona Press, 2003, P. 3-29.
10. Ortiz F. Cuban Counterpoint. —Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf , 2012. - 408 p.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ: РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В.А. Арутюнян

Россия, Липецк, Финуниверситет (ЛФ)

mdrx1@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы и перспективы развития Калининградской области как приграничной территории, выделяются основные направления внутренней политики региона.

Abstract: the article discloses the problems and prospects of Kaliningrad region as a border area. The main directions of Kaliningrad region internal politics are distinguished.

Ключевые слова: региональное развитие, приграничные территории, Калининградская область, внутренняя политика, экономика

Key words: regional development, border areas, Kaliningrad region, internal politics, economy

В конце апреля 2018 года главой государства был подписан один из ключевых документов, регламентирующий пограничную политику Российской Федерации. Указ №174 содержит характеристики следующих угроз безопасности страны:

- территориальные претензии сопредельных государств;
- возможность возникновения конфликтов на государственной границе;
- притязания ТНК и иностранных государств на стратегическую ресурсную базу Дальнего Востока и Арктики;
- деятельность спецслужб других стран по дестабилизации обстановки в некоторых регионах;
- попытка проникновения экстремистов на территорию России;
- незаконная миграция, контрабанда.

Представляется вполне логичным выделение приоритетных мер обустройства приграничных территорий: совершенствование пограничных комплексов, строительство необходимых объектов инфраструктуры в дальневосточном регионе, техническое оснащение пунктов пропуска, на которых отмечается рост интенсивности пассажиропотока.

Авторы документа предлагают для обеспечения развития приграничных территорий поддерживать традиции и обычаи населения, противодействовать продвижению идеи «интернационализации» Севморпути и т.д. Очевидно, что пограничное сотрудничество разных стран должно осуществляться с целью

поддержания партнёрских отношений между Российской Федерацией и её географическими соседями. Для этого можно проводить совместные учения, поэтапно сокращать средства охраны таких участков границы, как, например, российско-абхазский и российско-югоосетинский.

В настоящее время можно считать актуальным вопрос развития Калининградской области. Напряжённая геополитическая ситуация, проблемы пересечения границ, территориальная обособленность – все эти факторы способны стать препятствиями для развития бизнеса и укрепления экономических связей как на межрегиональном, так и на межгосударственном уровне [3]. С другой стороны, Калининградская область всегда отличалась довольно высокой степенью вовлечённости в отношения с Евросоюзом. На территории региона реализуется большое количество проектов с международным участием. Соседство с европейскими государствами позволяет организовать активную внешнюю торговлю. Не помешают ли этому возможное дальнейшее осложнение межгосударственных отношений и изменение приоритетов развития приграничных территорий России? Попробуем ответить на этот вопрос, приняв во внимание статистические данные и материалы из открытых источников.

В первую очередь необходимо разработать стратегию деятельности в информационном пространстве. Губернатор Калининградской области Антон Алиханов неоднократно подчёркивал, что самый западный субъект Российской Федерации испытывает на себе деструктивные последствия информационных войн. Эти последствия отражаются в основном на состоянии деловых контактов области с другими государствами и регионами России [2, с. 147]. Однако Калининградская область по-прежнему часто становится местом проведения встреч на высшем уровне: недавно именно здесь министр иностранных дел С.В. Лавров принял участие в переговорах с коллегой из Словакии. Почему бы не рассмотреть эту территорию как площадку обмена мнениями представителей России и ЕС?

Жители Калининградской области считают самой важной и требующей незамедлительного решения проблему трудоустройства. Если в Калининграде найти должность с достойной оплатой сравнительно легко, то в малых городах открытых вакансий с каждым годом становится всё меньше. Представители власти муниципалитетов заявляют о нецелесообразности стимулирования «занятости» на местах. Однако не стоит забывать о проблеме доступности транспорта – не только между регионами, но и между городами внутри субъекта. Конечно, в соответствии с генеральным планом развития территории вводятся новые автобусы на междугородних маршрутах. Как показывает практика, зачастую для городских округов этого недостаточно: у муниципалитетов отсутствуют средства, которые можно было бы выделить на создание автотранспортных предприятий. Частные перевозчики не проявляют интереса к убыточным внутримunicipальным маршрутам. В итоге жители с трудом добираются до районных центров, чтобы потом поехать в более крупные города. Актуальным остаётся и вопрос поиска квалифицированных специалистов.

Чтобы решить эту проблему, представители министерства развития инфраструктуры Калининградской области разработали дорожную карту. Один из главных её тезисов – объединение межмуниципальных транспортных потоков и подключение к ним внутримunicipальных маршрутов. На это также необходимо выделить немало средств. Существует также предложение ввести новые маршруты поездов. Вместе с тем для регионального бюджета расходы в 300 млн рублей, которые направляют на субсидирование внутреннего железнодорожного сообщения, являются ощутимой нагрузкой. Соответственно, увеличение перевозок по железным дорогам в новых направлениях повлечёт за собой увеличение дотаций. Изучение

пассажиропотоков подтверждает, что железнодорожные перевозки не всегда можно считать рентабельными для жителей.

Можно вспомнить, что взаимодействие Российской Федерации и Литвы также осуществляется за счёт транзита через Калининградскую область [4]. Для вывоза грузов из России на экспорт используется также Клайпедский морской порт. Но Литва не слишком зависима от объёмов транзита из России. А вот Калининградская область нередко оказывается в зависимом положении. Ситуацию осложняют проблемы в сфере логистики. Так, 7 мая 2018 года от Калининградской областной таможни поступило сообщение о том, что в работе информационных систем произошёл сбой. Из-за этого резко снизилась скорость прохождения автомобилей. Было рекомендовано осуществлять транзит через территорию Польши либо использовать паромное сообщение. Проблема была решена сравнительно быстро, но такая ситуация может повториться в любой момент.

Интересно, что Калининградская область не относится к числу ключевых регионов, в которых внешняя торговля с Литвой ведётся в больших масштабах. Этот субъект Российской Федерации занимает шестое место среди других регионов по объёмам несырьевых поставок в Литву и девятое место по объёму сырьевого экспорта.

Каким образом можно преодолеть зависимость территории от транзита через Литву? Представители власти Российской Федерации предлагают ввести в строй три крупных морских паромов, предназначенных для перевозок пассажиров, грузов, железнодорожных вагонов по маршруту «Усть-Луга – Балтийск». Это позволит снизить экономические издержки и уменьшить политические риски.

Если обратить внимание на стратегию развития Калининградской области, представляется целесообразным выделить две цели: обеспечение эффективной конкурентоспособности субъекта в Балтийском регионе и достижение показателей уровня и качества жизни населения, сопоставимых с европейскими. Возможные направления реализации задач таковы:

- акцент на сфере услуг, в частности, на развитии торговли и туризма. В 2017 году Калининградская область заняла 22 место по количеству посещений туристов. В мае 2018 года зафиксировано почти пятикратное увеличение туристической активности (по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года).
- поддержка новых для региона отраслей промышленности, к примеру, автомобилестроения и производства электротехники. Уже сегодня можно говорить о формировании новой структуры экономики: активно развиваются строительство, услуги связи и телекоммуникаций.

И всё-таки, поскольку Калининградская область является приграничной территорией Российской Федерации и, более того, анклавом, самым перспективным направлением представляется обслуживание экспортно-импортных связей. В условиях санкций бизнес нуждается в дополнительной поддержке. Сегодня на высшем уровне обсуждается идея создания офшорных зон на острове Октябрьский. Предприниматели смогут воспользоваться льготами в рамках специальных налоговых режимов, причём для них будет доступна услуга перевода компании из одной зоны в другую в короткие сроки. «Резиденты» офшорной зоны в Калининградской области получат статус международных компаний и будут обязаны выплачивать налоги с доходов от деятельности в Российской Федерации [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что Калининградская область как приграничная территория России сегодня располагает большим количеством инструментов стимулирования экономики. Остаётся только составить рациональную

программу поступательного развития и получить поддержку населения, поскольку конечной целью любой реформы должно являться повышение уровня жизни граждан.

Литература

1. В Калининграде проходит международный научный семинар по философии Канта [Электронный ресурс] / МедиаКалибр. Электрон. дан. URL: <https://kaliningradnews.ru/obrazovanie/04116640.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).
2. Зотова М.В. Калининградская область в окружении Европейского Союза: приграничное сотрудничество и социально-экономические контрасты // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 3 (118). С. 145-155.
3. Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона. М., 2015. 241 с.
4. Российское общество. Трансформации в региональном дискурсе: монография / Коллектив авторов. Москва: Литрес. 2017. 395 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ И КОРПОРАТИВНО-ТРУДОВОЙ МОДЕЛЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ДОНЕЦКОГО АЭРОПОРТА

Г.В. Астапова, Л.Н. Скурневская

ДНР, Донецк, ГУ «Институт экономических исследований»

Galla7171@mail.ru, luda.skirnevskaya@gmail.com

Аннотация: В статье обосновано целесообразность использования инвестиционной и корпоративно-трудовой моделей приватизации для организации восстановления функциональности авиатранспортного предприятия – аэропорта Донецк. Охарактеризованы методические подходы к обеспечению корпоративного участия юридических лиц – инвесторов и физических лиц – работников в уставном капитале корпоративного авиатранспортного предприятия через расчет величин корпоративных долей на основе использования коэффициентов долевого участия.

Abstract: The article justifies the advisability of using the investment and corporate-labour privatisation models for organising the restoration of functioning of an air transport enterprise, the Donetsk airport. Methodical approaches to providing corporate participation of legal entities — investors and individuals — workers in authorised capital of a corporate aerotransport enterprise through the calculation of quantities of corporate shares based on usage of coefficients of equity participation are characterised.

Ключевые слова: приватизация, инвестиционная модель, корпоративно-трудовая модель, корпоративная доля, уставный капитал, доленое участие, авиатранспортное предприятие, восстановление.

Keywords: privatisation, investment model, corporate-labour model, corporate share, authorised capital, equity participation, air transport enterprise, restoration.

Постановка проблемы. Важной задачей проактивного развития экономики Донецкой Народной Республики (далее по тексту ДНР) выступает наличие и функционирование предприятий транспорта и транспортной инфраструктуры. Восстановление функциональности Донецкого аэропорта требует не только значительных финансовых вложений, но и связано с созданием условий последующей рентабельной авиационной деятельности. Коллективная форма собственности способна обеспечить привлечение дополнительных оборотных средств от заинтересованных лиц (других авиатранспортных предприятий, предпринимателей, населения, зарубежных инвесторов), но и стимулировать качество труда работников. Опыт украинских

авиатранспортных предприятий (далее по тексту АТП) показывает, что подавляющее большинство приватизированных АТП не рентабельны и не использовали возможности реализовать преимущества, предоставленные условиями коллективной формы собственности. В процессе формирования коллективного АТП и всего корпоративного сектора в ДНР необходимо учесть ошибки украинской приватизации при определении величин корпоративного участия в уставном капитале.

Анализ последних исследований и публикаций. В отдельных исследованиях обоснованно, что объективно приватизация выступает экономической предпосылкой создания эффективного владельца [1-6]. Исследователями определено и охарактеризованы три формы украинской приватизации – «нерыночную», массовую сертификатную, «денежную», отмечены их недостатки и особенности [1-6]. Обоснованно инвестиционную модель приватизации та необходимость ее реализации в предприятиях авиационного транспорта [2, 6]

Целью статьи выступает обоснование эффективности реализации инвестиционной и корпоративно-трудовой моделей приватизации в процессе восстановления АТП ДНР на основе обеспечения корпоративного участия в капитале.

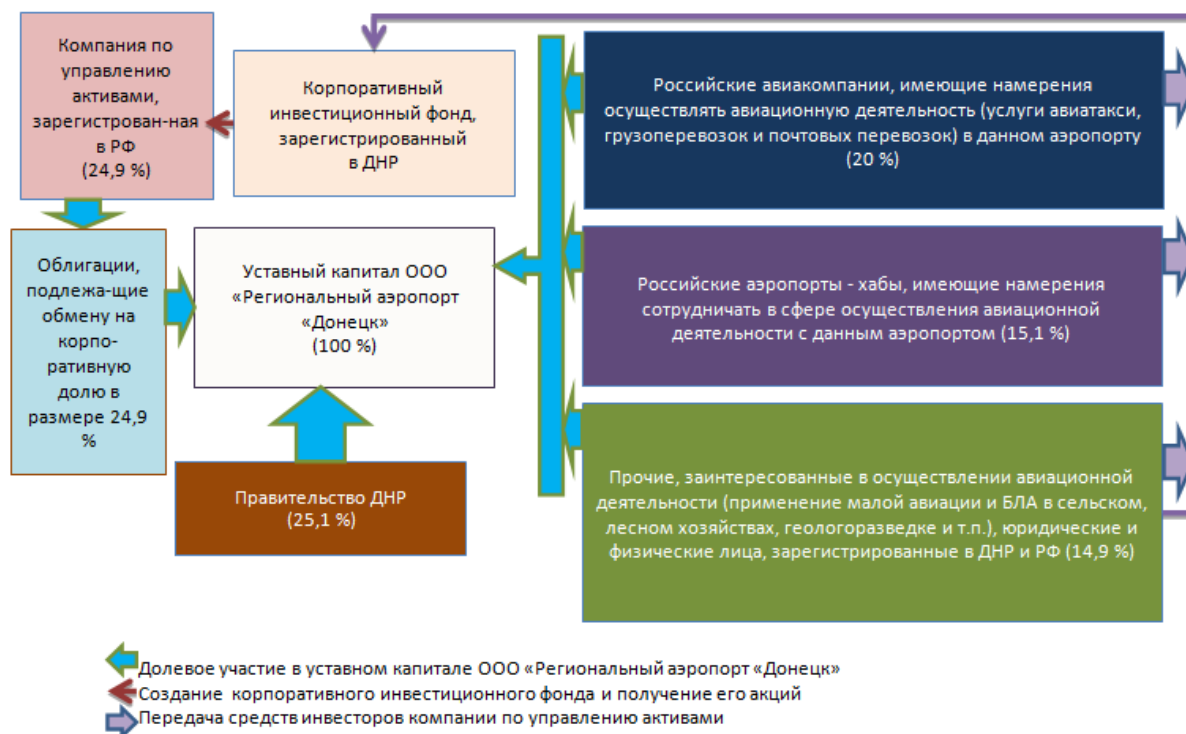
Изложение основного материала. Проактивный сценарий развития транспортного комплекса ДНР связан не только с увеличением результатов основной деятельности, ростом доходов от нее за счет эффективного использования имеющегося ресурсного потенциала, но и предполагает восстановление функциональности объектов транспортного комплекса, которые бездействуют вследствие разрушений, причиненных внешней военной агрессией. Речь идет о проектах восстановления Донецкого аэропорта и активизации авиационной деятельности. Естественно, реализация данного проекта является возможной только после окончательного прекращения необъявленной войны и устранения ее последствий (разминирование территории аэропорта и проведение прочих мероприятий по обеспечению безопасности авиационной деятельности). Однако, уже сейчас необходимо обоснование проектов развития авиационного транспорта в ДНР. Схема разработанного Проекта восстановления Донецкого аэропорта и его функционирования в направлении осуществления авиационной деятельности представлена на рисунке 1.

Согласно приведенной схеме предполагается создание Регионального аэропорта «Донецк» как субъекта коллективной формы собственности в виде общества с ограниченной ответственностью. Долевое участие в уставном капитале ООО предлагается осуществлять с помощью «корпоративно-трудовой» и «инвестиционной» моделей приватизации имущества предприятий.

Поскольку восстановление транспортной инфраструктуры ДНР осуществляется в «нестандартных» условиях (необъявленной войны и экономической блокады), что исключает проведение неудачных экономических «экспериментов», требуются обоснованные решения, реализация которых обеспечит позитивный результат. Для обоснования моделей обеспечения долевого участия в уставном капитале восстанавливаемого Донецкого аэропорта предлагается использовать опыт украинской приватизации.

Приватизация в Украине осуществлялась в три этапа, которые отобразили соответствующие ее наименования, – «нерыночная», массовая сертификатная, «денежная». Фактически корпоративный сектор в Украине сложился за результатами «нерыночной» и массовой сертификатной приватизации (1 и 2 этапов процесса приватизации), когда доля корпоративных предприятий в структуре экономики страны превысила 60 % [5]. Последующая «денежная» приватизация направлена на организацию приобретения на аукционах и коммерческих конкурсах объектов малой

приватизации, и на приобретение внешними инвесторами корпоративных долей хозяйственных обществ (инвестиционная модель приватизации).

Рис. 1. Корпоративное взаимодействие инвесторов для восстановления регионального аэропорта «Донецк»

Одним из недостатков осуществляемой в Украине приватизации заключается в том, что на первых ее этапах не был поставлен и решен вопрос о привлечении инвестиций. Завершенная сертификатная приватизация не повлияла на реструктуризацию предприятий, потому что не обусловила появления заинтересованных в этом владельцев, не обеспечила формирования капитала, имея целью только перераспределение имеющейся собственности. Поскольку украинские авиатранспортные корпоративные предприятия в большинстве своем выступают АО, то в качестве источника средств для обновления материально-технической базы производства могут привлекать финансовые и капитальные инвестиции. Данные о структуре инвестиционных поступлений на развитие авиапредприятий указывают на то, что финансовые инвестиции практически не осуществляются, – их доля в общем объеме финансирования не превышает 3 %, тогда как капитальными инвестициями считаются финансовые вложения в виде капитализированной чистой прибыли самого авиапредприятия (8 %), которая используется для улучшения состояния материально-технической базы, а также средства в виде кредитов под капитальные вложения (89 %) [4]. Таким образом, возможности привлечения инвестиций на основе участия в капитале авиапредприятий, которые гарантируются их корпоративным статусом, не были использованы.

Эффективное использование инвестиционной модели приватизации в процессе восстановления функциональности Донецкого аэропорта предусматривает применение методического подхода к опеределению корпоративных долей инвесторов в зависимости от значений показателей их финансовой и корпоративной надежности. Методический подход к определению величины корпоративного участия юридических

лиц – инвесторов, в том числе российских авиакомпаний и аэропортов-хабов, в уставном капитале корпоративного авиатранспортного предприятия (ООО «Региональный аэропорт «Донецк») предусматривает расчет количества баллов на основе учета значений трех коэффициентов – финансовой, корпоративной устойчивости и капитализации прибыли.

Удовлетворительное значение коэффициента финансовой устойчивости ($K_{фс} \geq 0,5$) АТП свидетельствует о наличии собственных средств в достаточном объеме для финансирования потребностей текущей операционной деятельности и организации инвестиционных вложений в уставный капитал ООО «Региональный аэропорт «Донецк». Рекомендованное значение коэффициента корпоративной устойчивости ($K_{кс} \geq 0,5$) указывает на отсутствие условий изменения намерения действующих владельцев АТП – потенциального инвестора относительно участия в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк», поскольку контрольная или стратегическая доля уставного капитала сконцентрирована в собственности лица / лиц, заинтересованных лиц в формировании корпоративной доли в новом ООО. Коэффициент капитализации прибыли авиационного предприятия отображает часть капитализированной чистой прибыли в общей ее величине. Наличие значения этого коэффициента свидетельствует о возможности авиационного предприятия осуществлять при образзвании потребности дополнительные финансовые вложения в уставный капитал ООО «Региональный аэропорт «Донецк».

Наибольшее значение каждого из приведенных коэффициентов составляет 1 балл, а окончательные определяются путем отношения к наибольшему. Максимальное количество баллов равняется 3 балла. Размер корпоративной доли АТП – инвестора рассчитывается по формуле (1):

$$КД_{ю.о.} = UK_{ю.о.} / \sum K_{бi} \cdot K_{бi}, (1)$$

где $КД_{ю.о.}$ – размер корпоративной доли юридического лица – АТП в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк»; $UK_{ю.о.}$ – величина уставного капитала ООО «Региональный аэропорт «Донецк», которая формируется за счет юридических лиц – АТП-инвесторов; $\sum K_{бi}$ – сумма баллов всех корпоративных инвесторов – АТП; $K_{бi}$ – количество баллов отдельного корпоративного инвестора – АТП.

Использование корпоративно-трудовой модели при определении корпоративных долей физических лиц является возможным применительно к работникам (нены бывшим работникам, но желающим продолжить трудовую деятельность) Донецкого аэропорта и работникам АТП – инвесторов. Разработанное методическое обеспечение [1] включает расчеты коэффициентов долевого участия и их последующее использование для определения сводного показателя (формула 2) и корпоративной доли (формула 3).

Сводный коэффициент долевого участия работников в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк» определяется по известной формуле, которая уже отображена в результатах исследований [1-4]:

$$K_{дсвi} = K_{зн} + K_{ст} + K_{с} + K_{нз} + K_{та} + K_{кт}, (2)$$

где $K_{зн}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от величины заработной платы; $K_{ст}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от величины трудового стажа в АТП; $K_{с}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от сложности условий работы с точки зрения безопасности жизнедеятельности; $K_{нз}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от возможности получения профессионально обусловленных заболеваний; $K_{та}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от проявления творческой активности работника; $K_{кт}$ – коэффициент трудового участия в зависимости от качества труда работника.

$$KД ф.о. = (УКф.л. / \Sigma Kdcvi) * Kdcvi, (3)$$

где $KД ф.о.$ – размер корпоративной доли физического лица – работника в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк»; $УК$ – величина уставного капитала ООО «Региональный аэропорт «Донецк», которая формируется за счет физических лиц; $Kdcvi$ – сводный коэффициент долевого участия физического лица – работника в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк»; $\Sigma Kdcvi$ – сумма сводных коэффициентов долевого участия физических лиц – всех работников в уставном капитале ООО «Региональный аэропорт «Донецк».

Выводы. В процессе восстановления объектов транспортной инфраструктуры ДНР формируется новая система корпоративных отношений. Создание корпоративного АТП обеспечит его последующую эффективность работы, если его уставный капитал будет сконцентрирован в распоряжении юридических лиц – инвесторов, заинтересованных в результативной авиационной деятельности и в руках эффективно работающих физических лиц. Гарантии достижения эффективности авиационной деятельности ООО «Региональный аэропорт «Донецк», зависят от наличия и действия механизма привлечения эффективных участников через обоснованное определение корпоративных долей инвесторов (юридических и физических лиц) в его уставном капитале.

Литература

1. Астапова Г.В. Совершенствование механизма приватизации предприятий: препринт научного доклада / Г.В. Астапова, И.Х. Баширов, Н.И. Конищева. – Донецк: ИЭП НАН Украины, 1996. – 96 с.
2. Астапова Г.В. Організаційно-економічний механізм корпоративного управління авіапідприємством на основі права трудової власності: монографія / Г.В. Астапова. – К.: НАУ, 2006. – 244 с.
3. Астапова Г.В. Організаційно-економічні умови розвитку корпоративного сектору в авіаційній галузі України / Г.В. Астапова // Проблеми системного підходу в економіці: зб. наук. пр. – К.: НАУ, 2006. – Вип. 15. – С. 23-27.
4. Астапова Г.В. Теоретичні та практичні проблеми корпоративного управління авіапідприємствами / Г.В. Астапова // Вісник Донецького університету економіки та права. Серія: Економіка та управління. – 2007. – № 2. – С. 82-86.
5. Ледомская С.Ю. Сертификатная приватизация завершается / С.Ю. Ледомская // Государственный информационный бюллетень о приватизации. – 1999. – № 2. – С.3-5.
6. Петруня Ю. Индсайдеры та аутсайдеры в корпоративній моделі України / Ю. Петруня // Банківська справа, 1998. – № 4. – С. 42-46.

СОЗДАНИЕ СВОБОДНОГО ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН СНГ

Н.М. Билял, Ш.Б. Абдукаримова.
Узбекистан, Ташкент, ТГСИ
nadjelina@icloud.com

Аннотация: фармацевтическая промышленность, одна из значимых отраслей обеспечивающая инновационный и экономический рост страны. Создание свободной зоны фармацевтического рынка поможет достичь значимых результатов с учетом удовлетворения потребностей людей.

Abstract: The pharmaceutical industry, one of the most important industries that provides innovative and economic growth of the country. Creating a free zone of the pharmaceutical market will help to achieve meaningful results taking into account the satisfaction of people's needs.

Ключевые слова: фармация, дженерики, геоэкономическое пространство, препараты.

Key words: pharmacy, generics, geo-economic space, drugs.

Фармацевтическая промышленность, одна из значимых отраслей которая обеспечивает не только инновационный, но и экономический рост страны. В первую очередь она занимается производством таких товаров, которые имеют повышенный спрос и конкурентоспособность. Здоровье населения зависит от четко организованной медицинской и фармацевтической базы. В условиях высокого обеспечения, производительность страны возрастает, следовательно, и экономика улучшается.

Анализ фармацевтического рынка Узбекистана и России, как двух сравнительных примеров, показал выраженную дифференциацию.

Фармация Узбекистана, приобрела государственные обороты, импортируемые товары стали вытесняться местными препаратами, которые созданы в большинстве своем на основе растительных компонентов, при этом значительно увеличились цены на импортируемые лекарства, а потребность населения в них не снизилась.

Некоторые импортируемые лекарственные средства полностью исчезли из оборота, некоторые перестали входить в реестр.

Но как показал социологический опрос, население готово платить любые деньги, чтобы получить нужные импортные препараты. Рынок России наоборот переполнен фармацевтической продукцией и аналогами различных препаратов, население исходит из ценовых факторов при приобретении того или иного средства. При этом не многие российские фармацевтические предприятия готовы заниматься качественными препаратами на основе растительного сырья. Например компания «Эвалар», «Сибирское Здоровье», буквально являются монополистами своего дела. По факту, растительные препараты, называются дженериками, и относятся не к основным, а только к БАДам (биологически активным добавкам), но при этом не теряют своей популярности и пользуются хорошим спросом. Узбекский рынок, наоборот переполнен различными растительными препаратами, но при этом они являются аналогами химических препаратов. К примеру, компании «Nickafarm», «Asiafarm», большинство совместных предприятий. Все больше этот товар становится конкурентоспособным и в полной мере сможет выйти на рынок СНГ.

По прогнозным расчетам объем узбекского рынка лекарственных средств через 10 лет увеличится более, чем в 3 раза и составит 1 млрд. долл. США [1. с. 54].

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев подписал указ «О мерах по кардинальному совершенствованию системы управления фармацевтической отраслью».

Проведенный анализ показал, что Узбекистан имеет определенные сравнительные преимущества, особенно по сравнению с соседними государствами, а также многими развивающимися странами, которые могут быть заложены в среднесрочную и долгосрочную стратегию развития отечественной фармацевтики.

экономическое явление. Наряду с общими для всех рынков характеристиками он имеет ряд отличительных особенностей, обусловленных, прежде всего, спецификой лекарственных средств (ЛС), которые относятся к категории жизненно важных товаров. Это оказывает значительное влияние на их спрос и производство.

Фармацевтическая индустрия такая отрасль, продукция которой пользуется постоянным спросом, поскольку обеспечивает здоровье, продление и качество жизни человека. По мере увеличения продолжительности жизни и старения населения, потребность в лекарственных средствах становится выше, и, при удачно выбранной стратегии, должном и эффективном производстве, эта отрасль имеет большие перспективы развития.

Весьма не зря фармацевтическую нишу захватили такие быстроразвивающиеся страны, как Китай и Индия, которые в последнее время все шире заполняют фармацевтические рынки не только в своих, но и во многих развитых странах мира, вытесняя со многих рынков даже известнейшие крупные фармацевтические компании, особенно в сфере производства дженериков и биодобавок.

В условиях новой тенденции современного передела мирового рынка фармацевтической продукции многие развивающиеся страны разработали или разрабатывают среднесрочные и долгосрочные стратегии развития фармацевтической промышленности. Узбекистан, имеющий собственную фармацевтическую промышленность, также должен иметь стратегию ее развития.

Выводы:

Современный фармацевтический рынок предоставляет огромные возможности для реализации своего потенциала как отечественным, так и иностранным фармацевтическим компаниям.

Создание свободного фармацевтического геоэкономического пространства среди стран СНГ, было бы весомым шагом не только в развитии экономики страны, но и национального потенциала.

Литература

1. Салихов Ш.Б; Шадыбаев Т.Е «Основные направления развития фармацевтики в Республике Узбекистан» Ташкент 2009.

ВРЕМЕННЫЙ БРАК КАК ФОРМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО БРАКА В МУСУЛЬМАНСКИХ СЕМЬЯХ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

М.М. Бичарова, Л.А. Холова

*Россия, г. Астрахань, Каспийский институт морского и речного транспорта
valkirija@inbox.ru, afalina-morskaya@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается временный брак как форма межконфессионального брака в мусульманских семьях в Каспийском регионе, на примере Ирана, Азербайджана и астраханского региона, как приграничного.

Annotation: The article deals with temporary marriage as a form of interfaith marriage in Muslim families in the Caspian region using the example of Iran, Azerbaijan and the Astrakhan region as a borderline.

Ключевые слова: семья, воспитание, ценности, традиции, Иран, исламская культура.

Key words: family, upbringing, values, traditions, Iran, Islamic culture.

Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК-2018). Проект: МК-6079.2018.6, Тема исследования: Влияние религиозной трансгрессии на модель института семьи прикаспийского фронта.

Семья является основой социальных отношений, она играет важную роль в воспитании человека как члена общества. «Множество семей разных социальных слоев и страт составляет в целом общество и отражает сложную палитру системы общественных отношений» [2, с. 9]. Семья формируется под влиянием социально-экономических условий, жизнедеятельности, внутрисемейных отношений, религии, национальных традиций.

Астраханская область является южным форпостом России на границе Европы и Азии, приграничной территорией, обладающей благоприятными условиями для динамичного развития и взаимопроникновения культур.

В 90-е годы XX века в Прикаспийском регионе образовались новые суверенные государства, где Астраханская область становится центром диалога прикаспийских государств. Между Астраханской областью, Исламской Республикой Иран и Азербайджаном установились многосторонние связи в различных сферах жизни. Процесс инкультурации, ставший закономерным последствием образования семейно-брачных отношений между представителями государств, обозначил некоторые особенности формирования института брака.

В связи с усиливающимися экономическим, политическим и социокультурным сотрудничеством Российской Федерации с Исламской республикой Иран, нам кажется целесообразным рассмотреть особенностей семейно-брачных отношений в мусульманских семьях на Каспии - Астраханского региона и Ирана.

В основе института семьи в Иране лежит исламский тип. Каждый регион в Иране имеет свои особые воспитательные традиции и обычаи, что оказывает непосредственное влияние на семью, взаимоотношения в ней и педагогическую культуру родителей. Согласно исследованиям, семейная жизнь непосредственно связана с рядом экономических и социальных факторов, а также подтверждена их влиянию.

Согласно тексту Конституции Исламской Республики Иран, утвержденной в 1979 году, «Семья – это основная ячейка общества и основной очаг развития и возвышения человека. Необходимо достичь согласия во взглядах и духовных идеалах

при создании семьи, что является одной из задач исламского правления. При таком подходе к семье женщина уже не рассматривается как «вещь» или «рабочее средство» на службе эксплуатации и потребительской идеологии. Она заново обретает серьезную и почетную обязанность – материнство. Она воспитывает детей в религиозном духе и вместе с мужчиной идет в первых рядах активной социальной жизни. Таким образом, она обретает более серьезную миссию и ответственность, обладающую наивысшей ценностью и благодатью с точки зрения ислама» [1].

Семья, являясь основной ячейкой исламского общества, предполагает, что все законы и нормативные акты должны быть направлены на облегчение ее создания, охрану ее священного статуса и прочность семейных отношений на основе исламского права и морали. Ислам признает женщину независимым владельцем своего имущества и собственности и не дает никакого права отцу, мужу, сыну или брату вмешиваться в ее имущественные дела.

Мусульманам предписано строить семью на основе взаимного согласия и любви. Мусульманский брак представляет собой договор между женщиной и женщиной, согласно которому они начинают совместную жизнь, проявляя по отношению друг к другу взаимную любовь, доверие, содействие, понимание. Основными принципами выбора себе спутника жизни считаются единоверие, богобоязненность, взаимоуважение и хорошее отношение к родителям.

По мнению авторов статьи «Влияние института семьи на трансгрессирующее общество» «институт семьи конечно так же подвержен влиянию современных процессов, ведь трансгрессия связана с новизной не только в глобальном, мировом масштабе, но и в ограниченном опыте обывателя. Благодаря семье мы знаем о норме, считаем ее обязательной, постоянной, давно известной» [5].

Жесткие условия, установленные Кораном, которые должны быть соблюдены при заключении таких браков состоят в следующем: разрешается иметь не более четырех жен, должно быть равноправие среди всех жен, и мужчина должен относиться к своим женам в равной степени. Срок для заключения брака в Иране установлен и разделен по гендерному принципу: с 13 лет для женщин, и с 15 для мужчин. До 2002 года в Иране возрастной ценз был установлен гораздо ниже - для женщин 9 лет и 14 лет для мужчин. По мнению улемов (знатоков теоретических и практических сторон ислама), брак в раннем возрасте наиболее приемлем, так как это предотвращает связи вне брака, за которые в Иране предусмотрены тяжкие наказания. Основное правило при вступлении в брак – мужчина и женщина должны принадлежать одной религии. Однако данное правило не распространяется на временный брак, или никах-мут'а.

Одним из феноменов иранского института семьи является временный брак, который представляет собой форму договора между женщиной и женщиной, в соответствии с которым они будут жить вместе на протяжении определённого срока. Женщина за это будет получать денежное вознаграждение от мужа (махр). Как только срок действия никаха-мут'а завершается, пара расходится либо продлевает договор. В отличие от постоянного брака, на временный не распространяются ограничения, установленные Кораном. Брак может быть бессрочным и в него могут вступать представители различных вероисповеданий. Однако в случае, если продолжением отношений будет постоянный брак, партнеру, исповедующему другую религию, нужно будет обратиться в ислам, иначе брак будет считаться незаконным.

В рамках современного общества временный брак представляет собой удобную альтернативу, так как позволяет иранскому мужчине иметь несколько жен. Женщина, в отличие от мужчины может вступать только в один временный брак. Сексуальные отношения в Иране до брака запрещены и такая форма заключения отношений, по сути,

является формой обмана властей. Следует отметить, что женщина в отношениях в рамках временного брака не имеет права на детей, они всегда остаются с отцом.

В остальном исламском мире временные браки запретны и считаются недействительными согласно мнению абсолютного большинства иджма на основании приводимых ими множества категорических текстов. Подобный формат брачных отношений был дозволен в ранние времена Ислама, а затем отменен.

Особый интерес для изучения института семьи и брака составляют записи Государственной телерадиокомпании Исламской Республики Иран. Иранское иновещание «Голос Исламской Республики Иран» в своих выпусках 2010 года описывает процедуру брака в Иране следующим образом:

«В брак разрешается вступать подросткам, где девочки выдаются замуж по настоянию собственных отцов или опекунов, но только с получения официального согласия со стороны девочки. Принуждение запрещено категорически. В случае, если подобный нежелательный брак заключен, молодая женщина может требовать его аннулирования, как это показано двумя традициями Пророка (МЕИБ): «Ибн Аббас свидетельствовал, что к Посланнику Аллаха пришла девушка и сказала ему, что отец выдал ее замуж без ее согласия. Тогда Посланник Аллаха предоставил ей выбор (остаться в браке или аннулировать его)». Другая версия этого хадиса гласит, что девушка сказала: «В действительности я смирилась с этим браком, но хочу показать всем женщинам, что родители не имеют права навязывать им супруга» (Бадави, стр. 23, прим. 11)» [4].

С точки зрения ислама брак является серьезным процессом, основанном на гражданском договоре, который подписывают в присутствии двух свидетелей. В Иране, вопрос замужества разрешается родителями или родственниками. Согласно исламскому воззрению в материнстве заключается главная функция женщины. Мужчину Ислам обязывает обеспечивать пропитание и материальную основу для семейного благополучия, чтобы женщина, будучи символом любви, эмоций и спокойствия смогла быть сосредоточена на своем главном предназначении – воспитании здорового, полноценного ребенка. Главная ответственность женщины выполнять материнские и супружеские обязанности и потом работать [4].

По мнению иджма, брак, заключенный с намерением на развод, противоречит сущности брака в Исламе, основанной на длительных отношениях и цели вырастить праведное потомство. Вступать в брак, имея намерение развестись, без предупреждения партнера запрещено и считается грехом. Одним из основных условий действительности брачного договора (никяха) является то, что он не должен ограничиваться определенным сроком времени. Для вступления во временный семейный союз не нужны ни свидетели, ни согласие опекунов, что критически важно для признания брака действительным. Из необходимых условий выполняется, разве что, предоставление мужчиной махра (ценностей и имущества, выдаваемого невесте). Во временном браке это, как правило, определённая денежная сумма, что приравнивает данное явление к проституции.

Говоря об институте брака в мусульманских семьях, хотелось бы отметить еще одно прикаспийское государство – Азербайджан. В Азербайджане институт временного брака именуется «сига». Сига предназначена для вдов и разведенных женщин, неспособных удовлетворить свои материальные и моральные потребности. Сига происходит по обоюдному согласию мужчины и женщины в присутствии представителя духовенства и записывается в особую книгу. Время действия брака тоже устанавливается обоюдно и по истечении брака автоматически считается расторгнутым. После расторжения брака, для повторного вступления в другой брак по закону предусматривается срок в 45 дней. Вдовы и разведенные по закону могут

вступить в брак по истечении 3-4 месяцев [3]. Средства массовой информации отмечают увеличение количества женщин в Азербайджане, пострадавших от бытового насилия, с указанием наиболее вероятной причины – ранние браки. «Более 750 миллионов женщин стали жертвами ранних браков, что также является одной из форм насилия. Каждые тридцать секунд одна женщина или девочка становится жертвой трафика. В Азербайджане за последние годы число случаев бытового насилия увеличилось. Но дело не в том, что статистика увеличилась, а в том, что речь сейчас идет о том, что становится видна реальная статистика. Это стало возможным благодаря созданию онлайн дата-банка жертв насилия» [6].

Парламентом Азербайджана были приняты законы и положения о предотвращении бытового насилия, однако решить эту проблему эффективно только законодательными актами не удастся. Должны быть расширены работы по пропаганде, проводиться мероприятия по изменению мышления мужчины и женщины, по изменению их отношения друг к другу в семье.

Феномен временного брака не имеет распространения на территории Российской Федерации, в том числе и на территории Астраханской области, в связи с особенностями законодательства и светского характера семейно-брачных отношений. Никах осуществляется по взаимной договоренности обеих сторон и в присутствии муллы, а также свидетелей согласно обычаям и требованиям религии. Для проведения обряда необходимо наличие законного представителя невесты, как правило, это отец или дядя, брат, дедушка. Феномен «сожительства», так широко распространенный на территории астраханского региона и по России в целом, можно рассматривать как альтернативу временному браку в исламе, однако следует отметить, что не имеет под собой религиозную основу, в отличие от никаха и временного брака.

Отсутствие научных исследований в области семейных традиций в Иранской республике, Азербайджане и Астраханском регионе затрудняет объективное понимание проблемы столкновения укоренившихся ценностей и современных взглядов, а также их взаимное влияние. Сильное влияние ислама обуславливает уважение к традициям, доброжелательности, взаимопониманию между народами. Внедрение системного подхода к изучению существующих связей между традициями и современными изменениями в институте семьи позволит выявить причины возникновения проблем в современных исламских семьях.

Литература

1. Конституция Исламской республики Иран. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.04.2018).
2. Любарт М. К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XX века/ М. К. Любарт. – М. : Наука, 2005. – 296 с., с. 9
3. Об институте временного брака «сига» азербайджанский теолог. Электрон. Дан. URL: <https://www.trend.az/life/socium/1827804.html> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.04.2018).
4. Семья и брак в Иране. Положение женщины в Иране. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=224> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.04.2018).
5. Топчиев М.С., Дрягалов В. С. Влияние института семьи на трансgressирующее общество // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2016. №123.
6. Эхо. Реальные данные о бытовом насилии в Азербайджане. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://ru.echo.az/?p=69552> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.04.2018).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Н. Блохин

Беларусь, Горки, БГСХА
vik-1987@bk.ru

Аннотация: В статье оцениваются возможности инновационного развития сельских территорий. Приоритетом политики развития села должен стать переход к устойчивому развитию. Автор обращает внимание на особенности сельских сообществ, доминирующую роль неформальных социальных институтов, что требует учёта при осуществлении государственной политики.

Abstract: The article assesses the possibilities of innovative development of countryside. The priority of the development policy of the countryside should be the transition to sustainable development. The author draws attention to the peculiarities of rural communities, the dominant role of informal social institutions, which requires consideration of the implementation of the state policy.

Ключевые слова: Сельские территории, инновации, устойчивое развитие.

Keywords: Rural territories, innovations, sustainable development.

Сельские территории – это основная площадь большинства государств, в том числе и Российской Федерации. Основой экономики сельской России и главной сферой приложения труда сельчан является аграрный сектор. Однако, изучая проблемы сельского развития, нельзя руководствоваться исключительно экономизмом. На темпы и направления развития сельских территорий влияет ряд факторов, в частности: семейные, родственные и дружеские отношения, соседство, традиции и обычаи, особенности природных условий. Роль этих факторов в жизни сельчан выражена гораздо сильнее в сравнении с городскими сообществами.

Представители западной социологической науки К. Поланьи, Дж. Скотт, Э.П. Томпсон используют концепцию так называемой «моральной экономики». Её суть в том, что развитие сельской экономики в наибольшей степени детерминировано неформальными социальными институтами и отношениями. Эту особенность необходимо учитывать при осуществлении государственной политики развития села.

Сельские территории представляют собой особую социальную среду, сформировавшуюся исторически, определяют способы поведения и выбор жизненных стратегий сельчан. В масштабах государства сельские территории выполняют ряд важных социально-экономических функций, что поддерживает нормальное функционирование и стабильность социума.

Трансформации, проведённые советской властью (уничтожение частной инициативы, коллективизация, тоталитаризм), стали причиной радикальных изменений в жизни сельчан и их мировоззрения. Крах Советского Союза и рыночные реформы привели к неоднозначным последствиям для сельских территорий. Возможности, которые предоставляет свободная экономика, во многих случаях остались не использованными, в то время как прежний уклад был разрушен. До сих пор сельские территории находятся в переходном состоянии, что негативно сказывается на уровне жизни сельчан.

Сегодня состояние большинства сельских территорий России представляет собой сочетание передового и архаичного укладов, новых и отсталых технологий, вымирающие деревни и нерентабельный общественный сектор соседствуют с внедрением инноваций. Задача обеспечения социально-экономической модернизации сельских территорий становится всё более актуальной и необходимой, требуется комплексный научный и управленческий подход.

Низкие темпы развития сельских территорий в сравнении с городом является общемировой тенденцией. Для деревень характерно отставание в уровне и качестве жизни населения, имеют место специфические социально-экономические и экологические проблемы территориального развития. Обозначенные проблемы естественны для многих стран и являются глобальным вызовом, который призвана решить система управления устойчивым развитием [1, с. 403-405].

Устойчивое развитие можно понимать как инновационный путь, который представляет собой сложный и многосторонний процесс, требующий реализации комплексного подхода. Устойчивость предполагает рациональное использование ресурсов, развитие инфраструктуры, применение инновационных технологий, которые способствуют повышению конкуренции, научно-техническому прогрессу, улучшению экологической ситуации [Рисунок 1].

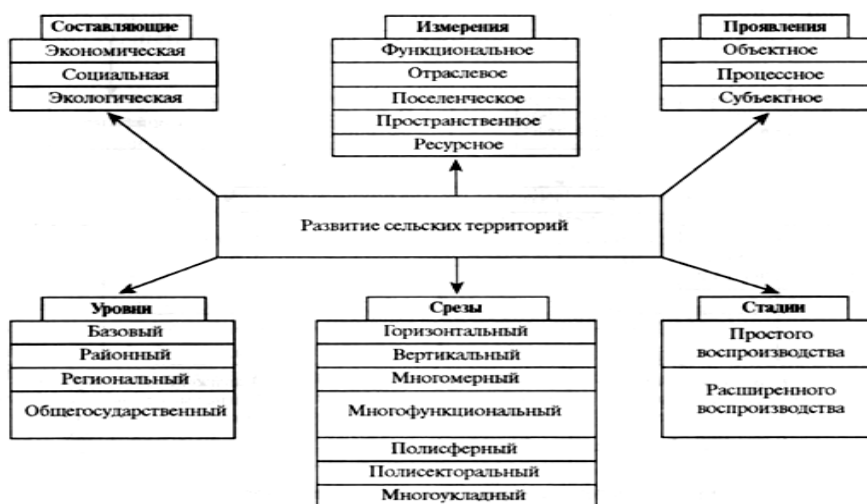

Рис. 1. Комплексный подход к устойчивому развитию

Термин «устойчивое развитие сельских территорий» используется учёным сообществом всё чаще. Этим понятием обозначается инновационный путь социально-экономической трансформации. Однако, «устойчивое развитие села» не имеет чёткого содержания, до настоящего времени не определены показатели и критерии устойчивого развития, отсутствует универсальная методика оценки сельских территорий и критериев успешной модернизации.

Инновационное развитие сельских территорий предполагает интеграцию управленческих, социально-экономических и экологических аспектов, что позволяет решать ряд задач:

- улучшение качества местной власти;
- установление положительной экономической динамики;
- развитие социальной сферы села;
- обеспечение экологического контроля и безопасности;
- внедрение энергоэффективных технологий для сохранения природных ресурсов.

Динамика сельских территорий Российской Федерации в условиях современных глобальных трансформаций во многом определяется условиями для формирования эффективной системы социального партнерства, призванной решать нарастающее число проблем, связанных с защитой экономических и социальных прав сельчан [2, с. 117].

Ведущим ресурсным фактором инновационного развития сельских территорий являются качественные трудовые ресурсы. От их наличия и уровня квалификации во многом зависит эффективное использование всех других ресурсов: земельных, материальных, финансовых, а значит и успешная динамика сельских территорий. Закономерно, что определяющим в большинстве случаев является человеческий фактор, которому не уделяется достаточного внимания. Учитывая сложившуюся демографическую ситуацию, увеличение данного элемента ресурсного потенциала крайне проблематично. В особенности это характерно для аграрного сектора экономики, где экстенсивные источники прироста трудовых ресурсов исчерпаны, их увеличение становится практически невозможным. Так, экономический рост в сельскохозяйственном производстве может быть обеспечен, прежде всего, на основе роста производительности труда [3, с. 23-27].

Для государств Европейского Союза социально-экономическая модернизация сельских территорий является одним из приоритетных направлений. Сельские территории большинства стран ЕС, еще в середине XX века столкнулись с проблемами, характерными для современной сельской России:

- продолжающаяся урбанизация в условиях перехода к постиндустриальному обществу, что ведёт к массовому оттоку сельского населения в городские центры;
- снижение плотности населения и всесторонняя деградация сельских районов;
- распространение девиантного поведения (пьянство, преступность, социальное иждивение) и социальной апатии (снижение уровня потребления, отказ от постоянной трудовой деятельности).

Решению обозначенных проблем способствовала поэтапная целенаправленная политика развития сельских регионов, включающая в себя, с одной стороны, комплекс мер по стимулированию производства продуктов питания и обеспечению продовольственной безопасности, с другой, создание диверсифицированной, многоукладной сельской экономики, а также меры по поддержанию экологической безопасности природной среды. Повышение производительности и дисциплины труда, расширение сфер занятости сельского населения (в агротуризме, сервисном обслуживании сельскохозяйственной техники, альтернативной энергетике), позволило справиться со сложившейся ситуацией и вывести сельские территории этих стран на устойчивое развитие.

Управленческие подходы Европейского Союза по отношению к развитию сельских территорий включают ряд направлений, многие из которых будут актуальны для практического внедрения в сельских территориях России. Среди таких направлений:

- оказание помощи фермерам в производстве необходимого количества продовольствия;
- контроль за безопасностью производимой продукции;
- защита сельских производителей от чрезмерной волатильности цен и кризисных явлений в экономике;
- содействие в модернизации производств;
- поддержка и развитие инфраструктуры жизнеспособных сельских сообществ;
- создание и развитие пищевой промышленности;
- защита окружающей среды и животного мира.

Кроме обозначенных направлений, для социально-экономической модернизации сельских территорий в ЕС проводится политика внедрения инноваций, что должно способствовать росту производительности и уменьшению воздействия на окружающую среду (например, использование побочных продуктов и отходов для производства

энергии). Для увеличения конкурентоспособности продукции, произведённой в сельских территориях, часто используются специальные маркировки, с помощью которых потребитель получает информацию о географическом происхождении товара, использовании традиционных ингредиентов или методов производства.

Особое внимание в странах ЕС уделяется вопросам повышения занятости и уровня жизни для наиболее уязвимых групп сельского населения – молодежи без опыта работы, женщин, людей с ограниченными возможностями здоровья. Для их трудоустройства и повышения квалификации принимаются специальные программы, поддерживается реализация соответствующих проектов под контролем общественных организаций и объединений [4].

Наличие множества некоммерческих организаций является признаком развитого гражданского общества. Для сельских территорий России необходимо повышение участия институтов гражданского общества в решении локальных проблем, что требует сильной государственной приверженности и принятия соответствующей стратегии на федеральном уровне.

Модель устойчивого развития, как основную цель процесса модернизации сельских территорий можно представить в виде схемы, в центре которой находится чёткое планирование и организация развития.

В 2016 году автор являлся экспертом по разработке стратегии устойчивого развития для сельских территорий в Республике Беларусь (Мстиславский район, Могилевская область – сельские территории возле границы с Российской Федерацией). Стратегия разрабатывалась в рамках международного проекта территориального развития «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» (проект финансировался из средств Европейского Союза и USAID).

Ситуация в сельских территориях Беларуси во многом похожа на российскую, хотя в Республике Беларусь не были проведены радикальные рыночные преобразования. В то же время, сохранение доминирования государственного сектора аграрной экономики не является эффективным решением, перехода к развитию устойчивого типа не произошло.

Для разработки стратегии устойчивого развития необходимо посещение конкретных сельских территорий, изучения специфики местной ситуации, обсуждение проблем и возможностей преобразования с жителями изучаемых населённых пунктов. Лишь в этом случае возможен выбор наиболее перспективных направлений развития.

В Мстиславском районе наиболее востребованными оказались виды деятельности связанные с развитием туризма (в том числе агроэкотуризма) и фермерством. Заинтересованной организацией собственного дела жителям была оказана консультационная помощь в создании бизнес планов и презентации проектов. Самые успешные проекты получили финансовую поддержку из средств международного гранта. В настоящее время в Мстиславском районе появились новые виды деятельности связанные с резьбой по дереву и обработкой кожи, возникло новое фермерское хозяйство.

Целью инновационного развития сельских территорий должна стать подобная поддержка наиболее активных сельчан, желающих организовать своё дело. Как правило, сельские жители нуждаются в компетентных консультациях по основам экономических и юридических знаний, а также в доступных кредитных ресурсах.

Таким образом, для инновационного развития сельских территорий требуется комплексный подход и серьёзное внимание государства. Для любого региона необходимо разрабатывать стратегию устойчивого развития. Стратегия должна представлять собой управленческий инструмент и, в то же время, научный документ, который учитывает особенности конкретной территории. Для перехода к устойчивому

развитию необходима экспертная оценка сильных и слабых сторон территории, возможностей и угроз развития. Международный опыт поддержки сельских территорий актуален для российских регионов, заслуживает изучения и практического внедрения.

Литература

1. Новикова И.И. Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий // Труды вольного экономического общества России. 2011. Т. 151. С. 403–427.
2. Волошенко Е.В. Индикаторы устойчивого развития сельских территорий: региональное измерение // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. С. 117–124.
3. Миренкова Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика – Горки: БГСХА, 2011. – 200 с.
4. EU by topic. Agriculture URL: http://europa.eu/pol/agr/index_en.htm., свободный. Загл. с экрана Яз. англ. (дата обращения: 14.03.2018)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ОСОБЕННОСТИ И НОНАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

О.К. Борисов

Россия, Вологда, ВоГУ

o.k.borisov@mail.ru

Аннотация: Особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях должны устанавливаться федеральным законом, определяющим режим приграничной территории. Однако, в настоящее время такой закон не принят, но, действует Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации», в котором даётся определение термину «приграничная территория», закрепляются нормы, регулирующие вопросы пограничного режима, устанавливаются некоторые особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях.

Abstract: The peculiarities of the local self-government in the border areas shall be established by a Federal law that determines the regime of the border area. However, at present, such a law has not been adopted, but the law of the Russian Federation "on the state border of the Russian Federation", which defines the term "border area", establishes rules governing the border regime, establishes some features of the implementation of local self-government in the border areas.

Ключевые слова: местное самоуправление, приграничная территория, федеральный закон.

Key words: local self-government, border area, Federal law.

Особенностям организации местного самоуправления на приграничных территориях посвящена ст. 82 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018). Там говорится, что особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях устанавливаются федеральным законом, определяющим режим приграничной территории.

То есть, особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях должны устанавливаться федеральным законом, определяющим режим приграничной территории. В настоящее время такой закон не принят, но, действует Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской

Федерации», где и даётся понятие термину «приграничная территория», закрепляются нормы, регулирующие вопросы пограничного режима и особенности организации местного самоуправления на приграничных территориях.

Анализируя содержание ст. 3 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации», можно сделать вывод, что, под приграничной территорией понимается пограничная зона, российская часть вод пограничных рек, озёр и иных водных объектов, внутренних морских вод и территориального моря РФ, где установлен пограничный режим, пункты пропуска через Государственную границу, а также территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к Государственной границе, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озёр и иных водных объектов, побережью моря или пунктам пропуска. Данный Закон регламентирует некоторые особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях, которые, в частности, касаются полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления. Как следует из содержания ст. 3 Закона, органы местного самоуправления совместно с другими органами власти осуществляют согласованную деятельность по защите государственной границы.

В соответствии со ст. 16 названного Закона, пограничная зона устанавливается в пределах территории поселений и межселенных территорий, прилегающих к Государственной границе на суше, морскому побережью РФ, российским берегам пограничных рек, озёр и иных водных объектов, и в пределах территорий островов на указанных водных объектах. В пограничную зону по предложениям органов местного самоуправления поселений могут не включаться отдельные территории населенных пунктов поселений и санаториев, домов отдыха, других оздоровительных учреждений, учреждений (объектов) культуры, а также места массового отдыха, активного водопользования, отправления религиозных обрядов и иные места традиционного массового пребывания граждан.

Специфика хозяйственной, промысловой и иной деятельности, связанной с использованием земель, лесами, недрами, водными ресурсами, проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пограничной зоне регулируются федеральными законами и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (ст. 18). Статья 37 Закона определяет полномочия органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере защиты Государственной границы. Органы местного самоуправления в соответствии с полномочиями, устанавливаемыми законодательством Российской Федерации, организации (независимо от форм собственности) и их объединения, общественные объединения и их должностные лица:

- предоставляют в соответствии с законодательством Российской Федерации земельные участки для нужд защиты Государственной границы;

- оказывают помощь пограничным органам, Войскам противовоздушной обороны, Военно-Морскому Флоту, государственным органам, осуществляющим различные виды контроля на Государственной границе, исполняют их законные предписания, предоставляют необходимую для их деятельности информацию;

- создают условия для участия граждан на добровольных началах в защите Государственной границы в пределах приграничной территории.

В уставах муниципальных образований, расположенных полностью или частично на приграничной территории, предусмотрен перечень должностных лиц местного самоуправления, которые уполномочены решать различные вопросы, касающиеся осуществления местного самоуправления на приграничных территориях.

В дополнение Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе» Российской Федерации» распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196 утверждена Концепция приграничного сотрудничества в РФ. Под приграничным сотрудничеством в ней понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия РФ и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий РФ и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий РФ и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами.

В Концепции констатируется, что стимулирование развития приграничной территории осуществляется в том числе и путём регулирования ставок местных налогов, а также финансовой поддержки органов местного самоуправления и отдельных организаций, участвующих в осуществлении проектов и программ приграничного сотрудничества.

Как полагает В.А. Капленко: «решение проблем приграничных территорий, новых границ, возникших на постсоветском пространстве, требуют серьёзного государственного осмысления, прежде всего, правового закрепления статуса приграничных территорий» [2, с.74].

С ней солидарна и О.В. Цветкова, которая говорит о том, что «развитие приграничных территорий и совершенствование законодательства в области приграничного сотрудничества — актуальная проблема. Политика межмуниципального приграничного сотрудничества является частью общей практики государственного приграничного сотрудничества» [3, с.65].

Следует отметить тот факт, что Федеральным законом от 22 июля 2002 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Таким образом, создаются благоприятные условия для устойчивого развития приграничных территорий, установления, развития и укрепления взаимовыгодных и дружественных связей между Россией с сопредельными государствами, соответственно и с органами местного самоуправления с обеих сторон.

Вопросам осуществления местного самоуправления на приграничных территориях значительное место отводит и законодательная власть субъектов РФ. Так, например, постановлением правительства Мурманской области от 29 октября 2003 г. «О пограничном режиме и пограничной зоне на территории Мурманской области» (в ред. от 28 октября 2004 г.) предусмотрено, что органы местного самоуправления выдают детям в возрасте до 14 лет справки, которые подтверждают их проживание в пограничной зоне, и служат пропуском для въезда или выезда в эту зону. Гражданам, не проживающим в пограничной зоне, но имеющим в её пределах дачи или садовые участки, местная администрация выдаёт аналогичные справки. Муниципальные власти заверяют приглашения для въезда в пограничную зону родных и близких, проживающих на её территории. Руководители органов местного самоуправления приграничных городов и районов выдают разрешение на проведение хозяйственной и промысловой деятельности, а также на выпас скота.

Анализируя сотрудничество Российской Федерации с её субъектами В.А. Капленко приходит к выводу, что приграничное сотрудничество в Российской Федерации это согласованные действия федеральных органов власти, органов исполнительной и законодательной власти субъектов российской Федерации.

Как справедливо полагает О.А. Белова: в «области правового регулирования приграничного сотрудничества у любого государства существуют определённые проблемы» [1, с.290].

Заслуживает особого внимания мнение О.В. Цветковой, которое акцентирует внимание на проблеме принятия нормативно-правовых актов в РФ, посвящённых этой тематике, в частности, она полагает, что в настоящее время законодательство никак не регулирует сферу межмуниципального сотрудничества в развитии приграничных территорий Российской Федерации. Проект федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» был принят в первом чтении в 2010 г. и с того времени лежит без движения.

Однако, после публикации статьи автора начале 2017 года, в июле 2017 году «дело сдвинулось с мёртвой точки» и был принят Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». Закон в ст. 8 ч.2. определил полномочия органов местного самоуправления на приграничной территории, в ч.3 ст.8 зафиксирован установленный порядок международных и внешнеэкономических связей данного муниципального образования с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств по вопросам приграничного сотрудничества, ч.4 ст.8 говорит о том, что муниципальное образование приграничного субъекта Российской Федерации формирует перечень соглашений о приграничном сотрудничестве данного муниципального образования в порядке, определённом высшим исполнительным органом государственной власти соответствующего приграничного субъекта Российской Федерации. В такой перечень включаются все соглашения о приграничном сотрудничестве данного муниципального образования приграничного субъекта Российской Федерации, в том числе соглашения, утратившие силу.

Резюмируя вышеизложенное необходимо отметить, что существующие международно-правовые документы, Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и другие нормативно-правовые акты закрепляют исходные начала, основные принципы правового регулирования, гарантируют право на самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учётом исторических и иных местных традиций.

Литература

1. Белова О.А. Система факторов развития приграничного сотрудничества на Северо-Западе России // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. №2(55-56). С.288-293.
2. Капленко В.А. Современные особенности реализации местного самоуправления на приграничных территориях Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2008. №2. С.74-78.
3. Цветкова О.В. Роль местного самоуправления и муниципального сотрудничества в развитии приграничных территорий Российской Федерации (на примере Псковской области) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т.13. №2. С.65-76.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК ФИННО-УГОРСКОГО МИРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. А. Бульчева

*Россия, Саранск, МордГУ им. Н. П. Огарёва
bulychevaaa@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проектной деятельности библиотек финно-угорского мира. Рассматриваются изменения, произошедшие в области международного и межрегионального сотрудничества библиотек с конца 1990-х гг. по настоящее время. Проанализированы и сделаны выводы в области проектной деятельности библиотек.

Abstract. The article is devoted to the project activity of libraries of the Finno-Ugric world. The changes that have occurred in the field of international and interregional cooperation of libraries since the late 1990s to the present time are considered. The author analyzes and draws conclusions in the field of libraries' project activity.

Ключевые слова: библиотека, международное и межрегиональное сотрудничество, финно-угорский мир, проект, пользователь.

Keywords: library, international and interregional cooperation, Finno-Ugric world, project, user.

Любая территория как фактор социальной и политической жизни представляет собой комплекс влияний в физическом пространстве, которые вместе формируют значение социальной жизни. В социальной сфере территория образуется моделями обмена в социальной жизни, устройством гражданского общества и моделями социальной солидарности. Происходящие в обществе изменения являются мощными факторами развития современных библиотек. Они в значительной степени влияют на выбор миссии и социальных функций, подходов к формированию библиотечно-информационных ресурсов и обслуживания пользователей, развитию библиотечных технологий и персонала, модернизации традиционных и освоению новых направлений деятельности. Современная библиотека транслирует культурные нормы и ценности от поколения к поколению, способствуя социальной адаптации и социализации индивидов на протяжении всей жизни. Она становится не только активным участником информационного производства, но и необходимым инструментом управления знаниями.

Библиотека является одной из базовых (исходных) структур каждого социума, поэтому изменения в нем отражаются на библиотеке непосредственно, а ее общественная миссия определяется характером развития цивилизации. Через миссию библиотека связана как с ситуацией конкретного общества, так и с мировым культурным процессом в целом, в ней отражены этапы духовных исканий человечества. В современных условиях в практику управления библиотеками все больше входит разработка программ и проектов, способствующих модернизации и автоматизации информационно-библиотечной деятельности. Для современного библиотечного дела проекты, программы являются ключевыми факторами определения основных направлений инновационного развития информационно-библиотечной деятельности и их реализации на практике. Сегодня существует множество определений понятия «проект». В общем понимании проект представляет собой сочетание последовательных и управляемых целенаправленных действий, позволяющих достигать результатов в условиях ограниченных ресурсов и жестких сроков [1, с. 43]. В библиотечном деле проектом можно назвать совокупность мероприятий, направленных на достижение определенной, четко структурированной цели. Характерными чертами проекта являются неповторимость, уникальность,

координированное выполнение множества взаимосвязанных действий, социальная значимость и др.

Россия имеет огромную территорию, отдельные регионы которой разнятся по множеству параметров, в том числе: уровнем социально-экономического развития, социокультурными потребностями жителей, отношением региональных властей к культуре и библиотекам, их пониманием роли библиотек в формировании общества знаний. Успешную реализацию возложенных на современные библиотеки социальных функций предполагается обеспечить путем внедрения современных информационных технологий. В ноябре 2003 г. в г. Хельсинки состоялось совещание финно-угорских библиотек России и Финляндии. В нем приняли участие специалисты национальных библиотек финно-угорского мира. Среди вопросов, которые обсуждались на совещании, были проблемы создания электронных ресурсов и организации доступа к ним. Участники совещания пришли к решению о создании двуязычного портала «Финно-угорские библиотеки России». В работе над порталом «Финно-угорские библиотеки России» принимали участие Национальная библиотека Республики Коми, Национальная библиотека Республики Удмуртия, Национальная библиотека Республики Мордовия, Национальная библиотека Республики Марий Эл, Государственная библиотека Югры. Главный организатор проекта – Национальная библиотека Республики Карелия.

Задачи, которые преследовались участниками проекта, состояли в следующем:

- разработка и создание портала «Финно-угорские библиотеки России» (русская и финская версии) как актуального информационного справочного ресурса на русском и финском языках, динамически обновляющегося, с иерархической структурой навигации;
- информационная поддержка портала «Финно-угорские библиотеки России» (русская и финская версии);
- содействие развитию единого информационного пространства финно-угорских библиотек;
- развитие партнерских и межрегиональных связей финно-угорских библиотек в области создания и взаимного использования информационных ресурсов;
- организация профессионального общения между партнерами по проекту с использованием электронных технологий.

В настоящее время библиотеки-участницы имеют возможность самостоятельного ведения своих разделов портала. Портал сосредотачивает значительный объем информации о финно-угорских библиотеках России, а также содержит аннотированные ссылки на наиболее значимые сетевые ресурсы, посвященные финно-угорским территориям России. Заинтересованные пользователи найдут здесь информацию об истории и сегодняшнем дне библиотек-участниц проекта, о крупнейших библиотеках и библиотечной сети финно-угорских территорий России, о современном региональном библиотечном законодательстве, о наиболее интересных мероприятиях и проектах, реализуемых библиотеками-участницами. На портале представлена подробная информация об информационных ресурсах библиотек республик: Карелия, Коми, Мордовия, Марий Эл, Удмуртской республики и Ханты-мансийского округа. Организаторы портала постарались создать коллекцию ссылок на информационные ресурсы (сайты, электронные каталоги и коллекции) наиболее крупных библиотек и библиотечных консорциумов России [2]. Сегодня портал, являясь современным и актуальным информационным справочным ресурсом, интересным всему мировому сообществу, представляет собой единую информационную точку выхода на Интернет-ресурсы финно-угорских библиотек России. Он стремится объединить все направления

деятельности библиотек финно-угорских территорий России, представлять наиболее полную информацию о них в сети Интернет.

Современные социально-экономические, политические, социокультурные перемены, сопровождающиеся глобальной информатизацией, в значительной мере влияют на приоритеты в деятельности национальных библиотек. Согласно точке зрения В. Р. Фирсова «национальная библиотека олицетворяет дух нации» [3, с. 6]. ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия» – особо ценный объект культурного наследия народов, проживающих на территории Республики Мордовия (РМ), уникальное по полноте и универсальное по содержанию собрание документов на мордовских (мокша, эрзя) языках [4]. Библиотека заняла достойное место в ряду культурных и образовательных учреждений и стала крупнейшим республиканским информационным, научно-исследовательским, методическим центром, координирующим многогранную деятельность библиотек РМ. Будучи единственной библиотекой России, где с исчерпывающей полнотой собирается духовное наследие мордовского народа, Национальная библиотека выступает как центр книжной национальной культуры мокши и эрзи, как хранительница памяти этноса, его самобытности, являющейся частью общечеловеческих ценностей. В настоящее время в библиотеке формируется Сводный электронный каталог финно-угорской литературы, идет работа по организации финно-угорского портала. Для оказания помощи в комплектовании фондов библиотекам, обслуживающим мордовскую диаспору в регионах России, ведения международного книгообмена с библиотеками ближнего и дальнего зарубежья, комплектования зарубежной «Мордовики» в структуре Национальной библиотеки функционирует сектор международного книгообмена. Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РМ ведет активный книгообмен со странами финно-угорских народов: Венгрией, Финляндией, Эстонией. Среди изданий, присланных, например, Венгерской Национальной библиотекой им. Ф. Сечени «Библиография финно-угорских изданий до 1997 г.», «Библиография литератур уральских народов» Явори Ено, «Песни о государстве Тюштя» В. Радаева и др. Взамен Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РМ отправила по запросу издания, касающиеся культуры, языка, традиций и современности Мордовии. Активно интересуются новой литературой о Мордовии, художественными произведениями мордовских писателей, информационными изданиями Национальная библиотека Финляндии и общество М. А. Кастрена.

В более ранних публикациях мы исследовали проектную и программную деятельность публичных библиотек РМ, отмечая, что показателями положительной проектной динамики в библиотечной деятельности служит увеличивающееся количество реализованных проектов на различных уровнях [5]. В конце 1990-х гг. Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РМ совместно с Национальными библиотеками Карелии и Удмуртии начала участвовать в совместном проекте «Сохранность национальных газетных фондов». Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РМ являлась участницей целевой программы «Сохранение и развитие культуры и искусства» (1997–1999 гг.). Благодаря финансовой поддержке «Пушкинский мегапроект: книги для библиотек» была разработана программа «Информационное обеспечение государственных библиотек республики Мордовия на 1998–2000 гг.» и др.

В начале XXI в. в рамках проектной деятельности Национальной библиотекой им. А. С. Пушкина получены гранты: «Сохранность национальных газетных фондов» (2000, 2001 гг.); «Внедрение новых информационных технологий» (2000 г.); «Организация локальной сети НБ» (2001 г.); «Организация РБЦ для библиотек различных систем и ведомств на базе НБ» (2001 г.); «Сохранность национального

газетного фонда НБ» (2002, 2004–2007, 2010–2011 гг.); «Гуманизация уголовно-исполнительной системы – залог успешной защиты прав человека» (2003 г.); «Организация центра консервации БФ» (2003 г.); «Модернизация локальной сети НБ» (2003 г.); «Сотрудничество финно-угорских библиотек» (2003 г.); «Создание страхового фонда газет в рамках деятельности Центра сохранности памятников печатной культуры финно-угорских народов как части ЕСФД» (2003–2006, 2009–2010 гг.); «Менеджмент сохранности библиотечных фондов» (2007, 2009–2010 гг.); «Создание региональных Центров чтения» (2008 г.); «Переплёт изданий XIX в.» (2008 г.); «Создание Свода книжных памятников РМ» (2008–2011 гг.); «Развитие Центра консервации БФ в НБ» (2011 г.). В 2011 г. сотрудники Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РМ выступили с инициативой создания «Электронной коллекции произведений мордовских писателей, опубликованных в 1920-1930-е гг.». Эта идея получила материальную поддержку со стороны Института России и Восточной Европы (г. Хельсинки, Финляндия).

Можно утверждать, что проектное управление знаменует собой начало нового этапа в информационно-библиотечной деятельности, т. к. заключается в осознании, четком определении новых целей и перспектив, направлено на развитие библиотеки в целом. В ходе реализации проектной деятельности идет освоение современных информационных технологий, развивается социальное, партнерское и корпоративное сотрудничество приграничных территорий. Различные регионы нашей страны разрабатывают собственные стратегии построения современного общества. В каждом из них сформировалось свое понимание роли современной библиотеки, действуют различные библиотечные модели. Однако все они схожи в использовании подходов к пониманию общественной роли современных библиотек, предложенных на межрегиональном и международном уровне. Библиотека рассматривается как институт, который обеспечивает функционирование системы распространения информации и доступа к публичной информации, знаниям и культуре, а также обучает граждан пользоваться предоставляемыми возможностями.

На основании проведенного анализа можно заключить, что необходимость поиска новых моделей проектной деятельности, обеспечивающих жизнеспособность социального института библиотеки в контексте перспектив приграничного сотрудничества, построения открытого общества знаний, остается актуальной. Понимание государствами, социальными группами и индивидами важности циркуляции знания и общественно значимой информации, существующих диспропорций в международных, межрегиональных потоках информации, а также возникающих глобальных социальных проблем выдвигает активизацию проектной деятельности библиотек. Проектная деятельность обусловлена объективными факторами, которые определяют эффективность формирования культурно-информационной среды различных территорий и роль библиотеки как ведущего компонента этой среды.

Литература

1. Жадько Н. В. Проектное развитие библиотек. М., 2000. 96 с.
2. Портал «Финно-угорские библиотеки России» [Электронный ресурс] / Copyright Электрон. дан. URL: <http://fulr.karelia.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2018).
3. Фирсов В. Р. Национальная библиотека – системообразующий элемент национальной культуры : сборник статей // Национальные библиотеки в XXI веке. – СПб., 2012. С. 6.
4. Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия [Электронный ресурс] / «Интернет-дом». Электрон. дан. URL: <http://www.library.saransk.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2018).
5. Булычева А. А. Практическое отражение проектной и программной деятельности в библиотечной сфере РМ. Регионология. 2013. № 3. С. 119–120.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАЗАХСТАНА

А.С. Бурнасов, Ю.Ю. Ковалев, А.В. Степанов

Россия, Екатеринбург, УрФУ

burnasov@mail.ru, yukowaljow@gmail.com, anatology_stepanow@mail.ru

М.Э. Байсалбекова, А.Т. Жекежанова, Л.Е. Нариман

Казахстан, Алматы, КазНУ им. Аль-Фараби

maral.bais@mail.ru, d.azizal@mail.ru, water_flower@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам интеграционных процессов Евразийского экономического союза на примере российско-казахстанского приграничного экономического сотрудничества. Спустя 25 лет после распада СССР отчетливо наблюдается "асимметричность" хозяйственных процессов протекающих на постсоветском пространстве. Выстроенные в эпоху планово-административной экономики горизонтальные и вертикальные экономические связи были разрушены в начале 90-х гг. XX века. Становление рыночной модели хозяйствования кардинально изменило представление о промышленном взаимодействии "акторов" на пространстве бывшего СССР. Создание интеграционных группировок на постсоветском пространстве дало толчок усилению промышленной кооперации между странами. Наибольших успехов в этом направлении достигли Российская Федерация и Республика Казахстан создав благоприятные предпосылки для приграничного взаимодействия. В статье на конкретных примерах анализируется создание "цепочки добавленной стоимости" в различных отраслях экономики хозяйствующих субъектов двух стран.

Abstract: The article deals with topical questions of the integration processes within the Eurasian Economic Union. Russia-Kazakhstan cross-border cooperation is taken as an example of these processes. 25 years after the dissolution of the USSR, "asymmetry" of the economic processes in the post-Soviet space can be clearly observed. In the early 1990s, the horizontal and vertical economic links, which had been built during the epoch of the planned economy, were broken. The formation of the market economic model radically changed the concept of industrial interaction between the "actors" in the post-Soviet space. The creation of the post-Soviet integration groups triggered off the increase of industrial cooperation among the countries. The cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is the most successful. These efforts resulted in advantageous background for cross-border interaction. The article analyzes the creation of "value-added chain" and its specific examples among the business entities of the both countries in different sectors of economy.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, приграничное экономическое сотрудничество.

Keywords: Eurasian Economic Union, Integration, Cross-Border Economic Cooperation.

Актуальность приграничного сотрудничества стран Евразийского экономического союза не вызывает сомнения. На протяжении веков осуществлялся интенсивный экономический, социальный и культурный обмен между территориями этих стран. В недалеком прошлом Россия и Казахстан были единым экономическим пространством. Многие хозяйственные проекты были реализованы в рамках планово-административной структуры республик бывшего СССР. Регионализация мировой экономики, создание экономических блоков, ухудшение отношений с Западом, делает евразийский проект России и Казахстана практически безальтернативным.

Россия имеет самую протяженную границу с Казахстаном — 7512 км, что обуславливает особую значимость приграничного сотрудничества между этими странами. В приграничное экономическое сотрудничество вовлечено 12 российских (Республика Алтай, Алтайский край, Новосибирская, Омская, Тюменская, Курганская, Челябинская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области) и 7 казахстанских (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская,

Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская области) регионов. Эти регионы России и Казахстана имеют большое значение для национальных экономик и во многом определяют уровень их конкурентоспособности. В приграничных регионах проживает более 32 млн. человек, а совокупный валовой продукт российско-казахстанского приграничья превышает \$350 млрд. При этом ВРП приграничных регионов Казахстана составляет 40% ВВП Казахстана, а ВРП приграничных регионов Российской Федерации - 15 % ВВП РФ [1, 2, 4, 5, 6, 8]. Как справедливо отмечает А.М. Носонов: "... ВРП приграничья РФ более диверсифицирован, чем ВРП приграничья Казахстана. В ВРП приграничья Казахстана намного меньше доля обрабатывающей промышленности и услуг [6. с. 129].

В настоящий период времени между приграничными регионами рассматриваемых государств особый акцент делается на: "...усилении взаимосвязи межгосударственных взаимодействий и формированием межгосударственных субрегиональных образований на примере приграничных регионов. Последние - проявление трансграничного агломерационного эффекта, в результате которого повышается производительность труда, производятся более качественные товары и услуги, ускоряется товарно-денежный оборот. Концентрация производственно-технологических взаимодействий и наложение в таких пространственных образованиях (субрегиональных международных регионов) кооперационных цепочек превращает регион в неформальное ядро интеграционных процессов. Чем больше таких регионов, тем глубже и устойчивее интеграционный процесс» [7, с. 7].

Качественно новым шагом в развитии интеграционного взаимодействия стало создание в 2010 г. Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Реализация подписанных в рамках Таможенного союза соглашений позволила унифицировать экспортно-импортные тарифы и обеспечить с 1 июля 2011 г. перенос всех видов согласованного государственного контроля с внутренних на внешние границы Таможенного союза. С 1 января 2012 г. начало действовать Единое экономическое пространство с участием трёх государств, в рамках которого предусматриваются обеспечение не только свободного движения товаров, но и услуг, капиталов и рабочей силы, а в перспективе и проведение согласованной валютной и макроэкономической политики [9].

Приграничное сотрудничество стран Евразийского экономического союза должно привести к:

1. Проявлению экономической, социальной и политической интеграции между государствами на субрегиональном уровне в рамках компетенций местных органов власти.

2. Компенсации через сотрудничество местных властей и сообществ негативного барьерного эффекта границ.

3. К решению местных проблем через трансграничное взаимодействие (экономическая и социальная мобильность населения, проживающего в радиусе 100-150 км по обе стороны границы).

4. Развитию периферийных территорий стран, через стимулирование хозяйственной активности приоритетных отраслей региональной специализации.

5. Интенсификации информационного обмена и распространения лучших примеров приграничного сотрудничества.

Однако, приграничные хозяйственные процессы между Российской Федерацией и Казахстаном нельзя рассматривать как тождественные в силу "*асимметричности экономических векторов*" между вышеуказанными странами. Анализ экономической ситуации показывает, что российско-казахстанские приграничные экономические отношения строятся преимущественно на базисе промышленных предприятий

созданных в эпоху планово-административной экономики бывшего СССР. Это положение детерминируется совокупностью целого ряда объективных факторов: геополитическим местоположением двух государств, культурно-цивилизационными особенностями, взаимодополнением их экономических интересов, наличием достаточно высокого уровня научно-образовательных и технологических связей, сформировавшейся в советские времена относительно разветвлённой инфраструктурой, которые объединяют между собой Казахстан и Россию.

Что касается приграничного взаимодействия вышеуказанных государств, то в числе приоритетов в контексте создания "полосов роста", то сюда следует отнести взаимодействие приграничных агломераций. В результате такого взаимодействия могут создаваться синергетические эффекты, выражающиеся в образовании совместных производств, кооперационных сетей, промышленных и региональных кластеров, единых образовательных пространств и т.д. Важным ресурсом приграничного сотрудничества являются региональные различия соседствующих стран по их месту в мировой экономике, по уровню и соотношению внутренних цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения, и т.д., что позволяет активно обмениваться соответствующими товарами и факторами производства. Словом, приграничное сотрудничество на основе соседства "различий" и общности ресурсного и геоэкономического положения играет важную роль в развитии хозяйства приграничных территорий.

В контексте изучаемых хозяйственных процессов особый акцент сделан на отраслевую специфику взаимодействия промышленных предприятий вдоль границы изучаемых государств. В настоящий период времени особо стоит отметить, что экономико-географическое положение соседствующих регионов изменится в результате строительства транспортного пути: «Западный Китай - Западная Европа» протяженностью 8.4 тыс. км. «Логистическое преимущество» отчетливо проявится на маршруте «Оренбург-Актобе», где следует ожидать всплеск хозяйственной активности через бизнес-проекты предприятий производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Акцентируя внимание, что на 2016 г. между РФ и Казахстаном учреждено и ведут финансово-хозяйственную деятельность более 6000 совместных предприятий [6], необходимо остановиться на так называемых приграничных «имиджевых» проектах, интегрирующих в рамках Евразийского экономического союза крупный капитал обеих стран. В числе крупных инвестиционных инициатив промышленного развития приграничных территорий следует отнести:

- развитие Оренбургского газохимического комплекса, перерабатывающего природный газ Актюбинской области и формирование в Оренбургской области казахстанского филиала ТОО «Казросгаз». В 2014 году «Казросгаз» приняло и обеспечило переработку сырого газа Карачаганакского месторождения на мощностях Оренбургского газохимического комплекса в объеме 8.594 млрд. кубометров. В числе перспектив развития вышеупомянутого предприятия выпуск гранулированной серы для химической промышленности;

- через территорию России осуществляется основной объем транзита казахстанской нефти на внешние рынки. Транзит осуществляется по нефтепроводу "Атырау-Самара" (не менее 15,5 млн. тонн в год) и по системе нефтепроводов Махачкала-Тихорецк-Новороссийск (до 5,5 млн. тонн в год);

- в 2010 г. было подписано межправительственное соглашение о совместной деятельности на трансграничном газоконденсатном месторождении «Имашевское», в соответствии с которым после получения лицензии ОАО «Газпром» и АО «НК «КазМунайГаз» будет организована подготовка геологических работ в соответствии с

условиями лицензионного соглашения. Общая смета проекта составляет 5,6 млрд. долларов США;

- выпуск хрома «Новотроицким заводом хромовых изделий», который в последние годы увеличил производство продукции с высокой добавленной стоимостью (металлический и электролитический хром) за счет увеличения импорта хромовой руды из Актюбинской области;

- успешным бизнес-проектом следует считать выпуск медицинской техники (рентгенодиагностического оборудования) завода «Актюбрентген» осуществляющего научную кооперацию с оренбургским ООО «Уралрентген»;

- формирование и развитие агропромышленного кластера Омской области, специализирующегося на глубокой переработке российского и казахстанского зерна на базе уже сформированного приграничного биокомплекса. В рамках интеграционной кооперации здесь будут получать клейковину, крахмал, глюкозу, кормовой лизин, аминокислоты, спирт. В перспективе «синергетический эффект» наиболее ярко проявится с нефтехимическим кластером для производства экологических добавок в бензин;

- АО «КАМАЗ-Инжиниринг» является одним из первых крупных и успешных совместных приграничных казахстанско – российских проектов в сфере производства автомобильной техники в Кокшетау. Предприятие создано 2 июня 2005 года, 5 августа того же года были собраны первый самосвал и автобус, а 19 августа сошел с конвейера первый серийный автомобиль. Вся произведенная продукция реализуется на внутреннем рынке Республики Казахстан. Акционерное общество «Камаз-Инжиниринг» города Кокшетау создано на основе лицензионного соглашения с ОАО «Камаз» и ОАО «Нефаз», по которому казахстанскому партнеру передана конструкторско–технологическая документация ведущих автозаводов России. В соответствии с этой документацией организован технологический процесс сборки. Производство оснащено современным контрольно-диагностическим и технологическим оборудованием. Завод АО «Камаз-Инжиниринг» является одним из самых первых и наиболее крупных и успешных совместных казахстанско–российских проектов в сфере производства автомобильной техники;

- формирование автомобильного кластера в Восточном Казахстане на базе Усть-Каменогорского АО "Азия Авто Казахстан". Согласно планам, запуск предприятия состоится в 2018 году. Строящееся предприятие станет полноценным региональным центром производства, т.к. мощности включены в долгосрочную стратегию развития альянса "Рено-Ниссан-Автоваз". Общеизвестно, что одно рабочее место созданное в автомобилестроении автоматически создает четыре рабочих места в смежных отраслях. Этот автомобильный завод позволит дать дополнительный экономический импульс предприятиям металлургического и химического комплексов приграничных регионов: Алтайского края и Восточно-Казахстанской области. В ассортимент автомобилей войдут, в том числе, перспективные модели «Автоваза» – "LADA Vesta" и "LADA XRAY".

Таким образом, в этом отношении нельзя не согласиться с В.С. Бильчаком, отмечающего, что "... критерием же достижения приграничной интеграции выступает степень свободы действия рыночных механизмов и, следовательно, уровень регулирующего воздействия со стороны государственных органов" [3, с. 87].

Литература

1. Башмаков А.А. От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. - 215 с.

2. Бийжанова Э.К. Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 224-231.
3. Бильчак В.С. Теоретические аспекты приграничного экономического сотрудничества на основе интеграционных процессов // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С.83-94.
4. Гузенкова Т.С., Сытина А.С. Приграничные связи: ресурс Евразийской интеграции и межгосударственного сотрудничества России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1 (22). С. 7-30.
5. Гусев Л.Ю., Казанцев А.А. Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 1 (73). С. 29-40.
6. Носонов А.М. Приграничное сотрудничество регионов России и Казахстана // Проблемы развития приграничных регионов России. URL: http://artno.ucoz.ru/Download/mars_2016_1.pdf
7. Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах / под ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2014.
8. Хныкина Т.В. Перспективы и тенденции развития приграничного российско-казахстанского сотрудничества (на примере УФМС по Оренбургской области) // Россия – Казахстан: приграничное сотрудничество, музейно-туристический потенциал, проекты и маршруты к событиям мирового уровня: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. - Самара, 2016. URL: <https://regrazvitie.ru/wp-content/uploads/2016/01/Hnykina.pdf>
9. Часовский В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С.108-117.
10. Ювица Н.В. Опыт и перспективы приграничного сотрудничества Казахстана и России // Вестник Омского Государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 76-81.

ДИНАМИКА ПЕРЕСЕЧЕНИЙ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ КАК ИНДИКАТОР ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

И.С. Гуменюк

Россия, Калининград, БФУ им. И. Канта

IGumeniuk@kantiana.ru

Аннотация: Российско-польская государственная граница, проходящая по территории Калининградской области, является одним из нескольких участков границ Российской Федерации со страной одновременно являющейся и членом интеграционного экономического (ЕС), и военно-политического (НАТО) союзов. Это обстоятельство напрямую влияет на развитие приграничного сотрудничества. Последнее становится зависимым не только от регионального или межгосударственного характера отношений, но и от глобального уровня отношений между РФ (экономических и военно-политических объединений в которые она входит) с одной стороны, и ЕС/НАТО — с другой. Динамика взаимного пересечения российско-польской государственной границы может вступать индикатором оценки как локальных и региональных отношений между приграничными регионами, так и макрорегионального взаимодействия между крупными наднациональными образованиями.

Abstract: The Russian-Polish state border running through the territory of the Kaliningrad region is one of several sections of the borders of the Russian Federation with a country that is both a member of the integration economic (EU) and military-political (NATO) alliances. This circumstance directly influences the development of cross-border cooperation. The latter becomes dependent not only on the regional or interstate character of relations, but also on the global level of relations between the RF (economic and military-political associations to which it belongs) on the one hand, and the EU / NATO on the other. The dynamics of the cross-border crossing of the Russian-Polish state border may enter an indicator of the assessment of both local and regional relations between border regions and the macro-regional interaction between large supranational entities.

Ключевые слова: Калининградская область, Республика Польша, местное приграничное передвижение, приграничное сотрудничество, взаимные пересечения государственной границы.

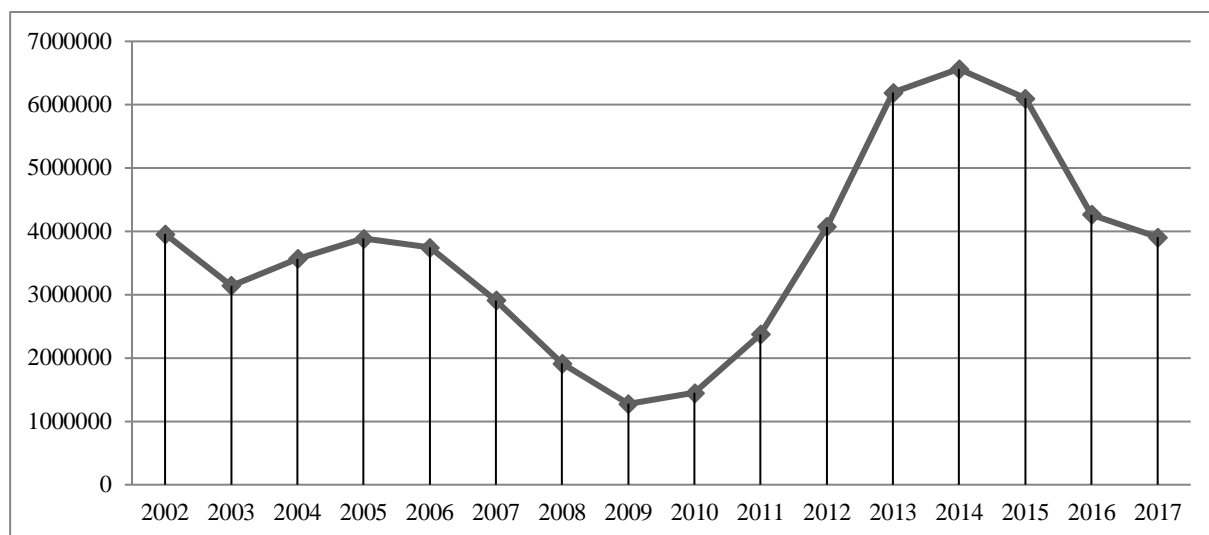
Key words: Kaliningrad region, the Republic of Poland, the local border traffic, cross-border cooperation, mutual crossing of the state border.

До распада СССР советско-польская государственная граница хоть и объединяла страны одного социалистического блока, в целом характеризовалась преобладанием барьерной функции. Налаженных экономических контактов практически не было (за исключением регулярных поставок польского угля в Калининградскую область и взаимодействия в области судоремонта), а социальные контакты были достаточно фрагментарные [1,2]. С образованием государственной границы между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Польшей (РП) экономические и социальные контакты начали интенсифицироваться. С одной стороны — этому способствовала необходимость поиска новых факторов социально-экономического развития для Калининградской области и в целом периферийных приграничных воеводств Республики Польша. Граница стала ресурсом развития как для населения приграничных регионов (торговля, перевозка через границу отдельных видов товаров, контрабанда и т.д.), так и для хозяйствующих субъектов (в первую очередь, торговля, чуть позже транспорт, мебельная и пищевая промышленность и пр.). С другой стороны — на интенсивность приграничного сотрудничества повлиял запуск европейских программ [3] с последующей трансформацией их в российско-европейские программы поддержки приграничного сотрудничества [4]. До момента вступления Республики Польша в состав Европейского союза вопросы институционального и организационного обеспечения приграничного сотрудничества решались в формате двухстороннего сотрудничества, при этом на региональном уровне (Калининградская область и приграничные воеводства Республики Польша) возможности для развития приграничного сотрудничества были достаточно обширны. До 2000-х годов пересечение государственной российско-польской границы было достаточно интенсивным с обеих сторон (жители Калининградской области для посещения Польши получали в консульстве Республики бесплатный вкладыш, который делался на основании национального паспорта и наличия областной прописки в течение не менее 3 лет на момент получения). С началом нового века на приграничное сотрудничество и динамику взаимных пересечений стало оказывать движение Польши в сторону вхождения в ЕС и НАТО, и последующее присоединение страны к этим наднациональным объединениям.

На рисунке 1 представлена динамика взаимных пересечений государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Польша за период с 2002 по 2017 годы. Анализ графика позволяет отметить три временных периода снижения интенсивности взаимных пересечений, имеющих разные причины. Первый период — 2003 год. Интенсивность передвижения упала на 20% по сравнению с предыдущим годом. Связано это с тем фактом, что в 2002 году Республика Польша, готовясь к вступлению в ЕС и Шенгенское пространство, отказалась от режима безвизовых поездок с Калининградской областью. С середины 2002 года Республика Польша ввела механизм выдачи национальных виз, потребовавших от жителей региона наличия заграничного паспорта и пакета документов для получения визы (виза была платной, хотя стоимость была не высокой) [5].

В период с 2003 по 2005 года интенсивность пересечения границы росла, к 2005 году практически достигнув показателя 2002 года. Начиная с 2006 года, и вплоть до 2009 года интенсивность пересечения снова начал снижаться, опустившись к 2009 году до отметки в 1,27 млн. пересечений (по сравнению с 2005 годом объем пересечения сократился в три раза). Столь существенное снижение было вызвано целой группой факторов разной природы. В первую очередь, с практическим вхождением Республики Польша в Шенгенское пространство. Тем самым Польша прекращала выдачу национальных виз, перейдя на общеевропейские шенгенские визы. Это в свою очередь значительно ужесточило процедуру получения визы (выросла и стоимость виз) для

жителей Калининградской области. Кроме того на сокращение числа взаимных пресечений государственной границы повлиял мировой финансово-экономический кризис, охвативший как Калининградскую область, так и Республику Польша в 2008-2009 годах. Кризис сказался как на личных возможностях жителей приграничных регионов посещать сопредельное государство, так и на деловых контактах малого и среднего бизнеса, формировавшегося в предыдущие годы.

Источник: составлено автором на основе данных: [6].

Рис. 1. Динамика взаимных пересечений государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Польша в период с 2002 по 2017 год (количество пересечений)

Начиная с 2009 года и вплоть до 2014 года, число взаимных передвижений через государственную границу снова начало расти, достигнув к 2014 году самого высокого уровня за 15 лет. По сравнению с 2009 годом число пересечений по итогам 2014 года выросло в 5 раз. Важную роль в интенсификации приграничного сотрудничества сыграл запуск в 2012 году механизма местного приграничного передвижения, по которому в 2014 году обеспечивалась две трети от всех пересечений государственной границы [7].

Именно по итогам 2014 года был зафиксирован самый высокий объем взаимных пересечений через государственную границу, Уже по итогам 2015 года интенсивность взаимных пересечений упала на 7% до 6,1 млн. пересечений. Причины снижения были связаны исключительно с изменившимися в худшую сторону экономическими возможностями жителей Калининградской области. Падение уровня доходов с одновременным ростом расходов населения региона, а также негативное изменение курса российского рубля по отношению к польскому злотому стали причинами существенного сокращения числа поездок калининградцев в приграничные регионы Польши. По итогам 2015 года, общее число выездов калининградцев в Польшу сократилось на 17,7%, и лишь рост числа польских граждан выезжающих в Калининградскую область на 5%, смог частично нивелировать объем падения, остановив его на отметке в минус 7% [8]. В первом полугодии 2016 года, когда режим МПП еще действовал, число взаимных пересечений продолжало снижаться. По итогам первого полугодия объем падения составил 12% от уровня 2015 года за тот же период. При этом сокращалось как число калининградцев выезжающих в Польшу (сокращение на 10%), так и число поляков въезжающих в Калининградскую область (на 13%).

Прекращение действия режима МПП, произошедшее в середине 2016 года, кардинальным образом повлияло на интенсивность взаимных пересечений российско-польской государственной границы. По итогам 2016 года объем взаимных пересечений составил 4,2 млн. пересечений, что сопоставимо с показателем 2012 года. По итогам 2017 года темпы снижения пересечений немного замедлились, но даже с учетом этого число взаимных пересечений опустилось ниже 4 млн. пересечений в год.

В целом стоит отметить, что начиная с 2014 года наметилась тенденция к сокращению интенсивности приграничного сотрудничества между приграничными регионами России и Польши. Повлияли как экономические, так и политические и организационно-технические (ухудшение работы пунктов пропуска через государственную границу) факторы. При этом необходимо отметить, что на региональном и локальном (местном) уровне приграничное сотрудничество воспринимается как важный фактор социально-экономического развития территории по обе стороны границы. За последние 25 лет структура взаимных экономических и социальных контактов между Калининградской областью и приграничными воеводствами Республики Польша позволяет прогнозировать сохранение текущего уровня взаимного пресечения через границу. Более того, эксперты и в России, и в Польше прогнозируют, что в случае улучшения экономических и политических условий интенсивность взаимных пресечений через государственную границу незамедлительно отреагирует положительным ростом.

Анализ динамики числа пересечений через границу наглядно показывает прямую связь между характером приграничного сотрудничества и числом пересечений через границу. Это позволяет обосновать возможность использования последнего как объективного инструмента оценки уровня приграничного сотрудничества. Вместе с тем хочется отметить, что для Калининградской области приграничное положение является как ограничительным фактором, так и инструментом для развития. Усиление барьерной функции ведет к сокращению контактной, что в условиях наметившейся геоэкономической и геополитической турбулентности как на национальном, так и на глобальном уровне сокращает возможности для эффективного социально-экономического развития эксклавного региона России.

Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-05-00083 «Приморский фактор» конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности.

Литература

1. Миронюк Д.А., Женгота К. К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 156—179. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-9.
2. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2016, Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji bałtyckiej, Prace i Studia Geograficzne, Vol. 61, no.1, p.13—28.
3. Иванова А.Г. Программы технического содействия ЕС в Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 1(48) Калининградская область: международное сотрудничество. – Калининград. Изд-во РГУ им. И. Канта. 2006. С. 44-53.
4. Гуменюк И.С., Осмоловская Л.Г. Международное сотрудничество как фактор развития эксклавного региона - Калининградской области// В сборнике: Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Институт географии РАН. 2016. С. 73-83.
5. Бухарин Н. Российско-польские отношения и вступление Польши в ЕС//Вестник Европы 2004, 11 URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/bu3.html> (дата обращения 12.04.2018).

6. Straz Graniczna. Komenda Glowna Strazt Granicznej. URL: <https://www.strazgraniczna.pl/pl/granica/statystyki-sg/2206,Statystyki-SG.html> (дата обращения 12.04.2018).
7. Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю., Осмоловская Л. Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 97—117. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-6.
8. Biuletyn statystyczny strazy granicznej 2016 r. Komenda Glowna Strazt Granicznej URL: <https://www.strazgraniczna.pl/pl/granica/statystyki-sg/2206,Statystyki-SG.html> (дата обращения 12.04.2018).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Л.Г. Гуменюк

*Россия, Калининград, БФУ им. И. Канта
LOsmolovskaya@kantiana.ru*

Аннотация: Особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России зависят в первую очередь от специфики отношений между приграничными странами и регионами этих стран. Кроме того, на модель сотрудничества влияют и наднациональные объединения этих приграничных стран (для регионов Северо-Запада России — это Европейский союз и Северо-Атлантический альянс) С момента вхождения приграничных с Россией стран в состав Европейского союза началась реализация централизованной политики поддержки новых стран-членов с целью вырывания уровней их социально-экономического развития до среднеевропейского уровня. Данная политика охватила не только территории новых стран, но и приграничных с нею регионов, в том числе регионов РФ. Позже эта политика трансформировалась в программы сотрудничества приграничных регионов России и ЕС, совместно финансируемые обеими сторонами. Данный инструмент поддержки приграничного сотрудничества в целом зарекомендовал себя как эффективный для поддержки деловых, социальных и управленческих контактов. За период активной реализации проектов в рамках программ на границе Российской Федерации и Европейского союза сформировались 5 трансграничных регионов различного уровня развития.

Abstract: The specific features of cross-border cooperation between Russia's border regions depend primarily on the specifics of relations between the border countries and the regions of these countries. In addition, the supranational associations of these border countries influence the model of cooperation (for the regions of the Northwest of Russia - the European Union and the North Atlantic Alliance) Since the entry of the countries bordering with Russia into the European Union, a centralized policy of supporting new member countries has begun with a view to removing the levels of their socio-economic development to the average European level. This policy covered not only the territory of new countries, but also border regions with it, including the regions of the Russian Federation. Later this policy was transformed into programs of cooperation between the border regions of Russia and the EU, jointly financed by both sides. This tool for supporting cross-border cooperation as a whole has established itself as effective for supporting business, social and managerial contacts. During the period of active implementation of projects within the programs on the border of the Russian Federation and the European Union, five transboundary regions of different levels of development were formed.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Европейский союз, Северо-Западный федеральный округ, программы приграничного сотрудничества

Key words: cross-border cooperation, the European Union, the North-Western Federal District, cross-border cooperation programs

Специфика развития трансграничного сотрудничества приграничных регионов России зависит от многих внутренних и внешних факторов, в том числе схожести моделей и траекторий геоэкономического и геополитического развития стран и регионов, расположенных по обе стороны государственной границы. В связи с этим

интерес вызывают процессы формирования трансграничного сотрудничества регионов России, граничащих со странами-членами Европейского союза и/или Организации Североатлантического договора (НАТО). К их числу относятся следующие субъекты РФ: Мурманская, Ленинградская, Калининградская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Республика Карелия.

Политика Европейского союза по отношению к странам-соседям России начала формироваться в 1997 году. Она складывалась из двух инициатив: политики «Северного измерения» и Стратегии для региона Балтийского моря. Политика «Северного измерения» — это комплексная программа по развитию стран Северной Европы (после принятия в 1995 году в состав ЕС Финляндии и Швеции). Отличительной особенностью данной политики принято считать направленность в том числе и на внешних стран-соседей. Россия признавалась равным партнером и принимала активное участие в определении содержания и принятии решений по реализации программ. В 2006 году инициатива «Северного измерения» была обновлена, став равноправным проектом ЕС, России, Норвегии и Исландии. Это существенно усилило развитие трансграничного сотрудничества в регионе Северной Европы.

В 2004 году новыми членами Евросоюза стали Польша, Литва, Латвия и Эстония, что привело к разработке отдельной стратегии ЕС по отношению к этим странам. Сначала разрабатывали Стратегию региона Балтийского моря в рамках «Северного измерения», но затем отказались от этого плана. В результате в 2009 году принята Стратегия для региона Балтийского моря и соответствующий План действий. Регион Балтийского моря стал первым макрорегионом, для которого была разработана подобная стратегия (в 2011 году ЕС принял Стратегию для Дунайского региона). На практике она оказалась малоэффективной, что связано с принципом «трех нет»: для нее не выделяется отдельного финансирования, не издаются отдельных законодательных актов ЕС и не создается новых институтов [1]. Также стратегия носила ярко выраженный внутренний характер, действие документа распространялось только на членов ЕС (они же и отвечали за его разработку).

Указанные программы носили в большей степени рамочный, декларативный характер, практически не имели финансового или управленческого инструмента и не оказали прямого влияния на практическое развитие трансграничных связей между приграничными регионами России и регионами стран-членов ЕС. В тоже время они показали необходимость в развитии трансграничных связей, приоритетных направлений. Благодаря этим инициативам заинтересованность в трансграничном сотрудничестве возникла и продолжает существовать по обе стороны границы.

Практическим инструментом развития трансграничного сотрудничества между регионами стали в дальнейшем несколько программ.

Первой по времени реализации стала программа ТАСИС/TACIS. Проекты в рамках программы реализовывались в России в период с 1994 по 2006 годы с бюджетом 2,7 млрд. евро. Было профинансировано 1500 проектов в 58 регионах.

Одновременно приграничные российские регионы получили возможность участия в другой программе ЕС – ИНТЕРРЕГ/INTERREG. Главной целью данной инициативы является укрепление экономического и социального согласия в Европейском союзе, сбалансированное развитие континента путем международного, межнационального и межрегионального сотрудничества. Особый акцент уделяется интеграции разделенных регионов, находящихся на границах стран-кандидатов [2].

Первые два этапа программы INTERREG с 1989 по 1999 гг. были направлены на реализацию проектов между странами-членами ЕС (в первом этапе участвовало 11 стран, во втором – 15). Российские регионы принимали участие, но без

финансирования. Возможность участвовать в качестве полноправных партнеров открылась с запуском третьего этапа программы в 2000-2006 гг. (ИНТЕРРЕГ III). Но и здесь финансовая поддержка проектов российской части началась только в 2005 году из программы ТАСИС. Приграничные регионы России могли участвовать в нескольких направлениях программы ИНТЕРРЕГIII, различающихся по характеру сотрудничества и зоне действия. Самыми активными приграничными регионами России (по числу участников задействованных в реализации всех проектов) стали Санкт-Петербург и Ленинградская область (89 участников), Калининградская область (83 участника). Также в реализации проектов участвовали организации Псковской, Мурманской, Архангельской, Новгородской областей, Республики Карелия [4].

На основе анализа участия в совместных проектах и программах Европейского союза и России можно говорить о формировании на Северо-Западе нескольких трансграничных регионов с участием российских приграничных регионов (рис. 1).

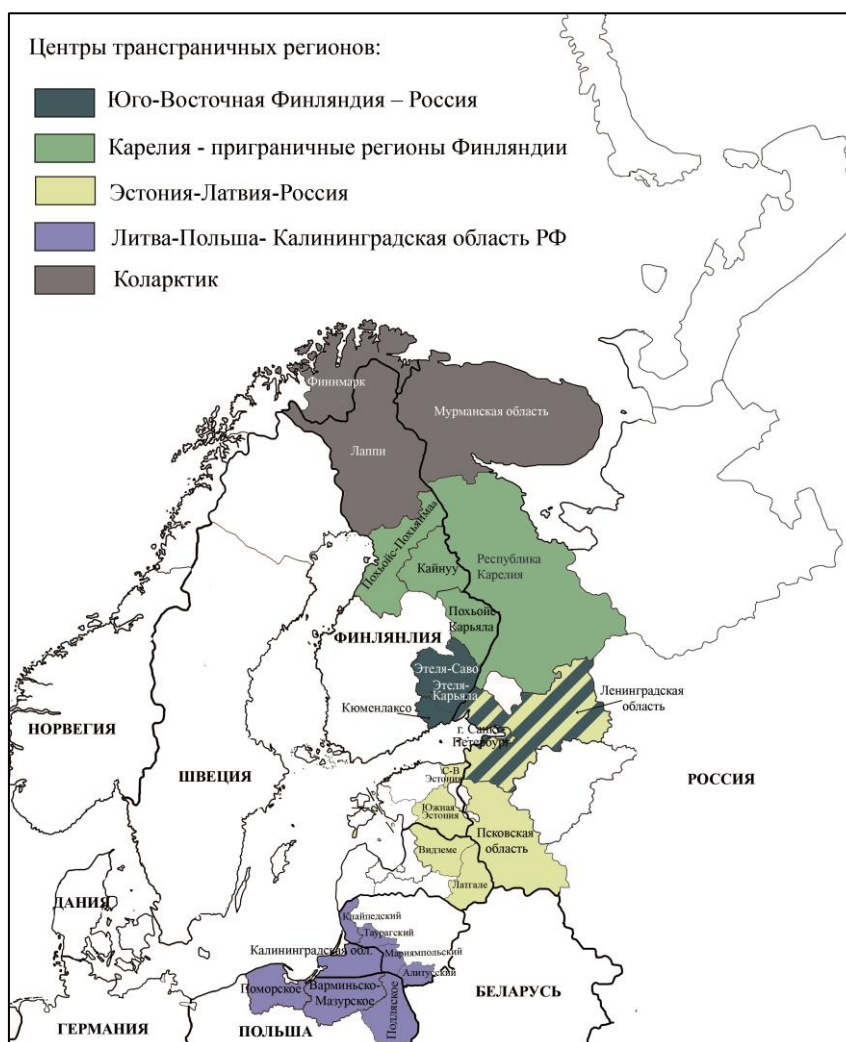
- 4) Трансграничный регион «Карелия – приграничные регионы Финляндии»: сформирован на части территории действия программы Добрососедства еврорегиона «Карелия».
- 5) Трансграничный регион «Юго-Восточная Финляндия — Россия», охвативший приграничные провинции Финляндии, г. Санкт-Петербург, Ленинградскую область и небольшую часть территории Республики Карелия.
- 6) Трансграничный регион «Коларктик» сформировался между приграничными регионами России и северными регионами Финляндии и Норвегии.
- 7) Трансграничный регион «Эстония — Латвия — Россия» сформировался под влиянием Программы Соседства региона Балтийского моря INTERREG IIIВ.
- 8) Трансграничный регион «Литва — Польша — Калининградская область РФ» по своему охвату повторяет территорию действия аналогичной программы. Она стала важным инструментом развития международного сотрудничества в Калининградской области.

Результаты программ приграничного и трансграничного сотрудничества заслужили высокую оценку как со стороны официальных властей Европейского союза и Российской Федерации, так и со стороны местных сообществ по обе стороны границы. С 2007 года сотрудничество (в том числе финансирование со стороны ЕС) осуществлялось в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП), были разработаны 5 программ. Данный инструмент пришел на смену программе ТАСИС и другим подобным программам, действовавшим в Европейском союзе в отношении регионов, расположенных на внешних границах ЕС.

Успешный опыт реализации предыдущих программ сотрудничества был взят за основу при разработке и утверждении новых. Официальный период действия программ охватывал 2007- 2013 гг., но по факту российские проекты реализовывались в период с 2010 по 2016 годы. В продолжение по всем пяти программам были разработаны новые, рассчитанные на период 2014 – 2020 гг. При этом по некоторым программам территория действия и состав участников остался неизменным (Программы «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия – Россия»). В других программах было принято решение о переходе от трехстороннего формата к двустороннему. В результате в 2014 -2020 гг. реализуются две отдельные программы «Латвия — Россия» и «Эстония — Россия»; а также «Литва — Россия» и «Польша — Россия».

Программы сотрудничества между РФ и ЕС на уровне отдельных регионов зарекомендовали себя как действенный и эффективный инструмент развития трансграничных связей, направленных как на развитие сетевых форм сотрудничества в

различных управленческих, институциональных, экономических или социальных сферах, так и на создание объектов инфраструктуры трансграничного характера. Возможности и потенциал данного инструмента, на наш взгляд, не реализованы до конца. Например, существенным недостатком программ является фактический запрет на участие в них хозяйствующих субъектов. Они могли участвовать в реализации конкретных проектов, но не могли рассчитывать на финансовую помощь. Эти проекты могли выступить важным инструментом в выстраивании кооперационных цепочек между небольшими предприятиями или индивидуальными предпринимателями в приоритетных для территории действия программы отраслях. Для Калининградской области, например, к данным отраслям можно отнести: сельское хозяйство и АПК, транспорт и логистику, туризм, отрасли, связанные с использованием прибрежного статуса территории. Создание таких кооперационных цепочек позволило бы в дальнейшем вывести трансграничные связи на качественно новый уровень развития, сопоставимый по своему характеру с механизмами функционирования трансграничных кластеров на границе Скандинавских стран, Германии, Франции.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Трансграничные регионы с участием приграничных регионов Северо-Запада России

Несмотря на некоторые недостатки в существующем механизме трансграничного сотрудничества между приграничными регионами России и стран-членов ЕС, данный инструмент на практике доказал свою эффективность в процессе формирования трансграничных регионов. На наш взгляд, этот успех связан с несколькими ключевыми особенностями в организации и реализации программ сотрудничества [5].

1. Передача полномочий по определению тематик и конкретных направлений сотрудничества на уровень региональных институтов и сообществ. В каждой программе сотрудничества были сформулированы максимально широкие направления, конкретизация которых происходила через локальные проекты, разрабатываемые и реализуемые организациями приграничных регионов России и стран-членов ЕС. Отсутствие четких директив сделало их эффективным инструментом решения актуальных задач.

2. Каждая программа реализовывалась через набор локальных проектов, что, с одной стороны, позволило организовывать эффективную систему контроля над реализацией проектов и расходованием средств, с другой, вовлечь в реализацию программ широкий круг организаций, представляющих разнообразные сферы регионов.

3. Обязательным условием реализации конкретных инициатив в рамках программ был трансграничный характер проекта (за редким исключением допускалась реализация силами участников из одной страны). Это условие заставило участников по разные стороны границы вырабатывать эффективный механизм сотрудничества, находить компромисс между всеми заинтересованными сторонами.

Российско-европейский опыт развития трансграничного сотрудничества, на наш взгляд, является наиболее успешным примером эффективного формирования трансграничных сетевых форм организации территории по обе стороны границы. Целесообразно перенести данный формат сотрудничества на остальные внешние границы России, в первую очередь, на те участки границы, что соединяют Россию с политически и экономически дружественными странами (Беларусь, Казахстан). Кроме того, российско-европейский опыт в полной мере может быть реализован и на российско-монгольской и российско-китайской границах с учетом региональной специфики и характера отношений между приграничными регионами сопредельных государств.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Литература

1. Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. "Северное измерение" и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37-47.
2. ИНТЕРРЕГ — Трансьевропейское сотрудничество для сбалансированного развития // Пространственное развитие в Европе: словарь-справочник. URL: <http://www.vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/interreg.htm> (дата обращения 15.05.2018).
3. The EU Initiative INTERREG and future developments // Association of European Border Regions (AEBR). December 1997. URL: http://www.aebr.eu/files/publications/interreg_97.en.pdf (дата обращения 16.05.2018).
4. Программа Соседства INTERREG III В региона Балтийского моря. URL: http://www.bsrinterreg.net/interreg/content/Selected_projects_with_Tacis.pdf (дата обращения 15.05.2018).

5. Гуменюк Л.Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России. Автореферат дис. ... кандидата географических наук / Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2017. 24 с.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОЙ КАРЕЛИИ В ХОДЕ РЕФОРМ

П.В. Дружинин

*Россия, Петрозаводск, Институт экономики КарНЦ РАН
pdruzhinin@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается пространственное развитие приграничных регионов, активно использовавших в ходе реформ появившиеся новые возможности трансграничных связей. Построена модель и проведены расчеты, показавшие зависимость развития муниципальных образований от близости к активной зоне.

Abstract. This article considers the spatial development of border regions. The border regions actively used the new opportunities for cross-border links that emerged during the reforms. A model was constructed and calculations were carried out, which showed the dependence of the development of municipalities from proximity to the core.

Ключевые слова: пространственное развитие, активная зона, регион, население, занятость.

Keywords: spatial development, active zone, region, population, employment

Проведенное исследование основано на статистических данных российских регионов, муниципалитетов Республики Карелия, регионов и субрегионов Финляндии. Для анализа происходящих изменений строились экономико-математические модели, проводились расчеты регрессионных уравнений. Данные для проведения исследований (численность населения, ВРП, оборот организаций, количество занятых) были получены из справочников ФСГС, ее региональных подразделений и их сайтов и сайта Статистического агентства Финляндии. Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0224-2017-0009) «Экономико - математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, изменениям федеральной политики и другим внешним шокам»

Развитие регионов зависит от их географического положения, периферийные регионы развиваются существенно медленнее остальных, но те, что являются приграничными, при возможности сотрудничества с сопредельными регионами другой страны могут получить дополнительные ресурсы. В таком случае развитие приграничных регионов в значительной степени зависит от условий торговли между странами. Глобализация уменьшает существующие ограничения на торговлю, но часть из них остается. Исследования влияния торговых барьеров на объемы торговли, которые проводились на данных приграничных регионов РФ и Китая, показали значимость существующих ограничений [1].

В ходе реформ начала 90-х годов существенно уменьшились барьеры для внешнеэкономической деятельности предприятий, расширились права регионов, что привело к активизации внешней торговли. В результате в РФ усилился спад большинства перерабатывающих отраслей приграничных регионов и замедлился спад большинства добывающих отраслей. Одновременно происходили изменения структуры

экономики сопредельных регионов в соседней стране. Активизация торговли потребовала развития приграничной инфраструктуры, стали вкладываться средства в таможенную и транспортную инфраструктуру, развитие инфраструктуры, обслуживающей движение товаров фирмы привлекло частных инвесторов.

Взаимодействие сопредельных регионов обычно проходит несколько стадий, от вывоза из менее развитой страны сырья и промежуточных товаров до создания перерабатывающих местное сырье и инновационных фирм, что требует определенных навыков и опыта, переориентации системы образования на перспективные профессии и создания благоприятных условий для бизнеса. Практика показывает, что обычно имеющаяся асимметрия усиливается, более развитый регион становится ведущим и перестраивает экономику сопредельного под свои нужды, как это происходило в финской Северной Карелии и российской Республике Карелия. Но активные действия менее развитого региона могут уменьшать асимметрию, и он становится ведущим регионом, как это происходило в приграничье Китая и России.

Снижение барьеров на границе ведет также к активизации перемещения финансовых средств в ведомый регион и их накопление в ведущем. Если в ведущем регионе можно отметить комплексное развитие территории, то в сопредельном регионе инвестиции приходят в сырьевой сектор и объем этих инвестиций очень мал.

Дополнительные возможности появляются для перемещения знаний и информации, что связано с теми специалистами и учащимися, которые уехали на учебу, временную работу или на постоянное место жительства в более развитую страну, часть их возвращается, что способствует росту человеческого капитала в менее развитых приграничных регионах. Например, в ДВФУ во Владивостоке 10% студентов приехали из Китая (примерно 3000 студентов), большинство из них с новыми знаниями возвращается в Китай, а оставшиеся активно участвуют в совместных проектах.

На развитие сферы услуг и соответственно увеличение доходов приграничных регионов влияет туризм, в Карелии примерно 5% товарооборота обеспечивают приезжающие в регион. Причем надо отметить, что доходы от обслуживания пересекающих границу позволяют реализовать проекты, которые увеличивают поток туристов. Например, фирма, занимающаяся торговлей и общественным питанием у границы в Вяртсиля, создала горный парк «Рускеала», который в 2017 г. посетило около 300 тыс. человек.

Активизация трансграничного сотрудничества через реализацию проектов программ приграничного сотрудничества, таких как Интеррег и ENI CBC, связанных с обучением специалистов, совместными социальными, научными и экологическими проектами, передачей опыта и документации, для некоторых регионов оказала заметное влияние на экономику и социальную сферу менее развитого приграничного региона. В результате выполнения этих проектов у приграничных регионов возникает на некоторое время преимущества, связанные с нематериальными результатами сотрудничества, прежде всего возможность повышения уровня менеджмента, появления дочерних, а затем и самостоятельных инновационных фирм. К сожалению, в последние годы конфликты между Россией и европейскими странами привели к сворачиванию трансграничного сотрудничества.

При определенных условиях, связанных с наличием таможенной и транспортной инфраструктуры, наиболее развитые приграничные регионы и муниципалитеты получают заметный эффект от подобных изменений. Они начинают развиваться быстрее, чем внутренние территории, имеющие схожий или даже более высокий уровень экономического развития. Также на развитие приграничных территорий влияет асимметрия институтов, уровень развития сопредельных регионов, особенности структуры их экономики и имеющихся ресурсов. Значительные проблемы для развития

приграничных территорий могут создать ограничения со стороны федеральных властей и действия властей сопредельных стран, успешное развитие приграничной торговли может прерваться из-за военных конфликтов или санкций, которые также могут способствовать отставанию в технологическом развитии российских регионов.

Множество работ посвящено пространственному развитию регионов. В них на основе новой экономической географии анализируются процессы концентрации экономической активности [2, 3]. Значительное влияние на активность агломерационных процессов оказывает размер локального рынка и активность связей агентов на нем. Расчеты на финских данных показали, что влияние крупного развивающегося центра на соседние территории может быть и отрицательным и положительным.

В концепции кольцевых структур выделяются центральные, краевые и соединяющие их радиальные активные зоны, имеющие более современную структуру экономики, более высокую производительность труда и инвестиционную активность [4]. Они имеют развитую инновационную инфраструктуру, образовательные учреждения и относительно высокий уровень менеджмента, что позволяет им ускоренно развиваться и привлекать ресурсы соседних территорий (пассивных зон). В результате на территории активных зон возникают новые предприятия и одновременно старые предприятия с устаревшими технологиями закрываются или выносятся в пассивные зоны, где ниже затраты на производство, прежде всего на оплату труда. Развиваясь, активные зоны постепенно территориально расширяются, меняется структура их экономики, растет доля образования, культуры, сервисных отраслей, информационно-коммуникативных технологий и высокотехнологичных производств. Данная концепция была использована для оценки влияния приграничного положения на пространственное развитие регионов.

В рамках данной концепции для приграничных регионов было выделено три типа возможных активных зон на уровне региона – промышленный центр, транспортный центр и центр приграничного сотрудничества. К локальным зонам сотрудничества относятся региональная столица и приграничные муниципалитеты, имеющие международные автомобильные пункты пересечения (МАПП) и другую инфраструктуру. Также при определенных условиях зоной сотрудничества могут стать муниципалитеты, имеющие востребованные природные ресурсы и необходимую инфраструктуру (транспортную и энергетическую). Реализация трансграничных проектов может привести к модернизации существующих и строительству новых предприятий по добыче сырья на основе современных технологий и дать толчок развития данной территории [5].

Стать активной зоной весь приграничный регион может, но лишь в исключительных случаях, имея значительный потенциал. Приграничные регионы, обычно являются периферийными в стране, но, при определенных условиях они могут активно участвовать во взаимодействии соседних государств, и, формируя трансграничные кластеры, получая необходимые ресурсы от трансграничного сотрудничества, они могут ускоренно развиваться, взаимодействуя с прилегающими к ним глубинными регионами.

На статистических данных муниципальных образований приграничной Республики Карелия за 1989-2016 гг. были построены и проанализированы графики различных показателей, построены временные ряды, было проведено сравнение динамики численности населения, занятости населения и других показателей приграничных и глубинных районов с учетом их обеспеченности ресурсами и инфраструктурой, были проведены расчеты линейных и мультипликативных регрессионных уравнений. В результате были выделены активные и пассивные зоны,

проанализированы факторы, влияющие на развитие пассивных зон. Точность динамических рядов по численности населения обеспечивается переписями населения, текущие данные уточняются в соответствии с результатами переписей 2002 г. и 2010 г.

До начала рыночных реформ роль активных зон в регионе играли промышленные центры, но в 90-х годах их положение заметно ухудшилось и приграничное положение стало оказывать положительное влияние на развитие экономики Карелии, стала усиливаться роль приграничных муниципалитетов, обеспеченных необходимой инфраструктурой. Карелия – северный периферийный северный регион, как и во всех подобных регионах, в Карелии быстро сокращается численность населения, но численность населения столицы региона – Петрозаводска за годы реформ не изменилась. В 90-х годах минимальное падение численности населения было также в двух приграничных городах вблизи МАПП (Костомукша, Сортавала). В то же время приграничное положение при отсутствии необходимой инфраструктуры никак не влияло на динамику численности населения, в двух приграничных муниципалитетах динамика численности населения соответствовала республиканской, в трех была хуже.

В 2000-х годах стала немного расширяться центральная активная зона, заметно замедлилось снижение численности населения вблизи Петрозаводска и ускорилось в периферийных муниципалитетах. В большинстве муниципалитетов численность населения стала снижаться быстрее, даже в приграничной Сортавале. Но в то же время проявилось положительное влияние степени развития транспортной инфраструктуры при условии близости к активной зоне.

Иностранные инвестиции слабо повлияли на развитие республики, небольшие средства были вложены в основном в приграничные территории. Развитие предприятий было больше связано с российскими инвестициями. Наибольший объем накопленных иностранных инвестиций в Карелии приходится на муниципальные образования, обладающие заметными запасами ресурсов, прежде всего лесных.

Для построения графиков и их анализа рассматривались данные по 18 муниципальным образованиям Карелии по динамике занятости и численности населения и расстояния между центрами муниципалитетов по действующей дорожной сети. Для центра каждого муниципалитета определялось расстояние до ключевой точки ближайшей активной зоны (г. Петрозаводск, МАПП Вяртсиля вблизи Сортавалы, МАПП Люття вблизи Костомукши).

Анализ графиков показал, что существует зависимость изменения численности населения муниципалитетов в зависимости от расстояния от активной зоны. Если данное расстояние не превышало 200 км, то изменение численности населения зависело от этого расстояния.

По результатам данного анализа было построено линейное уравнение, которое показывает, что в среднем при удалении на каждые 13 км численность населения снижается на 1 процентный пункт, но для лежащих на расстоянии до 200 км численность населения снижается на 1 процентный пункт при увеличении расстояния на 5 км (табл. 1). В то же время муниципальные образования, расположенные на расстоянии более 280 км от активной зоны теряют население примерно так же, как и расположенные на расстоянии 150-200 км. Это промышленные центры вдоль железной дороги, имеющие небольшие порты, развивавшиеся до 90-х годов, в которых большинство промышленных предприятий было закрыто. Влияние активной зоны на их развитие слабее. Данная зависимость хорошо описывается сплайн-функцией.

Близкая, но немного иная картина получается и для графика динамики занятости населения. Занятые перемещаются в активную зону пропорционально расстоянию от

нее при расстоянии до 170 км, затем до расстояния 300 км отток занятых уменьшается и затем снова возрастает.

Таблица 1

Результаты расчетов параметров линейной функции (в скобках – t статистика)

A	Свободный член	R ²	F	p
-0,194 (-5,6)	90,7 (23,4)	0,74	31,1	0,0002

Заключение. Потенциальные возможности приграничных регионов в РФ пока используются слабо, приграничные регионы являются периферийными и отстают в развитии от большинства российских регионов, а федеральная политика по отношению к приграничным регионам достаточно пассивна и особенно в последние годы создает дополнительные барьеры для их развития. В то же время политика на поддержку взаимодействия с сопредельными государствами могла бы ускорить развитие как приграничных регионов, так и соседних глубинных регионов.

В то же время внутри приграничных регионов происходят заметные пространственные изменения. На основе анализа развития муниципальных образований Республики Карелия, показано влияние перехода к рыночной экономике и изменений экономической политики на пространственное развитие приграничного региона. Выявлены закономерности пространственного развития и показано, что происходит расширение центральной региональной активной зоны и преобразуется система кольцевых активных зон. Центральная активная зона втягивает ресурсы из пассивных зон, и постепенно расширяется территориально, захватывая и уже положительно влияя на ближайшие муниципалитеты, а ресурсы в них и в центр активной зоны привлекаются из более отдаленных муниципалитетов. При активизации трансграничного сотрудничества краевыми активными зонами вместо индустриальных муниципальных образований становятся приграничные муниципальные образования, имеющие необходимую таможенную и транспортную инфраструктуру. Территория активных зон и расстояние их влияния постепенно растет, они начинают захватывать ресурсы более отдаленных территорий. В большей степени это явление характерно для центральной региональной активной зоны. Также отмечено, что развитие пассивных зон определяется их расстоянием от активных зон приграничного региона и возникает нейтральная зона, на которую влияние активных зон ограничено.

Литература

1. Рыжова Н.П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2012. №4. С.28-48.
2. Урманов Д.В. Локальные территории в пространственном развитии системы «центр-периферия» региона // Вестник Томского государственного университета. 2010. №339. С.127-130.
3. Коломак Е.А., Трубахина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области / Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Материалы Всероссийской конференции. Санкт-Петербург. Нестор-История. 2013. С.99-102.
4. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеоздат, 2000. 160 с.
5. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных территорий // Регионоведение. 2017. №2. С.200-216.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ЭКСПОРТА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ИЗ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Г. Дупленко

Россия, Калининград, БФУ им. И. Канта

NDuplenko@kantiana.ru

Аннотация: В докладе представлены результаты исследования динамики экспорта высокотехнологичной продукции из Калининградской области в 2015-2017 гг. Сделаны выводы о значительном снижении общего объема экспорта из региона, проанализировано изменение его товарной структуры, выявлены основные причины снижения.

Abstract: The article presents the results of a study of the dynamics of exports of high-tech products from the Kaliningrad region in 2015-2017. The author draws conclusions about the significant decrease in the total volume of exports from the region, analyzes the change in its commodity structure, identifies the main reasons for the decline in exports of high-tech products.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, Калининградская область, экспорт высокотехнологичной продукции.

Key words: innovation, innovative development, Kaliningrad region, export of high-tech products.

Проведенное в 2016 году исследование показало, что Калининградская область относится к регионам-аутсайдерам по уровню инновационного развития и входит в число регионов с самой низкой инновационной активностью предприятий [1, с. 92]. По итогам 2017 года Калининградская область занимает 40 место среди российских регионов, что на 7 мест ниже, чем в 2016 году. По научным исследованиям и разработкам регион занимает 38 место, по инновационной деятельности - 54 место. При этом по социально-экономическим условиям инновационной деятельности Калининградская область занимает 22 место, что свидетельствует об очень низкой степени использования ее инновационного потенциала [2].

В рамках начатого в 2017 году исследования проверялась гипотеза, согласно которой низкий уровень Калининградской области в рейтингах инновационного развития объясняется тем, что вследствие особенностей географического положения и режима особой экономической зоны, благодаря которому многие калининградские предприятия имеют многолетний успешный опыт внешнеэкономической деятельности, специализацией региона является не производство инновационной продукции, а содействие ее экспорту. В результате Калининградская область входит в тройку регионов-лидеров по объему экспорта высокотехнологичной продукции в расчете на 1000 человек населения. В 2013-2014 гг. данный показатель составил 1492,3 долл. США и был самым высоким в Север-Западном федеральном округе [3, с. 70].

Одним из направлений проведенного исследования был анализ динамики экспорта высокотехнологичных товаров из Калининградской области, результаты которого представлены в настоящем докладе.

Товары были отнесены к высокотехнологичным в соответствии с Перечнем высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики, утвержденным Приказом Министерства промышленности и торговли РФ 23 июня 2017 г. № 1993 (далее Перечнем). Всего в соответствии с данным перечнем к высокотехнологичным отнесены 46 товарных групп и 384 товарные позиции [4].

В качестве источника данных об экспорте высокотехнологичной продукции была использована база данных «Таможенная статистика внешней торговли

Российской Федерации», составленная на основе официальных справочников таможенной статистики РФ издательства ФТС России [5]. Обработка статистических данных в базе осуществлена по «Единой методологии ведения таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза».

Под высокотехнологичной продукцией, экспортированной из Калининградской области, понимается продукция, в качестве отправителя (экспортера) которой при оформлении таможенных процедур выступал хозяйствующий субъект, зарегистрированный в Калининградской области, при этом сама продукция могла быть произведена как в этом, так и в другом регионе.

Сравнение объемов экспорта высокотехнологичной продукции в 2015-2017 гг. из Калининградской области показывает его значительное сокращение. Если в 2015 году ее было экспортировано на 448,4 млн долларов США, то в 2016 году – 168,6, в 2017 – 147,3. Таким образом, в 2016 году падение составило 62,4 процента.

Анализ товарной структуры экспорта позволил сделать вывод о том, что снижение произошло по большинству товарных групп (табл. 1). Здесь и далее учтены только те товарные позиции из соответствующей товарной группы, которые отнесены к высокотехнологичным в соответствии с Перечнем.

Таблица 1

Динамика экспорта высокотехнологичной продукции из Калининградской области в разрезе основных товарных групп

Товарные группы	Экспорт, млн долл. США			
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2015 г., %
Двигатели, оборудование и механические устройства; их части	281,4	36,3	17,4	6,19
Электрические машины и оборудование, их части	69,9	17,5	12,7	18,16
Суда, лодки и плавучие конструкции	25,6	14,7	8,9	34,52
Средства наземного транспорта, их части	24,1	28,4	22,0	91,28
Древесина и изделия из нее	14,6	19,3	10,7	73,72
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, измерительные и т.п.	8,6	3,0	2,2	26,16
Железнодорожные локомотивы, вагоны, их части; путевое оборудование и контейнеры	5,6	0,2	1,3	23,99
Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона	5,1	2,6	0,9	18,20
Предметы одежды нетрикотажные	4,4	3,0	1,4	31,38
Пластмассы и изделия из них	2,9	2,6	1,3	44,85
Изделия из черных металлов	2,3	28,6	50,9	в 22,2 раза
Прочие товары	4,3	12,4	17,6	409,3
ВСЕГО	448,4	168,6	147,3	32,85

Возникает вопрос: чем обусловлено падение экспорта данных видов высокотехнологичной продукции – общим снижением ее экспорта из России или снижением роли калининградских посредников? Для ответа на него рассмотрим более подробно экспорт по трем товарным группам, на которые приходилась основная доля экспорта высокотехнологичной продукции из Калининградской области в 2015 году.

Из объема экспорта двигателей, оборудования и механических устройств, а также их частей основная часть приходится на центральные запоминающие устройства на жестких магнитных дисках для вычислительных машин. В 2015 году их общий

экспорт из России составил 240,1 млн долларов США, в том числе экспорт из Калининградской области – 233,9 млн, т.е. 97,4 процента. При этом страной-импортером была Германия. В 2016 году экспорт почти прекратился, упав до 4,5 млн долларов США, причем в Германию было экспортировано центральных запоминающих устройств всего на 22,7 тыс. долларов США из Калининградской области и 34,2 тыс. из Московской области. В 2017 году экспорт несколько подрос (до 6,3 млн долларов США), в том числе в Германию – до 141,7 тыс. долларов, однако Калининградской области в числе регионов-экспортеров уже не было. Таким образом, главной причиной сокращения экспорта данной продукции из региона стало значительное сокращение импорта Германией из России в целом.

Следует отметить, что одним из факторов, обуславливающих снижение экспорта высокотехнологичной продукции, является рост ограничительных мер, действующих на зарубежных рынках в отношении российских товаров. По состоянию на 1 апреля 2018 года в отношении их ввоза в другие страны действовало 151 мер, введенных 29 странами. В качестве примера можно привести антидемпинговые меры США в отношении российской урановой продукции, защитные меры по соображениям национальной безопасности – к ввозу из России стали и алюминия, запрет на импорт в США вооружений и компонентов из России; антидемпинговые меры при ввозе на Украину российских древесноволокнистых плит, компенсационные меры – легковых автомобилей; введенные Белоруссией в 2015-2016 годах ограничения доступа российских производителей сельскохозяйственной техники и автобусов при участии в закупках по договорам лизинга и т.п. [6].

Второе место по объему экспорта из Калининградской области в 2015 году занимали электрические машины и оборудование, их части, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура. Проведенное исследование показало, что из региона был практически полностью прекращен экспорт электронных интегральных схем (с 31,8 млн долл. США в 2015 г. до 0,1 в 2017), а также частей видео-, теле-, радио- и прочей электроаппаратуры. Одновременно произошло значительное увеличение экспорта приемной аппаратуры для телевизионной связи (с 1,2 до 8,4 соответственно), однако в абсолютном значении оно не смогло нивелировать падение экспорта других видов продукции.

Экспорт электронных интегральных схем из России в целом за рассматриваемый период сократился с 28,9 млн долларов США до 308,4 тыс. долларов. Экспорт же частей видео-, теле- и радиоаппаратуры, наоборот, значительно вырос – с 82,5 млн долларов США до 269,3. При этом экспорт данной продукции в Индию, куда она поставлялась в 2015 году из Калининградской области, увеличился почти в два раза – с 43,2 до 73,8 млн долларов США, причем кардинальным образом изменились регионы, откуда осуществлялась их поставка. Если в 2015 году это были Калининградская область (52,8 процента от общего объема экспорта данной продукции из России в Индию), Санкт-Петербург (41,5 процента), а также Москва, Московская область. Татарстан и Башкортостан (в сумме 5,7 процента), то в 2017 году в лидеры вышел Санкт-Петербург (64,6 процента), на втором месте оказалась Москва (18,9 процента), далее в порядке убывания объема экспорта расположились Калужская, Московская, Свердловская и Архангельская области; поставки же из Калининградской области прекратились.

Можно сделать вывод о том, что сокращение экспорта электронных интегральных схем из региона в рассматриваемый период обусловлено снижением общего экспорта данной продукции из России. Что же касается экспорта частей видео-, теле- и радиоаппаратуры, то калининградские поставщики уступили свои позиции компаниям из других российских регионов.

И, наконец, что касается экспорта судов, лодок и плавучих конструкций. Их экспорт из Калининградской области в 2015-2017 годах также претерпел значительные изменения (табл. 2).

Прежде всего, почти в пять раз сократился экспорт морских земснарядов. В 2015 году их было экспортировано два – один в Белиз стоимостью 15,2 млн долларов США и второй в Германию стоимостью 8,2 млн. Всего в этот год из России было экспортировано четыре морских земснаряда, поставки осуществлялись также из Москвы в Сингапур и из Санкт-Петербурга в Великобританию. В 2016 году из Калининградской области было экспортировано уже четыре морских земснаряда – по два в Данию и Литву на 5,6 и 3,8 млн долларов соответственно. Два земснаряда были поставлены также из Ленинградской области в Эстонию и один – из Астраханской области в Армению. В 2017 году из Калининградской области было экспортировано еще по одному морскому земснаряду в Данию и Литву, в число других регионов-экспортеров вошли также Москва, Санкт-Петербург и Дагестан, поставившие по одному земснаряду в Болгарию, Эстонию и Азербайджан. Можно сделать вывод о том, что снижение объема экспорта по данной товарной группе из Калининградской области обусловлено тем, что стали поставляться более дешевые виды продукции.

Таблица 2

Динамика экспорта судов, лодок и плавучих конструкций из Калининградской области

Товарные группы	Экспорт, млн долл. США			
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2015 г., %
Суда, лодки и плавучие конструкции, всего	25,6	14,7	8,9	34,52
В том числе:				
Морские земснаряды	23,4	9,3	4,9	20,9
Суда для перевозки пассажиров или грузов	1,8	5,3	4,0	209,6
Моторные лодки и катера	0,4	0,1	0	0,0

По судам для перевозки пассажиров или грузов в регионе в 2017 году произошел рост экспортных поставок. Если в 2015 году их было экспортировано на 1,8 млн долларов (поставка трех судов в Литву, Польшу и на Сейшелы), то в 2016 году – уже на 5,3 млн (одно судно в Болгарию и шесть в Латвию). В 2017 году произошло уменьшение объема экспорта по сравнению с 2016 годов, однако по сравнению с 2015 годом экспорт вырос в 2,1 раза. Было поставлено по одному судну в Иран, Италию, Эстонию и на Украину. Следует отметить, что по данному виду высокотехнологичной продукции калининградские компании выступают не как посредники. В Калининградской области успешно функционирует АО «Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь». Несмотря на то, что основную долю в портфеле заказов предприятия составляют боевые корабли в рамках выполнения государственного оборонного заказа и военно-технического сотрудничества, здесь активно развивается и гражданское судостроение. Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь» за свою историю построил корабли и суда для компаний Норвегии, Германии, Голландии, Эстонии и Индии, в числе партнеров также компании из Франции и Ирана.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в период с 2015 по 2017 год произошло значительное снижение экспорта высокотехнологичной продукции из Калининградской области. Особенно заметным было падение экспорта в 2016 году - в 2,7 раза.

Во-вторых, снижение объемов экспорта произошло почти по всем основным товарным группам, среди которых и в абсолютных, и в относительных показателях наиболее заметным было снижение объема экспорта двигателей, оборудования и механических устройств, а также их частей - на 264,0 млн долларов США или на 93,8 процента.

В-третьих, основной причиной сокращения экспорта данной продукции из региона стало почти полное прекращение импорта соответствующих видов двигателей, оборудования и механических устройств Германией из России в целом. Что касается других товарных групп, то в число основных причин входила также утрата конкурентных позиций калининградскими компаниями. В частности, произошла переориентация импортеров на закупки в других российских регионах частей видео-, теле- и радиоаппаратуры.

Литература

1. Дупленко Н.Г., Смирнова О.С. Отраслевой и региональный анализ инновационной активности российских предприятий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 2. С. 85-95.
2. Рейтинг инновационных регионов России: версия 2017 // Ассоциация инновационных регионов России. 2018. URL: <http://i-regions.org/images/files/airr17.pdf> (дата обращения: 20.05.2018)
3. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 62-77.
4. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 23 июня 2017 г. № 1993 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики и перечня высокотехнологичной продукции» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 01.08.2017. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 03.04.2018.
5. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации // Сайт «Customs Online». 2018. URL: http://customsonline.ru/search_ts.html (дата обращения: 17.05.2018).
6. Реестр ограничительных мер. Информация по состоянию на 1 апреля 2018 г. // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. 2018. URL: <http://www.ved.gov.ru/mdb/information/database/> (дата обращения: 10.05.2018).

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ БАЛАНС КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ С ЭКСПОРТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Д.Г. Егоров

*Россия, Псков, Псковский филиал Академии ФСИИ России
de-888@ya.ru*

Аннотация: Предложено обоснование цели субфедеральной экономической политики на Севере России - обеспечение устойчивого развития соответствующих территориальных систем. Разработан метод оценки альтернатив социально-экономического развития регионов с экспортной экономической ориентацией: на основе построения МОБ в натуральных единицах.

Abstract: Proposed science-based goal subfederal economic policy in Northern Russia - to ensure sustainable development of the regional systems, ie, an increase in aggregate regional wealth of the territory. On the example of the Murmansk region have developed a method for evaluating alternatives of socio-economic development of the export orientation of the economy: on the basis of building the MPS in natural units.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, парадигма социально-экономического развития, региональная экономика, устойчивое развитие

Key words: input-output balans, paradigm of social and economic development, regional economy, sustainable development

В настоящей работе мы предлагаем метод оценки альтернатив социально-экономического развития регионов с экспортной экономической ориентацией (каковыми являются, в частности, приграничные регионы северо-запада: Карелия и Мурманская область): на основе построения региональных межотраслевых балансов (МОБ) в натуральных единицах. Но, прежде чем перейти к описанию конкретных таблиц МОБ, остановимся на вопросе о цели субфедеральной региональной экономической политики (РЭП) на Севере России. По нашему мнению, ею может быть обеспечение устойчивого развития соответствующих территориальных систем, т. е. увеличение совокупного регионального богатства соответствующей территории. Раскроем этот тезис:

На федеральном уровне достаточно обоснованно можно утверждать, что главным объектом РЭП являются региональные (пространственные) неравенства различного рода (в уровнях развития, занятости, доходов населения, и т.д.); следовательно, целью федеральной экономической политики будет свести к минимуму эти неравенства, и тем самым убрать почву для возникновения социальных конфликтов [1]. На уровне субъекта федерации это может быть целью взаимодействия с федеральным уровнем власти для администрации депрессивных регионов, но это не может быть целью субфедеральной экономической политики.

Мы считаем, что целью субфедеральной экономической политики в регионах России с экспортной экономической ориентацией может являться обеспечение устойчивого развития соответствующих территориальных систем. Устойчивое развитие региональной экономической системы мы определяем как увеличение совокупного регионального богатства (РБ) соответствующей территории. Иными словами – стоимость произведенного, добытого и построенного в регионе должно превышать стоимость потребленных при этом ресурсов.

Заметим, что ВРП отнюдь не является аналогом РБ, ибо при подсчете ВРП (во всяком случае, по ныне действующим методикам) не учитывается отрицательная стоимость промышленных загрязнений окружающей среды, и растрата невозобновляемых ресурсов.

Второе принципиальное отличие РБ от ВРП – включение в РБ, помимо (1) капитала и товарных запасов, (2) природных ресурсов, также и (3) человеческого капитала. По данным Всемирного банка, человеческий капитал является в настоящее время (даже с учетом определенной спорности принимаемых при его оценке методических приемов) основным компонентом национального богатства почти во всех странах мира. В России в целом по состоянию на начало XXI века отношение стоимости природных ресурсов к человеческому капиталу близко к единице. Однако для рассматриваемых нами региональных экономических систем оно должно существенно отличаться в более высокую сторону: при проживании на территории регионов севера (большая часть которых – экспортно-ориентированные) только 8 % населения РФ здесь находится не менее половины запасов природных ресурсов. Поэтому для регионов РФ с экспортной экономической ориентацией основная форма трансформации компонентов РБ: «природные ресурсы» → «основные фонды и товарные запасы».

Исходя из предложенной выше цели, сформулируем определение субфедеральной экономической политики.

Субфедеральная экономическая политика – это деятельность региональных органов власти по достижению устойчивого развития соответствующих территориальных систем.

Основной экономической проблемой обсуждаемого подхода является проблема квантификации РБ (введения меры устойчивости развития).

С нашей точки зрения, для решения этой проблемы может оказаться перспективным подход на основе построения региональных межотраслевых балансов в натуральной форме.

Ранее нами разработана оригинальная модификация регионального межотраслевого баланса, и опубликован ряд конкретных таблиц МОБ Мурманской области (за 2002-2011 годы) [2-4]. Суть нашего подхода - матрица межотраслевого баланса должна строиться в натуральных показателях (по всем отраслям, допускающим такой подход), а при использовании денежных единиц (характеризующих отрасли, продукцию которых объективно сложно выразить в натуральных показателях в силу несоизмеримости отдельных ее частей – например, строительство) в балансе должно фиксироваться перемещение реальных активов, а не виртуальное перемещение финансов. Кроме того, модель должна включать не только основные отрасли промышленности региона, но также домашние хозяйства, транспорт, коммунальное хозяйство и социальную инфраструктуру, связанные между собой системой натуральных единиц. Нами выделены черты, общие для региональных экономических систем севера РФ:

Главная особенность предлагаемой нами модификации МОБ – представление процесса воспроизводства трудовых ресурсов не в III-м квадранте таблицы (как в базовой модели МОБ), а в I-м, в строке «социальная инфраструктура» (см. табл. 1).

В общем случае (табл. 1) мы абстрагируемся от различий в величине зарплат по отраслям: содержание человека на севере не исчерпывается только лишь зарплатой; кроме того, описываемая модель предназначена не для краткосрочных прогнозов, а для оценки стратегических альтернатив развития региона (с течением времени отраслевые пропорции в оплате труда могут меняться, и вполне допустимо оперировать усредненной стоимостью человеческого капитала) Это ограничение можно обойти, разделив описание воспроизводства рабочей силы на несколько отраслей, различающихся степенью квалификации работников, и, следовательно, затратами на заработную плату, обучение, и т.д. – т.е. стоимостью человеческого капитала [4].

Собственно промышленный блок матрицы прямых коэффициентов фактически не содержит значимо отличающихся от нуля элементов. Фактически вся продукция этих отраслей (составляющих основное ядро региональной экономики области) не используется на территории региона, а идет на экспорт. Данное обстоятельство связано с малой структурной взаимосвязью основных горных предприятий области между собой. Это – общая черта любого сырьевого региона с экспортной ориентацией; иными словами, связь между большинством отраслей региональной экономики весьма мала, и изменения в одних отражаются только на части других. Далее: сами эти изменения в объемах выпуска сырьевых отраслей (а также в ценах на сырье), как правило, не связаны с социально-экономическими процессами внутри региона (так как спрос формирует отнюдь не регион), то есть задаются экзогенно, в то же время природные ресурсы находятся на территории региона. В связи с этим возможности кейнсианских методов макроэкономического межотраслевого регулирования на региональном уровне в сырьевых регионах принципиально меньше, чем в среднем по стране: эффект мультипликации в экономической системе, состоящей из почти не связанных между собой блоков, будет фактически отсутствовать. Соответственно, при проведении субфедеральной экономической политики в рассматриваемом нами случае существует

ограниченная возможность макроэкономического межотраслевого регулирования в духе Кейнса.

Напротив, контроль за изъятием не возобновляемых ресурсов, и восстановлением возобновляемых ресурсов, безусловно, эффективен прежде всего на уровне региона. Возможной формой для этого может служить региональный МОБ (обязательно как в стоимостном, так и в натуральном выражении), дополненный строками, отражающими эксплуатацию промышленностью региона возобновляемых и не возобновляемых природных ресурсов (табл. 1); для выполнения требования устойчивости развития соответствующей региональной системы сумма по колонке «стоимость» должна быть больше нуля. Методически важным является отдельный счет возобновляемых и не возобновляемых природных ресурсов. возобновляемые природные ресурсы (воздух, вода, лес, рыба, и др.) должны изыматься в объемах, позволяющих природным системам возвращаться в состояние полного восстановления исходного потенциала. Если же какое-либо предприятие (отрасль в целом) переходит эту грань, то, помимо рентных платежей, оно должно компенсировать ущерб от разрушения биосистем. По состоянию на сегодня значительная часть населения не вполне отдаст себе отчет в реальной стоимости биосистем. Так, полезный эффект только от 1 га болот, по подсчетам экспертов Nature, составляет 19580 долларов в год в ценах 1997 года [5]. Соответственно, предприятие, разрушившее экосистемы в радиусе 25 км (пример такого рода в Мурманской области – комбинаты в гг. Мончегорск и Никель), наносит тем самым ущерб в миллиард долларов ежегодно! Это, собственно, и должно учитываться при определении совокупного эффекта от функционирования территориальной экономической системы.

Таблица 1

Общая форма межотраслевого баланса в натуральном выражении экономической системы северного региона РФ

отрасли	№ отр.	1	2	3	4	5	экспорт(+) / импорт(-)	цена	Стоимость
Социальная инфраструктура (воспроизводство трудовых ресурсов)	1	a_{11}	a_{12}	a_{13}	a_{14}	a_{15}			
топливная и электроэнергетика	2	a_{21}	a_{22}	a_{23}	a_{24}	a_{25}	+/-	c_2	c_1^* (эксп/имп ₂)
транспорт	3	a_{31}	a_{32}	a_{33}	a_{34}	a_{35}	0	c_3	
фондообразующие	4	a_{41}	a_{42}	a_{43}	a_{44}	a_{45}	0	c_4	
Добыча и первичная переработка сырья	5	0	0	0	0	0	+	c_5	C_5^* (эксп/имп ₅)
ИМПОРТ И ПОТРЕБЛЕНИЕ РЕСУРСОВ ↓									
Потребление возобновляемых ресурсов	6	a_{61}	a_{62}	a_{63}	a_{64}	a_{65}	-	c_6	c_6^* (эксп/имп ₆)
Потребление невозобновляемых ресурсов	7	0	0	0	0	a_{75}	-	c_7	c_7^* (эксп/имп ₇)
Ввоз потребительских товаров	8	a_{81}	0	0	0	0	-	c_8	c_8^* (эксп/имп ₈)
Ввоз продукции машиностроения	9	a_{91}	a_{92}	a_{93}	a_{94}	a_{95}	-	c_9	c_9^* (эксп/имп ₉)

В чем мы видим достоинство именно такой схемы оценки степени устойчивости развития региональной экономической системы? Поскольку главная трудность такого рода оценок – это отсутствие объективной меры стоимости как воспроизводимых, так и невозможных ресурсов, то в такой ситуации введение единой методики оценки представляется преждевременным. (За воспроизводимые ресурсы сегодня предприятия выплачивают государству определенные налоги и штрафы при превышении нормы изъятия; однако эти суммы по состоянию на сегодня несопоставимы с реальным ущербом, наносимым хозяйственной деятельностью природе. В связи с этим в ближайшие годы весьма вероятно создание международной правовой системы экологических квот и компенсаций для стран, сохраняющих экосистемы в интересах человечества в целом по типу Киотского протокола. невозможные ресурсы в настоящее время оцениваются по издержкам на добычу в сочетании со спросом-предложением на мировом рынке; в таких оценках, однако, спекулятивная составляющая преобладает: об этом ясно свидетельствуют колебания цен на многие сырьевые биржевые товары с амплитудой до сотен процентов в год.

Достоинство же нашего подхода (простота изменения вводных условий для оценки степени устойчивости экономики региона в различных сценариях развития) может оказаться востребованным. С изменением экологического законодательства для оценки степени устойчивости развития какого-либо региона достаточно будет просто поменять в табл. 1 вектор цен на ресурсы, и перемножить его на объемы их изъятия.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
2. Egorova A.V. Managing the Development of Productive Forces in Northern Regions at the Federal Member Level: The Potential of Regional Interindustry Balances in Kind // *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 16, No. 4, 2005, pp. 375–379.
3. Егорова А.В. Экономическая политика на Севере России (на уровне субъекта федерации). Белгород: БелГУ, 2005. 120 с.
4. Егоров Д.Г., Егорова А.В. Модификация межотраслевого баланса для оценки альтернативных социально-экономических стратегий развития северных регионов России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 2, 2009. С. 38-49.
5. Costanza R., d'Agre R., de Groot R., Farber S., Grasso M., Hannon B., Limburg K., Naeem S., O'Neill R.V., Paruelo J., Raskin R.G., Sutton P., van den Belt M. The value of the world's ecosystem services and natural capital // *Nature*. V. 387, 15 May, 1997. Pp. 253-260.

ГУМАНИТАРНЫЕ МОТИВЫ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Н.П. Залывский

*Россия, Архангельск, САФУ им. М.В.Ломоносова
n.zalyvskiy@narfu.ru*

Аннотация: в статье дается сжатая характеристика политических предпосылок возникновения современного приграничного партнёрства, обосновывается его гуманитарная специфика. Автор приводит частные примеры, стремясь показать, что история приграничных отношений во многом началась с гуманитарных проектов, инициированных северными регионами Европы и РФ. Затрагиваются и геополитические санкционные барьеры, ограничивающие приграничные экономические связи между соседними регионами.

Abstract: The article gives a condensed description of the political prerequisites for the emergence of a modern cross-border partnership, and justifies its humanitarian specifics. The author gives specific examples, trying to show that the history of cross-border relations began in many respects with humanitarian projects initiated by the northern regions of Europe and the Russian Federation. Geopolitical sanctions barriers that limit cross-border economic ties between neighboring regions are also being discussed.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, гуманитарные проекты, мотивы к партнёрству, санкционное давление, новая модель взаимодействия

Keywords: cross-border cooperation, humanitarian projects, motives for partnership, sanctions pressure, a new model of interaction.

Научная диагностика истоков установления и характера поддержания прямых контактов между смежными территориями РФ (СССР) и североевропейскими государствами предполагает свой методологический подход. Его компоненты: исторические предпосылки регионального приграничного сотрудничества; мотивационные интересы его участников; важнейшие приоритеты и специфика межрегионального взаимодействия; оценка его влияния на социально-экономическое развитие каждой стороны; зависимость межрегионального партнёрства от геополитической позиции иностранного государства, прежде всего после 2014 года. По этому алгоритму и затронем отдельные аспекты темы статьи.

Приграничное сотрудничество северных регионов Европы, как правило, тождественно характеру международных отношений соответствующих государств. Это универсальная институциональная черта всего комплекса межрегиональных связей северных стран Европы. Вне атмосферы политической либерализации жизни СССР (1985-1990) вряд ли бы к причалу закрытого порта Архангельска пришвартовалось парусное экспедиционное норвежское судно «Паулине» (1986) и возникла бы идея с образованием Еврорегиона «Карелия», подключение к ней приграничных финских территорий – Северной Карелии, Кайнуу и Северной Похьянмаа. Подписанием с ними Соглашения и Устава Еврорегиона были заложены принципы взаимодействия регионов Финляндии и Республики Карелии (2000 г.). Пожалуй, эти две инициативы стали ласточками «розовой революции» установления и организации активного межрегионального приграничного партнёрства субъектов Севера РФ с Норвегией, Швецией, Финляндией, Германией, Польшей, др. странами на Западе и Востоке РФ. Прежде всего, для периода с середины 80-х XX века по 2010 годы.

Российскими регионами накоплена позитивная практика приграничного взаимодействия, ранее подытоженная автором в учебном пособии [1, 95-104]. Эмпирического материала вполне достаточно для выделения *гуманитарной концепции приграничного сотрудничества как инициативной площадки взаимного интереса к региональной внешней политике*. Не буду, наверное, оригинальным и с

предположением, что доминирующим началом взаимного притяжения участников к такому сотрудничеству оказалось желание восстановить, укрепить и воспроизводить социокультурные связи, которые были исторически естественными для населения приграничных территорий. Как следствие, социокультурные и гуманитарные проекты стали наиболее приоритетными для большинства северных регионов России, приемлемыми для иностранных партнёров. Штрихами кристаллизации данного процесса в Архангельской области явились: возникновение идеи открытия отделения норвежского языка в педагогическом институте (1991), Ломоносовские чтения с международной повесткой «Баренцево море – наш регион» (1992), международная конференция «Баренцев регион: сотрудничество в сфере образования и научных исследований» и открытие Норвежско-Поморского университетского центра (1993).

Указанный мотив сохраняется у субъектов приграничного и побратимского сотрудничества и ныне. Они остаются приверженцами концепции человеческого измерения сотрудничества с республиками Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областями. Множество фактов убеждает в этом. Во-первых, направления сотрудничества, финансирующие в период реализации четырёх Баренцевых программ (1994-2003), предусматривали поддержку культурных и образовательных, проектов экологии и здравоохранение. Во-вторых, субъекты Севера РФ отличаются приверженностью к тем или иным приоритетам приграничного сотрудничества. В частности, для Архангельской области инициирование проектов по экономико-инфраструктурному направлению было менее интенсивно, чем, к примеру, у Мурманской области. Мурманская область, НАО представляют или почувствовали в 2016-2017 гг. в обсуждении проектов в рамках программы «Интеррег. Регион Балтийского моря» на период 2014-2020 гг.». В этом регионе также продолжается традиция участия делегации норвежской коммуны Сёр-Варангер в мероприятиях в г. Никеле (Мурманской области), приурочиваемых к очередной годовщине освобождения Заполярья.

Квалификация модели сотрудничества «человек-человек» стратегическим форматом любого приграничного сотрудничества в рамках БЕАР понуждает нас вернуться к некоторым мировоззренческим суждениям о его природе как индикатору состояния межгосударственной конструкции международных отношений в период искусственной и конфронтационной демонизации России. Исхожу из того, что напряжение вокруг РФ не должно мешать продуктивной работе по повестке, входящей в сферы внимания рабочих групп БЕАР по коренным народам Севера, культуре, образованию, здравоохранению и социальным вопросам, экологии, особенно зеленой экономики.

Переход к новому социальному мировоззрению, к левому повороту должен становится концептуальным мостом в гармонию текущих потребностей и социально-экологической устойчивости среды обитания каждого жителя циркумполярного мира. Такие императивы, укореняющие в практике работы региональной власти, руководителя органа местного самоуправления, и будут компонентом мировоззрения, предопределяющего ту или иную стратегию управления приграничным партнёрством. Оно институт функционального содействия оптимизации условий воспроизводства для передовой организации региональных социально-экономических комплексов и еще в большей мере прогрессивной мотивацию менеджеров к решению актуальных проблем территории. К примеру, если в его профессиональное мировоззрение не будет заложена общественная мотивация, то высокая социальная ответственность специалиста за позитивное влияние на условия жизни граждан не реальна. Работник с дефектными воззрениями вряд ли озаботится целью усиления климатозащитной роли притундровых лесов, преодоления причин, обуславливающих сокращения их ареала. У позитивно

мыслящего в интересах общества чиновника быстрее приходит успех и моральная репутация. Наверное, надо видеть, прежде всего, ориентироваться на прагматичные последствия территориального сотрудничества. Присоединяюсь к тому, что они «позволяют компенсировать периферийность регионов, снизить ресурсную зависимость, а также изменить статус и специализацию приграничных территорий» РФ [2, 67].

В каждой из социокультурной и экологической сфер есть поля для поиска новых подходов к восприятию и разрешению традиционных проблем, актуальных для северных регионов. Одной из них, по нашему мнению, может быть переоценка и сопоставление экономических аспектов коммерческой туристической индустрии и ее неизбежных социокультурных издержек. Исхожу из гипотезы, что культивация этнотуризма интенсифицирует эксплуатацию этнографической культуры малочисленных народов Севера. У аналитиков проблемы, у местных обывателей порой возникают нередко опасения по режимам доступа туристов на территорию традиционного пользования коренного населения Севера. Чем они обусловлены? Да, ознакомление с памятниками природы и сакральных объектов полезно для повышения привлекательности бренда территории, однако это еще и форма вторжения в нынешний образ их жизни, бытовую культуру. Пресыщение излишним потоком может усилить как иллюзию об исключительности той или иной группы аборигенов, так и деформировать их социокультурную ментальность.

Перспективное следствие этого вижу в вероятности отрыва аборигенов от сути традиционного уклада жизни и традиционных ценностей своего этноса, превращения его в прибыльный бренд местных предпринимателя. Если сжато, то бизнес на эксплуатации повседневной среды жизни малочисленных народов ассоциирую с разновидностью экологической угрозы, элементом которой могут быть процессы маргинализации сознания индивидов, отчуждения представителей малочисленного народа Севера от правил использования традиционных территорий и ресурсов. Туризм, ублажающий аборигенов привлекательными купюрами, неся в мир экзотическое знание не должен становиться дополнительным испытанием на пути их этнокультурного обновления. Он, конечно, служит делу повышения национальной и международной привлекательности, например Карелии. Тем не менее, нам больше импонирует практика организации работы первого российско-финляндского экологического парка «Дружба», составным звеном которого является Костомукшский заповедник. Взаимодействие, в т.ч. по преодолению текущих проблем его использования, способно укреплять положительный образ, если не всей Республики Карелии, то, как минимум, непосредственных субъектов приграничного взаимодействия.

Оценивать его результаты целесообразно взвешенно, без идеализации, т.к. это не беспроблемная сфера межгосударственных отношений. С одной стороны, излишни дифирамбы о том, что это явление мощный фактор развития территориальных и местных сообществ РФ. Здесь не надо заикливаться на эффекте для субъектов РФ, ибо имеют место взаимные социально-экономические выгоды. Так, организация совместной сырьевой базы в Костомукше повлияла на динамику безработицы в финских округах Кайнуу, Северная Карелия и Губерния Оулу, а финские компании стали субъектами бизнес-деятельности не только в Костомукше, а и на других горно-перерабатывающих предприятиях Республики Карелия. С другой, надо исключать принижение того, что международная приграничная интеграция регионов – это действительно историко-экономический феномен, принципиально важный для понимания природы трансформационных изменений в общественном сознании населения и бизнеса, а не только в экономиках региональных сообществ.

Одним словом, для объективной политэкономической верификации трансграничного сотрудничества должно быть присуще оперирование несколькими критериями полезности и эффективности пространственной организации социально-экономического взаимодействия приграничных территорий, муниципальных образований и городов-побратимов. Не снимаются сомнения, что финские фирмы на каком-то этапе были не слишком заинтересованы в модернизации карельской экономики [3]. Возможно, это теневое проявление позиции отдельных западных партнёров РФ притормозить диффузию высоких технологий в угоду приверженности видеть экономику страны в сырьевой ловушке (нефтяной, с экспортом круглого леса и т.д.). Даже если это не так, то все равно важность более точной диагностики целей, возможностей и специфики влияния на развитие регионов должно быть в спектре аналитических задач российской науки. Важна корректировка институциональных принципов деятельности субъектов регионального управления, институтов гражданского общества по налаживанию и интенсификации межграничных экономических и социокультурных связей.

Пока позитивно то, что на высшем уровне БЕАР в 2014 году подчеркнута заинтересованность к приграничному сотрудничеству, участниками которого являются 13 регионов из Норвегии, России, Финляндии и Швеции. Россия имеет наибольшее «представительство» в нем [4]. Однако такое желание все более сдерживается идеологией и инструментами холодной войны. К их повторному использованию склонны некоторые государственные институты северных стран. Это фактор возможного влияния на характер и динамику реализации проектов, формирующих систему социокультурных ценностей населения приграничных территорий. Признаком тренда двух возможностей эволюции может быть мизерный интерес европейских СМИ к программам приграничного сотрудничества России со странами ЕС на период до 2020 года и подготовка к запуску 8 новых проектов с участием Финляндии, Швеции, Норвегии и др. северных стран. Как ни парадоксально, но мотивационный механизм взаимной интеграции в экономику друг друга стремится к упрочнению. Мировоззренческую социокультурную доминанту можно ассоциировать с утверждением, что «соседствующие государства просто обречены на сотрудничество, потому что это даёт реальные и эффективные результаты всем сторонам. И даже если в столицах этих стран отдельные силы будут сопротивляться такому объединению, приграничное сотрудничество будет жить и развиваться непосредственно на местах, между самими приграничными муниципалитетами и регионами [5]. При такой мотивации сторон к приграничному сотрудничеству весомы шансы на то, что геополитическая иерархия духовных ценностей, регулирующая соотношения зла и добра в глобальном мире, будет инструментом предупреждения не исключаемой эскалации межгосударственных осложнений стран Запада с Россией.

Констатируя вероятность агрессивной демонизации РФ со стороны коллективного Запада (НАТО и ЕС), мы в тоже время выступаем за креативный поиск новой модели их мирного существования, материализующей компромиссную стратегию европейского консенсуса. Ее предшествующее обоснование [5] позволяет ограничиться уточнением наиболее важных опорных положений. Во-первых, понимание ментальных ориентиров региональных обществ приграничных субъектов партнёрства, Запада и Востока — это стратегический ключ: 1) к нормальной международной торговле; 2) к внутриарктическому цивилизационному сотрудничеству; 3) к разумному сочетанию и дополнению ценностей европейских народов; 4) предпосылка для отказа от маловразумительной демонизации России на всех направлениях (спорт, хакерство, права граждан, угроза миру и т.п. фобии для геополитической дискредитации). Во-вторых, нужно придерживаться тезиса, что миру

крайне важно обрести новую мировоззренческую конструкцию международного гуманистического взаимопонимания стран и народов, опираясь на позитивный потенциал приграничного сотрудничества. Не менее актуально, в-третьих, вытеснение из макроэкономического сознания от того, чего нет в реальной политике стран ЕС, других государства и какие ожидания от них маловероятны. Что же у них есть в отношении РФ? Геостратегия с прагматичной целью нанести максимальный ущерб экономике России. Ее контрпродуктивность для прямого товарообмена и гуманитарного партнёрства евроарктических регионов несомненна.

Апологеты допустимости санкционного принуждения РФ к изменению международной и экономической политики быстро не исчезнут, поэтому субъекты солидарных акций по демонизации России будут возмущать глобальное информационное поле, мешая участникам приграничного международной интеграции осуществлять взаимно согласованные проекты сотрудничества. Подобная логика генерирует взаимное отчуждение, искажает предшествующую историю добрососедских отношений европейских стран и народов [6], деформирует морально-психологическую мотивацию к приграничному сотрудничеству внутри североарктического мира. Разочаровывают и соседи по арктической квартире (Норвегия, Финляндия, Дания и др.), которые хорошо знают русский мир, но все равно представители их политического истеблишмента не чураются рычагов политического гротеска и давления на РФ. За что? За демократическое волеизъявление населения Крыма. Такой вектор геополитической морали наших соседей есть специфический институт гибридной социокультурной войны даже не против граждан РФ, а, в первую очередь, против той когорты населения приграничных территорий, которые хотят быть спонсорами исторического добрососедства с российскими предпринимателями, субъектами Европейского Севера РФ. Провластной элитой США и ЕС, по сути, игнорируется даже собственная гуманистическая ценность о праве каждого человека на достойную жизнь без внешнего «кнута». Показательным штрихом такого кнута можно считать угрозу МИД Норвегии, осудившего визит делегация политиков и бизнесменов при содействии объединения «Народная дипломатия в Крым (ноябрь 2017), что «может повлечь за собой наказание» за нарушение ограничительных мер ЕС в отношении России.

России необходим прогресс социокультурного мировоззрения для выбора оптимального соотношения между национальными потребностями в приграничном сотрудничестве и задачами укрепления конкурентных преимуществ экономики субъектов Севера РФ, между международным разделением труда и технологической автономией страны, между цивилизационными задачами и приоритетами социокультурного развития общества. Желательно не сужать взгляд на стратегии каждого государства, претендующего быть в Арктике активным игроком. Чем актуально это требование? Неумение предвидеть их возможные технологические достижения может обернуться ухудшением коммерческих условий хозяйственной деятельности и (или) усложнением геополитических возможностей России защищать национальные интересы в Арктике.

Литература

6. Залынский Н.П., Мякшин В.Н. Интеграция евроарктической России в мировую экономику. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. 115 с.
7. Кучиц И.О. Институциональные особенности приграничного и трансграничного сотрудничества /Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов. Материалы Третьей научно-практической конференции с международным участием (09 июня 2016 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 132с.

8. Дружинин П. В. Кухарева Т. В. сотрудничество приграничных регионов: карельская практика. [Электронный ресурс] / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-prigranichnyh-regionov-karelskaya-praktika> Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 08.05.2018).
9. Приграничное сотрудничество на Севере Европы как профилактика рецидива холодной войны [Электронный ресурс] / URL: <http://7x7-journal.ru/item/5814> , свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 03.05.2018).
10. Приграничное сотрудничество. Кто о нём не знает? [Электронный ресурс] / URL: <http://pressaparte.ru/news/situatsiya/901/> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
11. Зальевский Н.П. Экспортно-импортная экономика северных регионов России на перекрёстке международных санкций: практика прошлого и настоящего, геополитика компромисса //Арктика и Север. 2017. №28. С.36-62.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ГРУПП СЛУШАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПСИХОТЕРАПИИ

А. Л. Иванов, О.А. Кабинова

*Россия, Москва, ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования»
kafpsiter@yandex.ru, 249252@mail.ru*

Аннотация: Педагогические мероприятия преподавателей кафедры психотерапии и сексологии по управлению межгрупповой адаптацией слушателей учебных групп клинических психологов и врачей-психотерапевтов как участников образовательного процесса рассмотрен в русле прагматичного подхода к процессу конструирования «дизайна группы», основанному на концепциях немецкого подхода П.Петерсена («Йена-план») и отечественного психолога А.В. Булгакова («межгрупповая адаптация» - МГА) в интересах повышения качества обучения и развития мотивации слушателей на совершенствование компетенций в процессе обучения и межгрупповой адаптации к учебному процессу. Обозначены условия оптимизации межгруппового взаимодействия слушателей различных учебных групп.

Abstract: Pedagogical activities of teachers of the Department of psychotherapy and sexology for managing the inter-group adaptation of students of training groups of clinical psychologists and psychotherapists as participants of the educational process are considered in the context of a pragmatic approach to the process of designing a "group design", based on the concepts of the German approach P. Petersen ("Jena-plan") and the domestic psychologist A.V. Bulgakov ("inter-group adaptation" - MGA) in order to improve the quality of training and development of motivation of students to improve competencies in the learning process and inter-group adaptation to the learning process. The conditions of optimization of inter-group interaction of students of different educational groups are indicated.

Ключевые слова: Дизайн группы, «Йена-план» П.Петерсена, межгрупповая адаптация, компетенции, оптимизация и мотивация обучения, дополнительное профессиональное образование, консультативная и психотерапевтическая деятельность, межгрупповая адаптация, субкультурное приспособление, межгрупповое взаимодействие.

Keywords: Design group, P. Petersen «Jena-plan», intergroup adaptation, competence, optimization and motivation training, continuing professional education, consultative and psychotherapeutic activities, intergroup adaptation, sub-cultural adaptation, intergroup interaction.

Актуальность. Реализация прагматичного подхода к повышению квалификации медицинских работников сегодня является необходимым условием деятельности

учреждений высшего профессионального образования, особенно это относится к сфере оказания психологической и психотерапевтической помощи населению.

Цель исследования. Повышение мотивации слушателей к развитию навыков и компетенций в психотерапевтической деятельности – главная цель педагогов системы дополнительного профессионального образования врачей-психотерапевтов и клинических психологов. Эта цель может быть достигнута путем использования в учебном процессе концепции межгрупповой адаптации (МГА) А.В. Булгакова и ее корреляции с принципами прагматичного подхода к педагогическому процессу, разработанному в Германии профессором Йенского университета Петером Петерсеном (1884-1952) [2]. Этот подход вошел с историей педагогики под названием «Йена-план» – система организации педагогической работы на основе идей социальной педагогики Наторпа, сочетающая индивидуализацию учебно-воспитательного процесса с коллективной деятельностью обучающихся [4]. Модель обучения в учебной группе заменялась на модель в учебной команде, которая представляла собой «социальную форму» - общину, в которую в любое время могли вливаться новые члены. Преподавание разделялось на обязательные предметы и курсу по выбору; практиковались ответы группой и самооценка обучающихся. Такая форма обучения внедряла новые черты воспитания в обучении, которые вытекали из базовых принципов Йена-план-школы: «Каждый обучающийся является целостной личностью; каждый имеет право быть новатором; преподаватели должны работать над созданием учебной группы, в которой уважаются ценность и достоинство каждой личности; создаются условия для развития индивидуальности каждого, в которой противоречия между индивидами или группами людей решаются справедливо и конструктивно; для организации процесса обучения должны быть свойственны относительное самоуправление и взаимодействие обучающихся; преподавание должно осуществляться путем создания учебных ситуаций; процесс преподавания должен чередоваться из развивающего обучения, свободной игра и самостоятельного изучения учебного материала; в процессе обучения важнейшим элементом является работа в группах; структура организации учебного процесса должна постоянно находиться в поиске и меняться [6].

Используемый нами опыт Петера Петерсена может быть переложен в современных условиях на концепт «межгрупповая адаптация», который может быть конкретизирован как многосторонний процесс по оптимизации взаимодействия различных групп людей с присущими им особенностями, предполагающими дифференциацию по возрастным, гендерным, интеллектуальным, культурным, мировоззренческим, мотивационным, когнитивным, эмоциональным, поведенческим и интегральным компонентам, например, уровню профессионально-личностного становления [3]. Основными элементами модели А.В. Булгакова являются: межгрупповая адаптационная ситуация, группы организации, характеризующиеся соответствующими субкультурами, сферы проявления МГА: социальная, экологическая, деятельностная, собственно социально-психологическая и интегративная.

Как показали наши исследования 12-ти учебных групп слушателей (в среднем по 30 человек в каждой), прошедших повышение квалификации на кафедре психотерапии и сексологии РМАНПО в 2017-18 г.г. по теме «Консультативная и психотерапевтическая деятельность», совокупность этих проявлений содержательно отражает достигнутый результат МГА всей кафедрой [5]. Коллектив кафедры использовал в исследовательской деятельности по управлению дизайном учебных групп слушателей следующие механизмы МГА: межгрупповая адаптивность, организационная идентификация, совместная деятельность [3]. Преподаватели кафедры

в полной мере опирались на возможности технологий: компетенциальной, командообразования, актуализации групповой идентичности, саморегуляции в ситуации МГА. В понятие «дизайн группы» мы включили основные признаки МГА: взаимодействие субкультур, мотивационные, когнитивные, эмоциональные компоненты. Необходимо отметить, что это понятие и ранее изучалось представителями различных областей психологического знания - А.С. Гайкаловым (в контексте технологии продаж), Э. Кирхлером и Э. Хельцл (в контексте психологии труда и организационной психологии), О.С. Раздиным и В.И. Кабриной (в контексте профессиональной ориентации), Ф.А.Жулитовым (в контексте психологии управления). Опираясь на определение «дизайн группы» И.Ю. Артамоновой, применительно к ситуации обучения специалистов по психотерапии, мы отмечаем его как процесс и результат оптимизации взаимосвязи таких характеристик учебной группы, как ее мотивационный профиль, организационно-культурные характеристики, идентификация участников и неформальные взаимоотношения [1]. Наши исследования подтвердили, что результатом работы преподавателей кафедры по управлению дизайном учебных групп слушателей является формирование устойчивой, и в то же время лабильной структуры учебных групп, которые могут как способствовать, так и препятствовать (осознанно или подсознательно) МГА в процессе повышения квалификации. В процессе исследовательской работы сотрудники кафедры создали трёхфакторную референтную модель взаимосвязи дизайна группы и МГА, включающую три фактора: мотивационный, организационно-субкультурный, фактор групповой идентификации и поведения в ситуациях межгруппового взаимодействия.

Материалы и методы исследования. Объект исследования - слушатели 12-ти учебных групп, клинические психологи и врачи – психотерапевты (в среднем по 30 человек в каждой), прошедшие повышение квалификации на кафедре психотерапии и сексологии РМАНПО в 2017-18 г.г. по теме «Консультативная и психотерапевтическая деятельность». Методики исследования: 1) адаптированный вариант теста «Мотивационный профиль» (П. Мартин и Ш. Ричи); 2) методику оценки организационной культуры (К. Куинн и Р. Камерон); 3) «Тест социальной идентификации» А.В. Булгакова; 4) диагностику межличностных и межгрупповых отношений («социометрию») Дж. Морено; 5) сокращённый вариант методики анализа ситуации межгрупповой адаптации.

Результаты и их обсуждение. Комментируя полученные результаты, опишем сравнение трёхфакторных моделей учебных групп клинических психологов и врачей-психотерапевтов. На первый взгляд, дизайн их очень похож. В обеих группах доминируют мотивационные факторы, однако отмечаем их отличие по содержанию: врачи-психотерапевты стремятся к уточнению нормативно-правовой информации по организации психотерапевтической помощи больным, конкретизации применения психотерапевтического вмешательства, склонны к систематизации деятельности; клинические психологи же склонны к творческому подходу в оказании психологической помощи пациентам, направлены на активный поиск наиболее эффективных моделей психотерапии, использование методов и техник в зависимости от терапевтической ситуации, демонстрируют альтруизм и оптимизм, не тропны к материальному вознаграждению. Наблюдаются и противоположные показатели по потребностям в благоприятных условиях труда и в социальных контактах: у врачей-психотерапевтов они определенно выражены, у клинических психологов – нет. В целом, представленные потребности по группам врачей-психотерапевтов являются характерными для преобладающей у них субкультуры деятельности, а вот клинические психологи категорически не принимают культуру порядка. Подробный анализ ситуаций МГА двух типов учебных групп слушателей показал, что в группе врачей-

психотерапевтов они слабо выражены, а для групп клинических психологов, наоборот, все ситуации являются адаптационными. Очевидно, что группы клинических психологов используют принудительный механизм МГА, в котором пассивную роль играют врачи-психотерапевты. Сравнивая трёхфакторные модели учебных групп врачей-психотерапевтов и клинических психологов, отмечаем, что их дизайн статистически значимо отличается друг от друга по общему преобладающему фактору, имеются «пробелы» в структуре дизайна (у врачей-психотерапевтов налицо отсутствие фактора групповой идентификации и поведения в ситуациях межгруппового взаимодействия). В мотивационном компоненте дизайна групп у слушателей цикла повышения квалификации диагностируются схожие потребности, но с разным знаком: если у группы клинических психологов определено выражена потребность в достижениях, в выполнении творческой, интересной и полезной работы, в самосовершенствовании, то у группы врачей-психотерапевтов, напротив, эта тенденция не отмечается. В то же время фиксируем индивидуальные мотивы: в группе врачей-психотерапевтов – потребность в структурировании в ущерб креативности и творчеству, а у клинических психологов – отсутствие стремления к материальному вознаграждению, альтруизм, тяга к разнообразию и вариативности в оказании психологической помощи пациентам. В то же время обе группы совпадают в мотивации к условиям деятельности – все исследуемые стремятся работать в оборудованных современными технологиями медицинских центрах и кабинетах, быть свободными от навязанных руководством стандартов и регламентов, нормативов страховых компаний по временным лимитам на консультацию. В группе клинических психологов выражено стремление к избеганию формализма и рутинности, к расширению социальных контактов, они не ориентированы на тревогу в оценке их деятельности со стороны руководства, опираются на неформальные взаимоотношения с коллегами и демократичный стиль управления со стороны руководства.

Нами были получены эмпирические данные, свидетельствующие о том, что в результате проведения учебных занятий в форме симуляционного (тренингового) курса достоверно происходят выраженные изменения таких социально – психологических характеристик учебных групп, как неформальная структура, уровень групповой сплоченности, групповые нормы.

В целом группы врачей-психотерапевтов характеризуются как ориентированные на формальные достижения в ущерб стремления к креативности и творчеству в психотерапевтической деятельности, они большей частью ориентированы на структурирование своей деятельности. Отмечено, что в группе клинических психологов преобладают организационно-субкультурные факторы (43%). Для них характерна направленность на результат, на выполнение поставленной задачи, целеустремленность в этом, предсказуемость, на структурирование врачебной деятельности, на стабильность и надёжность. В группе клинических психологов доминируют мотивационные факторы (52%). Данная группа по своему характеру является направленной на взаимодействие с коллегами, единомышленниками, представителями других помогающих профессий, поведение в ситуации МГА (62%). Таким образом, данная группа по своему характеру является направленной на взаимодействие с группой оппонентов, на адаптационный процесс.

Коллектив кафедры по результатам исследования установил, что для оптимизации межгруппового взаимодействия слушателей различных учебных групп необходимо: 1) реорганизовывать совместную учебную деятельность психологов-психотерапевтов в рамках учебного курса, привлечь их к внеаудиторной самореализации: участие в научных творческих группах, совместное посещение клиник и медцентров, в которых они трудятся, проведение общих симпозиумов и практических

занятий; 2) активнее использовать на занятиях формат групповых дискуссий, тренингов, обсуждать в аудитории проблемные ситуации МГА, разбирать роли, мотивы, эмоциональные и когнитивные реакции участников ситуации, интерпретировать их поведение, чтобы формировать у слушателей умение творчески мыслить, способность брать на себя ответственность за результаты психотерапевтического вмешательства, умение грамотно организовать коммуникацию с пациентами, умение аргументировать свою позицию, чётко осознавать свою роль во взаимодействии, развивать навыки самоконтроля (управления своими эмоциями и поведением), а также проводить тренинги на сплочение, на снятие напряжения, предотвращающих эмоциональное выгорание; 4) постоянно в рамках проводимых занятий проводить деловые игры, разбирать кейс-ситуации, моделирующие разнообразие психотерапевтических случаев в интересах формирования навыков работы в междисциплинарных психотерапевтических командах специалистов [5]. 5) развивать на кафедре гибкую систему взаимоотношений между учебными группами в рамках учебного процесса и конкурентность в мотивации на успешность в обучении.

Выводы. Таким образом, в результате активного внедрения подхода Петера Петерсена, вошедшего в историю педагогики как «Йена-план», а также прагматичный подход к обучению в модели А.В. Булгакова может привести к развитию групповой сплоченности различных по специализации учебных групп обучающихся, что позволяет коллективу кафедры психотерапии и сексологии в итоге добиваться командной сплоченности в учебных группах слушателей (прочности, единства и устойчивости межличностных взаимодействий и взаимоотношений), при которой достигается выраженная позитивная мотивация слушателей на качество усвоения знаний, развитие навыков и компетенций клинического психолога и врача-психотерапевта.

Литература

1. Артамонова И.Ю. Влияние дизайна группы на межгрупповую адаптацию студентов-психологов – Москва: МГОУ, 2009. – С. 116.
2. Богатырева И. Ю. Содержание и формы учебно-воспитательной работы экспериментальной модели "Йена-план школа": Из опыта экспериментальных школ Германии первой трети XX века. Дисс ... к.п.н. -Пятигорск, 2006, 175 с.
3. Булгаков А.В. Дизайн группы как возможное интегральное понятие в изучении и управлении межгрупповой адаптацией [Текст]/А.В. Булгаков//Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки», 2011. - №1. С 45-53.
4. Йена-план школа: В 3 т. / Под ред. Н. П.Литвиновой. — СПб., 1977.-Т. 2.-С. 13-17.
5. Иванов А.Л., Кабинова О.А. Новый учебный дизайнерский проект как результат интервизии междисциплинарной преподавательской команды. Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 12 (46). С. 7-9.
6. Образцова Л.В. Школа Германии. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. - 280с.

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ

Е.С. Имкина, В.М. Кузьмина

Россия, г.Курск, ЮЗГУ

Kuzmina_violetta@yandex.ru

Аннотация. Сотрудничество Китая и Соединённых Штатов происходит в различных сферах. При этом перспективы их сотрудничества достаточно высокие. Развитие взаимоотношений между данными государствами затрагивает интересы их граждан и обладает большим значением для содействия мира на планете. Отношения между Китаем и США развиваются и идут по восходящей, однако этот путь не всегда был ровный. Сотрудничество и обмена между данными государствами усиливается в торгово-экономической и других сферах. Плодотворная работа была проделана в ликвидации последствий азиатского финансового кризиса, поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове и в других важных вопросах.

Abstract. Cooperation between China and the United States takes place in various areas. At the same time, the prospects for their cooperation are quite high. The development of relations between these States affects the interests of their citizens and is of great importance for the promotion of world peace. Relations between China and the US are developing and are on an upward trend, but this path has not always been smooth. Cooperation and exchanges between these States are increasing in trade, economic and other spheres. Fruitful work has been done in the aftermath of the Asian financial crisis, the maintenance of peace and stability on the Korean Peninsula and other important issues.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Россия, Китай

Keywords: cross-border cooperation, Russia, China

Китай идет по пути мирного развития, выстраивает дипломатический курс «доброе обращение к соседним странам и рассмотрение соседей как партнёров», готов сеять добро своего развития в соседних странах. Как отмечал в 2008 году министр обороны КНР генерал-полковник Лян Гуанле: «Какие бы изменения ни происходили в международной обстановке, Китай неизменно будет следовать по пути мирного развития»[1].

США заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Китаем. Это обусловлено тем, что экономики обоих государств взаимозависимы. В настоящее время Китай — держава, обладающая огромными запасами иностранной валюты и положительным торговым сальдо. Безусловно, США заинтересованы в таком партнере.

Сформировались две тенденции развития отношений КНР и США с началом президентского срока Б. Обамы. Первая состоит в ослаблении трений между странами в идеологической и политической сферах. А вторая — в смене позиции в различных экономических вопросах. Новая позиция отражает существующие экономические ожидания США в отношении Китая. Так, американское руководство хочет, чтобы курс китайской валюты повысился в связи с тем, что он является благоприятным для китайских производителей [2]. Помимо этого, США стремятся к сдерживанию защиты Китаем своей экономики с помощью протекционистских мер.

Для КНР американский рынок сбыта и привлечение инвестиций из США являются крайне важными, поскольку они позволят поддерживать высокие темпы экономического роста и развивать отсталые отрасли экономики. Также Китаю необходимы средства для модернизации НОАК (Народно-освободительной армии Китая).

Экономические интересы все больше определяют политическую и военно-стратегическую составляющую американо-китайских отношений, хотя в последнее время США стремятся направить эти отношения в военно-стратегическое русло.

Так же, как и Китай, значимую роль в мире играет и Российская Федерация. Как недавний игрок на международной арене, Россия достигла немалых успехов в укреплении своего влияния в мире, в том числе и за счёт установления крепких российско-китайских отношений.

Основными направлениями сотрудничества между РФ и КНР являются:

- Укрепление торгово-экономических связей двух стран. На данном этапе идет стремительное сотрудничество в сфере обмена ресурсами. Так, в 2004 году объем российско-китайской торговли впервые превзошел рубеж \$20 млрд. Динамика торгово-экономических отношений между странами представлена на рисунке 4.
- Особое научно-техническое сотрудничество. На данный момент более 30 институтов Российской академии наук (РАН) сотрудничают с различными исследовательскими центрами Китая.
- Широкое взаимодействие в области энергоносителей, разработке новых газовых и нефтяных месторождений и прокладке новых труб на территории РФ и КНР (в том числе «Алтай» - проектируемый газопровод между газовыми месторождениями Западной Сибири и Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая, и «Сила Сибири»). В марте 2006 года, в ходе очередного визита российского президента Владимира Путина в Китай, было подписано несколько меморандумов в области поставок российских энергоресурсов, которые позволят Китаю повысить свою энергетическую безопасность и получить независимость от внешней политики США и стран Западной Европы.
- Усиление интеграции на Восточно-Евразийском пространстве в рамках ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества).
- Разработка комплекса совместных мер по противодействию угрозам на всем евразийском пространстве, таким как: терроризм (в том числе и ядерный), сепаратизм, наркоторговля, бандитизм, экстремизм [1].

На данном этапе отношения, в истории которых периоды «братской дружбы» сменялись вооружённым противостоянием, характеризуются обоими государствами как «стратегическая дружба и взаимодействие». Благодаря взаимовыгодному взаимодействию двух стран удалось достичь немало успехов в сфере прикладной науки, авиационном и космическом строении и ряде других важнейших для РФ и КНР направлений. В XXI столетии – веке высоких технологий - научное сотрудничество России и Китая должно вступить в новый этап развития. Возможности данных государств в этой сфере весьма высоки, и они должны быть реализованы с максимальной отдачей. Главной целью на ближайшее время станет совместное использование ресурсов держав и, как следствие, повышение уровня жизни населения.

Китай и Индия - это два крупнейших азиатских государства, которых связывают более чем двухтысячелетние отношения. С конца 1980-х годов начались попытки обеих стран расширить дипломатические и экономические связи. В 2008 году Китай стал крупнейшим торговым партнёром Индии.

Несмотря на растущие экономические и стратегические отношения есть несколько преград для Индии и КНР в установлении устойчивых связей. Хотя двусторонняя торговля растёт непрерывно, Индия сталкивается с огромным дисбалансом торговли в пользу Китая. Данные государства не смогли найти решение в давнем пограничном споре, и индийские СМИ неоднократно заявляли о незаконном пересечении границы со стороны китайских военных. Обе державы упорно укрепляют военную инфраструктуру вдоль приграничных районов. Кроме того, интенсивные стратегические взаимоотношения Китая и Пакистана не устраивают Индию, а Китай

показывает свою обеспокоенность по поводу индийского военного присутствия в спорных участках Южно-Китайского моря.

Рис. 1. Динамика торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 2002 по 2010 гг.

В октябре 2005 года официальный представитель МИД КНР Кун Цюань заявил: «Китай и Индия — добрые соседи и хорошие друзья, их отношения стратегического сотрудничества и партнерства, ориентированные на мир и процветание, имеют огромное значение для народов обеих стран и всего мира» [1].

Важным стратегическим партнером Китая является ближайший сосед – КНДР. Руководство Поднебесной поддержало Северную Корею в войне в середине 20 века и всегда проявляло свою готовность оказать помощь, в том числе и военную, при первой необходимости [2]. Китай, внешняя политика которого всегда нацелена на отстаивание своих интересов, ищет в лице Кореи надежного партнера по дальневосточному региону. Сегодня Китай является крупнейшим торговым партнером КНДР, взаимоотношения двух государств складываются достаточно положительно. Для этих стран партнерские связи в регионе очень значимы, поэтому у них есть большие перспективы для дальнейшего сотрудничества.

Китай и Япония — две крупнейшие экономики мира, которые занимают второе и третье место, соответственно. Географическая близость является благоприятным условием для развития международной торговли и экономического сотрудничества. В 2008 году товарооборот между Китаем и Японией вырос до 266,4 млрд. долл. Рост на 12,5 % в 2007 году сделал Китай и Японию основными торговыми партнёрами. Этот показатель в 2010 году составил 301,9 млрд. долл., а уже в 2012 году – 333,4 млрд. долл. Несмотря на рост экономического сотрудничества между данными странами, в краткосрочной перспективе не стоит ожидать действительного политического сближения Пекина и Токио. Сдерживающий эффект на развитие двусторонних отношений продолжают оказывать нерешенные исторические и территориальные споры, негативное восприятие китайцами и японцами друг друга, соревнование Пекина и Токио за лидерские позиции в Восточной Азии, а также отрицательное отношение Пекина к повышению статуса Токио в СБ ООН.

В дальнейшем, если Китай и Япония будут действовать в соответствии с требованиями времени, то безусловно смогут поднять на новый уровень их торгово-экономические связи.

Китайско-американские отношения обладают блестящими перспективами для продолжения стабильного развития. Дипломатическая политика двух стран в будущем позволит китайско-американским отношениям вступить в новую эпоху.

Однако не все в истории взаимоотношений стран было гладко. Официальные дипломатические отношения между двумя странами были установлены только в 1979 году. Хотя предпосылки этого, в виде поездок и официальных встреч представителей данных стран, были гораздо раньше.

Президент Джимми Картер в конце 70-х годов даже направил в различные правительственные ведомства США служебную записку с указанием всячески помогать возвышению этой страны — разумеется, в противовес СССР.

Ситуация коренным образом поменялась в самом конце 80-х годов.

В рамках данного исследования был проведен ивент-анализ между Китаем и антикитайским союзом в лице США в период с 4 июня 1989 года по 1993 год. Для этого были проанализированы публичные заявления глав государств, деятелей политики, экономики и культуры на различных заседаниях, конференциях, в интервью прессе и т.д.

Развитие отношений в данный период на основе китайских источников между США и Китаем было ознаменовано следующими фактами:

- 9) 4 июня 1989 г. произошло кровавое подавление демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине.
- 10) Китайское руководство приняло комплекс контрмер, которые должны были остановить развитие событий в невыгодную для Китая сторону.
- 11) Разработанная программа была направлена на поиск альтернативных «точек опоры» с целью усиления и восстановления позиций Китая на международной арене и справиться с ущербом, который был причинен введением санкций.
- 12) Было решено развивать добрососедские отношения с сопредельными государствами. В период двух лет Китаем было установлено 23 дипломатических отношений с различными странами мира.
- 13) Осенью 1991 года КНР была принята в форум АТЭС, началась работа по формированию партнерства Китай-АСЕАН.
- 14) Состоявшийся в ноябре 1990 года визит министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня в США ознаменовал собой фактическое возобновление отношений между данными государствами на правительственном уровне.

Что касается развития отношений между Китаем и США на основе источников антикитайского союза можно выделить следующие события:

- 1) В июне-июле 1989 года Конгресс США одобрил программу экономических санкций в отношении Китая, предполагающий отказ от многих проектов торгово-экономического взаимодействия с целью тотальной изоляции.
- 2) В Париже 14-16 июля 1989 года была проведена по инициативе Соединенных Штатов встреча стран «большой семерки», по итогам которой было принято решение о принятии мер против Китая. Было объявлено о прекращении связей государств на высоком уровне.
- 3) Введенные санкции начали выходить из строя. Япония стала первой страной из развитых государств, которая отошла от линии отчуждения Китая, а уже в августе 1991 года премьер-министр Японии Т. Кайфу первым из лидеров стран "семерки" посетил КНР с визитом.
- 4) Далее за Японией и Европа отошла от идеи изоляции Китая. Значительное количество санкций против Китая были сняты в ходе конференции министров иностранных дел государств-членов в октябре 1990 года в Люксембурге.
- 5) К 1993 году США окончательно отказались от линии на отчуждение Китая и взяли курс на нормализацию.

По результатам ивент-анализа можно сделать следующие выводы: власти США и КНР использовали в основном вербальный тип акций в своих действиях. Однако разница с невербальными невелика у китайских источников. А у источников антикитайского альянса они вообще равны. Это говорит о том, что действия двух сторон были достаточно решительными. Стилистическая окраска данных явлений в основном является отрицательной. В настоящий момент ситуацию можно считать стабильной. Дипломатические отношения были налажены и торговые связи возобновлены. Наперекор всему КНР собралась с силами и сделала мощный рывок вперёд. А США двадцать лет спустя получили в лице Китая серьёзного конкурента в борьбе за контуры будущего мироустройства.

Но это был уже не тот Китай, который, будучи обласкан западными странами в 1970—1980-е годы на волне антисоветизма, казался им таким податливым и беспроблемным партнёром. Пекин научился жёстко отстаивать свои интересы, показал способность идти на весьма жесткие меры и даже на противостояние «на грани фола» там, где считал, что его права и национальное достоинство были ущемлены.

Рис. 2. Уровень интенсивности вербальных актов среди китайских субъектов

Анализ данного графика показывает, что интенсивность вербальных актов со стороны китайского руководства резко возросла в 1990 году и на протяжении остального периода оставалась на практически одном уровне. Это произошло по причине принятия решительных мер властями Китая для повышения позиций страны в мире.

Рис. 3. Уровень интенсивности невербальных актов среди китайских субъектов

Линия последнего графика ясно показывает, что уровень интенсивности невербальных актов решительно упал, но после 1990 года поднялся. Главной причиной

послужило нормализация отношений КНР с США и последующие активные действия китайского руководства по поднятию престижа страны.

Построенные графики наглядно показывают, что, в случае с китайскими источниками вербальные акты превосходят над невербальными. А вот со стороны источников антикитайского союза количество актов было одинаковым. В следствии этого, можно прийти к выводу, что действия со стороны антикитайского альянса были весьма жестки и решительны. Однако, как мы можем увидеть из проведенного анализа, правительство КНР действовало не менее твердо. Интенсивность происходящих событий нельзя назвать достаточно схожими. Это говорит о том, что для каждой из сторон события сыграли по-разному. С уверенностью можно сказать, что ожидаемый со стороны антикитайского союза ход событий в отношении КНР был не таким, как он планировался. Китай только выиграл в ходе данного конфликта. Это наглядно можно проследить по графикам. Интенсивность как вербальных, так и невербальных актов со стороны антикитайского союза год за годом снижалась, а со стороны китайского правительства, наоборот, повышалась. Снижение интенсивности вербальных и повышение невербальных приходится на 1990 год, который являлся переломным моментов в становлении экономики КНР и наращивании ее мощи. А резкое падение уровня интенсивности невербальных актов со стороны антикитайского союза лишней раз подтверждает тот факт, что Китай сумел постоять за себя и достаточно жестко отстоял свои интересы.

В целом, изучив теоретические основы исследования экономических успехов Китая, можно сделать вывод, что скорее всего, экономическое развитие и дальше будет занимать главенствующее место в экономической и внешней политике Китая, но не стоит забывать, что оно всегда влечет за собой перемены и вызовы в социальных и политических сферах. В условиях, когда модель развития и политика Китая меняются, когда они подвергаются влиянию других стран, международных институтов и событий, на которые они в свою очередь также оказывают воздействие, особенно важным является найти способы понимания этих процессов.

Но благодаря новому подходу, который не знает преград, могут открыться новые перспективы. Нужен реальный прорыв, чтобы осмыслить возрастающую роль Китая и понять, что потенциалы и любые процветания не исчезают, а наоборот, становятся все более действительными. Убедить в этом всех будет сложно, но, объединившись, силы, заинтересованные в изменении международной роли Китая, смогут справиться с этой задачей.

Литература

1. Lancaster J. India, China Hoping to 'Reshape the World Order' Together [Текст]: статья / J. Lancaster // The Washington Post. 2015. С. 26-30.
2. Smith, J. The China-India Border Brawl [Электронный ресурс]: статья / J. Smith // The Wall Street Journal. – 2016. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB124578881101543463> (Дата обращения 28.11.2017)

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

П.А. Искендеров

*Россия, Москва, журнал «Вопросы истории»
iskenderov.petr@yandex.ru*

Аннотация: Развитие приграничных городов и регионов России приобретает в современных условиях особое значение – в том числе в социально-экономическом плане. Однако подобное развитие, в свою очередь, требует более строгого учета геополитических реалий. Они, как правило, выступают историческим «обременением» подобных территорий.

Abstract: Development of the border regions in Russia is acquiring key importance in actual socio-economic situation. In the same time such a development is closely connected with geopolitical situation. Issues of geopolitics have historically been a kind of “burden” for above-mentioned regions.

Ключевые слова: Россия, Карелия, Финляндия, Япония, приграничные регионы, геополитика, энергетика

Key words: Russia, Karelia, Finland, Japan, border regions, geopolitics, energy

Проблематика, связанная с принципами и направлениями развития приграничных городов, в последнее время приобретает все большее значение в странах Европы и всего мира – и данная тенденция в ближайшие годы будет лишь укрепляться. Основными факторами указанного процесса выступают геополитические обстоятельства, - прежде всего «встроенность» приграничных территорий в общую канву международного сотрудничества с сопредельными государствами, а также в более широкие модели регионального взаимодействия. Кроме того, подобные территории, как правило, исторически несут на себе бремя межгосударственных, межэтнических и/или межконфессиональных противоречий, что требует от центральных и региональных властей более активных усилий по противодействию негативным тенденциям использования социально-экономической, политической и социокультурной ситуации в данных районах в тех или иных политических или откровенно экстремистских целях.

Огромная протяженность сухопутных границ Российской Федерации, исторические особенности формирования их нынешних очертаний (как в период существования Российской империи, так и в эпоху бывшего СССР), а также существенная военная составляющая в истории взаимоотношений с соседними государствами придают обеспечению стабильной ситуации в приграничных районах и содействие устойчивому развитию расположенных здесь городов во многом политический характер.

Наиболее четко это обстоятельство прослеживается в дальневосточном регионе – на Сахалине и Курильских островах, выступающих в настоящее время «полигоном» выстраивания более конструктивных отношений России и Японии при обязательном сохранении над ними государственного суверенитета Российской Федерации.

Соответствующие вопросы были, в частности, обсуждены на высшем уровне в апреле 2017 года во время переговоров в Москве президента России Владимира Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ. По их итогам стороны приступили к подготовке перечня приоритетных проектов на Южных Курилах в рамках совместной хозяйственной деятельности в регионе. «Конечно, шла речь и о проблеме мирного договора, решение которой должно отвечать стратегическим интересам и России, и Японии и быть принято народами обеих стран. В этом контексте обсудили тематику совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах, о чем мы договорились с

господином Абэ еще в декабре в Токио. Согласились продолжить начатую совместную работу и сформировать в ближайшее время перечень приоритетных проектов», – подчеркнул в своем выступлении по итогам переговоров Владимир Путин.

Россия и Япония также договорились в целях финансовой поддержки реализации двусторонних деловых инициатив создать новый Российско-японский инвестиционный фонд с первоначальным капиталом в 1 млрд долларов. Агентство привлечения инвестиций и Фонд развития Дальнего Востока совместно с Банком международного сотрудничества Японии также призваны оказать содействие в осуществлении капиталовложений в экономику дальневосточного региона России. [1]

Сама же договоренность о начале консультаций по совместной деятельности на Курильском архипелаге была достигнута между Владимиром Путиным и Синдзо Абэ во время визита российского президента в Японию в декабре 2016 года. [2]

В развитие политических соглашений между Россией и Японией по совместной хозяйственной деятельности в регионе Южных Курил летом и осенью 2017 года указанный регион (острова Кунашир, Итуруп, Шикотан) впервые в истории двусторонних отношений посетили две представительные делегации японских бизнесменов и чиновников, включая советника премьер-министра Японии. В центре их внимания оказались такие перспективные с точки зрения интересов развития региона направления, как марикультура, сельское хозяйство, туризм, энергетика и окружающая среда. Рассматриваются вопросы участия японских фирм в проектах развития на Южных Курилах жилищного и сельскохозяйственного строительства. Кроме того, обсуждаются возможности развития сотрудничества в рыбном хозяйстве. «Около 90% всей нашей продукции идет на российский рынок. Вместе с тем мы видим большие перспективы и для расширения поставок в страны Азиатско-Тихоокеанского региона», – сообщил в этой связи исполнительный директор Южно-Курильского рыбокомбината Виталий Устенко. По его словам, «возможности для этого есть: собственный флот насчитывает 15 судов, а для переработки биоресурсов создана мощная база. Готовы предложить иностранным партнерам различные формы взаимодействия – от приобретения технологического оборудования до создания совместной хозяйственной структуры».

При этом российско-японское взаимодействие в хозяйственных областях охватывает не только Южно-Курильские острова, но в более широком региональном масштабе также остров Сахалин. В частности, в ходе первого визита японской делегации в июне 2017 года речь шла об использовании на Курилах имеющегося «сахалинского» опыта работы японских фирм – в частности, в целях модернизации причальных сооружений на Кунашире. «Учитывая развитость инфраструктуры портов Японии, власти Сахалинской области предложили представителям бизнес-миссии из этой страны поучаствовать в проектировании и строительстве подобных объектов на Курилах. Модернизация морской гавани даст толчок к развитию ряда важных отраслей экономики», – уверены в администрации Сахалинской области.

«На мой взгляд, естественные природные условия в акваториях островов оптимальны для выращивания морских биоресурсов. Это предварительный вывод, чтобы сделать окончательное экспертное заключение, я намерен провести консультации с представителями российской науки», – подтвердил, со своей стороны, представитель агентства по рыболовству Японии Хасаи Сигэто.

«Для нас является важным найти как можно больше точек соприкосновения с российской стороной на Курилах», – убежден советник премьер-министра Японии Эйити Хасэгава. По его словам, осмотр объектов на Курилах даст возможность определить наиболее перспективные направления для взаимодействия и разработать конкретные проекты. «Мы достигнем успеха, если производимая в будущем на

Курилах продукция начнет поставляться за пределы этой территории, в другие регионы и даже государства», – подчеркнул Эйити Хасэгава. [3]

Кроме того, губернатор Сахалинской области Олег Кожемяко предложил японской стороне участвовать в строительстве жилья на Курильских островах. Только в Южно-Курильском районе в предстоящие годы планируется построить 46 тысяч квадратных метров жилья, а также офисные объекты, здания социальных учреждений, дороги и объекты инженерной инфраструктуры.

Еще одна возможная сфера сотрудничества между Россией и Японией – развитие энергетики на Курилах. Японские бизнесмены получили приглашение участвовать в оборудовании дизельной электростанции на Кунашире ветровой установкой. Предполагается, что гибридная генерация позволит экономить несколько десятков миллионов рублей ежегодно за счет более бережного расходования топлива. [4]

При этом роль сотрудничества в энергетической области в настоящее время неуклонно увеличивается в силу того, что «рост степени интернационализации и глобализации энергетики, а также усиление энергетической взаимозависимости отдельных стран подтверждают тезис о невозможности полностью изолировать обеспечение национальной энергетической безопасности (без привязки к решению проблем международной энергетической безопасности на региональном и глобальном уровнях)». [5, с.68]

Представляется, что активно нарабатываемый в настоящее время всесторонний опыт модели российско-японского политического и экономического взаимодействия на Сахалине и Южных Курилах может быть переосмыслен и востребован применительно к другим приграничным территориям России, в том числе в Республике Карелия, отношения которой с соседней Финляндией лишены исторического «отягощения», аналогичного отсутствию мирного договора России и Японии и позиции Токио по Курильским островам и Сахалину. При этом важность развития приграничных карельских регионов диктуется прежде всего социально-экономическими задачами, в том числе необходимостью «сокращения миграционного оттока» и развития «регионального рынка труда». [6, с.98]

К числу перспективных направлений такого взаимодействия применительно к экономической специфике Карелии следует особо выделить следующие:

- «инвентаризация» всего комплекса межгосударственных соглашений между Российской Федерацией и Финляндией в целях большего внимания к проблемам приграничных территорий посредством уточнения и дополнения существующих и разработки новых соглашений и иных межгосударственных и межрегиональных документов;

- повышение интенсивности и уровня представительства в обмене делегациями бизнесменов и представителей местных и центральных властей;

- более четкое структурирование участия государственных и деловых структур в финансировании региональных проектов;

- особый акцент на проблемах более эффективного использования природных (прежде всего, лесных) ресурсов и обеспечении защиты окружающей среды;

- дополнительная проработка различных аспектов взаимодействия в сфере энергетики с учетом глобальных тенденций в данной области – в частности, развития возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий;

- облегчение материальных и правовых условий взаимных поездок жителей районов по обе стороны границы с расширением полномочий в указанной сфере местных органов власти.

Литература

1. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/84752> (дата обращения: 08.05.2018).
2. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59f2959a9a794780e9fb72fa> (дата обращения: 08.05.2018).
3. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/87381> (дата обращения: 08.05.2018).
4. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/87437> (дата обращения: 08.05.2018).
5. Жизнин С.З., Миронов Н.В. Россия и международная энергетическая безопасность // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Выпуск 4. М., 2007.
6. Тегуев А.И. Региональные особенности демографических и миграционных процессов в российском обществе // Вопросы истории. 2017. № 12.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ КАК ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ПРИГРАНИЧНЫМ ТЕРРИТОРИЯМ В ЭПОХУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

А.М. Исхаков

Россия, Санкт-Петербург, КФУ

oi_oi83@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблемам транснациональной организации незаконной миграции с учетом современного международного сотрудничества и экономической ситуации, рассматриваются некоторые стороны совершенствования миграционного законодательства.

Ключевые слова: транснациональная организация незаконной миграции, международное сотрудничество.

Abstract: the article is devoted to the problems of transnational organization of illegal migration taking into account modern international cooperation and economic situation, some aspects of improving migration legislation are being considered.

Key words: transnational organization of illegal migration, international cooperation.

Одной из опасных проблем современного мирового сообщества является незаконная миграция, поскольку она приняла характер глобальной транснациональной организованной преступности. Незаконная миграция и незаконная трудовая деятельность мигрантов негативно влияют на различные стороны жизни общества и государства. Они несут в себе угрозу национальной безопасности страны, приводят к росту теневой экономики и коррупции, усилению социальной напряженности. Незаконная миграция является источником пополнения рядов этнических преступных группировок, специализирующихся на контрабанде наркотиков, незаконном обороте оружия, торговле людьми, организации каналов нелегальной миграции. Указом Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», организация незаконной миграции была определена как деятельность, имеющая транснациональный преступный характер и отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности [1].

Транснациональная организация незаконной миграции как наиболее опасный вид организации незаконной миграции осуществляется организованной группой путем незаконного въезда, незаконного выезда и незаконного транзитного проезда, в которой задействованы три и более стран и, как правило, сопровождается совершением сопутствующих преступлений с нарушением миграционного законодательства данных стран.

Проблема незаконной миграции, в первую очередь, касается экономически развитых государств, которые имеют высокий уровень социальной жизни,

инфраструктуры, низкой или нулевой безработицы. Незаконная миграция в последние годы все больше активизируется, особенно, в странах Европейского Союза на фоне все большего усложнения общественных и межгосударственных правоотношений, направленных на активизацию всестороннего взаимодействия и сотрудничества.

Выделяются два фактора, присутствие которых неизменно способствует наличию такой транснациональной организованной преступной деятельности, как организация незаконной миграции: 1) наличие государств с неблагополучной экономикой; 2) наличие множества межгосударственных или внутригосударственных вооруженных конфликтов. Первый фактор порождает такие криминальные явления, как рабство, торговля людьми, незаконный найм рабочей силы, второй — вербовку наемников.

Незаконный ввоз мигрантов осуществляется в различных масштабах: небольшими структурами и крупными организациями, которые имеют связи во многих странах и перевозят мигрантов по сложным маршрутам (через несколько стран) с использованием различных видов транспорта и поддельных документов — паспортов, виз, разрешений. Операции по осуществлению незаконного ввоза мигрантов характеризуются высокой степенью конспиративности, гибкости, а также способностью оперативно корректировать маршруты и стратегию в соответствии с изменениями уровня безопасности на основных этапах переброски. На данный момент складывается мнение о том, что функционирование каналов незаконной миграции невозможно без использования коррупционных связей.

Структуры, занимающиеся незаконным ввозом мигрантов, умело осуществляют обучение и подготовку клиентуры. Мигрантов инструктируют, как одеваться, как отвечать на те, или иные вопросы должностных лиц пограничных или миграционных служб, обучают различным способам получения разрешения на пребывание в стране назначения, в том числе с использованием процедур предоставления убежища. Имеются также многочисленные случаи мошенничества, когда, получая доход за организацию незаконного въезда мигрантов в страны назначения, преступные группировки не заботятся о выполнении своих обязательств перед мигрантами.

Сами мигранты, ставшие объектами незаконного ввоза, не являются преступниками: они не несут уголовную ответственность за нарушение миграционного законодательства данной страны [2]. Несмотря на то, что мигранты сами выходят на контакт с лицами, осуществляющими их незаконный ввоз в другие страны, и оплачивают осуществление транзита, они зачастую подвергаются опасности и жестокому обращению. Имеются многочисленные данные о гибели и тяжких увечьях мигрантов при осуществлении попытки незаконного въезда наземным или морским транспортом в различные страны, например, в Австралию, США, страны Западной Европы.

Для переправки мигрантов в страны Евросоюза применяются различные способы въезда и пересечения территории России:

- формально законный въезд в страну по национальным документам в качестве туристов, на учебу, по деловым, служебным или частным приглашениям; фиктивное поступление на учебу, трудоустройство, а затем выезд в страны Западной Европы;
- незаконное пересечение Государственной границы (вне пунктов пропуска, в тайниках, с использованием поддельных документов и т.д.).

Один из основных способов пересечения границы и незаконного пребывания — использование поддельных и похищенных паспортов, поддельных приглашений на получение российской визы, документов на законное пребывание в России.

По поддельным паспортам незаконные мигранты предпринимают попытки легального выезда из РФ в страны ЕС. Имеются случаи, когда мигранты, на законных основаниях прибыв в страны ЕС, и «обустроившись» пересылают свой паспорт к себе на родину, для дальнейшего использования паспорта родственниками с целью въезда в страны Европы. Особо активно используются средства воздушного сообщения. Перевоска нелегалов через территорию России осуществляется также и автомобильным транспортом группами по 3-7 человек с повышенными мерами конспирации, объездом больших городов и размещением в небольших населенных пунктах. Зачастую у нелегалов организаторами изымаются документы, удостоверяющие личность, что затрудняет проведение работы по идентификации личности в случае задержания, а также депортацию с территории нашего государства.

Например, если группу иностранных граждан задержали во время незаконного пересечения государственной границы, у которых были обнаружены схемы маршрута передвижения, SIM - карты операторов мобильной сети, принадлежащие другим лицам или не зарегистрированные вовсе, отсутствовали при себе документы, удостоверяющие личность, отсутствовали предметы и документы, косвенно определяющие их место проживания, то априори здесь можно рассматривать деятельность организованной группы, которая имеет признаки транснационального характера. Как правило, организация транснациональной незаконной миграции (въезда или транзитного проезда с целью проникновения в развитые европейские страны) осуществляется в составе организованных групп, а при организации устойчивых каналов незаконной миграции – посредством преступных сообществ.

Если же незаконная миграция сопряжена с организацией незаконного пребывания, то эту деятельность необходимо проверить на предмет совершения преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

Для реализации преступного умысла, направленного на пересечение государственной границы РФ, с целью въезда в страны ЕС, мигранты въезжают на территорию РФ по действительным документам, приобретают статус законно находящегося мигранта, далее направляются в приграничные города Северо-Западного направления (Псков, Выборг) и целенаправленно готовятся к незаконному пересечению границы.

В каждом случае организации незаконной миграции необходимо выявлять цепочку канала незаконной миграции: встречающих лиц, мест проживания на территории РФ, сопровождающих лиц, определение маршрута, источник информации о канале и лиц, встречающих на территории ЕС. Зачастую незаконным мигрантам дают пошаговую инструкцию совершения действий на территориях государств, которые они пересекают. Например, перед переходом границы в Финляндию, Норвегию, Эстонию, незаконные мигранты удаляют информацию о пребывании на территории РФ, сжигают документы, удостоверяющие личность, и прочие документы, по которым можно было бы определить страну их исхода, удаляют с мобильного телефона фотографии (чаще используют только один мобильный телефон), выбрасывают SIM - карты. В последующем представляются гражданами стран, где происходят военные конфликты.

Стоимость «проезда» в толерантную Европу варьируется, например, из Алжира от 2000-3000 долларов, Афганистана, Ирака и Ливии от 3000-4000 долларов. Причем существует «гибкая» система рассрочки, предлагаемая транснациональной организованной преступностью. Организованные группы заинтересованы привлечь людей к этой системе, так как зачастую неплатежеспособный мигрант вынужден заниматься противоправными действиями на территории или территориях других государств.

Современная миграционная политика направлена на объединение стран в борьбе против нарушения миграционного законодательства. Страны приняли Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [3]. В соответствии с положениями данной Конвенции государства-участники стремятся разрабатывать и оценивать эффективность национальных проектов, а также выявлять и внедрять оптимальные виды практики и политики, направленные на предупреждение транснациональной организованной преступности.

Государства-участники приняли следующие решения: провести усиление сотрудничества между правоохранительными органами; оказывать содействие при разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе публичных и соответствующих частных организаций; оказывать предупреждение злоупотреблений со стороны организованных преступных групп процедурами торгов, субсидиями и лицензиями; сокращать существующие или будущие возможности для организованных преступных групп действовать на законных рынках при использовании доходов от преступлений, посредством принятия надлежащих законодательных, административных или других мер.

25 июня 2004 года для Российской Федерации вступил в силу «Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» [4]. Данный Протокол перечисляет деяния, которые носят преступный характер: незаконный ввоз мигрантов; создание условий для незаконного ввоза мигрантов (изготовление, приобретение, предоставление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности, предоставление места проживания и создание условий для проживания), а также организация незаконной перевозки людей по морю.

Государства-участники должны развивать сотрудничество на национальном, региональном и международном уровне, с учетом социально-экономических реалий, уделяя особое внимание районам, находящимся в неблагоприятном экономическом и социальном положении.

К разряду международно-правовых актов по борьбе с транснациональной организацией незаконной миграции относится комплексная система правовых документов Содружества Независимых Государств, регламентирующая основу правового и организационного взаимодействия государств - участников СНГ в области миграционного контроля, учета иностранцев, незаконно пребывающих на их территориях стран СНГ, выработки механизма их депортации, гармонизации национального законодательства в уголовно-правовой сфере и обмена информацией о незаконной миграции [5].

Среди них особо следует выделить: Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 06.03.1998г.; Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с преступностью от 25.11.1998 г.; Положение об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства - участники Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией закрыт, в соответствии с их действующим национальным законодательством, и порядке обмена информацией о незаконной миграции, Решение Совета глав правительств СНГ «О Положении об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства - участники Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией закрыт в соответствии с их действующим национальным законодательством, и порядке обмена информацией о незаконной миграции» (г. Москва, 25.01.2000 г.) [6].

Противодействие организации незаконной миграции будет более эффективным, когда для решения данной проблемы будет применено взаимодействие, в первую очередь, между уполномоченными органами стран, регулирующими вопросы государственной безопасности и миграции, граничащими с территорией России. Взаимодействие стран в сфере реализации международной миграционной политики и обеспечения безопасности мирового сообщества должно быть направлено на противодействие организации незаконной миграции и на повышение профилактики правонарушений и преступлений, совершаемых мигрантами. Только путем тесного сотрудничества между странами возможно достигнуть эффективных результатов в борьбе с данным видом преступления. Во многих странах, как правило, используются следующие основные меры противодействия незаконной миграции: усиление пограничного контроля; сохранение правил, регулирующих рынок труда; сокращение возможностей для въезда в страну; переговоры со странами-отправителями о приеме их граждан обратно.

К главным направлениям обеспечения государственной и общественной безопасности отнесены повышение эффективности осуществляемой деятельности правоохранительными органами, органами государственного контроля (надзора); нейтрализация условий, порождающих коррупцию; разработка мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений; развитие систем выявления, создание механизмов предупреждения преступной деятельности; повышение уровня антитеррористической защищенности; повышение качества профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности и их социальной ответственности; повышение эффективности пограничной деятельности; совершенствование межведомственного взаимодействия и межгосударственного пограничного сотрудничества; развитие международного сотрудничества.

Основная причина отсутствия практики установления в ходе предварительного расследования транснациональной составляющей преступной деятельности, даже при наличии косвенных подтверждений этого, заключается в том, что сотрудниками правоохранительных органов не предпринимаются действия по установлению системы взаимосвязей, в которые включены организаторы незаконной миграции [7, 13]. Для достижения этой цели необходимо обеспечивать более полное выполнение требований ст. 73 УПК РФ.

Указанные проблемы найдут решение при осуществлении необходимого взаимодействия между различными подразделениями МВД России; органами, регулирующими вопросы миграции с компетентными органами граничащих с территорией РФ государств; при распределении подследственности ст.322.1 УК РФ ФСБ России путем внесения соответствующих изменений в ст. 151 УПК РФ.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (дата обращения: 29.12.2017).
2. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (ратифицирован Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 40. - Ст. 3883.
3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 40. - Ст. 3882.

4. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (ратифицирован Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 40. - Ст. 3883.
5. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / [И.С. Власов, Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов и др.; отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова]. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2014. - С.136.
6. Содружество. Информ. вест. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. - 2000. - № 1 (34). - С. 127 - 132.
7. Соколов Д.А. Криминологическая характеристика организации незаконной миграции: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Д.А. Соколов; науч. рук. А.И. Долгова. - М., 2013. – С. 13.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СФЕРЕ

Л.Н. Камалова, В.М. Кузьмина
Россия, г.Курск, ЮЗГУ
 Kuzmina_violetta@yandex.ru

Аннотация. В рамках данного исследования был проведен ивент-анализ развития политики молодежного сотрудничества России и КНР в 1992-2017 годах. Для этого были проанализированы публичные заявления глав государства, политических и культурных деятелей на конференциях, заседаниях, в интервью прессе и др. В расчет брался материал, который наиболее обширно был освещен в прессе.

Abstract. As part of this study, an event-analysis of the development of the policy of youth cooperation between Russia and China in 1992-2017 was conducted. For this purpose, the public statements of the heads of state, political and cultural figures at conferences, meetings, interviews with the press, etc.were analyzed. the material that was most extensively covered in the press was taken into account.

Ключевые слова: Россия, Китай, сотрудничество, молодежная политика

Keywords: Russia, China, cooperation, youth policy

11 сентября 2017 года в городе Гуанчжоу КНР состоялось VII заседание Межправительственной подкомиссии по сотрудничеству в области молодёжной политики Российской части Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. В рамках этого заседания Подкомиссии обсуждались итоги совместной работы в 2016 году и в первом полугодии 2017 года, практика реализации молодёжных обменов, нацеленных на развитие гуманитарного сотрудничества, дальнейшие планы по сотрудничеству на молодёжном треке в 2018 году.

Основная цель международного молодежного сотрудничества - это возможность для молодых людей жить без границ. Знакомство молодежи с историческим наследием, современным состоянием культуры, литературы, искусства других государств - первый шаг к взаимопониманию[1].

В ходе сортировки данных для получения объективных результатов субъекты настоящего анализа были поделены на две категории: «представители России» и «представители Китая». Всего в данном исследовании проанализировано 11 источников. Результаты ивент-анализа, отсортированные по обозначенным группам, а

также по типу действий субъектов (вербальные и невербальные), представлены в виде таблиц 2 и 3.

Представим частотность совершения вербальных и невербальных актов в хронологическом порядке в виде графиков. Российские источники представлены на рисунках 1 и 3, китайские – 2 и 4.

Рис. 1. Уровень интенсивности вербальных актов со стороны России

2000 год начался с роста уровня интенсивности отношений между странами. Российские молодежные лидеры ведут активные переговоры с китайской стороной. Данная активность продолжается до сих пор. Например, проректор МГИМО по кадровой политике В.М.Морозов отметил важную роль молодых специалистов в развитии сотрудничества России и Китая, призвал подключиться к выработке собственных предложений по усовершенствованию российско-китайских отношений, выводу их на новый качественный уровень.

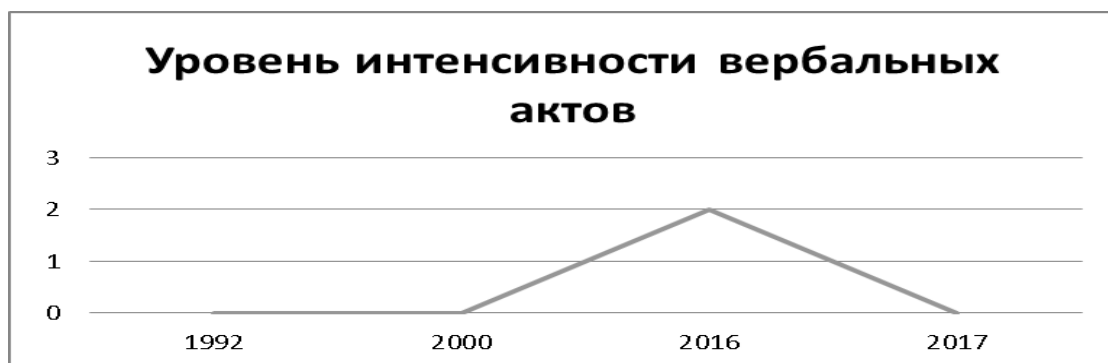

Рис. 2. Уровень интенсивности вербальных актов со стороны Китая

Начиная с 2000 года Китай стал более активно сотрудничать с Россией. Лидеры молодежных движений в своих речах все чаще упоминали важность данного сотрудничества и их дальнейшие перспективы. Однако в 2017 году можно наблюдать спад активности.

Как видно на рисунке, Россия наращивала интенсивность своих действий по отношению к Китаю в сфере молодежной политики с 1992 года по 2017. Это можно связать с тем, что данная сфера исследований становится актуальнее с каждым днем, так как отношения России и Китая в экономической, политической, культурной сфере находятся на пике своего исторического развития.

Китай так же вела активные действия по отношению к России в сфере молодежной политики с 1992 года по 2017. Большое внимание уделяется проведению различных мероприятий, обучению китаистов и русистов, которые в будущем будут

способны сохранять высокий уровень двусторонних отношений России и Китая, а также способствовать их продвижению и углублению.

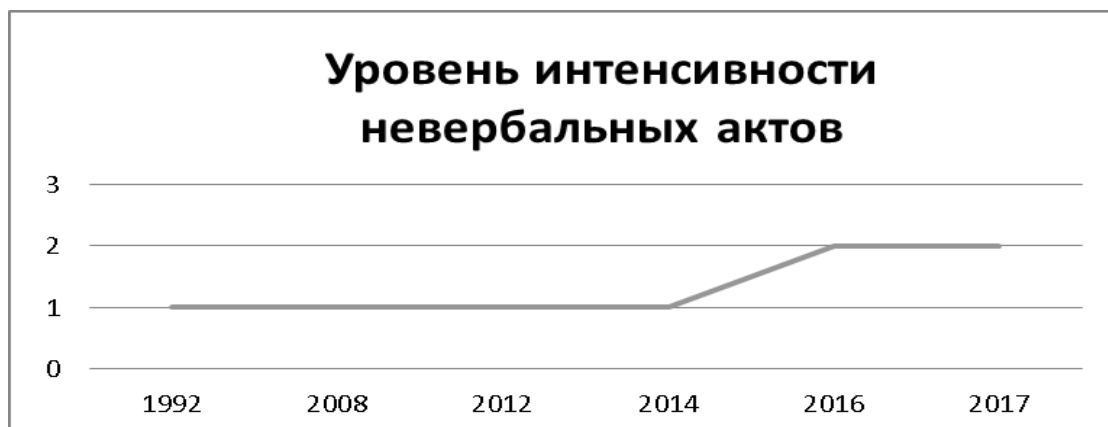

Рис. 3. Уровень интенсивности невербальных актов со стороны России

Рис. 4. Уровень интенсивности невербальных актов со стороны Китая

Итак, по результатам проведенного ивент-анализа можно сделать некоторые выводы. На сегодняшний день сотрудничество между Китаем и Россией очень важно для дальнейшего развития стран, о чем открыто заявляют их представители, в том числе и на высшем уровне. Страны активно сотрудничают друг с другом.

В сфере молодежной политики между Россией и Китаем проблем практически не наблюдается. Большинство мероприятий проходят в срок и находят отклик с обеих сторон. Процесс сотрудничества двух стран в данной сфере не останавливается и продолжается до сих пор, являясь самым плодотворным из всех связей России с другими государствами. Однако, основным и наиболее объективным препятствием, мешающим развитию международного сотрудничества в молодежной сфере между Россией и Китаем, на сегодняшний день можно отнести прежде всего:

- кадровую проблему, а именно нехватку квалифицированных лидеров, способных готовить и реализовывать международные проекты, что серьезно осложняет деятельность как государственных органов, так и общественных объединений по работе с молодежью;
- незнание или недостаточное знание иностранных языков, наиболее заметное на региональном уровне;
- ограниченность государственного финансирования.

В Китае состоялось подписание Соглашения о стратегическом партнерстве между подведомственным учреждением Росмолодежи ФГБУ «Международный молодежный центр», и Синьцзянским институтом международных молодежных обменов Китая. Данный документ позволит выстроить международное сотрудничество и организовать совместные молодежные мероприятия двух стран [2].

На встрече обсудили перспективу молодежных обменов и реализацию международных молодежных проектов, по итогам переговоров было принято решение о визите китайской стороны в Россию для детального выстраивания плана работы на 2018 год. Также весной следующего года на территории Российской Федерации запланирована встреча молодежи двух государств, в которую войдут молодые представители различных сфер: культура, история, кулинария, политика и другое.

Представители ММЦ предложили идею проведения молодежных мероприятий в 2018-2019 гг. в Алтайском крае, где участниками смогли бы стать сразу четыре страны: Россия, Китай, Монголия и Казахстан. Выбор географического местоположения объясняется точкой соединения данных четырех стран.

Совсем недавно, в рамках развития международного молодежного сотрудничества между молодежью Российской Федерации и Китайской Народной Республики, в период с 16 по 23 ноября 2017 года состоялся визит молодежной делегации России в Китай. Целью поездки являлся обмен опытом и знаниями молодых людей двух стран, а также укрепление культурно-гуманитарных связей между молодежью России и Китая. В состав российской делегации вошли 100 человек из разных регионов России. В рамках визита состоялось посещение г. Пекина и г. Ухань, для участников делегации была предусмотрена обширная деловая и культурная программа. В программе мероприятия планировалось знакомство с китайской культурой, презентации деятельности Всекитайской Федерации Молодежи самой массовой молодежной организацией Китайской Народной Республики, обмен опытом и обсуждение перспектив развития международных молодежных обменов между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Литература

1. Минчжао, Ц. Эксклюзивное интервью Владимира Путина гендиректору Синьхуа: беспрецедентный уровень взаимного доверия лежит в основе двустороннего взаимодействия между Россией и Китаем [Электронный ресурс]: статья / Ц. Минчжао // «Синьхуа». -2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160624/236971333.html> (Дата обращения 21.10.17)
2. Максимова, Н. Международные проекты, как инструмент молодежного сотрудничества [Электронный ресурс]: статья / Н. Максимова // Студенческий научный форум 2012. -2012. // URL: <https://www.rae.ru/forum2012/14/1450> (дата обращения: 1.12.2017)

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.В. Каргаполова, Ю.Г. Миронова, А. С. Иванова

Россия, Астрахань, АГУ

k474671@list.ru

Аннотация: На основе статистической информации и результатов мониторингового социологического исследования проанализировано влияние миграционных процессов на социокультурное пространство приграничного региона – Астраханской области.

Abstract: on the basis of statistical information and the results of monitoring sociological research, article analysis the influence of migration processes on the socio – cultural space of the frontier region-the Astrakhan region .

Ключевые слова: миграция, социокультурное пространство, приграничный регион.

Key words: migration, socio-cultural space, frontier region.

Миграция всегда являлась существенным фактором формирования социокультурного пространства стран и регионов, включая социальную структуру, политическую, экономическую и культурную жизнь. И роль этого фактора только усиливается в следствие процессов глобализации, а на территории современной России – после распада СССР. Особенно это касается приграничных регионов.

Среди позитивных аспектов влияния миграции на социокультурное пространство современной России следует назвать то обстоятельство, что иммиграция является не только важнейшим трудовым [1, с. 97; 2] но и демографическим ресурсом, так как демографическое развитие страны пока еще характеризуется крайней противоречивостью. С одной стороны, с середины 2000-х гг. и до настоящего времени наблюдаются заметные позитивные тенденции в процессах естественного воспроизводства населения. С другой стороны, «не вызывает сомнений, что наша страна, уже долгие годы живущая в условиях суженного режима воспроизводства населения, в ближайшие десятилетия будет испытывать депопуляцию и негативные структурные сдвиги в населении» [3, с. 171]. Таким образом, расширение масштабов миграционных процессов будет способствовать возмещению естественной убыли населения [4, с. 84].

Кроме того, повышение подвижности населения оказывает благоприятное влияние на повышение культурного уровня людей под воздействием притока квалифицированных кадров [4, с. 84], туристической [5] и учебной [6] миграции. Что касается, например, учебной миграции, то «Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвержден приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования (протокол от 30 мая 2017 г. №6), целью которого является увеличение доли несырьевого экспорта РФ за счет повышения привлекательности российского образования на международном образовательном рынке» [6, с. 99].

Но для грамотного управления миграционными процессами требуются соответствующие институциональные структуры. В их отсутствии усиливается криминальная составляющая, что и произошло после распада СССР. «На территориях бывших стран социалистического лагеря сложилась новая миграционная ситуация, основными чертами которой стали: ослабление миграционного контроля, прозрачность границ государств-участников СНГ, частичное снятие административных запретов и ограничений на въезд иностранных граждан. Следствием ложившейся миграционной

ситуации в России, в особенности в ее приграничных регионах состоит в том, что они превратились не просто в транзитные пункты для мигрантов, а в территории, на которых организация незаконной миграции «поставлена на поток» [7, с. 169]. Это приводит к расширению масштабов теневой экономики, торговли наркотическими средствами, контрабанды, обострению ситуации на рынке труда и усилению социальной напряженности внутри страны [1, с. 97; 4, с. 83; 7, с. 169]. Кроме того, миграция требует создания дополнительных условий для адаптации и развития личности, в частности, «решения жилищных проблем, формирования дополнительных услуг в социально-культурной сфере. Миграция населения пенсионного и нетрудоспособного возраста увеличивает нагрузку на бюджет за счет предоставления дополнительных социальных услуг» [4, с. 84.].

Таким образом, трудно дать однозначную оценку влияния миграции на социокультурное пространство и требуется комплексный анализ динамики миграционных процессов с учетом специфики геополитического положения, исторического, социально-экономического и культурного развития отдельных регионов. Рассмотрим особенности территориальной мобильности населения на примере Астраханской области – одного из регионов, который получил статус приграничного в современной России. Необходимо отметить исторически сложившуюся транзитную миссию нижневолжского региона как «врат народов». И в современной России проводником реализации геополитических интересов России в Каспийском регионе является Астраханская область, а прикаспийский регион нашей страны имеет ключевое значение в развитии евроазиатского транзита [8, с. 65]. Процессы миграции, таким образом, продолжают оставаться важнейшим фактором формирования социокультурного пространства многонационального и поликонфессионального региона и мы неоднократно обращались к их изучению [8-12].

По статистической информации в Астраханской области за период 2010-2016 гг. миграционный прирост наблюдался в 2011 г., 2013 г. и 2014 г. (39, 0,2 и 24 чел. на 1000 чел. населения соответственно), напротив, миграционная убыль – в 2010 г., 2012 г., 2015 г. и 2016 г. (-20, -36, -49 и – 17 чел. на 1000 чел. населения соответственно) [здесь и далее источник статистической информации: 13].

Значительно увеличилась доля выбывших из Астраханской области за пределы страны: если в 2010 г. и 2011 г. она составляла 5-6%, то в 2012-2016 гг. – от 16 до 30% от общего числа выбывших, тогда как в целом по Российской Федерации в этот же период данный показатель фиксировался на уровне 3-8%, по Южному федеральному округу – 1-8% от общего числа выбывших. Но одновременно в регионе также растут также масштабы иммиграции из-за рубежа: так если в 2010 г. доля прибывших из-за пределов России составляла 11%, то в последующие годы данный показатель значительно увеличился и его значение составляло в различные годы от 23% до 37%. Это значительно выше, чем в среднем по Российской Федерации и Южному федеральному округу, где аналогичный показатель составлял 10-13% и 9-16% соответственно.

Доля въехавших в Астраханскую область из других регионов страны с 2010 г. зафиксирована на уровне 25-40% от общего числа прибывших, что несколько уступает аналогичному показателю по Российской Федерации и Южному федеральному округу (40-44% и 47-51% соответственно). Доля выбывших из области в другие регионы России несколько снизилась и с 2010 г. составляла от 41% до 51% от общего числа выбывших. По стране и округу также фиксируется снижение темпов межрегиональной миграции, но ее масштабы выше, чем в регионе – 44-47% и 47-50% от общего числа выбывших соответственно.

Внутренняя миграция в Астраханской области также заметно снизилась: с 49% в 2010 г. до 32% от числа прибывших в 2016 г., тогда как по РФ – с 49% до 43%, по ЮФО – с 46% до 38% от общего числа прибывших соответственно. Снижается также доля выбывших в пределах региона: по Астраханской области – с 45% до 30%, по Российской Федерации – с 53% до 46%, по ЮФО – с 52% до 45% от общего числа выбывших.

Данные цифры свидетельствуют о значительных масштабах миграционного оборота и подтверждаются результатами мониторингового социологического исследования в Астраханской области, которое проводилось с 2010 г. до 2016 г.* Так, только чуть более 60% астраханцев являются коренными жителями области. Сменил место жительства внутри региона примерно каждый четвертый астраханец. Примерно каждый десятый приехал в область из другого субъекта Российской Федерации или СНГ.

По результатам третьей волны мониторинга 2016 г. среди тех, кто проживает в пределах одного населенного пункта менее 5 лет, мужчин несколько больше, чем женщин (11% против 6%); 14% представителей молодежи в возрасте от 15 до 29 лет, тогда как взрослых – 5%, представителей старшего поколения – 1%. Доля молодежи по сравнению с 2010 г. увеличилась в 4,5 раза, что с большой долей вероятности определяет преобладание лиц с незаконченным высшим и средним общим образованием (13% и 11% соответственно) в данной категории.

Среди проживающих в населенном пункте менее пяти лет 15% составляют не состоящие в браке, по 8% – состоящие в незарегистрированном сожительстве и разведенные, 6% – вдовы, 5% – состоящие в официальном браке. В данной категории преобладают не имеющие детей (14%) и имеющие трех и более детей (12%), тогда как одного и двоих детей имеют по 4% опрошенных.

Чем выше уровень материального положения – тем выше доля тех, кто проживает в населенном пункте менее пяти лет (5% «нищих», 7% «бедных», по 8% «необеспеченных» и «обеспеченных», 10% «зажиточных», 17% «богатых»)

Среди коренного населения Астраханской области от первой волны мониторинга к третьей зафиксировано увеличение доли женщин, состоящих в браке при снижении доли мужчин и молодежи. Снижается также доля «зажиточных» и «богатых» при росте доли «нищих» и «необеспеченных». С одной стороны, увеличивается доля тех, у кого детей трое и более. Но, с другой стороны, в 2016 г. наибольшую (69%) долю среди коренного населения составляют те, у кого нет детей (см. табл.).

Миграция внутри региона стала в меньшей степени затрагивать женщин, представителей старшего поколения, состоящих в браке, лиц с тремя детьми и более, «нищих», «необеспеченных», «обеспеченных», а также жителей малых городов. Напротив, несколько чаще стали мигрировать в пределах региона жители рабочих поселков, вдовы и «богатые».

Среди тех, кто приехал в Астраханскую область из другого региона Российской Федерации или стран СНГ зафиксировано существенное (с 12% до 22%) увеличение доли пожилых и некоторое увеличение доли молодежи (с 4% до 7%). Также увеличилась доля «зажиточных» и «богатых», разведенных, не состоящих в браке и жителей малых городов.

Таким образом, в целом наблюдается рост масштабов миграционных процессов в Астраханской области в последнее десятилетие. Растут международные потоки миграции как в регион, так и из региона. Растут также темпы межрегиональной и внутренней миграции, хотя эти темпы несколько ниже, чем в среднем по Российской Федерации и Южному федеральному округу, что, на наш взгляд, обусловлено

экономическими причинами и уровнем качества жизни в регионе. Типичный мигрант в области – молодой мужчина, не состоящий в браке, не имеющий детей, получающий высшее образование и идентифицирующий себя с зажиточными и богатыми слоям населения.

Таблица 1

Ответы астраханцев на вопрос «Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?» (% от опрошенных, по столбцу)

Варианты ответов	Здесь родился		Приехал по своему желанию из другого города (села) нашего региона		Приехал по своему желанию из другого региона РФ или СНГ		Вынужденный переселенец из другого региона РФ или СНГ		Приехал сюда временно из другой страны	
	2010	2016	2010	2016	2010	2016	2010	2016	2010	2016
Материальное положение										
«Нищие»	57,7	63,3	31,2	27,5	8,1	7,3	2,1	0	0,9	1,8
«Бедные»	64,7	64,1	26,6	25,5	6,2	7,3	1,5	3,1	0,2	0
«Необеспеченные»	59,2	65,7	28,6	19,6	10,0	12,2	1,8	2,2	0	0,4
«Обеспеченные»	62,6	65,1	28,0	22,4	8,1	9,9	1,2	1,1	0	1,1
«Зажиточные»	63,2	59,4	29,0	26,6	6,7	10,5	1,1	2,1	0	1,4
«Богатые»	59,4	45,2	31,2	40,5	4,2	11,9	4,2	2,4	1,0	0,0
Возраст										
Молодежь	75,7	70,4	19,5	20,1	3,6	7,0	0,8	1,0	0	1,5
Взрослые	58,8	59,1	31,7	28,1	8,2	9,9	0,7	2,5	0,3	0,4
Пожилые	53,7	51,0	29,5	24,5	12,0	22,4	4,8	2,0	0	0
Состояние в браке										
Состоящие в браке	57,1	62,3	32,0	26,0	9,3	9,6	1,2	1,8	0,2	0,4
Незарегистрированный брак	н/д	60,0	н/д	22,4	н/д	10,6	н/д	3,5	н/д	3,5
Состоящие в разводе	61,0	52,5	28,8	30,5	8,9	15,3	0,8	1,7	0,4	0,0
Не состоящие в браке	76,1	69,8	19,5	18,5	2,5	9,1	1,4	1,1	0,0	1,1
Вдовы	63,2	47,1	24,3	35,3	8,5	11,8	4,1	5,9	0,0	0,0
Количество детей										
Один ребенок	66,5	65,8	21,6	23,1	10,1	8,4	1,2	2,2	0,6	0,4
Два ребенка	58,3	55,4	30,7	28,8	8,7	12,6	1,8	2,5	0,1	0,7
Трое и больше детей	44,5	54,2	43,6	29,9	10,0	13,1	1,8	1,9	0,0	0,9
Нет детей	н/д	69,1	н/д	20,4	н/д	8,2	н/д	0,8	н/д	1,1
Пол										
Мужчина	66,8	61,2	23,4	24,8	8,2	10,6	0,9	2,0	0,4	1,1
Женщина	57,7	64,7	32,3	23,9	7,7	9,2	2,0	1,7	0,1	0,6
Тип поселения										
Деревня, село	62,7	61,0	32,4	29,5	3,4	6,7	1,1	2,2	0,4	0,6
Рабочий поселок	58,9	63,1	25,7	30,8	12,6	6,2	2,3	0,0	0,0	0,0
Малый город	56,4	66,3	38,5	20,2	3,9	11,5	0,9	1,0	0,3	1,0
Областной центр	62,1	63,7	24,3	21,2	11,2	12,0	2,0	2,0	0,1	1,0

*Мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е.В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N=1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N=600), третий – в апреле-мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами ЦИСИ ИФ РАН.

Литература

1. Мишук С. Н., Хавинсон М. Ю. Международная трудовая миграция в приграничном регионе: анализ и прогнозирование (на примере Еврейской автономной области) // Региональные проблемы. 2010. Т. 13. №1. С. 97–100.
2. Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Безвербный В. А. Международная миграция как фактор восполнения дефицита трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока России // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2017. № 4-5. С. 13–24.
3. Еремин А. А. Демографические проблемы и перспективы приграничных регионов России (на примере Алтайского края и Республики Алтай) // Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России: проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции. Сборник материалов Международных научных мероприятий / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2013. С. 171-178.
4. Немирова Г. И. Воздействие миграции на социально-экономическое развитие приграничных регионов // Финансы и кредит. 2006. №36(240). С. 83-89.
5. Гатауллина С. Ю. Влияние туристской миграции на развитие геосистем приграничных регионов (на примере Приморского края) // Геосистемы и их компоненты в Северо-Восточной Азии: эволюция и динамика природных, природно-ресурсных и социально-экономических отношений. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 411-414.
6. Лучко О. Н., Мухаметдинова С. Х. Влияние учебной миграции на системы образования приграничных регионов России (на примере Омской области) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. №3(29). С. 98–104.
7. Черный А. И. Противодействие незаконной миграции и преступности мигрантов в приграничных регионах // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №4. С. 169–172.
8. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа / Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, С. Н. Коннова, Д. Р. Крипакова, Ю. Г. Миронова, С. В. Новоселов, И. И. Потапова, Е. О. Черемных. Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2017. 378 с.
9. Каргаполова Е. В., Каргаполов С. В. Миграционные процессы в социокультурном пространстве Астраханской области // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 18. №16(43). С. 75–79.
10. Каргаполова Е. В., Миронова Ю. Г. Роль миграционных процессов в современном обществе: региональный аспект // Primo aspectu. 2018. №1(33). С. 9-14.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения 05.02.2018).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: ВОПРОСЫ ВЫРАВНИВАНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ

А.П. Кирьянен

Россия, г. Петрозаводск, КарНЦ РАН

alexkirjanen@gmail.com

Аннотация: Необходимость осуществления межбюджетной политики обусловлена наличием региональной дифференциации внутри страны. Учитывая стратегическую важность приграничных территорий, особую актуальность приобретает задача выравнивания бюджетной обеспеченности и объективной оценки расходных обязательств.

Abstract: The implementation of inter-budgetary policy is caused by the presence of socio-economic inequality. Since the border areas have strategic importance, the task of equalizing the budget provision and objective assessment of expenditure obligations becomes urgent.

Ключевые слова: регион, бюджетная обеспеченность, дотация, модельный бюджет

Key words: region, fiscal capacity, subsidy, model budget

Федерализм ставит перед каждым уровнем власти определенные государственные задачи, выполнение которых возможно только при обеспечении публично правовых образований достаточными финансовыми ресурсами. Однако неравномерное распределение природно-климатических, экономических, трудовых ресурсов, промышленного потенциала, с одной стороны, и потребителей государственных и муниципальных услуг, с другой стороны, приводит к необходимости применять инструменты выравнивания. Такие инструменты нацелены на достижение баланса между возможностями региональных властей по мобилизации доходов и установленными расходными обязательствами.

Однако вопрос степени применения перераспределяющего механизма между регионами-донорами и регионами-реципиентами упирается в выбор между экономической эффективностью и социальной справедливостью, а также в ответ на вопрос: когда или при каких обстоятельствах социальное неравенство выступает ограничителем развития. Представляется, что тезис о социальном неравенстве как ограничении развития амбивалентен. Политическая обстановка в стране и неустойчивость политических сил, неразвитость институтов, несовершенство законодательной базы и вялость деловой активности граждан, негативные ожидания экономических субъектов, волатильность экономической ситуации – всё это способствует усилению неравенства в обществе и, тем самым, ограничивает развитие. Вместе с тем, Джозеф Стиглиц выразительно отмечал, что ирония состоит в том, что пока неравенство порождает нестабильность, нестабильность сама по себе порождает и неравенство – это один из порочных кругов [5]. Представляется, что таким же замкнутым кругом можно считать социальное неравенство и ограничение развития.

Ответ на вопрос о справедливости также не очевиден. Если обратиться к труду Платона «Государство» в вопросе построения государства одним из принципов Сократ определяет справедливость, которая состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое [4]. Однако если применить такую трактовку на механизм распределения доходов государством (т.е. справедливость как экономическая категория) возникает вопрос определения критериев измерения справедливого объема получаемой регионом из федерального центра нецелевой финансовой помощи. Регионы получают определенный объем финансовой помощи в виде дотации для снижения дифференциации в возможностях обеспечения реализации конституционных

прав и свобод граждан исходя из проводимой Минфином России оценки по уровню бюджетной обеспеченности и по соотношению расчетного объема расходных обязательств к фактическому [1].

Из 85 субъектов Российской Федерации у 49-ти одна из границ совпадает с межгосударственной границей. У большей части приграничных регионов уровень бюджетной обеспеченности до и после применения выравнивающего механизма ниже среднего по стране уровня. При этом разрыв значений составляет более 3-х раз. Среди рассматриваемых регионов наиболее высокий уровень бюджетной обеспеченности приходится на Ямало-Ненецкий автономный округ (уровень бюджетной обеспеченности на 2018 год до распределения дотации составляет 2,182), а наиболее низкий со значением на 2018 год 0,369 до распределения дотации – на Кабардино-Балкарскую республику.

Таблица 1

Приграничные регионы России, обладающие наибольшим и наименьшим уровнем бюджетной обеспеченности

Субъекты РФ	ДО распределения дотаций	Место	ПОСЛЕ распределения дотаций	Место	ДО распределения дотаций	Место	ПОСЛЕ распределения дотаций	Место
	2017 год				2018 год			
Среднее значение	0,795	-	0,913	-	0,784	-	0,892	-
Ямало-Ненецкий а.о.	2,202	2	2,202	2	2,182	2	2,182	2
Тюменская область	2,200	3	2,200	3	2,115	3	2,115	3
г. Санкт-Петербург	1,823	5	1,823	5	1,848	5	1,848	5
Сахалинская область	1,817	6	1,817	6	1,538	6	1,538	6
Ленинградская область	1,522	7	1,522	7	1,471	7	1,471	7
Республика Ингушетия	0,246	83	0,691	80	0,243	84	0,655	80
г. Севастополь	0,593	56	0,734	51	0,521	67	0,654	81
Чеченская республика	0,287	80	0,691	81	0,270	81	0,650	82
Республика Саха (Якутия)	0,555	63	0,721	59	0,480	71	0,647	83
Республика Дагестан	0,270	81	0,676	84	0,252	82	0,640	84
Кабардино-Балкарская Респ.	0,456	74	0,715	67	0,369	78	0,632	85

Причиной таких различий и общего невысокого уровня бюджетной обеспеченности может являться фактор удаленности от российского рынка, а также отсутствие значительных экспортных ресурсов [3]. Различия в темпах экономического развития регионов проявляются в поляризации населения по уровню и качеству жизни.

Поскольку значительное количество приграничных территорий в силу экономической отсталости, выражающейся, в том числе, в низкой бюджетной обеспеченности, представляют собой структурный барьер вхождения в мировую экономику, государству необходимо применять действенные механизмы выравнивания.

Методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов предполагает определение минимально необходимого объема финансовых ресурсов на основе применения ряда корректирующих коэффициентов к бюджетным расходам и налоговому потенциалу. При этом часть фонда финансовой поддержки регионов (в 2018 году - 30%) распределяется исходя из итогов инвентаризации расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, определения т.н. модельного бюджета.

Исходя из объективной потребности в финансовом обеспечении отраслей экономики и социальной сферы на среднероссийском уровне, а также применении обоснованного механизма оценки налогового потенциала Правительством Российской Федерации в марте 2018 года поставлена задача по внесению изменений в методику.

В настоящей статье представлен анализ предложений субъектов Российской Федерации и предложений Министерства финансов Республики Карелия [2] по совершенствованию методики распределения дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и подходов к определению расчетного объема расходных обязательств.

Первая и применимая ко всем субъектам Российской Федерации проблема действующей методики – наличие временного лага при осуществлении расчета модельных бюджетов, поскольку объем расходов на очередной финансовый год рассчитывается исходя из данных года, предшествующего текущему. Таким образом, не учитываются такие возникающие в текущем году факторы, как индексация заработной платы, изменение тарифов, появление новых расходных обязательств и выполнение требований федерального центра. При этом перед регионами с низкой бюджетной обеспеченностью зачастую стоит задача по оздоровлению финансов, которая предполагает не превышение фактических расходов над модельными значениями. Процесс определения тактических задач, мероприятий и постановки целевых индикаторов осложняется отсутствием возможности у региона самостоятельного определения необходимых модельных значений.

Также общей для всех регионов проблемой является неоднозначность требований к формированию реестров расходных обязательств. Так, если расходное обязательство относится сразу к нескольким расходным обязательствам муниципального образования, то оно подлежит отражению по группе полномочий «Функционирование органов местного самоуправления», что фактически искажает данные, увеличивая объем расходов консолидированного бюджета по указанной группе.

При определении того или иного параметра модельного бюджета разрыв (диапазон) рассчитываемых значений между регионами может отличаться в разы. При этом при определении среднего по России значения, а значит и при определении нормативного параметра такие разрывы не сглаживаются. Например, средние расходы по Российской Федерации по возмещению тарифной разницы с учетом коэффициента уровня возмещения (без 5 наибольших и 10 наименьших значений) превышают фактические расходы бюджета Республики Карелия в 2,6 раз. Такой подход приводит к снижению общего объема модельного бюджета и, соответственно, к занижению объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Большинство приграничных территорий характеризуются низкой плотностью населения. Законодательно установлены максимальные допустимые расстояния до общеобразовательных организаций, расположенных в сельской местности, что

обуславливает необходимость содержания малокомплектных школ и увеличивает расходы региона на образование. Это зачастую приводит к превышению модельных параметров по группе полномочий «Образование».

Для Республики Карелия, как приграничной территории, актуальной является проблема расчета модельных значений по полномочиям в сфере сельского хозяйства. В объем валовой продукции животноводства не включена продукция рыбоводства, при этом, расходы на поддержку предприятий в указанной сфере учитываются при расчете модельного бюджета, что приводит к превышению фактических расходов над расчетными. Также в Карелии, как северной территории, значительную долю расходных полномочий консолидированного бюджета составляют расходы на оплату труда. При расчете модельного бюджета не учитывается такой объективный фактор, как районные и северные надбавки к заработной плате. Коэффициент соотношения уровня оплаты труда в Республике Карелия к среднероссийскому уровню составляет 0,9 (расчетный показатель). Это означает, что оплата труда работника бюджетной сферы должна быть на 10% ниже среднего по России значения.

Поскольку приграничные регионы являются сферой обеспечения национальных интересов государства, обладают высокой хозяйственной значимостью, перед федеральным центром стоит задача обеспечения устойчивости и сбалансированности региональных бюджетов. Однако практика показывает, что предоставляемая регионам из федерального бюджета нецелевая финансовая помощь направляется исключительно на текущие расходные обязательства и не несет существенной экономической эффективности – не дает мультипликационного эффекта. Это обуславливает актуальность и необходимость решения проблемы наиболее объективной оценки потребности регионов в финансовой помощи и расчета модельных параметров.

При этом немаловажным фактором является использование регионами и муниципальными образованиями внутреннего потенциала, в том числе, в части реализации мероприятий по оздоровлению государственных и муниципальных финансов, совершенствования инструментов планирования, обеспечения доступности государственных и муниципальных услуг населению.

Литература

1. О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (с изменениями от 31.12.2017 года): Постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2004 года № 670 / КонсультантПлюс. – Электрон. дан. – [Россия]. – URL: <http://www.consultant.ru>, свободный. – Загл. с. Экрана. – Яз. рус.
2. Антошина Е.А. Учет особенностей северных регионов при выравнивании бюджетной обеспеченности / Е.А. Антошина // Бюджет, 2018, № 21, С.20-24
3. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / Под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 490с.
4. Платон Государство / Под ред. К. Сергеева, Л. Камнева. СПб: Издательство «Наука. Ленинградское отделение», 2005. 576 с.
5. Стиглиц Дж. Цена неравенства / Дж. Стиглиц – Москва: Эксмо, 2015, 484 с.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Г.Б. Козырева

Россия, г. Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН

kozyrevakrc@gmail.com

Аннотация: В статье раскрываются проблемы модернизации Республики Карелия через диффузию институтов. В качестве трансграничного фактора рассматривается институт лесной сертификацией. Раскрываются проблемы и перспективы развития данного института.

Abstract: The article reveals the problems of modernization of the Republic of Karelia through the diffusion of institutions. As a transboundary factor, the institute is considered a forest certification. The problems and prospects of the development of this institute are revealed.

Ключевые слова: модернизация, приграничный регион, диффузия институтов, трансграничные факторы, устойчивое развитие, лесная сертификация.

Key words: modernization, border region, diffusion of institutions, transboundary factors, sustainable development, forest certification.

Республика Карелия благодаря наличию природных ресурсов (лес, недра, рыба) и приграничному положению, «заморозилась» в развитии, сохранила традиционные уклады в технологии, экономике и социальной сфере. Вместе с тем это приграничный регион, который подвержен достаточно сильному влиянию диффузии институтов, проникающих с сопредельных территорий Евросоюза. Эта двойственность является феноменом, актуализирующим научные исследования возможностей приграничных сырьевых регионов встраиваться в модернизационные (читай инновационные) стратегии развития [1].

В России, по мнению экспертов, ключевым звеном модернизации являются устойчивые институты и ценности. При этих условиях начинают выкристаллизовываться реальные субъекты модернизации. Исследование процессов современного институционального строительства в контексте модернизационных вызовов дает основания для начальной диагностической оценки. Для наших исследований главными вопросами являются - какова роль институтов в региональном развитии, насколько они отвечают модернизационным вызовам, обладает ли такой приграничный регион, как Республики Карелия, необходимым модернизационным потенциалом?

Встает следующий вопрос – какие институты могут способствовать модернизации? Где их взять или как их построить? Можно улучшать свои институты, а можно заимствовать их в других социальных системах. Одним из возможных вариантов получения таких институтов является диффузия. Институциональные системы в современной России за последние 20 лет подверглись не просто существенным трансформациям. Произошла радикальная перестройка этих систем. Смена модели развития сопровождалась глубокими социальными потрясениями. К настоящему времени российское общество как новая мегасистема начала приобретать отдаленно напоминающие рыночные очертания.

Вместе с тем в настоящее время существуют более согласующиеся с российским форматом мировые тренды. Речь идет о диффузии институтов, то есть о процессе взаимопроникновения институциональных правил из одной социальной системы в другую. Диффузия институтов является и процессом, и следствием более мягкого эволюционного изменения институциональных систем России, более плавного их вхождение в порядок открытого доступа. Причина возникновения такой диффузии

связана с внешними вызовами мировой социально-экономической системы. В странах, включившихся в процесс глобализации, появился спрос на новые институты, единые для всех участников. Сегодня мировая практика демонстрирует формирование новых коалиций интересов. Например, получила широкое распространение концепция устойчивого развития.

Под действием новых мировых вызовов, связанных с ужесточением правил ведения лесного хозяйства, ориентированного на принципы устойчивости, российский лесной бизнес вынужден менять свои стратегии развития. Новые международные институциональные форматы, которые сложились в мировом лесном хозяйстве после Рио-де-Жанейро, проникают в практики российского лесного бизнеса и местные сообщества, в результате чего как первые, так и последние подвергаются социальным изменениям - происходит диффузия институтов.

Диффузия институтов может иметь как позитивные, так и негативные эффекты. К негативным эффектам относится так называемая «голландская болезнь», в результате чего международные корпорации затягивают регионы, богатые природными ресурсами, в свои глобальные стратегии, оставляя им роль сырьевых поставщиков. Длительная зависимость экономики от экспорта природных ресурсов ослабляет стимулы для развития обрабатывающих отраслей и создания новых технологий. Так, в экспорте карельских предприятий преобладает в основном необработанная или низкой степени переработки продукция (круглая древесина, железорудные окатыши, необработанное каменное сырье и др.). За последние 5 лет сырьевая доля экспорта имеет тенденцию к росту.

Позитивные эффекты диффузии институтов связаны с формированием новых моделей общественного развития. Одна из таких моделей сформировалась в формате концепции устойчивого развития, нацеленной на борьбу с перепотреблением ресурсов (природных, материальных, трудовых и т.п.). Благодаря этой инициативе идеи устойчивого развития прочно вошли в общественное сознание и стали влиять на поведение массового потребителя, прежде всего, в развитых странах. Одним из ключевых направлений концепции устойчивого развития является устойчивое лесопользование, в рамках которого активно развивается институт лесной сертификации.

Такая система заложена в основу лесопользования скандинавских стран и позволяет кардинально увеличить конкурентоспособность лесопродукции. Условием высокой конкурентоспособности является доведение до покупателя информации о способах выращивания и заготовки древесины, свидетельствующих об экономической, экологической и социальной ответственности лесного бизнеса. Данная информация является ключом к формированию механизмов устойчивого лесопользования.

Под влиянием международных инициатив в настоящее время изменения в мировой торговле лесоматериалами связаны с появлением разного рода запретов, обусловленных ориентацией потребителя на экологически чувствительные рынки. В ряду таких запретов стоят:

- полный запрет на экспорт;
- частичный запрет на экспорт;
- бойкот;
- запрет на сплошные рубки;
- ограничения;
- лесная сертификация [2].

Лесная сертификация появилась как альтернатива бойкотам и является одним из наименее запретительных барьеров торговли лесоматериалами. Среди потребителей лесопродукции, ориентированных на экологически чувствительные рынки, существует

понимание того, что некачественное лесное хозяйство оказывает сильное негативное влияние на окружающую среду, а также на социум, в первую очередь, на работников отрасли.

Сама идея лесной сертификации возникла в недрах концепции устойчивого лесопользования и развивалась вместе с ней, пройдя Рио-де-Жанейро, Хельсинский, Монреальский и другие международные переговорные процессы. В результате страны Европы и Северной Америки, а также страны, эксплуатирующие тропические леса, на практике приступили к реализации устойчивых принципов в области лесопользования, охраны и защиты лесов [3].

Задуманная как комплекс экологических мер, направленных на обеспечение постоянного, неистощительного лесопользования, в результате влияния ряда политических и экономических факторов на некоторых лесных рынках лесная сертификация стала мощным средством конкурентной борьбы посредством введения жестких ограничений на торговлю древесиной и продукцией ее переработки. Сильное давление на рынках Европы было оказано на производителей лесопроductии скандинавских стран (Швеция, Финляндия), когда государства-импортеры (Германия, Нидерланды, Великобритания) вводили эмбарго на импорт лесной продукции, обосновывая эти решения несоблюдением экологических правил лесопользования при заготовке древесины [3].

Эти процессы на европейских лесных рынках затронули и интересы России, что выразилось в сокращении экспорта круглых лесоматериалов, особенно в тех субъектах Российской Федерации, которые традиционно поставляли древесину в Финляндию. К ним относятся Республика Карелия, Ленинградская и Мурманская обл., поставляющие финской компании «Стора-Энсо» около 15—20 % потребляемых ею круглых лесоматериалов.

Серьезный экономический урон от введения «экологического эмбарго» на экспорт круглых лесоматериалов в 1996 г. был нанесен лесному сектору Карелии, где лесозаготовительные предприятия, работающие на территориях, граничащих с Финляндией, были вынуждены резко сократить объемы лесозаготовок, так как значительная часть лесного фонда в соответствии с экологическими требованиями западных лесных рынков была переведена из категории эксплуатационных лесов в категорию особо охраняемых. Развитие ситуации в данном направлении заставило многие европейские лесные компании пересмотреть свои подходы в лесопользовании.

Смысл сертификации как инструмента торговой политики состоит в изменении экологических и социальных аспектов ведения лесного хозяйства. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социуму. Несмотря на первоначально кажущуюся экологическую перегруженность и не рыночность системы сертификации, эффекты включенных в этот процесс лесных компаний вполне внушительны.

Независимая лесная сертификация дает существенные преимущества, которые являются гарантией устойчивого развития лесного бизнеса, гарантией долгосрочных контрактов с солидными партнерами, а значит, и гарантией устойчивого сбыта продукции в перспективе. Уполномоченной Комиссией ЕС принято следующее определение: «Система лесной сертификации и связанная с ней классификация являются рыночными инструментами, которые, прежде всего, нацелены на продвижение устойчивого лесопользования и использование лесной продукции, поступающей из восстанавливаемых и устойчивых источников» [3].

Институт лесной сертификации «подпитывается» расширением экологически чувствительных рынков и формированием спроса на лесопроductию, полученную из

устойчиво управляемых лесов, на что оказал мощное влияние третий сектор, в частности МЭНГО (международные экологические НГО).

Всего в настоящее время в мире существует более 50 национальных и региональных сертификационных систем. В Северной Америке применяется три системы: SFI (Sustainable Forest Initiative, Инициатива по устойчивому лесопользованию), TFS (Tree Farm System, Система лесоразведения), CSA (Canadian Standard Association, Канадская ассоциация стандартизации). Многие европейские страны разработали свои сертификационные системы, в том числе и Финляндия. Инициатива по созданию финской национальной системы сертификации была предпринята в 1996 году Центральным Союзом сельскохозяйственных производителей и лесовладельцев Финляндии, Финской федерацией лесной промышленности, Финской ассоциацией сохранения природы и WWF Finland. На их предложение откликнулось 29 различных организаций: все участники финской лесной промышленности, основные экологические организации кроме финского отделения Гринпис [4].

Основными конкурирующими между собой международными системами сертификации являются система Лесного попечительского совета (FSC) и система Панъевропейского лесного сертификационного совета (PEFC). На их основе разработано восемь межгосударственных методик сертификации устойчивого лесопользования и лесопользования [5].

Следует сказать, что и FSC, и PEFC имеет свои плюсы и минусы. Главное их достоинство - они дают производителю возможность свободно выходить на международные рынки и продвигать свою продукцию. Наличие сертификата повышает авторитет предприятия и конкурентоспособность его продукции, прежде всего на экологически чувствительных рынках развитых стран. Потребитель же получает гарантию того, что он имеет дело с продукцией, которая поступила легально и из устойчиво управляемых лесов. Обе эти системы применяют знак соответствия, который ставится на продукцию и используется в торговле [6].

В отношении России динамика этого процесса обусловлена тем, что в последнее десятилетие Россия заняла значительное место в глобальной системе лесобеспечения. То есть лесная сертификация посредством диффузии начала входить в практику российского бизнеса. Громадные лесные ресурсы, наряду с возможностью иметь быстрые и высокие прибыли от экспорта леса, привели к увеличению рубок на экономически эффективных участках и стремительными темпами развили российский лесной бизнес, особенно лесозаготовительные компании. При этом практика лесопользования в России традиционно ориентирована на экстенсивные методы и далека от устойчивости. МЭНГО стараются воздействовать на эту ситуацию путем продвижения идей устойчивого лесопользования через лесную сертификацию.

Россия, включившись в процесс сертификации, не имея развитых институтов ведения бизнеса, может оказаться, образно выражаясь, между Сциллой и Харибдой. Жесткие требования экологически чувствительных рынков с одной стороны оказываются с другой стороны лишь «оболочкой» - нужно только заплатить, и товар дойдет до потребителя. Такая ситуация может негативно повлиять на формирование еще очень не устойчивых деловых практик российских лесных компаний.

Тем не менее, развитие системы лесной сертификации стало одним из важнейших направлений лесной политики России. Сегодня можно говорить, что в России начал формироваться спрос на товар «лесная сертификация» хотя пока он в большей степени носит вынужденный характер.

Лесной сектор Республики Карелия в настоящее время активно включился в данный процесс – более 5млн. га лесного фонда региона сертифицировано по стандартам FSC. Вместе с тем следует отметить, что лесная сертификация как институт

устойчивого развития окончательно не сформировался. Существуют проблемы, связанные с разногласиями российского лесного законодательства и системами сертификации; не достаточно прозрачно работают аудиторские компании; не существует институциональных нормативов, стимулирующих бизнес к сертифицированию лесов; нет разработанной на государственном уровне стратегии развития ЛС. В данном контексте актуализируется необходимость включения в лесную политику РФ приоритетного направления по лесной сертификации.

Литература

1. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М.В. Регион как социально-экономическая система. - Петрозаводск, 2010. – 308 с.
2. Птичников А.В. Леса России: независимая сертификация и устойчивое лесопользование. М., 1999. с. 18
3. Петров А. П. Экологическая сертификация систем ведения лесного хозяйства и лесопользования // Лесное хозяйство, - 1995. - №. 6, - С. 9-20.
4. Сертификация по Финской системе сертификации лесов. [Электронный ресурс] Режим доступа: vneshmarket.ru/content/document_r_20092124-B2C5-404B-9E13-4F2C9E557BE3.html
5. Сертификация лесов по FSC. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vneshmarket.ru/content/document_r_20092124-B2C5-404B-9E13-4F2C9E557BE3.html
6. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России / авторская монография / М.: МОНФ, 2007. – 248 с.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ

Г.Б. Козырева

*Россия, г. Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН
kozyrevakrc@gmail.com*

Аннотация: В статье раскрываются социальные проблемы развития лесосырьевых депрессивных территорий. В качестве фактора их развития рассматриваются социальная активность местных сообществ как основа для формирования институтов устойчивого лесопользования.

Abstract: The article reveals the social problems of development of forest-raw depressive territories. As a factor of their development, social activity of local communities is considered as a basis for the formation of sustainable forest management institutions.

Ключевые слова: Устойчивое лесопользование, социальная активность, социальная устойчивость, местные сообщества, общественные инициативы.

Key words: Sustainable forest management, social activity, social sustainability, local communities, public initiatives.

Сегодня на уровне власти и общества встал вопрос, почему Россия, не способна использовать громадный природный потенциал для обеспечения ее экономического роста и улучшения благосостояния ее народа? Результаты многочисленных исследований проблем российской экономики свидетельствуют о том, что лесные ресурсы могут приобрести экономическую ценность только при наличии работающей системы институциональных условий, включающих наряду с формальными законами также социальные правила и соглашения. Без наличия соответствующего институционального порядка в лесном секторе любые технологические инвестиции будут напрасными.

В развитом обществе, где соотношение рыночности и социальности находится в разумных пределах, институциональный порядок в лесном секторе означает, что [1]:

- структура прав собственности установлена и четко определена;
- установленные правила являются легитимными и применяются одинаково ко всем действующим лицам;
- принятие решений является децентрализованным;
- частные инвесторы имеют возможность обеспечить возврат своих инвестиций;
- установлены правила, предохраняющие природные ресурсы от истощения;
- официальные организации принимают меры против нарушителей правил.

Данные институциональные правила определяют поведение всех без исключения агентов, участвующих в лесных отношениях. Как уже было отмечено, они включают как формальные, так и неформальные составляющие. Основной вопрос состоит в том, как взаимодействуют эти институты. Какой из них является доминирующим? Взаимодопоняют они друг друга или взаимоисключают?

Институциональный анализ, основанный на исследовании формирующихся институтов, позволяет выявлять сложные социальные связи, являющиеся неотъемлемыми звеньями институциональных процессов. Анализируя причины затянувшегося кризиса на постсоветском пространстве, экономисты и социологи все больше убеждаются в том, что необходимым условием нормального функционирования экономики является наличие системы согласованных друг с другом социальных институтов [2;3;4].

Социальная активность населения является признаком зарождающихся гражданских институтов. Первая стадия этого процесса включает формирование его социальных представлений о происходящих социально-экономических изменениях, связанных с рыночными реформами российского общества. Как показывает практика, социальная активизация носит преимущественно локальный характер, особенно для местных сообществ. «Люди, живущие в лесных поселках, оторваны пространственно и ментально от «большого мира». С началом реформ произошел процесс вынужденной локализации местных сообществ, вызванный разрывом установившихся социально-экономических связей. Люди стали менее мобильны, в первую очередь, по экономическим причинам. В этих условиях роль местной инициативы, как социального ресурса, значительно повышается, и ее использование было бы логичным. Однако, на практике это происходит крайне редко» [5].

Требования устойчивости связаны с вовлечением местных сообществ в широкие общественные инициативы, направленные на корректировку процессов лесопользования в сторону получения от них социальных эффектов. К сожалению, в нашей стране нет традиции включать в новые управленческие решения широкие общественные слои. И это было продемонстрировано в процессе создания и принятия Лесного кодекса 2006 г. Такой подход в государственной политике противоречит требованиям концепции устойчивости, состоящим в соблюдении интересов всех участников лесных отношений: населения, предприятий, лесной службы, органов власти. После принятия нового Лесного кодекса стало ясно, что общество не только проявило активность в дискуссии по вопросам лесопользования, но и готово включаться в их решение.

В настоящее время наука не имеет достаточной объективной информации, чтобы оценивать социальные последствия экономических экспериментов. Потребность в такой информации крайне высока. В этой связи в проводимом исследовании была поставлена задача выяснить, как реагируют различные социальные группы на происходящие в системе лесного хозяйства процессы.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что адекватная социальная активность в сфере лесного хозяйства может свидетельствовать о наметившемся

векторе в сторону согласованности формальных и неформальных институтов. При этом в понятие социальной активности включается не только наличие гражданской позиции, но и проявление социальной и экономической активности со стороны населения. Кроме того, социальная активность отождествляется в данной работе с социальной составляющей устойчивого лесопользования.

Устойчивость - это способность социальной системы сохранять себя в меняющихся условиях среды, сохранять в условиях нестабильности. Нестабильность - важная, но далеко не единственная характеристика условий жизни людей, которая влияет на устойчивость социальной системы [6]. Применительно к задачам анализа социальной устойчивости нужно принимать во внимание как минимум два аспекта нестабильности - природный и экономический. Данные методологические положения были использованы при осуществлении оценки социальной устойчивости лесных поселений Республики Карелия.

Устойчивость любой системы обеспечивается набором механизмов, охватывающих экстенсивные (запас свободной энергии), интенсивные (производительность) и структурно-информационные (гармоничность) характеристики системы [6].

В свою очередь данные характеристики обусловлены объективными и субъективными причинами. К объективным можно отнести социально-демографическую структуру населения, имеющуюся у него возможность работать, то есть наличие производственной инфраструктуры (хозяйствующих субъектов, предоставляющих рабочие места); возможность лечиться, получать образование и отдыхать, то есть наличие социальной инфраструктуры. Субъективные параметры жизнеспособности социума связаны с социальным самочувствием, социальными ориентациями и ценностями населения, которые определяют его жизненный тонус, социальную активность и экономическое поведение.

Следует отметить, что в связи с радикальными трансформационными процессами, которые произошли в российском обществе за прошедшие 25 лет, изменились не только экономические институты. Серьезной перестройке подверглись социальные характеристики самой социальной системы, в частности изменились модели социальной активности местных сообществ. В советский период, когда вся институциональная система общества формировалась на уровне государства, социальная активность подпитывалась в основном политикой государственного патернализма.

С началом рыночных реформ государство практически ушло из местных сообществ, особенно удаленных лесосырьевых территорий. Главную распределительную функцию начали выполнять бизнес-компании, выстраивая свою политику на основе специальных групповых интересов, нацеленных на получение ренты. Данные процессы спровоцировали глубокий социальный провал, связанный с падением уровня жизни, социальной депривацией, миграцией активной части населения, маргинализацией и социальной деградацией. В результате местные сообщества утратили как человеческий, так и социальный капитал. В настоящее время многие лесосырьевые территории стали анклавами социального неблагополучия.

При слабости миграционной и промышленной политики государства нельзя в обозримом будущем ожидать позитивных сдвигов в решении проблем «брошенных» поселков. Вместе с тем лесные поселки - это особый образ жизни, особая нравственность, особое отношение к природе. Нужно учитывать и исторические предпосылки, которые определили сложившуюся ситуацию. Неблагоприятные климатические условия, тяжелый физический труд и недоступность качественных медицинских, образовательных и культурных услуг стали факторами истощения

человеческого капитала периферийных лесосырьевых территорий и его деградации. Отсутствие качественных инвестиций препятствовали его воспроизводству.

В данном контексте есть особый смысл в термине «местное население». Это та идеология, которая заложена в модели лесоуправления, ориентированные на преимущественное право именно местного населения иметь свою обоснованную долю лесной ренты. В настоящее время лесной бизнес может компенсировать часть этой ренты через свою социальную и экологическую политику в местах своего присутствия. Анализ реальных последствий лесной политики через состояние бизнеса и лесных поселков может дать возможность обосновывать формирование и использование институциональных инноваций, основанных на приоритетных правах местного населения [7].

Эмпирической базой исследования послужили данные экономико-социологических опросов местного населения лесосырьевых территорий Республики Карелия в 1998-2018 гг. в рамках проектов: ФЦП Интеграция Стратегия устойчивого развития лесосырьевых территорий РК, 1998, рук. Морозова Т.В.; Проект РФФИ 2004 «Проблемы и перспективы формирования институтов рынка в условиях переходного периода», рук. Козырева Г.Б.; Проект РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования процессов формирования института собственности в условиях лесной реформы», 2008 г., рук. Козырева Г.Б.; Проект «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., рук. Морозова Т.В.; Обследование населения лесосырьевых территорий Республики Карелия, 2018 г., рук. Козырева Г.Б.

Результаты исследования демонстрируют те позиции, которые занимают социальные группы – непосредственные участники процесса лесоуправления. Наличие социальной составляющей лесоуправления определялось по двум признакам: включенность в проблему (понимание вопроса) и гипотетическая активность (рефлексия).

Один из важных вопросов был связан с возможностью людей участвовать в процессе лесоуправления. Население западных стран, имеющих принципиально иную модель лесоуправления, широко привлекается к вопросам, связанным с развитием лесного хозяйства. Любой активный гражданин имеет право участвовать в социальной экспертизе деятельности лесных компаний. Ни одно решение по лесам, независимо от того, в какой собственности они находятся (частной или государственной), не принимается без участия общественности и всех заинтересованных социальных групп. Данные социальные группы (в том числе отдельные граждане) имеют право контролировать деятельность бизнеса с учетом соблюдения интересов местных жителей, в том числе включаться в законодательные инициативы. Кроме того, большое влияние на поведение лесных компаний оказывают общественные организации.

Полученные в ходе опроса результаты позволяют говорить о том, что у местного населения появилось более четкое понимание существа проблемы, которое, судя по ответам, по прошествии 20 лет переместилось из формальной в неформальную плоскость. Первоначально доминирующее мнение об отсутствии правовой основы для проявления активности в вопросах лесоуправления сместилось в сторону таких причин, как мотивация, безграмотность, связи, коррупция. Это позволяет делать вывод о том, что на характер модели лесоуправления существенное влияние оказывают неформальные институты.

Ответы, полученные на данный вопрос, позволяют судить об уровне гражданского самосознания жителей лесных поселков, их ориентаций в

формирующейся институциональной среде. Произошедшая смена акцентов, может свидетельствовать о повышении этого уровня: люди стали позиционировать себя не только на уровне местного сообщества, но и в более широком формате. Это дает основания говорить о формировании предпосылок социальной активности населения. Тем не менее, из полученных ответов становится понятно, что неформальные институты довлеют над формальными.

Выявленные противоречия, сложившиеся между рыночной средой и социальной активностью населения лесосырьевых территорий, препятствуют созданию институциональных условий для участия населения в процессе управления лесами, что свидетельствует об отсутствии согласованности формальных и неформальных институтов. Такая ситуация демонстрирует не легитимность действующей в российском обществе модели лесопользования.

В контексте проблем социально-экономического развития лесосырьевых территорий актуализируется поиск управленческих подходов, позволяющих вывести их на модели устойчивости. Одним из эффективных механизмов устойчивого лесопользования, получивших в последнее время распространение в практике мирового лесного хозяйства, является лесная сертификация.

Литература

1. Карлсон Л. Если бы только деньги росли на деревьях – русский лесной сектор в переходный период // Устойчивое развитие лесного сектора в Северной Европе / Заключительный отчет и материалы семинара экспертов. Петрозаводск, 1999. – с.26-35
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / М.: "Начала", 1997. - 180 с.
3. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс (перевод М.С. Добряковой) // Экономическая социология, - 2001. - Т. 3, №. 2, - С. 62 - 73.
4. Гринберг Р., Рубинштейн, А. Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России, - 1998. - №. 2, - С. 37 - 46.
5. Тысячнюк М. Роль НПО как стратегических партнеров бизнеса в построении моделей устойчивого лесопользования // Журнал социологии и социальной антропологии, 2010. Специальный выпуск: Интернационализация, доверие и многоакторное управление природными ресурсами / Ред. Тысячнюк М. СПб: Интерсоцис, 2010. С. 154—185.
6. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования / М.: "Добросвет", 2001. - 596 с.
7. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политика современной России / М. МОНФ, 2007. – 248 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

И. Р. Колоколов

*Россия, Петрозаводск, ПетрГУ
hero.gu@bk.ru*

Аннотация: Благодаря исследованию выяснилось, что влияние старшего поколения все же являются авторитетным для подростков. Социальное воспитание может служить хорошим инструментом первичной профилактики девиантного поведения подростков, соответственно на первоначальных этапах развития человека может послужить хорошим задатком для личности в будущем.

Abstract: The study revealed that the influence of the older generation is still authoritative for adolescents. Social education can serve as a good tool for the primary prevention of deviant behavior of adolescents, respectively, at the initial stages of human development can serve as a good makeshift for the individual in the future.

Ключевые слова: социальное воспитание, девиантность, социальная работа, межпоколенный конфликт.

Key words: social education, deviance, social work, intergenerational conflict.

В последние два десятилетия Россию можно отнести к обществу переходного типа, когда в государстве наблюдается множество нерешенных социальных проблем и вопрос воспитания молодого поколения становится отдельной проблемой.

В современных условиях проблема воспитания приобретает особую актуальность, поскольку сейчас в нашем обществе происходят переосмысление старых и образование новых жизненных ценностей, занимающих основную позицию в воспитательном процессе. В настоящее время в силу обстоятельств, тенденций исторического развития общества, которое происходило по тенденциям, традиционным для всех модернизированных социумов, произошло изменение положения детей и молодежи в нашей стране.

Подростки, родители и педагоги, которые их сейчас воспитывают, принадлежат к разным возрастным поколениям и имеют свой опыт в разрешении социально-правовых проблем. Частично изменился и обновился перечень и характер самих социально-правовых вызовов, с которыми сталкивается современное подрастающее поколение. Новой угрозой в современном мире стала опасность вовлечения детей и подростков в экстремистскую деятельность

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что все еще остается неразработанным ряд вопросов в рамках этой проблемы, а например: какие факторы обуславливают характер складывающихся взаимоотношений подростков и взрослых; какие виды деятельности являются наиболее эффективными для развития и установления наиболее гармоничного общения этих групп.

Объект изучения: взаимоотношения подростков и старшего поколения.

Предмет изучения: факторы и условия гармоничных взаимоотношений между указанными группами.

Цель работы: Определение основных закономерностей, факторов влияющих на взаимоотношения подростков со старшим поколением.

Основные требования к определению критериев воспитанности: Связь критериев с целями воспитания, т.е. цели воспитания переходят в критерии оценки уровня воспитанности. Каждый критерий состоит из показателей, которые дают

информацию о связях, отношениях подростка с объектами, отраженными в целях воспитания.

- Отношение к себе
- Отношение к сверстникам и школе
- Отношение к труду
- Отношение к старшему поколению

По предварительным данным опроса всего респондентов 193. Из них подростков в возрасте 11-13 лет 28,3%, а возрасте 14-16 30,3%, подростков 17 лет 41,6%. На последующие вопросы было 4 варианта ответа, они составляли шкалу из ответов низкий, чуть ниже среднего, чуть выше среднего, высокий.

2. *Как Вы считаете, насколько опрятен Ваш внешний вид?* На вопрос, который подразумевал выяснить собственное отношение к себе и своему эстетическому вкусу, ответы были следующие: никто из респондентов не ответил первым вариантом, 4,7% ответили вторым вариантом, 56,3% ответили третьим вариантом, а 39,1% ответили четвертым вариантом.

3. *Оцените Ваше умение выражать свои мысли.* На третий вопрос, который так же подразумевал оценить отношение к себе, ответы разделились следующим образом: ответил первым вариантом ответа 3,1%, вторым вариантом ответили 14,1% подростков, третьим вариантом ответили 51,6% респондентов, а четвертым вариантом было дано 31,1% ответов респондентов.

4. *Оцените уровень доброжелательности Вашего отношения к сверстникам.* На четвертый вопрос, задача которого выяснить отношения подростка к сверстникам и школе, были получены следующие ответы: первым вариантом ответили 7,7% подростков, вторым вариантом ответили 13,8%, третьим вариантом 46,2% респондентов, а четвертым вариантом ответили 32,2% подростков.

5. *Оцените уровень Вашей способности работать в команде или коллективе сверстников.* Пятый вопрос, задача которого заключалась в том, чтобы выяснить отношение подростка к труду, а так же отношения к другим сверстникам получил такие ответы: первым вариантом ответили 4,6% подростков, вторым вариантом ответили 30,8% респондентов, третьим вариантом 36,9% подростков, а четвертым вариантов ответили 27,7% опрошенных.

6. *Оцените уровень Вашей дисциплинированности.* На шестой вопрос, который подразумевал оценить отношение к себе, ответы разделились следующим образом: респондентов ответившие первым вариантом ответа оказалось 4,7%, вторым вариантом ответили 10,9% подростков, третьим вариантом ответили 45,3% респондентов, а четвертым вариантом было дано 39,1% ответов респондентов.

7. *Оцените уровень Вашей готовности идти на контакт с другими людьми.* Задача седьмого вопроса заключалась в том, чтобы выяснить отношение подростка ко всем людям, а именно выяснить насколько подростки готовы идти на контакт с людьми. Ответы разделились следующим образом: первым вариантом ответили 4,6% подростков, вторым вариантом ответили 23,1% респондентов, третьим вариантом 36,9% подростков, а четвертым вариантов ответили 35,4% опрошенных.

8. *Оцените уровень Вашей уважительности по отношению к труду других людей.* Восьмой вопрос, задача которого заключалась в том, чтобы выяснить отношение подростка к чужому труду, получил такие ответы: первым вариантом из подростков никто не ответил, вторым вариантом ответили 9,2% респондентов, третьим вариантом 41,5% подростков, а четвертым вариантов ответили 49,2% респондентов.

9. *Оцените уровень Вашего добросовестного отношения к чужому имуществу.* Девятый вопрос включал в себя две задачи, первая заключалась в том, чтобы выяснить отношения подростков к чужому труду, а вторая выяснить отношение к другим людям.

Ответы разделились следующим образом: первым вариантом из подростков никто не ответил, вторым вариантом ответили 4,6% респондентов, третьим вариантом 32,3% подростков, а четвертым вариантами ответили 63,1% респондентов.

10. Оцените уровень Вашего умения находить общий язык со старшими людьми. На десятый вопрос, который подразумевал оценить отношение к старшему поколению, ответы разделились следующим образом: первым вариантом ответили 1,5%, вторым вариантом ответили 24,6% подростков, третьим вариантом ответили 40% респондентов, а четвертым вариантом было дано 33,8% ответов респондентов.

11. Оцените уровень Вашей склонности идти на уступки старшему поколению. Одиннадцатый вопрос, задача которого заключалась в том, чтобы так же выяснить отношение подростка к старшему поколению, получил такие ответы: первым вариантом ответили 3,1% подростков, вторым вариантом ответили 27,7% респондентов, третьим вариантом 36,9% подростков, а четвертым вариантами ответили 32,3% респондентов.

12. Как часто Вы прислушиваетесь к старшему поколению. На двенадцатый вопрос, который подразумевал оценить отношение к старшему поколению, ответы разделились следующим образом: первым вариантом ответили 4,6% подростков, вторым вариантом ответили 24,6% подростков, третьим вариантом ответили 56,9% респондентов, а четвертым вариантом было дано 13,8% ответов респондентов.

Результаты проведенного опроса подростков позволяют сформулировать следующие тенденции в той мере, как видят их подростки:

Приоритетное большинство подростков высоко оценивают свои возможности и хорошо относятся к самому себе.

Что касается отношения подростков к сверстникам, то обобщенные результаты по трем вопросам выглядят следующим образом. Респондентов, которые ответили, что их отношения со сверстниками находятся на низком уровне, оказалось 13,2%, вариантом ниже среднего ответили 10,4% подростков, вариантом выше среднего ответили 51% опрошенных и высокий уровень отношений со сверстниками оказался у 25,4% подростков.

Третьей задачей необходимо выяснить отношение подростков к чужому труду, и обобщенные результаты по трем вопросам выглядят так. Отношение подростков к чужому труду на низком уровне находится у 8,5% опрошенных, ниже среднего у 15,7% подростков, выше среднего у 40,7% респондентов, а на высоком уровне у 35,1% опрошенных.

Четвертой задачей необходимо было выяснить отношение подростков к старшему поколению. В данных вопросах результаты были практически одинаковыми, но интересно то, что только в этой серии вопросов около 30% подростков отвечали, что их взаимоотношений со старшим поколением ниже среднего уровня.

Итак, социальное воспитание можно понимать как целенаправленное влияние общества на ценности, отношения и смыслы жизни отдельного человека, социальных микрогрупп в интересах согласования трудовой и познавательной активности их членов, эмоционально-нравственных отношений, опыта практической деятельности с интересами и ценностями данного общества в направлении прогрессивного социально-экономического и духовно-культурного развития общества и человека. Цель социального воспитания состоит в том, чтобы каждого растущего человека сделать борцом за человечность. В данной работе социальное воспитание следует рассматривать во взаимосвязи с социальной работой.

Исходя из того, что в основе конфликта поколений лежат противоречия между старым, объективно консервативным и устоявшимся, и новым, менее апробированным, но наиболее активным. Необходимо научить оба поколения прислушиваться друг

другу. Исследование показало, что подростки почти одинаково прислушиваются как к сверстникам, так и старшему поколению из чего вытекает, что влияние со стороны тех и других одинаковое. Отсюда можно сделать оптимистический вывод, что старшее поколение в равной степени влияет на подростков, а значит является для них авторитетом. Данная работа не была направлена на выявление взаимопонимания между поколениями, поэтому трудно и рано делать выводы, касающиеся полной картины взаимоотношений поколений. Но полученные данные можно использовать в исследовании и практике социального воспитания. Благодаря исследованию выяснилось, что влияние старшего поколения все же является авторитетным для подростков. Социальное воспитание может служить хорошим инструментом первичной профилактики девиантного поведения подростков, соответственно на первоначальных этапах развития человека может послужить хорошим задатком для личности в будущем.

Литература

1. Афанасьева А.И. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема / А. И. Афанасьев – М.: Мысль, 1973. – С. 20–24.
2. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика / Л. В. Мардахаев. - М. : Изд-во РГСУ. - 2013. - 415 с.
3. Мардахаев, Л. В. Развитие А. В. Мудриком идеи социального воспитания / Л. В. Мардахаев [Текст] // Педагогическое образование и наука. - 2016. - № 4. - С. 40-46.
4. Фокина Е. В. Подготовка будущего педагога к реализации межпоколенных связей в социальном воспитании подростков / Е. В. Фокина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. №1-2. С. 179-180.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ПРИЗМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

А. Б. Кондрашихин

Россия, Севастополь, ИЭП АТусО

kondrashihin.a@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено методологическое обеспечение исследований приграничных территорий и трансграничного сотрудничества в условиях экономических трансформаций на постсоветском пространстве. Выявлены основные задачи совершенствования методологии экономических исследований как рычага конкурентоспособности системы производительных сил региона.

Abstract: The methodological support of studies of frontier territories and cross-border cooperation in the conditions of economic transformations in the post-Soviet space is considered. The main tasks of improving the methodology of economic research as a lever of competitiveness of the system of productive forces of the region are revealed.

Ключевые слова: приграничная территория, экономические трансформации, финансовая система региона, рынок труда, промышленность

Keywords: border area, economic transformations, financial system of the region, labor market, industry

Интеграционные процессы в сочетании с продолжительной трансформацией экономического пространства, модернизацией системы государственного управления и финансового хозяйства постсоветских территорий создают необычные условия для их развития. Повторяющиеся внешние вызовы, необходимость работы со странами Европейского Союза вынуждают к поиску собственных методологических рецептов развития системы производительных сил (ПС) приграничных территорий как

комплексного сочетания составляющих, факторов, закономерностей и инновационных подходов к обустройству бытия, продвижению общественных процессов и использованию синергии народных масс. На такой почве актуализируются проблемы гармоничного сочетания интересов региональной экономики с индивидуальными, государственными и международными вопросами в едином русле системного управления потенциалом территорий на основе исследовательского подхода, использования методологии научного анализа [1-6]. При этом могут выбираться разнообразные стороны или аспекты функционирования социально-экономической системы территории с оригинальным методологическим аппаратом, подходами, исследовательскими приёмами и практикой внедрения результатов.

Одним из доминирующих аспектов современного мира выступают финансы и их системное обращение. В ходе трансформации постсоветского экономического пространства сформировались современные административно-территориальные образования со специфичными финансовыми системами региона (ФСР), рассматриваемые как соподчинённые во взаимоотношениях «центр – периферия». Приоритетность требований устойчивого развития территорий создаёт новую атмосферу в отношениях между субъектами финансового пространства. Устойчивое развитие как системосозидающий фактор обуславливает характер отношений субъектов местного (городского, районного) финансового пространства относительно его организации, эффективности, целесообразности, параметров оценки по критериям, воспринимаемым субъектами территориального устройства [7].

Весомым рычагом современных ФСР становятся бюджетные средства регулирования устойчивого развития – бюджетная система и все её составляющие. Большинство исследователей сегодня под этой дефиницией понимают устойчивую совокупность государственного (федерального) бюджета и муниципальных (местных) бюджетов, построенную с учетом экономических отношений, государственного, административно-территориального деления, урегулированную нормами права, включая межгосударственные соглашения и акты. Всё более актуальными в современных условиях становятся исследования трансфертов и системы межбюджетных отношений, когда их финансовое содержание регулируется законами и нормативными актами в сфере бюджета и муниципальных финансов, а социально-экономический результат рассматривается как производная функция.

Конкурентоспособность приграничных территорий всё чаще определяется состоянием её трудовых ресурсов, что при рыночной модели хозяйствования характеризуется сбалансированностью рынка труда, его сегментов в системе ПС. Государственными и муниципальными регуляторами можно влиять на рынок труда, что весьма актуально в период интеграций и экономических трансформаций. Стимулирующим фактором для рынка труда приграничной территории рассматривается трудовая миграция в различных формах её проявления. Наряду с методиками Международной организации труда здесь применимы показатели и инструменты, учитывающие избыточность предложения рабочей силы, в частности, в отраслях высоких технологий, инновационного и технического творчества, научно-технической деятельности, а также коррелирующие с методами анализа ФСР и её бюджетных составляющих.

В отличие от советской модели использования трудовых ресурсов, право на труд и механизмы его реализации с переходом к преимущественно рыночной модели хозяйствования на территории городов постепенно трансформировались в дефиницию «предложение на рынке труда», растворяясь в мозаичном экономическом базисе городских производственных комплексов среди множества негосударственных, акционерных и частных предприятий-работодателей, декларирующих потребности в

выборочных профессиях наемных работников [9]. При этом балансирование спроса-предложения на рынке труда зачастую происходит через учреждения государственной службы занятости. В системе управления приграничной территорией городского масштаба они отвечают за реализацию права на труд горожан и частичное балансирование спроса на рабочую силу, выполняют возложенные на них функции на рынке труда, а с учетом национальных и международных методик – могут регулировать конкурентоспособность региона в трансграничном сотрудничестве [8].

Промышленность остается ведущим звеном системы ПС территорий и от качества оценки её потенциала зависит успешность и динамика социально-экономических преобразований [10]. Промышленный потенциал города (ППГ) – способность совокупности промышленных предприятий, их объединений и вспомогательных производственных субъектов, размещенных преимущественно в его границах, к выполнению заявленных стратегических заданий с использованием всех имеющихся элементов системы производительных сил территории. Управление ППГ базируется на множестве показателей и зависит от состава контрагентов, которые привлекаются в реализацию системы извне. Занятость населения в оценке ППГ характеризуется показателями численности работающих по субъектам хозяйствования, предусматривая планирование мероприятий по привлечению, подготовке и закреплению кадров на предприятиях для работы по новым прогрессивным технологиям производства продукции.

Важнейшим показателем управления промышленностью современного приграничного города стал финансовый фактор, размеры инвестиций, дотаций, субсидий на поддержание объемов промышленного производства, предоставления услуг. С одной стороны промышленные объекты рассматриваются как основные источники налоговых поступлений, с другой – изношенность основных средств производства является важнейшей причиной спада, и промышленные предприятия нуждаются в инвестициях, а вариант государственного инвестирования на обновление структуры основных средств производства, инфраструктуры рассматривается как не наилучший. Прогнозное снижение объемов промышленного производства и объемов реализации продукции в методологической призме управления ППГ требует учета таких факторов: наличие (отсутствие) текущих оборотных средств; своевременность (несвоевременность) расчетов за выполненные и подтвержденные работы за государственными заказами, в том числе по военному судоремонту; начисление и уплата собственными оборотными средствами штрафных санкций перед налоговыми органами; наличие (отсутствие) у предприятий оборотных средств для развития собственного производства; присутствие в анализируемом сегменте потребительского рынка продукции зарубежных производителей; уровень налогов для предприятий данных отраслей, особенно для тех, что только начинают свою деятельность.

ППГ отличается перспективностью для решения стратегических заданий социально-экономического развития приграничной территории, устойчивого режима функционирования системы её ПС [11]. Основными задачами эффективного управления ППГ в неразрывной связи с другими элементами ПС выступают подбор методологии оценки, которая бы включала современные методы неразрушающего развития структуры производства. При этом важно принимать: приоритетность промышленного производства; фактор концентрации инвестиционных ресурсов; использование бюджетных источников в стратегически важных направлениях; поступательное развитие экономической науки. Наряду с промышленными предприятиями на территории города функционируют также производственные мощности агропромышленного комплекса, транспортных перевозчиков. Важным в изучении стратегического характера ППГ и его военно-оборонной части выступает

инфраструктура финансового сектора. Набирает значение информационная сторона обеспечения стратегических условий развития территории приграничного города.

Обеспечение комплексности развития трансграничных территорий и их системы ПС рассматривается в контексте внешних воздействий в сочетании с методами государственного регулирования (логистические стратегии, кластеризация секторов и отраслей хозяйства, рост конкурентоспособности и др.). При этом комплексность развития составляющих ПС предусматривает их соподчиненность некоторым приоритетам, задаваемым, как правило, политическими и геополитическими векторами [12]. Промышленный сектор системы ПС развивается по собственным направлениям, характеризуется индивидуальными особенностями и закономерностями наращивания потенциала. При этом задачи изучения и раскрытия параметров производственной, научно-технической, инновационной, организационно-экономической, кадровой подсистем в режиме устойчивого состояния ПС актуализируются вследствие внешних вызовов, продолжительных финансово-экономических кризисов и иных явлений в интегрированном мире.

Одним из весомых секторов внешних интересов, выказываемых к определенным территориям, сегодня рассматривается военное дело и связанные с ним общественное производство, организация жизнедеятельности общин, менталитетные и культурные традиции. При этом основу научно-теоретического анализа на детерминированной методологической базе составляют данные о состоянии изученных элементов ПС, действие которых предполагается отождествлять в желаемом направлении, например, финансовых рычагов, информационных ресурсов. Уже первые методологические трудности возникают в доступе к необходимым показателям, цифрам, динамическим рядам, вызванные закрытостью предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), спецификой производства их продукции, большой инновационно-интеллектуальной составляющей информационных характеристик изделий и отдельных их технических решений.

Мощнейшие процессы трансформации экономического пространства СССР и преобразования экономического базиса промышленности изменили пропорции между производителями продукции города, сместив с передовых по объему производства названные предприятия в разряд второстепенных. В этом проявляется методологическая трудность комплексного регулирования потенциала основных производственных фондов сегодня, учитывая негосударственный характер формы собственности их уставного капитала и структуру учредителей хозяйственных обществ. Методологически важно сформировать замкнутое множество ориентиров для государственного регулирования промышленности города, отождествляемых и коррелируемых с общепринятыми показателями научного анализа, например, на основе экономических категорий. Важно также установить границы репрезентации данных и информации о состоянии ППГ в целом и отдельных его структурных составляющих, критерии отнесения информации к закрытой или с ограниченным доступом. Перспективным выглядит проведение исследовательских работ по изучению потенциала ОПК приграничного города.

Новые геополитические реалии выдвигают на первый план задачи скорейшего обустройства системы власти, муниципального управления, жизнеобеспечения городов и сел на основе опыта государственного управления территорией, соответствующего научно-методического обеспечения [13-15]. Повышенное внимание к кластерным методам организации городских систем получает все больше сторонников, принимает экономически и методически оформленный вид. При этом движущей силой трансформаций в заданном направлении выступает система муниципальной публичной власти и ее непосредственные участники – публичные (государственные,

муниципальные) служащие. От их профессионализма и потенциала во многом зависит успешность трансграничной динамики, перспектива улучшения жизни людей.

Важнейшим показателем профессиональной подготовки специалиста считается его образованность, включая специальную подготовку высшей квалификации путем получения научных степеней. Проведение научных исследований и защиту диссертаций напрямую отождествляют также с потенциалом инновационного развития региона, а количественные характеристики «остепененности» субъектов региона служат первичной базой для оценки его инновационно-инвестиционных возможностей. Поэтому в первом приближении количественным составом ученых в системе городской публичной службы можно оценить способность города к инновационному преобразованию территории под воздействием внешних факторов. Статистика территории содержит общие сведения относительно количества остепененных участников регионального хозяйства с разбивкой по научным отраслям. При этом распределение кадров высшей квалификации по отраслям экономики и подразделениям публичной службы открыто не публикуется.

Государственные служащие с ученой степенью кандидата наук – редкое сочетание опыта муниципального управления, знания истории региона, его культурных и национальных традиций с научной методологией преобразования организационно-экономической системы и её ПС. Они способны стать ядром преобразования системы муниципального управления и необходимости учета интересов её жителей. Также перспективной с позиций социально-экономического развития видится разъяснительная работа среди руководителей публичной службы и активизация исследовательской деятельности в сфере управления приграничными территориями.

Литература

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). В редакции от 14 марта 1990 г.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.
3. Абалкин Л. И. XXI век: новые процессы и явления в экономике мира и России [Текст] : к 105-летию Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова / М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО "Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина", Институциональные преобразования в трансформируемых экономиках : [монография] / [Абалкин Л. И. и др.], 2011.
4. Гайдар Е. Т. Экономика переходного периода : Очерки экон. политики постком. России 1991-1997 / Ин-т экон. пробл. переход. периода; Рук. авт. кол. - Е. Т. Гайдар и др. - М., 1998.
5. Кулакова Л. М. Развитие потенциала приграничных сельских территорий: проектный подход. В сборнике: Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов материалы третьей научно-практической конференции с международным участием. Карельский научный центр РАН; Институт экономики КарНЦ РАН. 2016. С. 58-60.
6. Шлапеко Е. А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1 (40). С. 152-162.
7. Кондрашихин А. Б. Международные коллективные монографии как средство организации пространства этносоциума. Альманах «Крым». 2016. № 7. С. 62-66.
8. Тимиргалеева Р. Р. ERP в обеспечении конкурентоспособности трансграничного региона. Вестник Черновецкого торгово-экономического института 2014. № 1 (53). С. 112-119.
9. Городские вакансии (бесплатная версия) / Специализированная газета о работе в Севастополе. – Понедельник 10.11.2014. – № 87. – 2 с.
10. Марынчак В. С., Новиков В. М. Севастопольский завод радиоаппаратуры в структуре промышленного комплекса города // Научный вестник АМУ. Сер.: Экономика. – Вып. 1. – 2014. – С.186-192.
11. Итоги социально-экономического развития г. Севастополя за январь-март 2015 г. // Пояснительная записка Главного управления экономики Правительства Севастополя [Электронный ресурс].

12. Макогон Ю. В., Доля И. Н. 59-я Гвардейская Краматорская стрелковая дивизия: вклад Донбасса в Сталинградскую битву. Исторические и политологические исследования. 2013. № 1 (51). С. 155-162.
13. Букач Б. А. Профориентационная работа со старшеклассниками. Б.А. Букач, А.Ю. Тараховский // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : материалы конференции. – Ярославль : ЯрГУ, 2018. – 600 с. – (XIII научно-методическая конференция с международным участием, 22–23 марта 2018 г., Ярославль). – С. 227-228.
14. Кокодей Т. А. Оценка регулирующего воздействия нормативного акта в контексте инновационного развития сетевой территориально-отраслевой системы. В сборнике: Развитие стратегического и проектного управления сетевыми территориально-отраслевыми системами - ключевое направление неоиндустриальной модернизации современной российской экономики. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 120-122.
15. Капченко Р. Л. Развитие банковской отрасли проблематика. Проблемы научной мысли. 2017. Т. 1. № 2. С. 043-046.

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В СВЕТЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.А. Корчак, Т.П. Скуфьина

*Россия, Апатиты, ИЭП им. Г.П. Лузина КолНЦ РАН
elenakorchak@mail.ru*

Аннотация: Ключевым фактором социально-экономического развития Мурманской области выступает человеческий капитал. Демографическая ситуация в Мурманской области характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения, формируемой миграционной убылью. Особенность ее социально-демографической структуры – высокая доля населения трудоспособного возраста, социально-профессиональной – миграционный отток квалифицированных специалистов.

Abstract: The human capital is a key factor in the socio-economic development of the Murmansk region. The demographic situation in the Murmansk region is characterized by a steady decline in the population formed by migration loss. A high proportion of men of working age are a feature of its socio-demographic structure, a migration outflow of qualified professionals – socio-professional.

Ключевые слова: Мурманская область, миграционная убыль, безработица

Key words: Murmansk region, migration loss, unemployment

Мурманская область – приграничный регион Арктической зоны Российской Федерации, граничащий с Норвегией и Финляндией, Республикой Карелией и Архангельской областью. В рамках реализации арктического вектора государственной политики России и реализации национальной безопасности страны ключевую роль играет ресурсная база Мурманской области: основу промышленной специализации региона составляет производство апатитового, нефелинового и бадделеитового концентратов, добыча никеля и железорудного концентрата, рафинированной меди.

Ключевым фактором социально-экономического развития Мурманской области выступает человеческий капитал [1, с. 340-341], тем не менее, в регионе сложился целый ряд проблем, негативным образом влияющих на его развитие. Одна из таких проблем – миграционная убыль населения, подрывающая возможности накопления человеческого капитала Мурманской области.

Современная демографическая ситуация в Мурманской области характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения: в 2000-2017 гг. численность населения приграничного региона снизилась на 19,9% (187,5 тыс. чел.), в т.ч. население

трудоспособного возраста – на 28,5% (180,9 тыс. чел.). Основная причина сложившейся ситуации – миграционная убыль населения, составившая в 2000-2017 гг. 109,7 тыс. чел.

Основной компонент миграционных передвижений Мурманской области составляют перемещения по России (90% миграционного оборота), преобладающая часть которых приходится на межрегиональную миграцию (71% объема внутрироссийской миграции).

Активные миграционные связи региона связаны с близлежащими регионами Северо-Западного федерального округа (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Карелия) – более 60% миграционного оборота. Основную долю в международных миграционных перемещениях составлял обмен с государствами – участниками СНГ – 97% (Украина, Азербайджан, Узбекистан, Кыргызстан, Беларусь). В конце 2017 г. – начале 2018 г. в регионе наибольшая доля иностранных мигрантов пришла на граждан Китая.

В структуре выбывающего населения (2016 г.) 32,3% составляют граждане, выбывающие к прежнему месту жительства; 71,2% – население в трудоспособном возрасте (в другие регионы Российской Федерации – 69,8%, за пределы России – 75,1%); 77,8% – иностранные граждане (из них – 99% составляют граждане стран СНГ). В общей миграционной убыли (по данным за 2016 г.) трудоспособное население составило 59,1%.

В структуре миграционной убыли населения Мурманской области в возрасте 14 лет и старше 42,7% (2016 г.) составляют высококвалифицированные специалисты, 16,6% – граждане, имеющие среднее профессиональное (среднее специальное) образование. Причину регионального оттока молодежи (возрастной группы 16-21 год) региона составляет желание получить образование, при этом среди получившей образование молодежи (возрастной группы 20-39 лет) причиной невозвращения в Мурманскую область или переезда в другие регионы является неудовлетворенность социально-экономической ситуацией в регионе [2, с. 186-187].

Около 30% внутрирегионального миграционного оборота в Мурманской области приходится на административный центр региона – г. Мурманск, около 20% – на монопрофильные поселения. Миграционная убыль наблюдается практически во всех муниципальных образованиях региона.

Наименьшая миграционная убыль населения фиксируется (2016 г.) в Ловозерском районе (-0,5‰) – на территории района функционирует градообразующее предприятие ООО «Ловозерский ГОК» (пгт. Ревда), а также сельскохозяйственные производственные (оленоводческие) кооперативы «Тундра» (с. Ловозеро) и «Оленевод» (села Краснощелье, Каневка, Сосновка).

Наибольшая миграционная убыль фиксируется в Терском муниципальном районе (-13,6‰), г. Мурманске (11,5‰), г. Полярные Зори (-10,2‰) и Ковдорском районе (-10‰). Среди основных причин высокой миграционной убыли населения Терского и Ковдорского районов – высокий уровень социальной напряженности на территориальных рынках труда, вызванный напряженной экономической ситуацией и небольшими объемами производства [1, с. 81-82]. Так, в Терском муниципальном районе уровень регистрируемой безработицы составляет 9,6%, коэффициент напряженности на рынке труда – 8,8 (район отдален от областного центра и труднодоступен – в большинстве поселений отсутствуют автомобильные дороги; в промышленности района функционируют 2 предприятия – ООО «Техпром», осуществляющий дорожные работы, и ПО «Умбский рыбкооп», занимающийся производством хлебобулочных изделий).

Исключение из данной ситуации составляют г. Оленегорск и Печенгский муниципальный район. На территории г. Оленегорска функционируют крупные

предприятия АО «Олкон» и АО «Оленегорский механический завод», в также расположены воинские части (в 2016 г. коэффициент миграционного прироста здесь составил 4,8‰). Печенгский район расположен вблизи двух границ с Норвегией и Финляндией, на его территории функционирует ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» и расположено большое количество воинских частей (коэффициент миграционного прироста здесь составил 0,6‰).

На долю трудовой миграции в Мурманской области приходится около 20% миграционного оборота: в разрезе муниципальных образований принимающими на работу граждан стали Печенгский муниципальный район и гг. Мончегорск, Оленегорск и Апатиты. В отраслевом разрезе высокая степень трудовой мобильности сложилась в сфере рыболовства и рыбоводства, производства машин и оборудования, сельском хозяйстве, а также оптовой и розничной торговле.

Социологические исследования трудовой миграции в Мурманской области свидетельствуют о том, что более мобильными, связывающими свое будущее с работой в частном бизнесе, являются молодые граждане, они больше ориентированы на восходящую мобильность, поскольку собственные ожидания связывают с достижением определенного профессионального статуса, высокими заработками и успешным обустройством личной жизни [3, с. 80-82; 4, с. 99]. Основными условиями достижения благополучия в месте проживания для молодых граждан являются упорный труд (73%) и хорошее образование (71%).

Не менее интересны результаты социологических исследований миграционных установок среди старшеклассников [3, с. 195]: более 80% из них после окончания школы намерены уехать из места проживания, из них около 30% – в областной центр г. Мурманск или г. Апатиты, где расположены образовательные организации высшего профессионального образования и филиалы таких организаций (среди основных мотивов отъезда – отсутствие перспектив получения качественного дальнейшего образования и отсутствие возможностей трудоустройства).

Помимо гг. Мурманска и Апатитов выпускники школ интересуются образовательными организациями гг. Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Москвы; среди профессиональных организаций – Мурманский колледж искусств, Кольский медицинский колледж, Мурманский медицинский колледж, Мурманский арктический государственный университет и Мурманский государственный технический университет, Петрозаводский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет [5].

Результаты социологических исследований миграционных установок молодежи Мурманской области во многом коррелируют с результатами выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций в 2016 г. [6]. 52,1% таких выпускников имеют высшее образование по программам специалитета или магистратуры, 5,4% – бакалавриата; 28,4% – среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена, 14,1% – квалифицированных рабочих и служащих. 46,2% выпускников во время учебы имели работу, из них 24,1% – связанную с получаемой профессией или специальностью.

Из общего количества выпускников с высшим образованием, столкнувшихся с трудностями при трудоустройстве 36,4% не смогли найти работу по полученной профессии, 68,5% столкнулись с проблемой отсутствия стажа; со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена – 42,1% и 70,6% соответственно, квалифицированных рабочих и служащих – 38,2% и 43,2% соответственно.

В структуре выпускников образовательных организаций 2010-2015 гг. выпуска 34,2% искали работу менее месяца, 16,4% – от 3-ех до 6-ти месяцев, 13,4% – 6-9 месяцев; 11,5% не смогли трудоустроиться. 37,6% выпускников трудоустроились через «обращение к друзьям, родственникам, знакомым», 24,9% – через непосредственное обращение к работодателю.

Среди выпускников образовательных организаций 2010-2015 гг. выпуска в 2016 г. доля трудоустроившихся на первую работу, связанную с полученной профессией (специальностью), составила лишь 54,5%. Из них 65,4% имели высшее образование по программам специалитета (магистратуры), 45% – высшее образование по программам бакалавриата; 48,4% – среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена, 30% – среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Уровень занятости таких выпускников в 2016 г. в среднем по Мурманской области составил 83,7%, безработицы – 8,8%, в т.ч. среди выпускников, имеющих высшее образование, 84,1% и 6,5% соответственно, имеющих среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена – 83,9% и 9,4% соответственно, имеющих среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих – 81,7% и 16,1% соответственно.

Таким образом, миграционная ситуация в Мурманской области остается сложной в силу миграционной убыли населения, особенностью социально-демографической структуры которой является высокая доля в миграционных потоках трудоспособного населения (одновременно с трудоспособным населением регион теряет высококвалифицированные кадры).

Среди основных факторов, продуцирующих такую ситуацию, – экономическая специализация муниципалитетов региона, транспортная доступность поселений, наличие учреждений среднего специального и высшего образования, состояние социальной инфраструктуры и доступность услуг объектов социальной сферы. Так, напряженная экономическая ситуация обусловили отток населения из Терского и Ковдорского районов (в Ковдорском районе 57% в составе миграционной убыли составило население в возрасте 15–29 лет, 42,1% выезжающих составляют высококвалифицированные трудоспособные граждане). В миграционной убыли населения Кольского района 79% составляет трудоспособное население, из них около половины имеет высшее образование, 17% – среднее профессиональное.

Социальная напряженность на территориальных рынках труда также негативно сказывается на миграционной ситуации [7]: уровень безработицы в среднем по Мурманской области в 2017 г. в 4,5 раза превысил регистрируемую безработицу; при содействии государственной службы занятости искали работу лишь 36% безработных граждан; среднее время поиска работы составляло 7,5 месяцев; наибольший уровень безработицы приходился на граждан в возрастной группе 20-24 года – 14%; 19% безработных граждан лишились работы в связи с высвобождением или сокращением численности работников, ликвидацией организации или собственного дела [8].

Оптимизация численности воинских подразделений и переселение военнослужащих и членов их семей Печенгского района в другие регионы страны в 2012-2015 гг. спродуцировали высокую миграционную убыль населения района.

Оптимизация систем высшего образования и здравоохранения нанесла значительный урон г. Апатиты, результатом чего стало снижение уровня привлекательности проживания в городе и смещение миграционных установок местного населения.

В свете решения проблемы накопления человеческого капитала Мурманской области актуальной остается задача повышения трудовой мобильности населения на основе проведения таких мероприятий, как:

- актуализация прогнозных потребностей региональной экономики в трудовых ресурсах и формирование на этой основе потребностей по обучению в системе среднего профессионального образования, закладываемых в бюджете Мурманской области, а также в системе высшего образования за счет средств федерального бюджета;

- проведение мероприятий по профессиональной ориентации школьников, повышению их мотивации к трудовой деятельности по востребованным на территориальных рынках труда Мурманской области профессиям и специальностям;

- повышение эффективности предоставления государственных услуг в сфере содействия занятости населения;

- развитие системы временного и постоянного трудоустройства молодых граждан;

- государственная поддержка гражданам и членам их семей, переселяющимся для работы в поселения Мурманской области, в т.ч. субсидирование затрат на переезд и обустройство.

* Публикация базируется на научных результатах выполнения Программы фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым президиумом РАН, №20 «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

Литература

1. Скуфьина Т.П. Об инновационных задачах и фундаментальном характере проблем социально-экономического развития российской Арктики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 7 (17). С. 340-346.
2. Иванова М.В., Клюкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 180-198.
3. Корчак Е.А., Гущина И.А. Миграция населения в процессах формирования и использования трудового потенциала Мурманской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 10. Том 2. С. 76-83.
4. Шарова Е.Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 88-103.
5. Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Мурманской области [Электронный ресурс] URL: <https://murman-zan.ru/> (дата обращения: 17.05.2018).
6. Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников 2016 [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (дата обращения: 10.04.2018).
7. Корчак А.Д., Корчак Е.А. Основные характеристики рынка труда северных регионов РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. №6(37). С. 36-41.
8. О занятости и безработице в Мурманской области в 2017 году [Электронный ресурс] URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/news/rss/f668d100450af4d785adafde4cdebf4 (дата обращения: 17.05.2018).

НАПРАВЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

О.Р. Котельникова, В.М. Кузьмина

Россия, г.Курск, ЮЗГУ

Kuzmina_violetta@yandex.ru

Аннотация. С каждым годом усиливается роль и влияние Шанхайской Организации Сотрудничества, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Организация – один из быстро формирующихся центров многополярного мира. Вхождение Индии и Пакистана в состав Организации увеличил международный авторитет и влияние ШОС. Расширение института наблюдателей за счет включения Афганистана, Белоруссии, создание группы стран – партнеров по диалогу, куда входят Турция, Армения, Азербайджан, Камбоджа, Непал и Шри-Ланка также усиливает влияние Организации в различных частях мира.

Abstract. Every year, the role and influence of the Shanghai Cooperation organization is growing, both at the regional and global levels. The organization is one of the rapidly emerging centers of a multipolar world. India's and Pakistan's accession to the organization increased the SCO's international standing and influence. The expansion of the Institute of observers to include Afghanistan, Belarus, the establishment of a group of dialogue partner countries, including Turkey, Armenia, Azerbaijan, Cambodia, Nepal and Sri Lanka, also enhances the Organization's influence in various parts of the world.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, культурно-гуманитарное сотрудничество, экономическое сотрудничество, ивент-анализ

Keywords: Shanghai cooperation organization, cultural and humanitarian cooperation, economic cooperation, event analysis

Для анализа экономического сотрудничества выбран метод ивент-анализа. Данный метод позволяет упорядочить поток событий, структурировать их таким образом, чтобы в ходе анализа проследить объективные тенденции, которые позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие процесса. А также проанализировать стратегические цели, задачи, выявить основные интересы участников политического процесса [1].

Объект исследования: экономическое сотрудничество ШОС. Акторы: Государства-члены ШОС. Временные параметры: 4 июля – 3 ноября 2017 года. Виды действий: вербальные, невербальные. Источники: официальные новости ШОС.

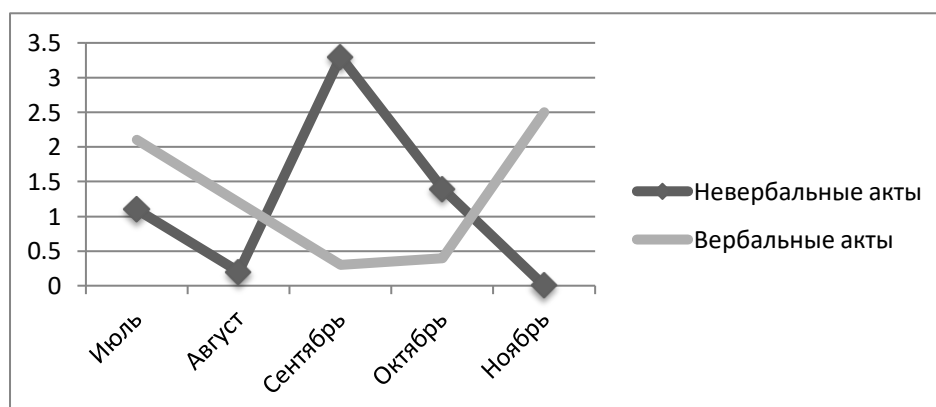

Рис. 1. Уровень интенсивности вербальных и невербальных актов экономического сотрудничества ШОС

По результатам ивент-анализа можно сделать следующие выводы: ШОС активно взаимодействует в сфере экономического сотрудничества. Только за последние 4-5

месяцев Шанхайская организация сотрудничества провела и принимала участие, по меньшей мере, в 10 мероприятиях, касающихся экономической сферы, 7 из которых были направлены на активное сотрудничество и только 3 подразумевали обсуждения и переговоры [1].

Проанализировав количество вербальных и невербальных актов на графике 1, можно сделать вывод, что однозначного преимущества невербальных актов над вербальными нет. Это связано с тем, что ШОС активно заключает договора по экономическому сотрудничеству, но и также активно проводит консультации в этой сфере.

В настоящий момент существуют некоторые сложности взаимодействия стран Шанхайской организации сотрудничества, но, несмотря на это на пространстве этой организации реализуется масштабный инфраструктурный проект многостороннего значения.

Это – автотранспортная магистраль Западная Европа – Китай. Участниками проекта являются три государства-члена ШОС: Китай, Россия, Казахстан. Китай – главный инициатор и спонсор [2].

Активно ведется строительство во всех трех странах ШОС – России, Китае, Казахстане.

После завершения строительства дороги для развития сервисных услуг пользователей международного транспортного коридора планируется подключить малый и средний бизнес. Важно отметить, что строительство дороги на территории Казахстана финансируется за счет займов международных финансовых институтов.

Экономическая сфера деятельности ШОС имеет некоторые проблемы. Одной из главных проблем является проблема несбалансированности внешней торговли между странами. Это приводит к неустойчивости их экономик, что может привести к мировому кризису. В текущих финансово-экономических условиях целесообразно не концентрировать силы на преодолении сложившегося дисбаланса, а выработать механизм создания благоприятных условий для привлечения крупного частного капитала в совместную деятельность на пространстве ШОС. Важно разработать механизмы государственной поддержки национальных корпораций в их работе на рынках других стран Шанхайской организации сотрудничества [3].

В экономической сфере ШОС существует проблема взаимодействия Организации с ЕАЭС. Существует вероятность появления конкуренции между этими интеграционными группировками. Можно сказать, что в ходе экономического сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества и ЕАЭС следует ожидать, что Китай и Россия вместе наладят процесс развития региональной экономической кооперации.

В целом системное многостороннее сотрудничество в экономической сфере организации продолжает отставать от двустороннего сотрудничества.

На современном этапе существования ШОС практически не раскрыты возможности энергетического сотрудничества. Важно активизировать разработку создания координирующего органа стран – экспортеров нефти и газа организации. Немаловажно разработать план развития и координации экспорта и импорта углеводородных ресурсов. Процесс создания энергетического рынка ШОС должен стимулировать совместные разработки новых, возобновляемых источников энергии – ветровой и солнечной.

В связи с особенностями современной мировой и региональной обстановки экономическое сотрудничество внутри ШОС осложняется.

На данный момент Шанхайская организация сотрудничества имеет сложности в развитии экономического сотрудничества. В настоящее время Организации

необходимо сконцентрировать внимание на реализации топливно-энергетических проектов с участием всех государств-членов ШОС.

Понятие «гуманитарное и культурное сотрудничество» включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, науки, информации, спорта и туризма. Такое сотрудничество осуществляется во имя человека и ради человечества, так как цивилизация не может развиваться в плохой экологии, без возможности получить индивидом/обществом квалифицированную медицинскую помощь и должное образование, обеспечивающих их достойное будущее. Полноценное гуманитарное взаимодействие может развиваться только в атмосфере доверия и дружбы народов, в свою очередь, способствуя выправлению порой существующего в их сознании негативного восприятия других наций, их культуры, политики и религии [25].

Объект исследования: гуманитарное и культурное сотрудничество ШОС. Акторы: Государства-члены ШОС. Временные параметры: декабрь 2016 года – апрель 2017 года. Виды действий: вербальные, невербальные. Источники: официальные новости ШОС.

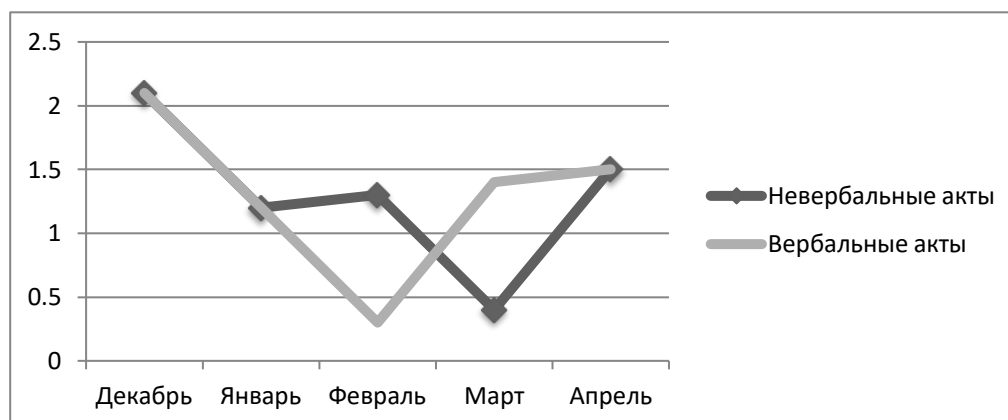

Рис. 2. Уровень интенсивности вербальных актов гуманитарного сотрудничества ШОС

По результатам ивент-анализа можно сделать следующие выводы: ШОС активно проводит выставки и приемы в Штаб-квартире Организации по культурно-гуманитарным вопросам. Организация проводит Марафоны ШОС, где участниками предоставляется информация об опыте реализации государственной политики и развитии национального законодательства в сфере туризма, а также международных туристских выставках и ярмарках, организуемых при поддержке национальных туристских администраций государств-членов ШОС. Также Марафон открыл миру ключевые принципы ШОС — взаимное доверие и выгода, равноправие, уважение к многообразию культур и цивилизаций и стремление к совместному развитию.

Проанализировав количество вербальных и невербальных актов на графике 2, можно сделать вывод, что количество вербальных и невербальных актов в период с декабря 2016 года по январь 2017 года совпадают. Следовательно, в данный период Организация активно проводила значимые мероприятия, в ходе которых активно развивалось культурное и гуманитарное сотрудничество, а также в той же степени в рамках ШОС проходили консультации и приемы.

В целом, количество невербальных и вербальных актов одинаково. Это говорит о том, что Шанхайская организация стремится проводить не только показательные визиты, приемы и церемонии открытия, но и заключает договора по вопросам взаимного взаимодействия в сфере туризма.

Важно отметить, что это событие вновь продемонстрировало открытость ШОС и неизменное стремление организации к сближению, диалогу и взаимообогащению культур и цивилизаций.

Существует взаимосвязь между уровнем знакомства с культурой других стран с уровнем готовности населения к союзам и объединениям с этими странами.

В Шанхайской организации сотрудничества сферой, в которой интересы государств-членов и государств-наблюдателей совпадают, является сфера культурного и гуманитарного сотрудничества.

Гуманитарных связей представляют собой средство борьбы за ум – об этом не стоит забывать. Культурное и гуманитарное сотрудничество в ШОС осуществляется через культурное общение, образовательные контакты, межличностные контакты, а также через пропаганду.

Культурное и гуманитарное сотрудничество в ШОС развивается по всем направлениям. Оно стало «одним из важнейших факторов, гарантирующих жизнеспособность Организации. 26 октября 2005 г. Совет глав правительств государств ШОС принял решение об активизации сотрудничества в сфере образования, в рамках которого были предусмотрены совещания министров образования государств-членов ШОС и утверждено создание постоянно действующей Экспертной рабочей группы в области образования. Согласно этому соглашению государства члены ШОС намерены: поддерживать развитие интеграционных процессов в области образования; содействовать взаимному обмену обучающимися и научно-педагогическими работниками; обмениваться информацией по вопросам образования; поощрять изучение языков, истории, культуры государств Организации. ШОС вполне может сыграть роль катализатора и примера для межцивилизационного общения во имя поиска решений проблем, которые препятствуют гармонизации отношений в мире».

Со дня своего основания ШОС декларировала о необходимости сотрудничества в области здравоохранения, однако работа на данном направлении долгое время нигде не отражалась.

Эта проблема может быть решена благодаря российской инициативе по созданию Шанхайской организации здравоохранения. Эта организация могла бы объединить усилия стран-членов ШОС в этом направлении в целях повышения качества медицинской помощи. В рамках ШОЗ можно также проводить стажировку и обучение специалистов, обмениваться опытом в области медицины.

В связи с таким положением вопрос о сотрудничестве в сфере здравоохранения рассматривался в 2006 г. на заседании Совета глав государств Организации. Секретариату ШОС совместно с экспертами было поручено разработать план взаимодействия министерств и ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать постоянную экспертную группу.

Важным является и практическое взаимодействие в области реализации совместных проектов, как и их международно-договорное оформление. Необходимо стремиться создавать единую систему медицинской помощи и страхования, при которой граждане стран ШОС, независимо от местонахождения, могли получить качественную медицинскую помощь. Особо следует выделить профилактику и лечение заболеваний пандемического характера. Важным направлением такой кооперации могло бы стать проведение совместных исследований и создание эффективной сети под патронажем ШОС, ответственной за мониторинг и наработки по новым и вновь возвращающимся инфекционным болезням, обобщение и своевременное доведение информации, а также распространение опыта борьбы с ними.

Что касается экологических проблем, Шанхайская организация сотрудничества справиться самостоятельно с этими проблемами не может. В этой сфере ШОС

стремиться наладить сотрудничество с международными структурами. Учитывая возрастающий авторитет ШОС, возможно в скором будущем при развитии сотрудничества с другими организациями и странами, Организация сможет реализовывать международные проекты по улучшению и сохранению окружающей среды в ЦА. В области предотвращения и/или ликвидации последствий стихийных бедствий требуется выработка правовых и организационных положений для выполнения проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам, его быструю переброску и совместимость технических средств. Видится крайне полезным создание особой структуры ШОС, ответственной за противостояние ЧС и предоставление срочной гуманитарной помощи.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о развитии взаимодействия по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в регионе, рационального использования водно-энергетических ресурсов и предотвращения опустынивания земель. Но развитие сотрудничества в этой сфере получило лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. Их взаимодействие привело к утверждению в 2007 г. двух проектов - "Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря" и "Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря. Кроме Арала, по мнению Н.Назарбаева, - ШОС также могла бы заняться и решением других актуальных задач экологической безопасности, например, рационального использования трансграничных рек – Иртыш, Амударья и Сырдарья [3].

Для осуществления гуманитарных начинаний в настоящий момент необходимо оптимизировать финансы, которые есть. Необходима согласованная политика трат на гуманитарную сферу. Важно задействовать частный бизнес, который получил бы широкую аудиторию для своих акций.

Проанализировав деятельность ШОС в культурно-гуманитарной сфере, можно сделать вывод, что в рамках ШОС есть возможность некоторых форм сотрудничества: краткосрочные программы по обмену учеными, исследователями, техническими специалистами и преподавателями; специализированные программы обучения для поддержки развития человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций; организация практических семинаров, симпозиумов и конференций в сфере науки, технологий и инноваций в областях, представляющих взаимный интерес; обмен информацией в сфере науки, технологий и инноваций; формирование и реализация совместных программ и проектов научных исследований и разработок; совместные конкурсы в государствах участников; сотрудничество национальных научных, инженерных и исследовательских организаций.

Литература

1. Морозов Ю.В. Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС [Электронный ресурс]: статья // URL:http://www.ifes-gas.ru/images/abook_file/SREB_2017.pdf (Дата обращения 5.11.17)
2. Взаимодействие России и Китая в разработке и реализации Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]: статья // URL:http://www.ifes-gas.ru/images/stories/2014/report-2014-rgnf_14-27-21002.pdf (Дата обращения 7.11.17)
3. [李克强出席上海合作组织成员国政府首脑理事会第十六次会议] URL// Режим доступа:<http://cpc.people.com.cn/shipin/n1/2017/1204/c243247-29685407.html> (Дата обращения 7.11.17)

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ КАК ФАКТОР СБЕРЕЖЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

*А.А. Лобанов¹, Е.Н. Богданова², С.В. Андронов¹, А.И. Попов¹, Р.А. Кочкин¹,
В.В. Кострицын¹, Л.П. Лобанова, И.В. Протасова, Е.А. Лобанова³*

¹Россия, Надым, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

*²Россия, Северодвинск, Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова*

*³Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет
alobanov89@gmail.com; bogdanova.en@yandex.ru*

Аннотация: В статье обобщены проблемы регулирования оленеводства Ямало-Ненецкого автономного округа, трансграничного сотрудничества традиционных хозяйств с целью сохранения природы тундры от перевыпаса и сбережения коренного населения. Предложена организация системы научного мониторинга и разработка схемы оптимального использования пастбищ.

Abstract: The article summarizes the problems of reindeer husbandry regulation in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, cross-border cooperation of traditional household with the aim of preserving the nature of the tundra from overgrazing and the preservation of the indigenous peoples. The organization of a system of scientific monitoring and the development of a scheme for the optimal use of pastures are proposed.

Ключевые слова: оленеводство, перевыпас, коренные народы, Ямало-Ненецкий автономный округ, сбережение населения.

Key words: reindeer herding, overgrazing, indigenous peoples, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, maintenance of population.

Ямало-Ненецкий автономный округ является уникальной территорией проживания коренных малочисленных народов Севера, культура, здоровье и социальное благополучие которых неразрывно связано с традиционными промыслами и потреблением традиционных продуктов питания. Поэтому принципиально значимо не только сохранить, но и поддерживать развитие данной отрасли в регионе с целью сбережения коренного населения.

В настоящее время серьезной угрозой для развития оленеводческого хозяйства становится проблема перевыпаса. Сотрудниками ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» в рамках экспедиционных исследований был проведен опрос оленеводов с целью выявления проблем, связанных с состоянием пастбищ, и проведения оценки угрозы дефицита питания оленей.

Большинство оленеводов Тазовской, Танамской, Гыданской, Юрибейской тундры отмечают проблемы с сокращением зимних оленьих пастбищ. Жители Ессяхинской и Явай-Салинской тундры пока не испытывают данных проблем. По мнению тундровиков, значительное повреждение пастбищ наблюдается в местах ожидания очереди на забойный пункт в Антипаютинской тундре, около факторий, где оленеводы делают покупки (Юрибей и Танама, поселки Антипаюта и Гыда), в местах лова рыбы на побережье Обской губы (севернее поселка Антипаюта, на западном берегу озера Ямбуто, на побережье Гыданской губы в районе фактории Юрибей), в районе месторождений, где тундровики сбывают по выгодной цене рыбу и оленину и покупают бензин (месторождения Мессояхинской группы). Последствием перевыпаса становится дефицит питания оленей и ухудшение состояния их здоровья.

Вместе с тем, более 80% опрошенных оленеводов не воспринимают ситуацию как критическую. По их замечаниям, «Олени сами находят себе корм, главное – им не мешать», «Тундра сама отрегулирует». Они убеждены, что олени адаптируются к

изменению кормовой базы. Изменение климата в течение последних лет (жаркое лето и длительный бесснежный сезон) привело к увеличению биомассы травянистых растений. Кроме того, протаивание мерзлоты приводит к образованию небольших оврагов, улучшению дренирования территории и созданию лучших условий для роста растений. Данные погодно-климатические изменения обеспечивают увеличение в зимний период доли травянистых растений в рационе оленя.

Оленеводы, имеющие стада до 300 оленей, считают, что главной проблемой является крупностадное оленеводство, так как после прохода большого стада численностью 2000-3000 тысячи голов, тундра долго не восстанавливается. Собственники крупных стад, наоборот, считают, что малооленные оленеводы наносят больший ущерб, так как их маршруты каслания короче: они часто подходят к поселкам и факториям или вообще не каслают.

Собственники мелких, средних и крупных стад единодушно и крайне негативно относятся к идее регулирования численности оленей. Часто они озвучивают обвинения в отношении властей округа в изъятии принадлежащей им земли для нужд добывающих компаний. Несколько реже встречается негативная оценка деятельности ученых в данном вопросе.

Необходимость регламентировать маршруты каслания или участки вызывает несколько большее понимание. Оленеводы, имеющие опыт работы в колхозах, предлагают вернуться к советской системе регулирования касланий. Согласно установленной в советский период практике, существовало правило, согласно которому все оленеводы до конца мая должны были перейти с зимних пастбищ на летние за линию рек текущих в широтном направлении Антипаюта-Танама-Гыда. Более молодые оленеводы разделяют мнение, что эта модель удобна для понимания, наиболее справедлива и эффективна, но сомневаются, что она будет работать в Танамской и Мессояхинской тундре, так как многие оленеводы в летнее время сдают панты и не уходят далеко от месторождений, а, следовательно, круглогодично эксплуатируются зимние пастбища. На рисунке 9 видно, что маршруты каслания, в южной зоне, тяготеют к объектам месторождений Мессояхинской группы и направлены диаметрально противоположно традиционным маршрутам касланий.

Все оленеводы отмечают, что сейчас не существует механизмов, позволяющих принудить к порядку нарушителей использования пастбищ. Советская система насильственного забоя оленей за нарушение пользования пастбищами ушла в прошлое, а идея закрепления родовых угодий пока не нашла широкого применения в Тазовском районе.

В настоящее время проблемы пользования пастбищами достаточно эффективно решаются с помощью переговоров между соседями, кочующими в одной местности. Случаи решения споров с помощью оружия или физической расправы достаточно редки. Наибольший конфликтный потенциал накоплен в отношении ненцев Красноярского края. В соседнем крае угодья закреплены за семьями местных оленеводов, а ненцы Тазовского района считают, что эти претензии необоснованны, так как граница пролегла через их традиционные маршруты каслания на зимние пастбища, расположенные на территории Красноярского края. В последнее время эти конфликты стали нередко сопровождаться угоном или отстрелом оленей.

Вместе с тем, система договоренностей с соседями во многом способствует укорочению маршрутов касланий, так как чем больше протяженность маршрута, тем с большим количеством соседей необходимо договориться. Этому процессу способствует изменение влияния погодно-климатических факторов. На протяжении последних 20 лет оленеводы отмечают более раннее наступление весны, сильные оттепели, поздний ледостав. В результате данных явлений стадо не успевает выйти на

удобные пастбища, где традиционно проходил отел. В результате многие оленеводы перестали уходить с зимних пастбищ и заранее договариваются с соседями о распределении удобных мест для отела.

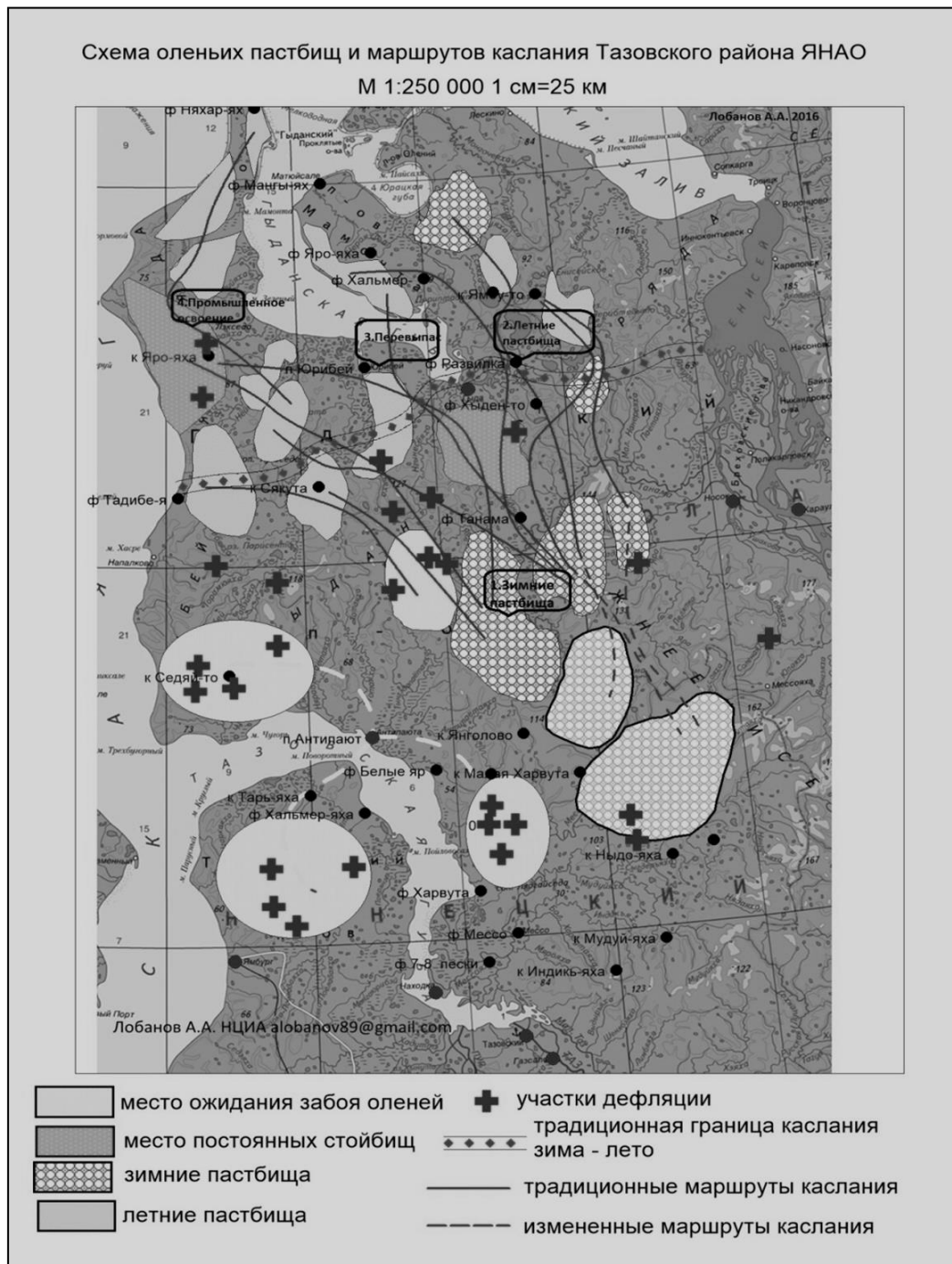

Рис. 9. Маршруты калений Тазовского района ЯНАО, 2017 г.

Постоянное проживание в удобной доступности к месторождениям приносит оленеводам не только неудобства, но дает и значительные преимущества. На месторождении круглогодично можно сбывать продукты оленеводства и рыболовства по ценам, значительно выше закупочных. Причем, денежные расчеты производятся немедленно. Заготовители пантов также опираются на логистические структуры месторождений, что позволяет около месторождений сбывать панты по более высокой

цене. На месторождении можно приобрести бензин по более низкой цене или обменять на продукты оленеводства. Наконец, на там есть сотовая связь, а нередко и интернет лучшего качества, чем в поселке (что важно для молодого поколения).

Можно констатировать, что современное оленеводство постепенно отходит от принципа общего пользования угодьями, необходимого для обеспечения длинных маршрутов касланий, и развивается в направлении формирования участков или родовых угодий, закрепленных за определенной семьей. Данный процесс идет неравномерно. Оленеводы Гыданской, Антипаютинской, Тазовской тундры относятся к разделению тундры на участки, как правило, негативно. Жители Мессояхинской и Танамской тундры, напротив, воспринимают такой порядок как справедливый и ссылаются на опыт соседей из Красноярского края, с которыми они активно контактируют и нередко находятся в родственных отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что маршруты каслания имеют тенденцию к укорочению, тяготеют к населенным пунктам, что обусловлено как социально-экономическими, так и климатическими факторами. В результате чего наблюдается крайне неравномерное использование пастбищ, приводящее к быстрой деградации растительного покрова и почвы.

Наибольшая деградация почвы в районах перевыпаса вокруг населенных пунктов, тяготение оленеводов к вахтовым поселкам, концентрация, контакт и «накрывание» стад вблизи объектов инфраструктуры в период заготовки пантов, создает большие риски для возникновения эпизоотии сибирской язвы и распространение эпидемии в коллективе вахтовых рабочих или заготовителей и сушильщиков пантов в национальных поселках.

К стратегически значимым проблемам следует отнести сохранение природы тундры от перевыпасов или повышение благосостояния оленеводов, а также сохранение исторически сложившегося принципа общего пользования пастбищами или переход к межеванию и введению понятия «родовые угодья». Среди тактических проблем следует отметить: 1) отсутствие легитимных механизмов регулирования численности оленей и маршрутов касланий; 2) политизированность проблемы перевыпаса и ее эксплуатация всеми оппозиционными организациями. Большинство оленеводов считает, что сокращение оленей, под маской заботы об экологии и предотвращении эпизоотий сибирской язвы, – это подготовка к передаче земель добывающим компаниям; 3) высокие цены на горючее усугубляют перевыпас, так как тундровики стремятся не уходить далеко от поселка или месторождений, чтобы иметь возможность по приемлемым ценам покупать горючее и тратить меньше денежных средств на доставку грузов в тундру.

Наряду с этим, следует указать и проблемы научных исследований, часть которых обозначает «слабые места» в методике сбора полевого материала:

- Геоботанические исследования проведены преимущественно на незадействованных для выпаса оленей территориях. Районы перевыпаса остаются мало обследованными. Полученные результаты экстраполируются на большие территории с весьма различными ландшафтно-климатическими условиями. Все исследования проводились в летнее время. Так как погодные условия в бесснежный период года и сроки вегетации растений в ЯНАО весьма варьируют, то стандартизовать полученные результаты и строить на их основе прогностические модели достаточно сложно.

- Исследования ресурсов пастбищ в зимний период были впервые выполнены в 2017 г. Были получены данные с наиболее критичных участков зимних пастбищ Мессояхинской и Гыданской тундры. Разработана методика оценки ресурсов пастбищ в снежных период. Показано, что результаты исследований в зимний период,

значительно легче стандартизовать и использовать для построения прогностических моделей.

- Задачу управления рисками оленеводства невозможно решить единовременными исследованиями. Необходимо налаживать систему мониторинга. К ней предъявляются два основных требования: 1) данная система должна предоставлять информацию в режиме онлайн и быть сопряженной с минимальными затратами; 2) наименее затратным методом оценки ресурсов является анализ космоснимков. Наиболее информативным методом изучения маршрутов каслания является использование GPS трекеров. Главной проблемой является работа с оленеводами, которые должны дать согласие на установку трекеров.

- Нет точной карты маршрутов касланий, соответствующей современному состоянию оленеводства. Отсутствует и достоверная информация о собственниках большей части оленей Тазовского района.

Обозначенные проблемы позволяют представить ряд предложений по регулированию оленеводства на территории проживания коренных народов:

- Ввести регламентирование маршрутов каслания в районах, страдающих от перевыпаса, что позволит распределить нагрузку на пастбища, расположенные вдали от поселков.

- Определение маршрутов каслания.

- Получение дотаций оленеводами только при соблюдении маршрута каслания.

- Внедрение GPS трекеров для отслеживания маршрутов каслания.

- Дотирование топлива.

- Организация подкормочных пунктов на базе забойных предприятий. Завоз и реализация комбикормов и соли для оленей на факториях и в национальных поселках, что позволит снизить падеж оленей.

- Разработка схемы оптимального использования пастбищ, прогнозирование перевыпаса, предотвращения эпизоотий и падежей оленей на основании дистанционного мониторинга состояния пастбищ, перемещения семей оленеводов и стад оленей. Для данной работы предлагается использовать возможности отслеживать локализацию в режиме реального времени, спутникового телефона и GPS трекеров на вожаках оленьих стад.

Отказ от регулирования оленеводства и решения нарастающих проблем перевыпаса может привести не только к серьезным экологическим, но и социальным последствиям. Снижение потребления традиционных продуктов питания, в частности, оленины, порождает проблему сбережения здоровья коренного населения.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-00875.

МИГРАЦИЯ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РОСТА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Маркелова, П.А. Шумилова

Россия, Екатеринбург, УрФУ

markelova9292@inbox.ru, polina_shumilova@mail.ru

Аннотация: Миграция является одной из основных причин усиления межэтнической напряженности. Как для приграничных, так и для остальных регионов РФ все более насущной проблемой становится слабая интеграция мигрантов в социум. В статье раскрываются причины формирования межэтнической напряженности, а также пути ее преодоления.

Abstract: Migration is one of the main reasons for increasing inter-ethnic tensions. Both for the border regions and for other regions of the Russian Federation, the poor integration of migrants into society is becoming an increasingly urgent problem. The article reveals the reasons for the formation of inter-ethnic tension, as well as the ways to overcome it.

Ключевые слова: миграция, мигранты, регионы РФ, межэтническая напряженность, интеграция, адаптация.

Key words: migration, migrants, regions of the Russian Federation, interethnic tension, integration, adaptation.

Активные миграционные процессы в России являются одной из важнейших составляющих экономического, демографического, культурно-социального и политического развития общества. По данным 2017 года, более 60% мигрантов в России это приезжающие на заработки представители титульного населения стран Средней Азии (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан) [6], количество которых составляет около 4 млн. человек [8]. В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики, эти цифры будут целенаправленно увеличиваться до 2025 года в связи с демографическим кризисом 1990-х годов [4], последствия которого уже вступают в силу. Одной из серьезных проблем, связанной с трудовой миграцией на территорию России из выше обозначенных стран, является возрастающая межэтническая напряженность, вызываемая большой цивилизационной и культурной дистанцией между народами. Не смотря на то, что российское общество испытывает большую потребность в трудовых мигрантах, а их страны-поставщики нуждаются в экономической поддержке и трудоустройстве, острая культурная дифференциация взаимодействующих наций формирует обоюдную барьерность, закрытость, настороженность и опаску. Такое взаимное отношение, по сути, содержит в себе латентное недовольство и потенциал реальной агрессии, негативно сказывающейся на жизнедеятельности и развитии российского общества.

Особую важность этот фактор приобретает для приграничных регионов России, а так же регионов, составляющих коридор прибытия и распределения мигрантов на территории страны. Наиболее высокую степень межнациональной напряженности демонстрируют области, находящиеся на границе с иноэтничными мусульманскими государствами. Концентрация миграционных потоков из стран Средней Азии, прежде всего, приходится на такие регионы, как Челябинская область, которая является первичным пунктом прибытия наибольшего процента мигрантов (для тех, кто прибывает и поездом, и самолетом, и автобусом). Следующими областями в коридоре распределения являются Свердловская область, Самарская область, Республика Башкортостан. Там уровень межэтнической напряженности ниже, чем в Челябинской области, но, тем не менее, сохраняется на ощутимом уровне. По данным Международной организации по миграции (The International Organization for Migration –

ЮМ), эти территории содержат самый большой объем мигрантов из стран Центральной Азии в России [7].

В современной науке на данный момент не существует общепринятого определения межэтнической напряженности. Так, З.А. Жаде считает, что межэтническая напряженность – определенный уровень проявления не только социальной, но и психологической напряженности, свойственной любому обществу, независимо от того, является ли оно поли- или моноэтническим. Межэтническую напряженность можно рассматривать как черту межэтнических отношений, при которых национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отношениях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции [2, с. 194].

По мнению Г.У. Солдатовой, под межэтнической напряженностью стоит понимать форму социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества. Существенная деформация массового сознания, обусловленная, в том числе, и объективными факторами, такими как этническая преступность и масштабная неконтролируемая миграция, способны стать причинами межэтнических конфликтов. Конфликт в этом случае – одна из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми другими межэтническими проблемами [10, с. 6].

Исследуя феномен межэтнической напряженности, И.В. Карабаш пришел к выводу, что данную дефиницию формируют различные концепции: социально-психологическая, социологическая и конфликтологическая. С точки зрения социально-психологического подхода, межэтническая напряженность – явление, вызванное психическими процессами, оказывающими непосредственное влияние на функционирование социальных общностей. Развитие межэтнической напряженности происходит на базе социальной, когда к уже имеющимся социально-экономическим разногласиям представителей различных этносов добавляются социокультурные, мировоззренческие, исторические противоречия. Таким образом, возникает конфликт этнопсихологических ментальностей, который сопровождается актуализацией этнических мифов и стереотипов, появлением дихотомии «свой-чужой». В рамках социологической концепции предполагается, что к обострению межэтнической напряженности ведет функционирование в обществе негативных этнических стереотипов, ценностей, установок, образцов поведения. Конфликтологический подход трактует конфликт как крайнюю степень межэтнической напряженности, превзошедшей определенный порог мирного сосуществования этносов, что в свою очередь чревато вооруженными столкновениями, войнами и массовыми беспорядками [3, с. 153-156].

На наш взгляд, весьма адекватно отражает сущность межэтнической напряженности следующее определение. Межэтническая напряженность – нарушение баланса взаимоотношений во всех сферах полиэтнического сообщества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям [11, с. 158]. Эта дефиниция видится нам наиболее удачной из рассмотренных, так как емко излагает все сущностные характеристики такого феномена, как межэтническая напряженность.

В условиях современных российских реалий А.Т. Коньков выделяет пять основных сфер межэтнической напряженности между мигрантами и принимающим обществом [5, с. 217-218]. Во-первых, та часть рынка труда, которую принято определять как неофициальный рынок труда. На данном рынке труда сконцентрированы иноэтнические мигранты, которые либо утратили, либо никогда не

имели легального статуса для пребывания и трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Во-вторых, рынок жилья, в частности сегмент съемного низкокачественного и ведомственного жилья (общежития). В-третьих, отдельные сегменты экономической деятельности в регионе. Например, розничная торговля, строительство, общественный транспорт, т.е. те секторы экономики, которые в значительной степени подвержены трансформации в анклав этнического предпринимательства. В-четвертых, культурно-бытовая и образовательная сфера, в рамках которой отчетливо проявляются различия в бытовом укладе иноэтничных мигрантов и местного населения, низкий уровень владения русским языком, незнание и несоблюдение мигрантами социальных и культурных норм принимающего общества. В-пятых, сфера религиозной практики. Как правило, субъектами межэтнической напряженности становятся иноэтничные мигранты (как легальные, так и нелегальные), их работодатели и широкие слои местного населения.

В условиях, когда миграция в значительной своей части имеет неконтролируемый характер, велика вероятность развития конфликтных отношений между мигрантами и принимающим обществом [9]. Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что основой роста межэтнической напряженности является весомая культурная дистанция между трудовыми мигрантами и принимающим сообществом. Показательными в этом отношении являются исследования, проведенные под руководством профессора И.Б. Бритвиной с 2016 по 2018 года. Так, были проведены опросы (анкетный опрос и стандартизированное интервью) представителей принимающей стороны (жителей Екатеринбурга, N=485) и иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии (N=231), живущих в Екатеринбурге, а так же глубинные интервью мигрантов и екатеринбуржцев.

По результатам исследований можно сказать, что более чем половина жителей Екатеринбурга высказываются против принятия мигрантов из стран Центральной Азии (51,3%), а 60,2% отрицательно относятся к их растущему количеству. При этом 70,9% респондентов признаются, что практически не знакомы с культурой мигрантов, но имеют достаточное количество негативной общей информации о них. Исследователями были заданы вопросы относительно основных претензий горожан к трудовым мигрантам. Среди них важным требованием является запросы, связанные с безопасностью и культурой: соблюдение российских законов (67,7%), знание русского языка (63,6%), следование культурным нормам нашей страны (63,6%) (см.: Табл. 1) [1].

Преодолеть возникающие разногласия и предотвратить усиление межэтнической напряженности возможно путем эффективной интеграции иноэтничных мигрантов и их адаптации в рамках полиэтничной культурной среды. Этот трудный процесс культурной и социальной адаптации, помимо прочего, требует готовности со стороны мигрантов участвовать в межкультурном общении для того, чтобы повысить уровень доверия со стороны местного населения и приобщиться к культурным нормам и ценностям принимающего общества. Интеграция мигрантов должна включать в себя такие элементы, как приобретение мигрантами легального статуса в Российской Федерации; приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы. Таким образом, легальный статус пребывания на территории РФ, культурная адаптированность и включенность мигрантов в социальное пространство принимающего общества, а также толерантные взаимоотношения между мигрантами и местным населением должны стать основными показателями успешной и эффективной интеграции мигрантов в современном российском обществе [5, с. 212].

Необходимо отметить, что рост межэтнической напряженности определяется как региональной спецификой, так и влиянием общих для всей страны внешних и

внутренних факторов [10, с. 6]. В то же время уровень межэтнической напряженности зависит от структуры и содержания межэтнической коммуникации, особенностей культуры взаимодействующих этносов и исторического характера отношений между ними [11, с. 157]. Появление межэтнической напряженности, как правило, происходит задолго до конфликта и оказывает влияние на межэтнические отношения долгое время после его урегулирования. В связи с этим, мониторинг межэтнической напряженности, прежде всего, в приграничных регионах позволяет не только понять причины и механизмы межэтнических конфликтов, но также определить способы их профилактики и раннего предупреждения во избежание эскалации конфликта.

Таблица 1

Требования к нерусским мигрантам из стран Центральной Азии, % от числа опрошенных

Перечень требований	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Соблюдать наши законы	69,1	66,4	67,7
Знание русского языка	65,0	62,5	63,6
Соблюдать культурные нормы, принятые в России	62,3	64,8	63,6
В общественных местах говорить только на русском языке	29,5	29,2	29,4
Молодежь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе	27,3	27,3	27,3
Не создавать при расселении «этнические кварталы»	22,3	19,4	20,7
Не претендовать на рабочие и учебные места, которые могли бы занять россияне	13,6	23,3	18,8
Не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов	15,5	19,0	17,3
Не демонстрировать свои культурные отличия в одежде, поведении, обычаях	15,0	12,3	13,5
Другие требования	2,3	2,0	2,1
Не знаю	2,7	1,6	2,1
Нет ответа	0,5	0,0	0,2

Литература

1. Бритвина И., Могильчак Е. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам [Электронный ресурс] // Мир России. 2018. № 27(1). Электрон. дан. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.05.2018).
2. Жаде З.А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. Вып. № 3(124). С. 194-200.
3. Карабаш И.В. Межэтническая напряженность и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 153-156.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] / ГАРАНТ.РУ. Электрон.

- дан. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2018)
5. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 206-220.
  6. Копалкина Е., Подобедова Л., Старостина Ю. Трудовые мигранты из Киргизии перевели из России на родину 433 млн долларов [Электронный ресурс] / РБК. Электрон. дан. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/05/2017/5927b7599a7947b1e98c23ff>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2018)
  7. Международная организация по миграции [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://moscow.iom.int/russian/index.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.05.2018).
  8. Миграция [Электронный ресурс] / Центр управления финансами. Электрон. дан. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/migraciya-2018.php>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 11.05.2018).
  9. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года [Электронный ресурс] / под ред. И.Н. Тимофеева, Е.С. Алексеенкова; Центр стратегических разработок, 2017. Электрон. дан. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).
  10. Солдатов Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
  11. Шахбанова М.М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института ИАЭ. 2017. № 1. С. 154-167.

ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА И ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Л. Мартынов

*Россия, С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена
martin-vas@yandex.ru*

Аннотация: Ленинградская область – один из двух субъектов Федерации, где имеются как «старые» границы, возникшие до 1991 г. (граница с Финляндией), так и новые (граница с Эстонией). Вдоль границ существуют пограничные зоны, воздействие которых на развитие приграничных территорий изучено недостаточно. Целесообразность существования этих зон во многих случаях вызывает серьезные сомнения.

Abstract: The Leningrad region is one of the two regions where there are both "old" borders that arose before 1991 (the border with Finland) and new ones (the border with Estonia). Along the borders there are border areas, the impact of which on the development of border areas has not been studied enough. The desirability of these zones in many cases raises serious doubts.

Ключевые слова: Ленинградская область, граница, пограничная зона, Сайменский канал

Keywords: Leningrad region, border, border zone, Saimaa canal

Ленинградская область – один из двух субъектов Российской Федерации (второй – Республика Алтай), где сочетаются как «старые», существовавшие до распада СССР, государственные границы (граница с Финляндией), так и новые, возникшие в 1991 г. (граница с Эстонией). Вдоль этих границ расположены пограничные зоны. Однако особенности территорий, входящих в состав пограничных зон, изучаются слабо, и работ по этим проблемам немного (см., например [1]).

Ныне существующая граница с Финляндией, приходящаяся на долю Ленинградской области, была установлена Московским мирным договором, подписанным в марте 1940 года. Согласно ст. II этого договора, «Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по

которой в состав территории СССР включаются весь Карельский перешеек с г.Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера...» [2]. Эта граница в значительной мере совпадает с границей Российского государства и Шведского королевства по Ништадтскому мирному договору 1721 г., завершившему Северную войну. Тогда граница была проведена «прямой линией в землю даже до дороги, которая от Выборга в Лапстранд (совр. Лаппеенранта – прим. авт.) есть, расстоянием в трех милях от Выборга и тако далее, в таком же расстоянии трех миль северной стороной за Выборгом прямой линией даже до старинной между Россией и Швецией бывшей границы»[3] (шведская миля – 10 689 м). Фактическая граница в XVIII в. прошла немного иначе, но Московский мирный договор 1940 г. восстановил ту границу, которая была описана в Ништадтском договоре.

Отвоёванный у Финляндии Карельский перешеек в том же марте 1940 года был поделён между Ленинградской областью и Карельской АССР, в связи с этим преобразованной в Карело-Финскую ССР (КФ ССР). Граница между Ленинградской областью РСФСР и КФ ССР проходила от г. Койвисто (совр. Приморск), оставляя его в пределах Ленинградской области, к южному руслу р. Вуокса, и по ней до Ладожского озера, т.е. тогда Ленинградская область с Финляндией не граничила. В ноябре 1944 г. северная часть Карельского перешейка была передана в состав Ленинградской области [4]. С передачей севера Карельского перешейка в состав Ленинградской области последняя получила выход к Финляндии и ныне существующий участок российско – финляндской границы.

В советское время документы, определявшие пределы пограничных зон, не публиковались, поэтому сведения об их пределах имеются главным образом косвенные. До 1940 г. пограничная зона с советской стороны начиналась от развилки Выборгского и Приозерского шоссе в пос. Осиновая Роща Парголово района Ленинградской области (ныне – часть Выборгского района С.-Петербурга) примерно в 15 км от тогдашней линии советско-финляндской границы. После Великой Отечественной войны пограничная зона на Карельском перешейке начиналась от пос. Райвола (Рощино) (примерно 105 км от новой линии границы). С электрификацией железной дороги Ленинград – граница с Финляндией и пуском в Выборг электропоездов (1969 г.) большая часть Карельского перешейка открывается для свободного посещения, погранзона начинается от Выборга. Погранзоной до 90-х гг. остаётся также побережье Финского залива между пос. Смолячково (ныне входит в состав С.-Петербурга) и Выборгом, в пределах этой части погранзоны находился г. Приморск. Граница погранзоны в советское время уходила на северо-восток от Выборга к побережью Ладожского озера, выходя туда несколько севернее Приозерска и продолжаясь в пределы Карелии.

В декабре 1993 г. публикуется постановление главы Ленинградской области «О пограничной зоне и пограничном режиме на территории Ленинградской области» [5], согласно размеры погранзоны на Карельском перешейке сокращаются в сравнении с советским временем.

Однако между Выборгом и границей с Финляндией находится Сайменский канал. Сайменский канал, соединяющий Выборгский залив с озером Сайма, имеет уникальный статус – на всём своём протяжении он управляется Финляндией; советская (ныне российская) часть канала взята Финляндией в аренду вместе с примыкающей к ней территорией. Уникальности ситуации заключается в том, что это единственный случай, когда наше государство сдаёт в аренду часть своей территории [6].

Новый договор, регулирующий правовой режим Сайменского канала и примыкающих к нему территорий, был подписан между Россией и Финляндией в 2010

г. Правовой режим российской части Сайменского канала близок к «режиму проливов». Российская часть канала открыта для плавания любых российских судов Любое невооружённое судно любой страны мира, желающее с коммерческой целью пройти по каналу в Финляндию или из неё, имеет право это сделать. Через канал могут проходить любые невооружённые суда под флагом Финляндии с любой целью. Военные корабли ни одной страны мира, включая Финляндию, по российской части канала перемещаться не могут [7]. В 2016 г. подписывается дополнительный протокол к этому договору, регламентирующий особенности использования «зоны Сайменского канала» - арендуемой Финляндией у России территории [8]. Конфигурация «зоны канала» такова, что она фактически разрывает западные территории Выборгского района Ленинградской области на две части, сообщение между которыми возможно только через Выборг.

На границе России и Финляндии в Ленинградской области три автомобильных МКПП – Торфяновка (с финской стороны Ваалимаа), Брусничное (Нуиямаа) и Светогорск (Иматра). Все МКПП хорошо «освоены» сферой услуг (магазины, заправки, мотели). Пересекать границу можно на любом транспортном средстве, включая велосипеды (с 2017 г. пересекать границу на велосипеде могут только граждане России и Финляндии, до этого такая возможность была у граждан любой страны мира). Финны закупаются в России как алкогольной продукцией и топливом, так и лекарствами, продуктами питания и т.д. – всем, что в России дешевле. Особенно мощный поток финских «шоп-туристов» на направлении Иматра – Светогорск, где очень широко распространено пересечение границы на велосипеде, поскольку расстояние между этими городами – 4 км. Есть также железнодорожный МКПП Бусловская (Вайниккала) и железнодорожный «пункт упрощённого пропуска» Светогорск – Иматра.

На южном берегу Финского залива пограничная зона существовала и до 1991 года. Она начинается от п. Лебяжье (Ломоносовский район Ленинградской области) и протягивается вдоль южного берега Финского залива до устья реки Нарва. В советское время погранзона продолжалась далее на запад в пределы Эстонской ССР. Основной причиной установления режима погранзоны на столь большом отдалении от тогдашних границ СССР было то, что напротив этих мест в Финском заливе находится внешний рейд Кронштадта, где прибывающие в С.-Петербургский (в советское время Ленинградский) морской порт суда, в том числе и под иностранными флагами, проводят зачастую длительное время. В районе п. Лебяжье, который возник как «лоцманская слобода», ведущий в порт фарватер подходит ближе всего к берегу. Погранзона здесь была установлена главным образом с целью предотвращения попыток граждан СССР покинуть «страну победившего социализма», добравшись до иностранных судов, а также пресечения контрабанды. Кроме этого, до середины 50-х гг. здесь действовали два крупных форта Кронштадтской крепости – «Серая Лошадь» и «Красная Горка», но сейчас от них остались только руины. Эта погранзона существует по сей день, хотя смысл её существования в современных условиях совершенно неясен. Границы, к которой примыкала бы данная пограничная зона, просто не существует, а выехать за пределы России без риска для жизни может любой желающий – добираться вплавь до проходящих судов при этом вовсе не обязательно.

В 1991 г. с предоставлением независимости Эстонии возникает новая, российско-эстонская государственная граница. Фактическая граница прошла по р. Нарова (Нарва), установление юридической границы заняло очень много времени. Существующая линия границы между РСФСР и ЭССР была установлена осенью 1944 г., когда город Нарва был разделён на две части. Часть города на левом берегу реки сохранила прежнее названия и осталась в составе Эстонской ССР, часть города на правом берегу реки была передана из состава ЭССР в состав РСФСР, получив название

Ивангород. В межвоенное время граница между СССР и Эстонской Республикой проходила восточнее реки Нарова. Пограничная зона в то время включала в свой состав юго-западную часть Ленинградской области (Кингисеппский округ 1935 – 1940 гг.).

Следует иметь в виду, что передача части территории довоенной Эстонии в состав Псковской и Ленинградской областей РСФСР (1944 г.) произошёл таким же образом, как передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г. – решением Президиума Верховного Совета СССР. После 1991 г. на протяжении длительного времени эстонская сторона требовала восстановить границу, существовавшую до 1944 г., однако эти попытки были безуспешными. Установление границы по р. Нарва повлекло за собой формирование здесь пограничной зоны, включившей в свой состав западную часть Кингисеппского района и часть Сланцевского района Ленинградской области. В 2006 г. с передачей полномочий по установлению пограничных зон от региональных властей центральным (ФСБ РФ) при формальном сохранении погранзоны контроль над въездом в Ивангород был прекращен, через несколько лет возобновлён. Тогда же был введён в действие приказ директора ФСБ от 2-го июня 2006 «О пределах пограничной зоны на территории Ленинградской области» [9], которым эти пределы устанавливались не по населённым пунктам, как до этого, а по муниципальным районам и «полосам местности» в них.

Особенностью пограничного режима было то, что до вступления Эстонии в Шенгенскую зону (2007 г.) жители Ивангорода и Нарвы имели право на упрощённое пересечение границы. Для того, чтобы этот упрощённый порядок действовал, разрешено пересечение границы как с применением транспортных средств, так и пешком. На границе было создано три КПП: международный железнодорожный КПП «Ивангород» (ст. Ивангород Нарвский), международный автомобильный КПП «Ивангород» и двусторонний пешеходный КПП «Парусинка», все находятся с российской стороны в Ивангороде, с эстонской стороны в Нарве. За пределами Ивангорода пунктов пересечения российско-эстонской границы в Ленинградской области нет. Со вступлением Эстонии в Шенгенскую зону пешеходные КПП на российско-эстонской границе стали использоваться жителями С.-Петербурга и других городов Ленинградской области для поездок в Эстонию с использованием как общественного, так и личного транспорта. Для того, чтобы сократить поток переходящих границу пешком ради однодневной поездки в Эстонию, были отменены автобусные рейсы из С.-Петербурга в Ивангород в первой половине дня, а единственный пригородный поезд между С.-Петербургом и Ивангородом приходит туда поздно вечером. Однако сама возможность пересечения границы пешком осталась. По количеству пешеходов, переходящих границу, мост Дружбы, соединяющий Ивангород с Нарвой, вполне сопоставим с любым городским мостом С.-Петербурга.

Граждане России, проживающие в Ивангороде и являющиеся потомками граждан довоенной Эстонской Республики, в подавляющем большинстве имеют, кроме российских, эстонские паспорта и не нуждаются в шенгенских визах для пересечения эстонской границы. Прочие граждане России, проживающие в Ивангороде и желающие посетить Нарву, получают многолетние визы с возможностью пребывания в Эстонии 90 дней в течение каждого полугодия действия визы, чего обычно вполне достаточно. В Нарве значительная часть населения – граждане России, которые могут посещать «историческую родину» и пребывать в её пределах сколько угодно, и «неграждане» Эстонии (обладатели «серых паспортов»), имеющие право безвизового въезда в Россию. Если же российскую визу желает получить гражданин Эстонии, проживающий в Нарве, то с этой целью он может обратиться в Генеральное консульство России, расположенное в этом же городе. Столь специфическое «сочетание цветов» паспортов жителей «двуединого» города Нарва – Ивангород делает установление здесь

погранзоны по сути бессмысленным. Здесь можно вспомнить пример другого российского города, входившего в состав довоенной Эстонии и ныне расположенного почти на линии государственной границы. Это г. Печоры Псковской области, въезд в который совершенно свободен и беспрепятственен. Этот опыт вполне можно использовать и для Ивангорода.

Следует отметить, что нахождение населённых пунктов в приграничье, в том числе и прямо на линии границы (Светогорск, Ивангород) никак не способствует их процветанию. «Штамп» о благоприятности приграничного положения для развития территории явно ошибочен. Для пространственного развития приграничных территорий большее значение имеют общие тенденции социально-экономической трансформации той части страны, к которой они принадлежат, чем их расположение на границе с сопредельным государством.

В то же время следует признать, что режим пограничной зоны не препятствует этому развитию. Пограничные зоны современной России – не «закрытые» территории, какими были пограничные зоны СССР и каковыми эти зоны часто воспринимаются и сейчас. Пограничные власти располагают широкими полномочиями лишь на территориях, непосредственно примыкающих к государственной границе (на расстоянии до 5 км от линии границы, для въезда в которую требуется пропуск), для всей же остальной погранзоны предел их влияния – проверка документов на въезде в эту зону со стороны России. При этом согласно приказу ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454 «Об утверждении Правил пограничного режима» для въезда в пограничную зону за пределами пятикилометровой полосы вдоль границы требуется лишь паспорт гражданина РФ [10]. Правда, следует отметить, что у большинства граничащих с Россией стран нет ни пограничных зон, ни пограничных полос. В эстонской Нарве, например, берег пограничной реки занят прогулочной зоной и городским пляжем, доступными любому желающему. Вполне возможно, что и в России когда-нибудь будет так же.

Литература

1. Панфилова М.Р. Понятие земель приграничных территорий: правовой и исторический аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 7. С. 14 – 18.
2. Мирный договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Источник: <http://heninen.net/sopimus/1940.htm>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
3. Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией. Источник: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/nishtadt.htm>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
4. Административно- территориальное деление Ленинградской области. Справочник. Источник: http://msu.lenobl.ru/Files/file/2_-_soderzhanie.pdf. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
5. Постановление главы администрации Ленинградской области от 06.12.1993 № 135 «О пограничной зоне и пограничном режиме на территории Ленинградской области». Источник: <http://lawru.info/dok/1993/12/06/n1123138.htm>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
6. Мартынов В.Л. Сайменский канал // География. 2006. № 4. С. 5 – 8.
7. Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал (с изменениями на 20 апреля 2016 года). Источник: <http://docs.cntd.ru/document/902298924>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
8. Протокол к Договору между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал от 27 мая 2010 года.

- Источник: <http://docs.cntd.ru/document/420358840>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
9. Приказ ФСБ России от 2-го июня 2006 г. № 239 «О пределах пограничной зоны на территории Ленинградской области». Источник: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102115124&backlink=1&&nd=102108042>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).
10. Приказ ФСБ России от 7 августа 2017 г. № 454 «Об утверждении Правил пограничного режима». Источник: <http://ivo.garant.ru/#/document/71759826/paragraph/1:0>. Свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2018).

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕВРОРЕГИОНА «ДОНБАСС»: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.В. Митрофанова, Е.Г. Русскова, М.Э. Буянова

Россия, Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН;

Россия, Волгоград, ВолГУ

mitrofanova@volsu.ru, russkova.eg@yandex.ru, buyanovam@rambler.ru

Аннотация: Российско-украинское трансграничное сотрудничество имеет специфическую историю формирования и сегодня напрямую зависит от политических отношений по оси Москва – Киев, и в этом ее главное отличие от еврорегионов, входящих в ЕС. Особое место в сложившейся системе продолжает занимать созданный в 2010 г. Еврорегион «Донбасс», историческая и политическая значимость которого и сейчас крайне актуальна. Тенденции регионализма в Донбассе способствовали началу процесса интеграции с приграничными субъектами Российской Федерации, что могло получить значительные перспективы развития в рамках ЕВР «Донбасс» и в дальнейшей интеграции Украины с Таможенным и Евразийским Экономическим Союзом. В условиях политического кризиса 2014 г. на Украине регионализм перерос в сепаратизм и создание Донецкой и Луганской народных республик, что «заморозило» проект Еврорегион«Донбасс» и российско-украинские приграничные отношения как таковые.

И все же Еврорегион «Донбасс» сегодня получает новый стимул для развития. Создание республик де факто реанимировали еврорегион, а их статус повлияет на его развитие. Однако развитие российско-украинских еврорегионов возможно лишь при делегировании им новых функций и прав по ведению внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности. Сегодня для непризнанных Донецкой и Луганской народных республик продолжение проекта Еврорегион «Донбасс» является практически единственной возможностью экономической реновации. Сотрудничество в его рамках будет способствовать расширению торгово-экономических контактов с южными регионами России, улучшит ситуацию с занятостью населения и т.д. Однако остается открытым вопрос о неопределенном государственном статусе данных территорий, поскольку Россия пока открыто не признала вновь созданных республик как отдельных государственных образований, а украинское правительство не предоставляет данным территориям особый статус, что дало бы им право легально осуществлять хозяйственно-экономическую деятельность.

Abstract: Russian – Ukrainian cross-border cooperation has a specific history and today is directly dependent on political relations on the Moscow-Kiev axis, and this is its main difference from the EU Euroregions. A special place in the current system continues to occupy the Euroregion "Donbass" created in 2010, the historical and political significance of which is still extremely relevant. Trends of regionalism in Donbass contributed to the beginning of the process of integration with the border regions of the Russian Federation, which could get significant development prospects within the EUR "Donbass" and further integration of Ukraine with the Customs and Eurasian Economic Union. In the context of the political crisis in 2014 in Ukraine regionalism grew into separatism and the creation of the Donetsk and Lugansk people's republics, which "froze" the project Euroregion "Donbass" and Russian-Ukrainian cross-border relations as such.

And yet Euroregion "Donbass" today receives a new stimulus for development. The establishment of the republics de facto revived the Euroregion, and their status will affect its development. However, the development of Russian-Ukrainian Euroregions is possible only with the delegation of new functions and rights to conduct foreign economic and foreign policy. Today for the unrecognized Donetsk and Luhansk people's republics, the continuation of the Euroregion "Donbass" project is almost the only possibility of economic

renovation. Cooperation within its framework will contribute to the expansion of trade and economic contacts with the southern regions of Russia, will improve the employment situation of the population, etc. However, the question of the uncertain state status of these territories remains open, since Russia has not yet openly recognized the newly created republics as separate state entities, and the Ukrainian government does not provide these territories with a special status, which would give them the right to legally carry out economic activities.

Ключевые слова: приграничные регионы, трансграничное сотрудничество, Еврорегион «Донбасс», интеграция, инвестиционный проект, политический кризис, экономическая реновация, статус территорий
Key words: cross-border regions, cross-border cooperation, Euroregion "Donbass", integration, investment project, political crisis, economic renovation, status of territories

Сегодня все большее значение приобретает фактор «глокальности», актуализирующий роль регионов в системе наднациональных экономических отношений. Приграничные регионы приобретают целый ряд специфических особенностей, например, двойственность воздействия, ведь, кроме центра, на них более значимо влияют уклады и экономический порядок в соседних странах. В то же время, удаленность от центра неизбежно требует от приграничных регионов создания единого пространства коммуникаций.

Распространенный в последнее 10-летие формат трансграничного сотрудничества, принимающий как институционально-формальные формы взаимодействия организаций, регионов, странам, так и неформальные, для активизации, например, научной деятельности, – это еврорегионы (ЕВР). Для такого рода объединений характерно соседство приграничных регионов с трансграничным взаимодействием, локальная институциональная и трансграничная организация со «снятием» границ и универсализацией законодательства; объединение усилий для решения общих проблем, реализации разномасштабных проектов и кооперации локальных институтов. ЕВР, как правило, интегрируют территории со схожей исторической судьбой и экономическим потенциалом. Многие из них были созданы на спорных территориях, в границах некогда существовавших государств, географическом ландшафте, сформировавшихся экономических зонах [1].

Трансграничное сотрудничество, имея своей главной целью максимальное выравнивание уровня социально-экономического развития приграничных территорий, нивелирование ограничений, ингибирующих межграницное свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы, капитала, технологий, всегда играло и продолжает играть важную роль в интеграционном процессе, усиливая его инновационный характер, расширяя возможности взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, способствуя более быстрому и эффективному разрешению локальных проблем регионов (стран).

Российско-украинское трансграничное сотрудничество имеет многопериодную историю формирования и напрямую зависит от политических отношений по оси Москва – Киев. В этом ее главное отличие от ЕВР, входящих в Европейский Союз, многие из которых имеют большую независимость от центра, и являются значимыми акторами системы международных отношений в Европе [1].

К началу 2014 г. были созданы российско-украинские ЕВР «Ярославна», «Слобожанщина» и совместный с Белоруссией «Днепр». Особое место в сложившейся системе занимает ЕВР «Донбасс», историческая и политическая значимость которого в условиях политического кризиса на Украине остается крайне актуальной. Развитие российско-украинских ЕВР возможно лишь при делегировании им новых функций и прав по ведению внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности [2; 3]. Де-юре международная ассоциация «Донбасс» была создана в октябре 2010 Центральная идея создания такого ЕВР – объединить приграничные территории, такие, как

Ростовская область, входящая в состав Южного федерального округа России, и украинской Луганской области для реализации совместных проектов по ряду стратегических направлений. В 2011 г. к ЕВР «Донбасс» присоединилась и Донецкая область Украины, а в 2014 г. – российская Воронежская область.

ЕВР «Донбасс» стал членом Ассоциации европейских приграничных регионов. В числе приоритетных экономических задач создания ЕВР «Донбасс»: развитие коммуникаций, транспорта, связи, науки; разработка, внедрение, трансферт новых технологий; реализация совместных культурно-образовательных, спортивных, экологических проектов, совместных мероприятий в сфере государственной молодежной политики; объединение усилий по ликвидации опасных природно-техногенных явлений; расширению взаимовыгодных контактов между жителями приграничных территорий; инфраструктурное развитие хозяйственных комплексов приграничных регионов [2].

Этнокультурная, историческая близость населения ЕВР «Донбасс» – позитивный интегрирующий фактор для более успешного выстраивания экономического сотрудничества, поскольку главные социально-экономические проблемы, свойственные входящим в ЕВР «Донбасс» регионам, обусловлены доминированием в структуре региональных экономических комплексов предприятий тяжелой промышленности. Структура базового для всех субъектов ЕВР «Донбасс» вида деятельности – сельского хозяйства – специфична тем, что АПК приграничных территорий разветвлен и многопрофилен. У регионов есть потенциал для совместного решения такой важнейшей стратегической задачи, как обеспечение продовольственной безопасности не только на мезоуровне, но и в масштабах межгосударственного межрегионального сотрудничества. Главное преимущество для развития ЕВР «Донбасс» во многом связано именно с АПК, а именно со значительной емкостью природных ресурсов, необходимых и достаточных для производства основных видов сельскохозяйственной продукции, развития АПК, особенно перерабатывающей и пищевой отраслей.

В рамках ЕВР «Донбасс» были реализованы или начали реализацию важные проекты и инициативы. Так, в 2012 г. был запущен первый совместный инвестпроект по созданию инфраструктуры приграничных зон сервисного обслуживания на международных автомобильных пунктах пропуска Матвеев – Курган, Весело-Вознесенка и г. Новошахтинск. В 2013 г. вступил в начальную фазу реализации проект по обустройству зоны сервисного обслуживания на международном автомобильном пункте пропуска «Новоазовск». Это послужило началу решения общих экологических проблем, улучшению экологии регионов ЕВР «Донбасс» за счет привлечения к проектам так называемых «зеленых» инвестиций.

Донецкая и Луганская области начали реализацию 56 проектов по принципу «зеленых» инвестиций на сумму порядка 230 млн грн., что, согласно прогнозам, позволило бы снизить объем выбросов парниковых газов в атмосферу на 7,7 тыс. тн. Кроме того, в планах было и завершение ранее начатого проекта «Комплексная модернизация и реконструкции канала р. Северский Донец. Реконструкция насосных станций». К началу 2014 г. была сформирована необходимая основа для создания трансграничного агрокластера на базе реализации инвестпроекта «Агрогород» в Луганской области; реализации проекта «Расширение предприятия ДП «Птицефабрика Шахтерская Новая» ПАО «Мироновский хлебопродукт» (Шахтерский, Амвросиевский район), в рамках которого были построены две площадки: по выращиванию ремонтного молодняка птицы и по содержанию продуктивного стада; начата реализация проекта по созданию на территории Ростовской области в г. Азов станкостроительного кластера при инвестиционной поддержке «Группы МТЕ» и

KOVOSVIT MAS (Чехия). Потенциал и масштаб инвестиций были достаточны для строительства новых предприятий с учетом потенциала машиностроения Донецкой и Луганской областей [2].

Структурно для экономики регионов в границах ЕВР «Донбасс» было заметно сохранение специализации его субъектов, сложившейся исторически, а значительные запасы топливных и рудных полезных ископаемых в Донецкой и Луганской областях являлись важнейшим ресурсом для создания масштабного промышленного производства. В Воронежской и Ростовской областях приоритетное развитие получили сельское хозяйство и отрасли его переработки. Сложившиеся закономерности нашли свое отражение в структуре производства: Донецкая и Луганская области демонстрировали существенные объемы производства промышленной продукции, а Ростовская и Воронежская области сохраняли лидерство в производстве сельскохозяйственной продукции.

Тенденции регионализма в Донбассе способствовали началу процесса интеграции с приграничными субъектами Российской Федерации, что могло получить значительные перспективы развития в рамках ЕВР «Донбасс» и в дальнейшей интеграции Украины с Таможенным и Евразийским Экономическим Союзом. В условиях политического кризиса 2014 г. на Украине регионализм перерос в сепаратизм и создание Донецкой и Луганской народных республик, что «заморозило» проект ЕВР «Донбасс» и российско-украинские приграничные отношения как таковы. Исторические предпосылки и опыт функционирования ЕВР создают дополнительные возможности для поиска новых международно-правовых форм государствообразования, по аналогии с ЕВР «Саар – Лор – Люкс-Рейн», положительно влияющим на урегулирование немецко-французского спора по вопросу принадлежности Саарского угольного бассейна.

И все же ЕВР «Донбасс», несмотря на перманентное возобновление военных действий на территории ДНР и ЛНР, получает новый стимул для развития. Создание этих республик де факто реанимировали ЕВР, а их статус повлияет на его развитие. При признании независимости ЕВР может стать не только площадкой их легитимизации на международно-правовом поле, но и пропуском в состав ТС и ЕС, ведь, например, последний сам создавался посредством образования ЕВР как институтов размытия границ и создания единого трансграничного межстранового пространства. Важно, что заключать дополнительных договоров нет необходимости, так как и ДНР, и ЛНР объявили себя правопреемником Донецкой и Луганской областей Украины, а потому на них распространяются все договорные обязательства, включая и статус членов ЕВР. Если же предположить сохранение народных республик в составе Украины, при условии предоставления им широких прав во внешней и внутренней деятельности, что, собственно, и прописано в Минских соглашениях, то ЕВР «Донбасс» может стать гарантом этих прав [2; 3].

Понятно, что схема ЕВР «Донбасс» не вполне похожа на стандартные союзы. И сейчас остается открытым вопрос об увеличении числа входящих в него регионов. Еще в 2011 г. обсуждалась возможность его расширения до границ Донецко-Криворожской республики. Однако, по мнению ряда экспертов, выходить за пределы четырех регионов пока нет перспективы. Тем более, что на севере от ЕВР «Донбасс» существует ЕВР «Слобожанщина», а на юге так и увенчалась успехом попытка создать ЕВР «Крым – Кубань».

В то же время экспертами подчеркивается актуальность создания ЕВР между Крымом, Запорожской и Херсонской областями Украины. Его потенциал существенен: это и прямой выход на рынок ЕС, возможность создания единых кластеров производства угольной и металлургической промышленности, вагоностроения и т.д..

Еще до создания ЕВР рассматривалась концепция создания агломерации «Восточный Донбасс», интегрирующая все городские поселения, от г. Зверево в Ростовской области ЮФО России до г. Антрацита – в Луганской [4].

Сегодня для части территории ДНР и ЛНР продолжение функционирования ЕВР «Донбасс» является практически единственной возможностью экономической реновации. Сотрудничество в рамках ЕВР будет способствовать расширению торгово-экономических контактов, улучшит занятость населения и т.д. Однако понятно, что дальнейшее сотрудничество усложняется неопределенным государственным статусом данных территорий: РФ пока открыто не признала вновь созданных республик как отдельных государственных образований, а украинское правительство не предоставляет данным территориям особый статус, дающий им право легально осуществлять хозяйственно-экономическую деятельность.

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН на 2018 г., № гос. регистрации проекта АААА-А16-116012610047-9.

Литература

1. Бредихин А.В. Перспективы развития еврорегиона «Донбасс» в условиях Центр-Периферийного конфликта на Украине // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 31. С. 29–35.
2. Виголко Т.А. Развитие экономики Донбасса в рамках международного сотрудничества. Электрон. дан. URL: http://ea.donntu.org:8080/bitstream/123456789/28856/1/s6_09_vigolko.pdf, html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.04.2018).
3. Котова Л.А., Митрофанова И.В. О стратегии геополитического и геоэкономического межрегионального взаимодействия в регионе «Донбасс» // Региональная экономика. Юг России. 2015. № 2(8). С. 50–59.
4. Чуев М. Еврорегион, объединяющий Ростовскую, Воронежскую, Луганскую и Донецкую область, будет развиваться // Свободная пресса – Юг. Электрон. дан. URL: <http://yug.svpressa.ru/economy/article/98185/>, html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 23.04.2018).

ИКТ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ: АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ РЕГИОНОВ ВОСТОКА И ЗАПАДА РОССИИ

А.А. Морозов

*Россия, Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН
morozov589@gmail.com*

Аннотация: Сегодня история возникновения и развития, перспективы функционирования сетей постепенно превращаются в одно из актуальных направлений научных исследований, и вызывает интерес у представителей разных наук: от философов, социологов, экономистов, до специалистов в сфере ИКТ. Интернет представляет собой глобальное явление, но, несмотря на глобализацию, локальные интересы способствуют созданию сообществ и их сплоченности. Развитие коммуникаций на региональном уровне ведёт к развитию региона, происходит преодоление социальной эксклюзии, маргинализации и прочего. В материале проведён сравнительный анализ регионов Северо-Запада России и Дальнего Востока. Информационными источниками статьи стали материалы ФОМ, ИРИО, результаты исследований российских и зарубежных ученых и аналитиков, интернет-площадки.

Abstract: Today, the history of emergence and development, the prospects for the functioning of networks are gradually turning into one of the current areas of scientific research, and is of interest to representatives of different sciences: from philosophers, sociologists, economists, to ICT specialists. The Internet is a global phenomenon, but, despite globalization, local interests contribute to the creation of communities and their cohesion. The development of communications at the regional level leads to the development of the region, social exclusion, marginalization and other issues are being overcome. The material compares the regions of the North-West of Russia and the Far East. Information sources of the article were the materials of the FOM, IIS, the results of research by Russian and foreign scientists and analysts, and the Internet site.

Ключевые слова: ИКТ, коммуникации, сетевые сообщества, цифровая экономика, регион.

Keywords: ICT, communications, network communities, digital economy, region.

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «Исследование и разработка моделей формирования региональных социально-экономических сетевых сообществ» (17-06-00691).

Институтом Развития Информационного Общества был разработан Индекс готовности регионов к информационному обществу (далее по тексту ИГРКИО). С 2005г. публикуются результаты исследования участников данного проекта. Индекс представляет собой измеритель степени подготовленности регионов к использованию ИКТ для социально-экономического развития. Он рассчитывается на основе показателей, характеризующих факторы развития информационного общества, а также использование ИКТ в шести областях (государственное и муниципальное управление, образование, здравоохранение, бизнес, культура, домохозяйства).[2] Для расчета Индекса и его составляющих используются 77 показателей, в число которых входят основные показатели доступа и использования ИКТ, рекомендуемые международными организациями. Индекс позволяет измерить различия между субъектами РФ по интегральным показателям информационного развития.[1] Индекс дает возможность оценить текущую ситуацию, выявить наиболее проблемные зоны с точки зрения информационного неравенства регионов и определить зоны отставания и препятствия на пути развития информационного общества в субъектах РФ. В открытом доступе присутствуют данные до 2014г. Более подробно с отчётами можно ознакомиться на сайте индекса – <http://eregion.ru/polnyi-otchet>.

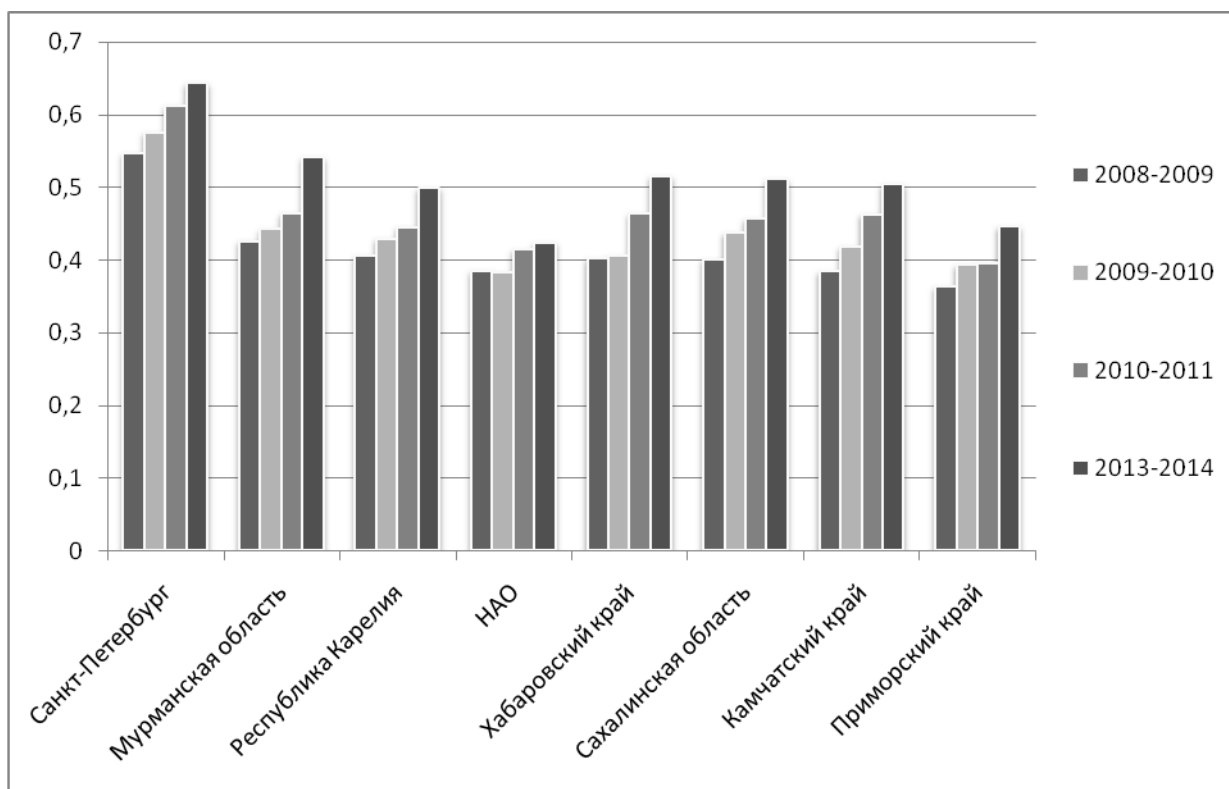
ИГРКИО разделяется на:

- Индекс-компонент факторов электронного развития (человеческий капитал, ИКТ-инфраструктура, экономическая среда);

- Индекс-компонент использования ИКТ для развития (ИКТ в бизнесе, культуре, медицине, образовании, домохозяйствах, органах гос. власти).

Для построения Индекса используется процедура нормализации. Использованная для подготовки Индекса методика нормализации аналогична процедуре, которая используется в композитном индексе развития ИКТ (ICT Development Index, IDI), разработанном Международным союзом электросвязи по решению Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам развития информационного общества. Указанная процедура основана на расчете (путем деления) отношения текущего значения показателя для субъекта РФ к «эталонному» (нормализующему) его значению — обычно максимально возможному по данному показателю (в случае долевых показателей это 100%).[3] По некоторым направлениям (в частности ИКТ-инфраструктура, Экономическая среда) подындексы рассчитывались напрямую, на основе составляющих их показателей без введения и расчета промежуточных параметров (как в случае подындекса «ИКТ в культуре» и др.).

Ниже на рисунке 1 представлена динамика индекса по некоторым северо-западным и дальневосточным регионам РФ.

[Рассчитано Морозовым А.А. на основе информации полученной из материалов индекса за разные годы Электронный регион. Официальный сайт Индекса готовности регионов к информационному обществу. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eregion.ru/polnyi-otchet> (01.02.2018).]

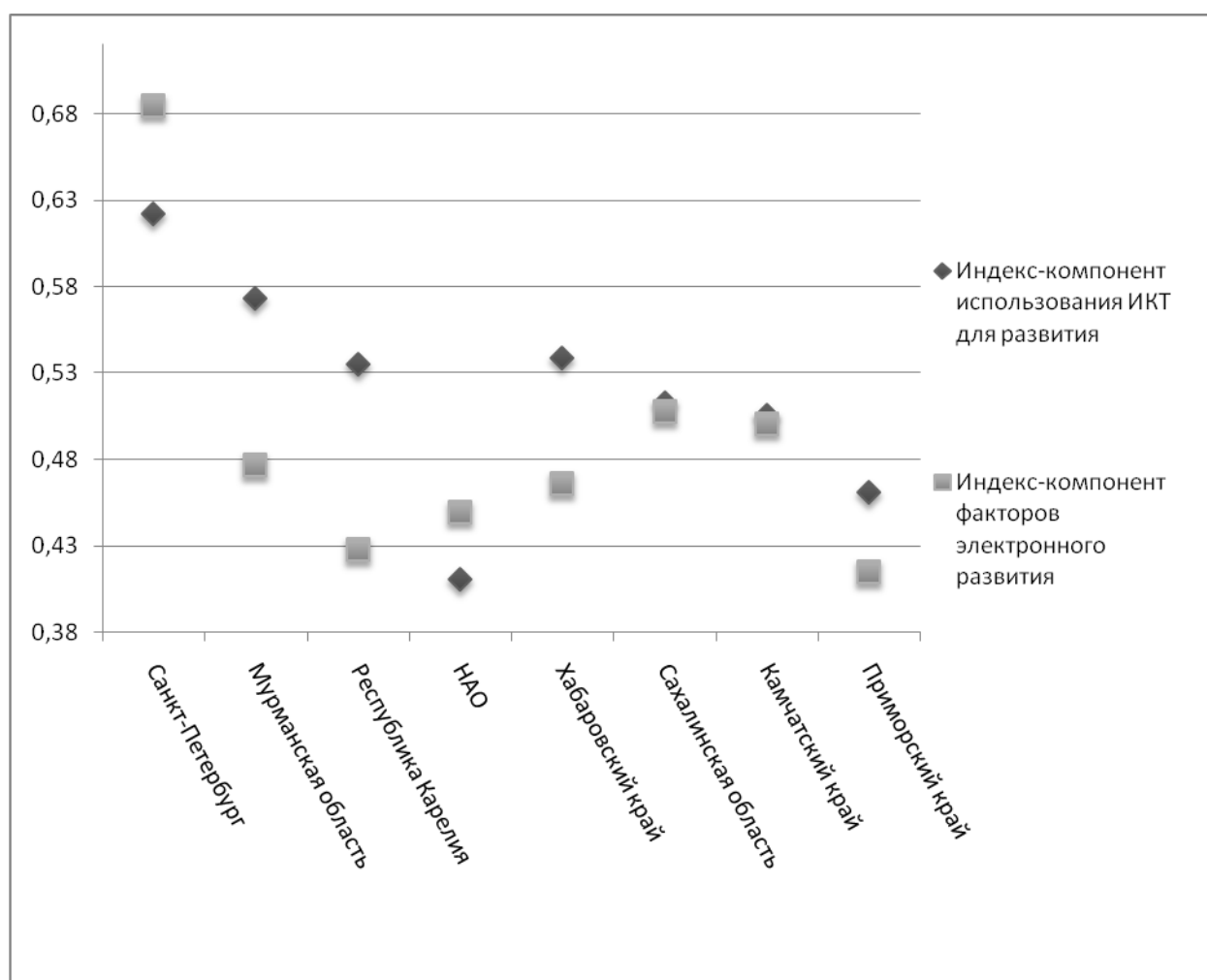
Рис. 1. Динамика индекса готовности к информационному обществу отдельных регионов РФ к информационному обществу 2008–2014гг.

Интересно то, что темпы роста индекса в Ненецком автономном округе (далее НАО) самые низкие относительно других регионов. Данный регион входил в топ-20 регионов РФ по показателям индекса в 2008г., а уже к 2013-2014г. перешел на 56 место [3] за счет снижения темпов роста индекса. На фоне малонаселённости и его удалённости от крупных центров, сопровождающихся оттоком человеческого капитала

из региона, существует проблема слабой развитости ИКТ-инфраструктуры. Динамика роста интегрального индекса Мурманской области и Республики Карелия характеризуется более высокими темпами по сравнению с Санкт-Петербургом (далее СПб). Высокому росту показателя в дотационном ресурсообремененном регионе Карелия способствует такие внешние факторы, как близость к зарубежным странам в связи с приграничным положением, а так же к крупному мегаполису – Санкт-Петербургу, что способствует диффузии инноваций, оказывая позитивное влияние на развитие и использование ИКТ в регионе.

Ситуация в регионах Дальневосточного ФО (далее ДФО) сложилась так, что среди рассматриваемых регионов самым отстающим является Приморский край. На 2009-2011 гг. не было никакого развития в данной области. Хабаровский край схож с Республикой Карелия в данной области. Развитие с 2008г. в регионах ДФО идёт более активно, чем в регионах СЗФО.

Внутренние региональные различия рассматриваемых субъектов раскрываются на основе соотношения двух индекс-компонентов, включающих факторы использования ИКТ для развития и факторов электронного развития (Рисунок 2).

[Рассчитано Морозовым А.А. Источник: Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В.Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2015. (03.10.2017)]

Рис. 2. Соотношение индекс-компонентов по регионам СЗФО и ВФО РФ, 2013-2014.

Обращает на себя внимание тот факт, что в регионах Санкт-Петербург и НАО значение индекс-компонента электронного развития (*человеческий капитал, ИКТ-инфраструктура, экономическая среда*) выше, чем значение индекс-компонента использования ИКТ для развития (*в бизнесе, культуре, медицине, образовании и т.д.*). Обратные соотношения индексов наблюдаются в Мурманской области и Карелии. При этом самые высокие значения обеих индексов у Санкт-Петербурга. В Республике Карелия на фоне самого большого разрыва между значениями двух рассматриваемых индекс-компонентов зафиксировано самое низкое среди четырех регионов значение индекс-компонента электронного развития, в том числе ниже, чем у НАО. Поэлементное сравнение индекса-компонента факторов электронного развития РК и НАО показывает, что его низкое значения в РК обусловлено низким значением показателя «экономическая среда». [4]

В регионах ДФО представляет интерес два региона – Сахалинская область и Камчатский край. Оба показателя индексов в данных регионах находятся примерно на одном уровне, что доказывает статичное развитие данных областей обоих компонентов индекса, а следовательно и в общем готовности к информационному обществу. Так же интересно то, что ни в одном из рассматриваемых регионов Индекс-компонент факторов электронного развития не превышает Индекс-компонент использования ИКТ для развития. В показателях по Хабаровскому краю отмечен большой разброс между индексами.

В заключении отметим, что в целом регионы СЗФО более подготовлены к развитию информационного общества. Сказывается и густонаселённость европейской части РФ, и приближенность к более развитым странам. Как показал анализ, динамика индексов 2008г. в регионах ДФО идёт более активно, чем в регионах СЗФО (включая Санкт-Петербург). Требуется более тщательное исследование уже по более современным данным, что бы точно определить темпы роста готовности информационного общества северо-запада и востока России и дать экспертные рекомендации для дальнейшего развития этой области.

Наблюдаемое в настоящее время информационное или цифровое неравенство российских регионов может как усиливать сложившуюся региональную дифференциацию, так и нивелировать ее существующие деструктивные проявления на основе инновационной переориентации с ресурсоемких на информационные стратегии социально-экономического развития регионов.

Литература

1. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2009-2010. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2011. 360 с.
2. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2012. 462 с.
3. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В.Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2015. С. 534.
4. *Морозов А.А., Белая Р.В., Морозова Т.В.* Региональные особенности развития сетевых сообществ в России: пример Республики Карелия // Креативная экономика. – 2017. – Том 11. – № 10. – С. 1077-1092. – doi: 10.18334/ce.11.10.38413

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

М.В. Морошкина

*Россия, Петрозаводск, Институт экономики ФИЦ КарНЦ
maribel74@mail.ru*

Аннотация: В исследовании анализируются приграничные территории России и Финляндии. Исследования основных социально-экономических показателей приграничных регионов поможет определить и прогнозировать возможные направления социально-экономической политики, проводимой государством.

Abstract: The study analyzes the border areas of Russia and Finland. Studies of the main socio-economic indicators of the border regions will help to identify and forecast possible directions of socio-economic policy pursued by the state.

Ключевые слова: дифференциация регионов, валовой региональный продукт, доходы населения, приграничные регионы.

Key words: differentiation of regions, gross regional product, incomes of the population, frontier regions.

Введение. В настоящее время система международных экономических отношений претерпевает существенные изменения, что обусловлено трансформацией экономических процессов мировой экономики, изменениями на мировой арене, введением экономических санкций против Российской Федерации и рядом других процессов.

В стратегических документах развитию регионов России и интеграции территорий в мировое сообщество отводится важная роль. Особое место в процессе интеграции занимают территории, имеющие выгодное географическое положение. К регионам с выгодным географическим положением относятся регионы с выходом к морским границам, приграничные, а также территории, обладающие высокой доступностью регионального рынка [1].

Заметную роль в международных отношениях играет сотрудничество в сопредельных, приграничных регионах. Развитие экономических отношений, трансграничных связей с территориями других государств определяет уровень внешнеэкономического сотрудничества, кооперации и международной экономической интеграции. В этом отношении репрезентативным для анализа является экономика Финляндия и ее приграничные территории. Россия поддерживает дружественные отношения с Финляндией, а между приграничными регионами установилась тесные экономические отношения. Правовая основа сотрудничества двух государств это заключенное в 1992 году межправительственное Соглашение о сотрудничестве. С российской стороны приграничными являются Мурманская область, Республика Карелия, Санкт-Петербург и Ленинградская область с финской стороны – провинция Лапландия (Lappi – Lappland – Lapland), - провинции: Похьойс-Похьянмаа (Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten –North Ostrobothnia), Кайнуу (Kainuu – Kajanaland), Похьойс-Карьяла (Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia), Этеля Карьяла (Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia), провинции : Итя-Уусимаа (Uusimaa – Nyland) , Кюменлааксо (Kymenlaakso – Kymmenedalen). Российско-финская граница – одна из наиболее активно действующих зон внешнеэкономического взаимодействия [2].

Уровень развития исследуемых государств отличается по различным направлениям. С одной стороны, Финляндия является экономически развитым государством, которое в большинстве рейтингов, анализирующих показатели развития

стран мирового сообщества, имеет лидирующие позиции. С другой стороны, Российская Федерация – государство, обладающее большим потенциалом для экономического развития: человеческий капитал, природные ресурсы, производственные мощности. Анализ приграничных регионов, находящихся в тесном сотрудничестве, позволит определить основные механизмы регионального развития и выявить приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества.

Процессы глобализации и интеграции накладывают свой отпечаток на уровень развития национальной экономики. Трансграничное взаимодействие стран показывает, экономика государства интегрирована в мировые процессы. В мировой экономике существует несколько видов классификаций стран мирового сообщества, которые основываются на расчете и анализе отдельного экономического процесса. Индекс, который определяет степень вовлеченности национальной экономики в мировые процессы. Индекс глобализации (KOF Index of Globalization), который рассчитывается швейцарским институтом позволяет классифицировать страны мирового сообщества по уровню глобализации. Значение индекса, может изменяться от 0 до 100 баллов и формируется на основе расчета 24 показателей, объединенных по нескольким направлениям: глобализация в экономической сфере, глобализационные процессы в социальной и политической сферах. Чем выше значение индекса государства, тем большую вовлеченность имеет национальная экономика в мировые экономические процессы.

Таблица 1.

Изменение индекса глобализации 1990-2017 гг. – Финляндия, Россия

	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Финляндия	64,59	71,02	74,74	82,18	85,17	87,20	86,55	87,96	86,26	86,16	85,75	86,32	86,30	85,47	86,3
Россия	41,73	46,27	51,50	54,74	58,20	64,49	68,60	69,16	69,43	67,50	68,58	68,14	68,25	69,40	68,25

*Источник: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

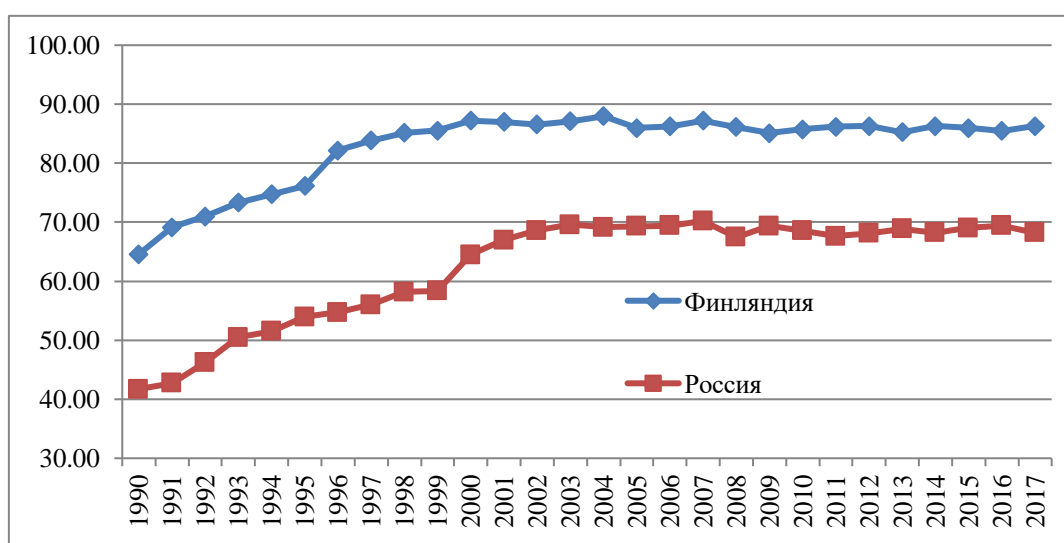

Рис.1. Изменение индекса глобализации 1990-2017 гг. – Финляндия, Россия

В рейтинге мирового сообщества рассматриваются 193 страны. В 2017 году Российская Федерация находилась на 48 позиции – значение индекса 68,25. Финляндия находится занимает в рейтинге 12 позицию с индексом 86,3. Лидером по уровню глобализации в 2017 г. являются Нидерланды, значение ее индекса составляет 92,84 балла. Разрыв между Россией и Финляндия составляет около 20 позиций показатель Финляндия оказывается выше порядка 20-30 единиц, чем Россия. Если рассматривать динамику тренда можно сказать исследуемые государства имеют достаточно схожие тренды, изменение которых зависит от общемировых тенденций.

Сравнительный анализ экономических показателей по различным территориям позволяет определить уровень производственной деятельности, динамику экономического развития. Одним из обобщенных показателей территориального развития является показатель ВРП. Статистические данные Финляндии и России представлены в различных денежных единицах Финляндия - в евро, Россия - рубль, поэтому необходимо сопоставление данных для проведения сравнительного исследования. На основании данных «Статистический ежегодник Россия в цифрах» [3,4] данные были сопоставлены на основании следующего курса евро (таблица 2).

Таблица 2

Средний курс евро к рублю

год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1€ =	29,6	34,8	35,8	35,3	34,1	35,0	36,4	44,1	40,3	40,9	39,9	42,3	51,0	68,0	73,9	66,0

*Источник: <https://ratestats.com/euro/2013/#nav-chart>

На основании (таблица 2) был сопоставлен показатель, который определяет экономическое развитие отдельных территорий. Динамика изменения показателя ВРП на душу населения финских приграничных территорий в статистических сборниках представлена в евро, а российских в рублях, поэтому для проведения сравнительного анализа необходимо сопоставление данных на основании полученного по формуле (1) среднего курса евро к рублю по следующей формуле:

$$ВРП\_душа_{евро} = \frac{ВРП\_душа_{руб/год}}{r_{год}} \quad (1)$$

Результаты расчетов по формуле (1) представлены на графике (рис. 2).

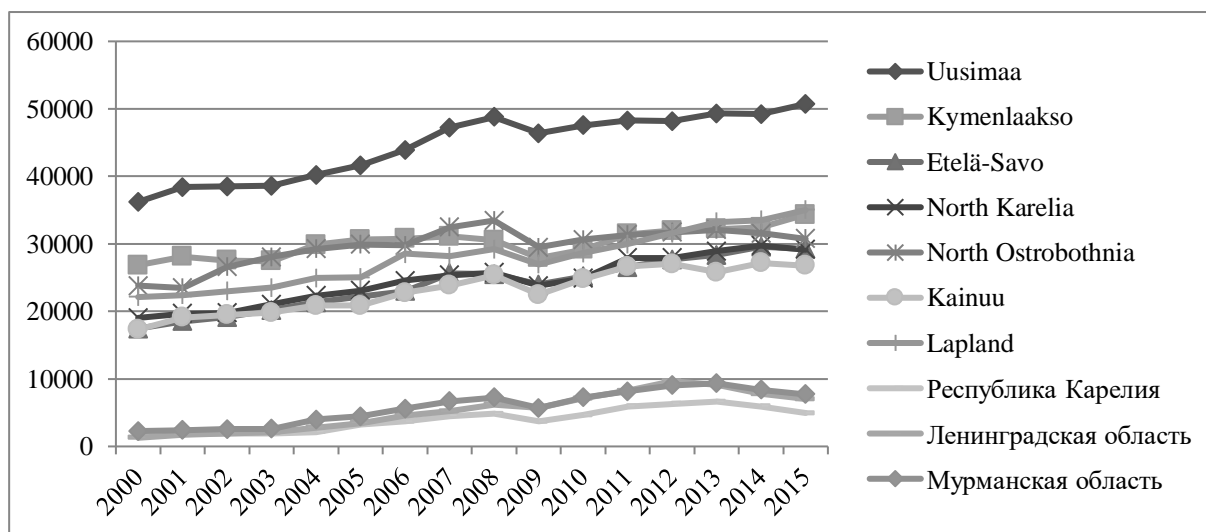

Рис. 2. ВРП приграничных регионов в евро (Регионы .. 2016, Statistical ...2016)

Рассмотрение показателя ВРП на душу населения по отдельно финским и отдельно российским приграничным регионам выявило неоднозначную тенденцию. В целом российские приграничные регионы характеризуются более низким показателем ВРП на душу населения, чем финские приграничные регионы, что позволяет говорить о более высоком уровне развития экономики Финляндии.

Динамика показателя ВРП на душу населения в рамках данных регионов неодинакова, в силу того, что исследуемые регионы в данной группе существенным образом отличаются по социально-экономическому уровню развития (рисунок 1). С одной стороны это крупный региональный центр в Uusimaa, и соответственно динамика показателя ВРП существенно выше и уровень роста данного показателя - 30%. Со стороны приграничных регионов РФ – Ленинградская область и динамика роста данного показателя также является значительной.

Приграничные регионы России и Финляндии отличаются по ряду экономических показателей, одним из которых является динамика изменения ВРП на душу населения. Российские приграничные регионы показывают рост данного показателя до кризиса 2008 г., затем незначительный рост, который заканчивается кризисом 2014 г. Поведение показателя ВРП на душу населения в приграничных регионах России показало, что его поведение связано с общероссийскими процессами, происходящими в экономике [5]. Показатель ВРП на душу населения финских приграничных регионов показывает более стабильную динамику, без резких колебаний, что определяется устойчивым развитием экономики в целом.

В результате исследование основных социально-экономических показателей развития приграничных позволит составить общую картину социально-экономического развития трансграничных регионов в динамике, что в дальнейшем поможет выявлять и прогнозировать возможные направления для социально-экономической политики, проводимой государством.

Литература

1. Морошкина М. В. Формирование региональных кластеров как инновационный фактор развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 34. С. 30-37.
2. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное сотрудничество: оценка и перспективы развития Проблемы прогнозирования №5 . 2014. С.12-21.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году: Стат.сб./Росстат. М., 2013. 150 с.
4. Statistical Yearbook of Finland 2013. Painopaikka Tryckeri .Printed by: Edita Prima Oy, Helsinki 2013 . 400 p.
5. Внешнеэкономическая деятельность регионов России: учебное пособие / Л.Б. Вардомский, Е.Е. Скатерщикова.. М.: КНОРУС, 2010. 448 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А. Мяки, М.В. Морошкина

Россия, г. Петрозаводск, РАНХиГС, ИЭ КарНЦ РАН

Активная инвестиционная деятельность в регионах является важнейшим фактором социально-экономического развития территории.

Из 85 субъектов Российской Федерации 46 являются приграничными, в которых одна из границ является межгосударственной.

В качестве территорий с особым режимом предпринимательской деятельности рассмотрены особые экономические зоны (далее – ОЭЗ), создаваемые в субъектах Российской Федерации - с принятия федерального закона от 22.07.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

В настоящее время активно создаются территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), также предусматривающие введение нового режима предпринимательской деятельности, но в связи с тем, что первая ТОСЭР «Комсомольск» в Хабаровском крае была создана только в июле 2015 года, авторы считают, что по итогам полутора лет, рано говорить о сложившемся тренде экономического роста.

В настоящее время на территории России действует 25 особых экономических зон 4 из которых специализируются на развитии промышленного производства, 4 – на технологических инновациях, 14 – на развитии туристско-рекреационного бизнеса, 3 на развитии портово-логистических и транспортных узлов.

Первыми появились промышленные зоны в Липецке (Липецкая область) и Алабуге (Республика Татарстан), которые, по мнению экспертов, функционируют достаточно успешно. Динамика инвестиционного роста Республики Татарстан и Липецкой области представлена в таблице 1.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), миллионов рублей; 1990 г. - млрд. руб

Субъекты РФ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Татарстан	139 361	160 606	214 558	273 098	277 573	328 944	393 569	470 751	525 730	542 781	617 180
Липецкая область	30 312	44 565	64 707	88 089	84 317	101 600	117 790	92 002	101 050	105 588	116 576

В исследовании использовались следующие методы: системно-аналитический (обобщение, сопоставление, систематизация, аналогия и др.), экономический анализ, сравнительный анализ.

В разрезе приграничных регионов проведен анализ темпов роста объема инвестиций на душу населения за 2011 -2015 гг.

В зависимости от темпорики инвестиционных вложений за 5-летний период приграничные регионы можно сгруппировать в 3 группы.

Первая – «лидирующие регионы», у которых коэффициент прироста по исследуемому показателю достаточно высокий - в рамках рассматриваемой совокупности регионов от 1,5 до 2 %, к ним относятся: Республика Ингушетия,

Республика Дагестан, Мурманская область, Самарская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ростовская область, Республика Тыва.

Вторая - регионы, у которых темпы роста объема инвестиций на душу населения имеют средние значения - в диапазоне от 1 до 1,5 %, это: Республика Карелия, Псковская область, Тюменская область, Омская область, Новосибирская область, Челябинская область, Оренбургская область, Саратовская область, Астраханская область, Алтайский край, Забайкальский край, Белгородская область, Курская область, Смоленская область, Псковская область, Брянская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская Республика.

Третья группа – «отстающие» регионы, а которых темпы роста объема инвестиций на душу населения за 5 лет менее 1%, это: Ленинградская область, Калининградская область, Курганская область, Республика Алтай, Амурская область, Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Краснодарский край.

Следует отметить, что самой многочисленной является третья группа приграничных регионов, она включает 19 субъектов Российской Федерации.

Оценка влияния новых режимов предпринимательской деятельности на результаты инвестиционного развития приграничных регионов показала – только в 2-х из 6-и лидеров инвестиционного развития были созданы особые экономические зоны, в хронологии, представленной в таблице 2.

Во второй и третьей группах приграничных регионов со средней и низкой темпорикой инвестиционных вложений отмечается наличие 6 особых экономических зон функционирующих до настоящего времени.

Вместе с тем, территории, которые имеют налоговые преференции, должны быть более привлекательными для инвесторов, что должно существенно увеличивать приток инвестиции.

В региональном разрезе территории ОЭЗ действительно занимают лидирующее положение среди российских регионов, однако нужно понимать, что территория, имеющая налоговые преференции это не весь регион, а лишь его отдельная его часть.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРИГРАНИЧНЫМИ РЕГИОНАМИ. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПРИГРАНИЧЬЕ

К.В. Павлов

*Россия, Ижевск, Ижевский филиал Российского университета кооперации
kvp_ruk@mail.ru*

Аннотация: среди наименее изученных проблем регионалистики как в теоретическом, так и в практическом аспектах являются проблемы анализа межрегиональных социально-экономических и экологических взаимодействий и взаимосвязей между приграничными регионами различных государств. Учитывая актуальность создания условий для оптимального взаимодействия между приграничными регионами разных стран, в статье рассматриваются разнообразные вопросы эффективного развития приграничных регионов.

Abstract: among the least studied problems of a regionalistika both in theoretical, and in practical aspects problems of the analysis of interregional social and economic and ecological interactions and interrelations between border areas of various states are. Considering relevance of creation of conditions for optimum interaction between border areas of the different countries, in article various questions of effective development of border areas are considered.

Ключевые слова: приграничные регионы, система показателей, межрегиональное взаимодействие, приграничная экономика.

Key words: border regions, system of indicators, interregional interaction, border economy.

Экономическая система приграничных регионов является важной составной частью экономики Российской Федерации, также как и экономики ряда других государств на постсоветском пространстве (например, Харьковская, Сумская, Луганская и некоторые другие области Украины). Происхождение и генезис хозяйственной системы в различных приграничных регионах, как правило, существенно отличаются друг от друга, что в значительной мере объясняется особенностями природно-климатических условий развития территориальной экономики, спецификой ресурсного потенциала каждого региона, его географическим расположением и рядом других факторов [1].

Создание условий для оптимального взаимодействия между различными приграничными территориальными образованиями требует системного подхода и полного учета многообразия направлений и форм межрегиональных хозяйственных связей. В частности, крайне важно рассмотреть вопрос о разработке комплекса статистических показателей, на основе которых можно проанализировать динамику изменений в системе межтерриториальных взаимодействий, а также изучить проблему повышения эффективности между приграничными хозяйственными комплексами при переходе к рыночным отношениям и в процессе их развития. Эти и подобные вопросы исследуются в специальных разделах регионалистики, названных нами приграничной экономикой и приграничной экологией. Автор предлагает также сконцентрировать внимание на важных и в то же время малоизученных научных направлениях, таких, как приграничная социология и приграничная статистика. Таким образом, в данной статье рассматривается широкий спектр актуальных проблем функционирования и развития территориальных приграничных социально-экономических и экологических систем в условиях формирования развитых рыночных отношений.

Среди наименее изученных проблем теории региональной, в том числе межрегиональной экономики, как в теоретическом, так и в практическом аспекте являются проблемы анализа межрегиональных социально-экономических и

экологических взаимодействий и взаимосвязей между приграничными регионами различных государств [2]. Учитывая актуальность создания условий для оптимального взаимодействия между приграничными территориальными образованиями разных стран, в статье рассматриваются разнообразные вопросы развития приграничной экономики, т.е., иначе говоря, вопросы эффективного развития приграничных регионов.

Россия как крупнейшая по занимаемой площади страна мира имеет также и очень протяженную границу. Наша страна граничит с большим числом государств, как дружественных в настоящее время с РФ (Беларусь, Казахстан, Китай), так и с государствами, у которых с Россией серьезные проблемы и разногласия как политического, так и экономического характера (Украина, Прибалтийские государства).

Все это определяет актуальность и значение исследования воспроизводственной системы в приграничных регионах. Учитывая значительное количество находящихся на территории РФ регионов, имеющих приграничный статус, а также разнообразие политических, экологических, социальных и экономических условий и факторов развития приграничных территорий целесообразно интенсифицировать процесс изучения особенностей функционирования экономики приграничных регионов и выявления общих тенденций и закономерностей их развития.

В статье обосновывается необходимость выделения приграничной экономики (т.е. экономики приграничных регионов) как важного и перспективного направления регионалистики. Актуальность и необходимость интенсивного развития приграничной экономики определяется также и тем обстоятельством, что во многих других странах также имеется достаточно много приграничных территорий – например, в Китае, Украине и многих других государствах (особенно у крупных по занимаемой площади государств - как правило, действует следующая закономерность: чем крупнее по размерам занимаемой территории страна, тем больше у нее число приграничных регионов, хотя это, конечно же, не единственный фактор, определяющий эту величину). Достаточно напомнить, что только Белгородская область России граничит сразу с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской и Луганской. В статье обосновывается необходимость выделения также и других научных направлений регионалистики, таких, как приграничная экология, приграничная статистика и приграничная социология.

Таким образом, межрегиональные приграничные социально-экономические (в том числе и эколого-экономические) отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики. В частности, в настоящее время не приходится говорить о существовании достаточно полной системы показателей, на основе которой можно получить всестороннюю комплексную информацию о состоянии и динамике межрегиональных приграничных хозяйственных взаимодействий и связей. Во многом именно с этим обстоятельством связано отсутствие полной и достаточно достоверной статистической информации об эколого-экономических отношениях между разными приграничными регионами. В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных приграничных хозяйственных взаимосвязей.

Однако необходимо добавить следующее. При изучении проблемы экономических взаимоотношений между приграничными районами, регионами имеет смысл, на наш взгляд, выделить два аспекта – внутренний и внешний. Второй аспект – традиционный, когда рассматриваются два приграничных региона из разных стран, а первый аспект – это когда взаимодействуют в сфере экономики соседние регионы

одного государства. Предложенная нами система показателей применима не только во втором, но с некоторыми допущениями и в первом случае.

В начальном разделе системы показателей о приграничном экономическом сотрудничестве соседних государств необходимо сначала указать общее число приграничных регионов в данной стране, определить их удельный вес в общем числе регионов в стране, указать общее число соседних, граничащих со страной государств, количество приграничных регионов с каждой из соседних стран, а также среднее число приграничных регионов на одно соседнее государство и в среднем на 1000 км границы анализируемой страны. Важно также определить количество внешних приграничных регионов окружающих стран.

Кроме этого, следует отметить общую площадь, занимаемую приграничными регионами в целом, а также ее удельный вес в общей площади, занимаемой анализируемым государством. Важно также оценить суммарный ВРП приграничных регионов и его долю в ВВП страны, а также удельный вес этой группы регионов в экспорте и импорте страны. Следует учесть также эмиграцию и иммиграцию населения (в том числе, в трудоспособном возрасте) из приграничных регионов и их долю в общем числе эмигрантов и иммигрантов. По аналогии следует отследить, на наш взгляд, экспорт и импорт капитала из приграничных регионов исследуемого государства, а также определить их долю в общем экспорте и импорте капитала этого государства.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю между приграничными территориями. Целесообразно использовать показатели экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме между приграничными территориями двух сопредельных государств, а также показатели удельных весов, долей объемов их экспорта и импорта из одного приграничного региона в другой в общем суммарном объеме экспорта и импорта каждого из анализируемых приграничных регионов.

Правда, в этой связи может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами и поэтому в этих случаях более правильным было бы, если под региональным импортом и экспортом понимать соответственно ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели межрегионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволит осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (т.е. вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйствования осуществляются торговые операции - со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (т.е. иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с нашим подходом применительно к конкретному региону под региональным экспортом понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под региональным импортом понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под межрегиональным вывозом понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под

межрегиональным ввозом понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под совокупным вывозом из региона понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме между региональным экспортом и межрегиональным вывозом. Под совокупным ввозом в регион понимаются приобретенные как в других регионах страны, так и в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме между региональным импортом и межрегиональным ввозом. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (т.е. в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции, показатели объемов экологически грязных ингредиентов, движущихся из одного региона в другой, в том числе и объемы выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду и т.д. – этими вопросами должна заниматься межрегиональная экология, в том числе приграничная экология).

Учитывая все вышесказанное, для каждого приграничного региона обоих соседних государств важно также определить удельный вес (в процентах) объемов его экспорта и импорта в приграничный регион другой страны в общих показателях не только его суммарного регионального экспорта и импорта соответственно, но и удельный вес, долю в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и в совокупном ввозе соответственно. Это расширение используемых показателей позволит получить более полную и точную картину хозяйственных взаимодействий между двумя приграничными регионами различных государств. В том же случае, если какой-то приграничный регион одной страны граничит сразу с несколькими регионами другого государства (как, например, Белгородская область России граничит сразу с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской и Луганской), то тогда кроме всей вышеперечисленной группы показателей целесообразно использовать также еще и суммарный показатель экспорта и импорта из приграничного региона во все эти несколько приграничных территорий другой страны, с которыми он граничит (например, показатель суммарного экспорта из Белгородской области РФ во все три вышеперечисленные области Украины, а также суммарный объем импорта из этих приграничных областей соответственно в Белгородскую область РФ). Целесообразно также, на наш взгляд, определить удельный вес суммарных показателей объемов экспорта и импорта из приграничного региона одной страны во все эти несколько приграничных регионов другого государства в общих объемах не только его суммарного регионального экспорта и импорта соответственно, но и удельный вес в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и совокупном ввозе соответственно. Понимать это нужно следующим образом. Целесообразно, на наш взгляд, определять, каков объем экспорта, например, из Белгородской области РФ в Харьковскую область Украины, а также долю этого показателя в суммарном объеме экспорта товаров и услуг из Белгородской области на Украину в целом. Следует также определять суммарный объем импорта товаров и услуг, осуществляемого в Белгородскую область РФ из Харьковской области, а также удельный вес этого показателя в суммарном импорте товаров и услуг в Россию из регионов Украины.

Кроме этого, нужно также определить суммарный объем экспорта из Белгородской области в граничащие с ней Харьковскую, Луганскую и Сумскую области Украины, а также удельный вес этого показателя в суммарном объеме экспорта

товаров и услуг из Белгородской области на Украину в целом. Целесообразно также определить суммарный объем импорта товаров и услуг, осуществляемого в Белгородскую область из граничащих с ней вышеуказанных трех украинских областей, а также долю этого показателя в суммарном импорте товаров и услуг в Россию из Украины в целом. Следует также определять удельные веса объемов экспорта товаров и услуг из Белгородской области в одну из приграничных областей Украины или во все три вышеперечисленные украинские области по отношению к показателю межрегионального вывоза из Белгородской области (т.е. к сумме объемов вывоза товаров и услуг во все другие регионы России) и по отношению к показателю совокупного вывоза (т.е. к сумме показателя межрегионального вывоза и экспорта из этого российского региона на территорию Украины в целом). По аналогии можно определить удельные веса импорта в Белгородскую область РФ из одной приграничной области Украины или из всех трех украинских приграничных областей по отношению к межрегиональному ввозу в Белгородскую область (т.е. к сумме объемов ввоза в этот регион товаров и услуг из всех остальных регионов России) и по отношению к совокупному ввозу (т.е. к сумме показателя межрегионального ввоза и импорта в Белгородскую область РФ из Украины в целом).

Как известно, в статистике международной торговли выделяют также показатели экспортной квоты и импортной квоты, под которыми понимаются установленные государственными организациями соответственно ограничения объемов экспорта и импорта конкретных товаров. В определенном смысле эти понятия могут использоваться и на региональном уровне, ибо устанавливаемые в целом по стране количественные ограничения на экспорт и импорт определенных товаров далее распределяются по конкретным регионам, в том числе и приграничным. По аналогии, могут использоваться показатели квоты межрегионального ввоза или вывоза, а также квоты совокупного ввоза в приграничный регион или совокупного вывоза из региона (в том числе и экологически чистой продукции), причем такого рода квоты могут в принципе устанавливаться как на государственном уровне, так и самими региональными властными структурами. Последняя ситуация особенно часто встречается в условиях кризиса недопроизводства.

В статистике международной торговли выделяют также такой показатель, как чистый экспорт товаров и услуг, под которым понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом страны за год. Очевидно, что понятие чистого экспорта товаров и услуг может использоваться не только на национальном, но и на региональном уровне - в этом случае под чистым экспортом региона понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом региона за год. Для приграничных регионов целесообразно также определять показатель разницы экспорта товаров и услуг приграничного региона одной страны в приграничный регион другого государства и импорта в первый приграничный регион из последнего, а также находить показатель отношения этой разницы к величине чистого экспорта региона.

Литература

1. Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. 504 с.
2. Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ / Серия: Экономическое славяноведение. Ижевск: Книгоград, 2011. 348 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ)

Я.В. Парусимова
Россия, Оренбург, ОГУ
yanaparusimova@mail.ru

Аннотация: В статье поднимается проблема влияния массовых миграционных процессов на развитие приграничных регионов России. На примере Оренбургского края рассматриваются антропологические и социальные аспекты градостроительной, миграционной, демографической и других сфер социально-экономического развития регионов, как основы для формирования жизненной среды человека.

Abstract: The article raises the problem of the influence of mass migration processes on the development of border regions of Russia. On the example of Orenburg region anthropological and social aspects of urban planning, migration, demographic and other spheres of socio-economic development of regions are considered as the basis for the formation of the human environment.

Ключевые слова: миграция, приграничный регион, среда существования, антропологический подход
Key words: migration, border region, environment, anthropological approach

Изучение процессов миграции – это междисциплинарная задача, но каждая наука поднимает свой собственный круг вопросов по данной теме. Так, антропологический подход предполагает рассмотрение процессов культурной самоидентификации и культурных различий, постижение смысла самой миграции, изучение изменения гендерных, социальных и культурных отношений в условиях миграции. Социологический подход акцентирует внимание на причинах миграции, рассматривая в основном вынужденную и трудовую миграцию, на результатах аккультурации и формах адаптации, на институциональных основах миграции. [1, с. 36 - 37].

Следует отметить, что активность миграционных процессов на той или иной территории напрямую связана с её геополитическим, природно-ресурсным и экономическим положением. В свою очередь массовая миграция меняет этнографический, демографический, культурный и социально-экономический облик региона, приводя, в конечном счете, в антропологическом и социальном аспекте к изменению человеческой среды существования.

Оренбуржье является приграничным регионом России. Из восьмидесяти пяти субъектов РФ приграничными являются пятьдесят два. Среди особенностей Оренбургского региона следует отметить следующие. Большая площадь. Оренбургская область занимает территорию 124 тыс. км². Большая протяженность границ. Из 3700 км суммарной протяженности границы 1876 км – это граница с Казахстаном. Из 35 административно-территориальных единиц области 14 граничат с Казахстаном. Главная река области – Урал - является условной границей между Европой и Азией. Численность населения Оренбургской области около 2 млн. чел., что составляет 1,5 % от населения России. Четверть жителей - почти 580 тыс. человек - проживает в областном центре – г. Оренбурге. Низкая плотность населения на периферии области и высокая в центре: в среднем по области – 16 чел./ км²; в г. Оренбурге - 2179 чел./км². Многонациональный этнический состав. На территории области проживает свыше 100 национальностей, русские составляют более 75%. Основой экономического развития является аграрный и сырьевой сектор. В данный момент наблюдается спад производства.

Специфическая черта Оренбуржья как приграничного региона — сравнительно высокая доля мигрантов из стран Центральноазиатского региона. В остальном для региона характерны типичные миграционные процессы.

В Оренбуржье прослеживаются все виды миграции: внутрирегиональная, межрегиональная, и внешняя. Около 50% всех миграционных перемещений внутриобластные. Ещё более 30% межрегиональные. На приток иностранных мигрантов приходится 20 %.

Миграция в сравнении с другими регионами России только в самом начале 1990-х складывалась в пользу Оренбуржья. Когда наблюдалась вынужденная массовое переселение русскоязычного населения из государств центральной Азии. Всего за этот период времени в Оренбургскую область прибыло около 200 тыс. человек. На этом этапе миграция способствовала росту численности населения области, в значительной мере компенсируя потери от естественной убыли населения.

Однако уже с середины 1990-х Оренбургская область становится типичным регионом оттока населения прежде всего в соседние области ПФО и в Центральный округ. Этот этап характеризуется стремительным ростом этнической, в первую очередь трудовой миграции, опять же из государств Центрально-Азиатского региона (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения).

В Оренбургскую область ежегодно въезжают более 100 тысяч иностранцев, что превращает его в своеобразный «фильтр» миграционного потока. В самом регионе число иностранных граждан колеблется от 15 до 30 тысяч человек, в зависимости от времени года. Трудовая миграция носит сезонный характер и связана с работой в сельском хозяйстве, строительстве и торговле.

Лишь малая часть трудовых мигрантов – приглашенные предприятиями высококвалифицированные специалисты. Большая часть (90%) стихийно приезжающие в Россию нелегальные мигранты. Это в основном низкоквалифицированные работники.

Что касается внутренней миграции, то Оренбуржье является "лидером" среди регионов Приволжского федерального округа по миграционной убыли населения. Область покидает в основном самая мобильная и трудоспособная часть населения. В связи с чем, озабоченность вызывают проблемы оттока населения и нехватка кадров при высоком уровне безработицы. Наблюдается дефицит квалифицированных специалистов и соответствующих профессионально-образовательных программам для их подготовки и переподготовки. На рынке труда в сельской местности эти проблемы стоят наиболее остро. Несмотря на то, что Оренбургская область традиционно считается аграрным регионом, процент городского населения в ней составляет 81,9 %. Именно в селе наблюдается ярко выраженный дефицит квалифицированных кадров, что обусловлено оттоком трудоспособного населения в город.

Демографическая ситуация в Оренбургской области имеет отрицательную динамику. При этом естественный прирост населения наблюдается только в г. Оренбурге и ещё в нескольких крупных городских округах.

По области естественная убыль населения заметна с середины 90-х гг. До конца 90-х гг. она полностью компенсировалась за счет мигрантов из Казахстана и Центральной Азии. Начиная с 2001 г. в регионе отслеживается естественная и миграционная убыль населения. Численность внешних мигрантов лишь на половину компенсирует убыль населения. Население области в среднем уменьшается на две тысячи человек в год.

В связи с этим стратегической целью демографической политики Оренбургской области является создание условий для устойчивого демографического развития края, воспроизводства и достижения оптимальной структуры населения, формирования предпосылок последующего демографического роста.

В целях замещения естественной убыли населения ведется активная работа по привлечению на постоянное местожительство в Оренбургскую область иммигрантов трудоспособного возраста.

Важным шагом в решении поставленных задач является участие Оренбургской области в программе «Оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Срок реализации программы 2014-2020 годы. Ожидаемый результат - переселение к 2020 году в Оренбургскую область 3070 соотечественников.

Ещё одно направление миграционной политики в этой области - стимулирование миграции в Оренбургскую область молодежи, имеющей особо востребованные на областном рынке труда профессии и специальности, включая выпускников областных образовательных учреждений. С этой целью в вузах выделяются квоты для студентов из СНГ. В г. Оренбурге в настоящий момент обучается около 3,5 тыс. иностранных студентов. Из них около 600 из дальнего зарубежья (Индии). Остальные из стран СНГ. Из них граждане Казахстана составляют 95%.

Не менее остро стоит жилищная проблема. В Оренбургской области реализуется государственная программа «Стимулирование развития жилищного строительства в Оренбургской области в 2014–2020 годах».

Важным показателем развития региона являются объемы и темпы строительства и цены на жилье. Последнее время в Оренбурге отмечены очень высокие темпы и объемы строительства. По итогам 2016 года в области построено 966 тыс. кв. метров жилищного фонда. В 2017 г. – 892,5 тыс. кв. метров. Коэффициент доступности жилья в Оренбургской области в период с 2013 года по 2017 год заметно улучшился с 4,2 до 13,6 %.

Большая часть квартир была приобретена за счет ипотечного кредитования. За прошедший год около 18 тысяч семей оренбуржцев смогли улучшить свои жилищные условия за счет ипотечного кредитования.

Оренбургская область участвует в федеральной программе «Жилье для российской семьи» [2]. Программа предполагает ввод в эксплуатацию на территории области жилья эконом класса. В 2017 году это порядка 1200 квартир, готовых к заселению, по цене 35 тыс. рублей за кв. метр с чистовой отделкой с небольшой площадью от 17 м². Наблюдается общее снижение рыночной стоимости 1 кв. м общей площади жилых помещений по Оренбургской области. Цены здесь самые низкие в ПФО – 37,7 тыс. рублей за кв. метр.

Тенденция оттока населения присуща большинству городов России за редким исключением таким, как Москва, Санкт- Петербург, Сочи, Краснодар, Казань. Причем именно в последней - третьей столице России и началась история комфортной среды, на которую сегодня возлагается наибольшая надежда по изменению привлекательности для жизни Российских регионов.

По указу президента Рустама Минниханова 2015 год стал годом Парков и Скверов в Татарстане, во время которого произошло обновление всех общественных пространств республики с целью улучшения комфортной среды и остановки повышенной миграции населения. Программа прошла столь успешно, что ее результаты были презентованы Вице-спикеру Игорю Шувалову и он в свою очередь поспособствовал созданию в 2017 году общероссийской программы «Комфортная городская среда» в ста городах России.

Участвует в этой программе и Оренбург. В ее рамках идет переустройство набережной реки Урал и центра г. Оренбурга по совместному проекту московского КБ «Стрелка» и Оренбургской «Проектной мастерской «Архитект» [3]. О результатах пока

еще рано говорить, но на сегодняшний день Оренбург входит в пятерку лидеров по успешному выполнению данной программы. Через пять лет после ее реализации можно будет подвести итоги этой конкурентной борьбы, которую только начали Российские города за своих горожан. Как сказал в одном из интервью Игорь Шувалов: «Квартиры должны стать доступней, но квартира не заканчивается только входной дверью. Должна быть доступной комфортная среда...» [4].

Чтобы остановить падение производства, дефицит профессиональных кадров, убыль и старение населения помимо экономических мер (кредитования, субсидирования, доступного жилья, трудоустройство) необходимы социокультурные преобразования самой среды существования человека, повышение качества жизни в социокультурном пространстве. Необходимо сделать город привлекательным для молодого поколения, создать условия для реализации творческого потенциала молодых и инициативных людей, которые есть в нашем регионе.

В Оренбургской области есть масса культурных площадок. Это музеи, театры, современные спортивные комплексы и стадионы, даже заповедники. Есть и уникальные комплексы. Как, например, выставочный комплекс под открытым небом «Салют, Победа!», созданный к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Или уникальный культурный комплекс «Национальная деревня», представляющий собой целую улицу из 10 национальных подворий. В каждом из них располагается национальный музей и ресторан национальной кухни.

Настоящим прорывом стало создание на территории Соль-Илецкого района уникального бальнеологического курорта. Проект «Туристско-рекреационный кластер «Соленые озера» включен в Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018гг.)».

Тем не менее, большинство существующих проектов уже требуют модернизации. И, к тому же являются проектами регионального значения. В то время как, Оренбургская область в силу уникальности геополитического положения, может быть площадкой для проведения международных событий. Таких, например, как Международный форум «Оренбуржье – сердце Евразии», Международный молодёжный образовательный форум «Евразия». Именно подобные проекты позволяют участникам почувствовать себя включенными в общие глобализационные процессы экономики, политики и культуры. Несомненно, повышают статус региона в глазах его жителей, гостей и международных групп. Не случайно, по данным официального сайта правительства Оренбургской области рейтинговое агентство Fitch Ratings 9 февраля 2018 г. изменило прогноз по долгосрочным рейтингам Оренбургской области в иностранной и национальной валюте со «Стабильного» на «Позитивный» и подтвердило эти рейтинги на уровне «ВВ» [5].

Литература

1. Методология и методы изучения миграционных процессов [Электронный ресурс] : междисциплинарное учебное пособие / И. Молодикова, Кэролайн Б. Бреттелл, Джеймс Ф. Холлифилд / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля - Центр миграционных исследований - М., 2007, 370 с. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/82222772>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).
2. Министерство строительства, жилищно-коммунального и дорожного хозяйства Оренбургской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://minstroyoren.org.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).
3. Города Будущего [Электронный ресурс]. – URL: <http://города-будущего.рф/orenburg>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).
4. Газета.Ru [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/business/realty/2016/08/22_a_10153613.shtml?updated, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).

5. Портал Правительства Оренбургской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.orenburg-gov.ru/Info/OrbRegion/>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 13.05.2018).

АГРОТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*А.В. Поливода, К.В.Яренко, Н.А. Вакулич
Беларусь, Брест, БрестГТУ*

Аннотация: Статья рассказывает о понятие «Агротуризм», а также потребителях агротуризма. Раскрывает меры по привлечению туристов в РБ, а также ознакомимся с законодательными актами об агротуризме.

Abstract: The article tells about the concept "Agrotourism" and also consumers of agrotourism. Reveals measures for involvement of tourists in RB and also we will study legal acts for agrotourism.

Ключевые слова: агротуризм, агроэкотуризм, зеленые маршруты

Keywords: agrotourism, agroecotourism, green routes.

В конце XX века. в украинской, как и мировой, литературе появилось понятие "агротуризм" (*agritourism*): "агро" происходит от греческого термина "*agros*", что значит "поле", а в сложных словах соответствует понятиям "земля", "земледельческий", и "*agrónomos*", которым обозначают причастность к хозяйствованию в сельской местности.

Агротуризм (сельский туризм, агроэкотуризм) представляет собой сектор туристской индустрии, ориентированный на использование природных, культурно-исторических и других ресурсов сельской местности и её особенностей для создания комплексного туристского продукта.

История европейского агротуризма насчитывает около 200 лет. Считается, что сельский туризм возник в первой половине 19 века, но начал активно развиваться только во второй половине 20 века. В это время во Франции была создана первая ассоциация агротуристов, а через 10 лет в Италии возникла Национальная ассоциация сельского хозяйства и туризма и далее подобные агротуристические ассоциации получили активное распространение во многих странах Европы.

Агротуризм вполне обоснованно рассматривается как одно из основополагающих направлений экотуризма. Туристы, отдающие предпочтение агротурам, проживают в экологически чистых домах, питаются продуктами, полученными от органического земледелия.

Потребители услуг агроэкотуризма:

- Городские семьи с детьми, нежелающие обременять себя содержанием дачи за городом;
- Пожилые горожане заинтересованные в уединении или проведении свободного времени с внуками;
- Компании молодежи и объединенные по интересам группы, желающие провести выходные дни за городом;
- Люди, увлеченные определёнными видами спорта и имеющие хобби (конный спорт, велосипедный спорт, рыболовство и т.д.);
- Иностранцы граждане, посещающие Беларусь с гостевым визитом;
- Другие группы туристов.

Главным потребителем услуг агротуризма являются городские жители Беларуси.

Ключевые факторы, определяющие потребности населения в отдыхе в сельской местности в РБ на 3 июня 2017г., приведены на рисунке 1:

Рис. 1. Факторы, определяющие потребности населения в отдыхе в сельской местности

Таким образом, основной причиной потребления белорусами услуг агротуризма состоит в росте городского населения, ускорении темпа жизни и увеличении плотности населения городов, желания провести время в более чистой с точки зрения экологии среде, а также отсутствие у граждан возможности проводить отпуск на курортах.

В Беларуси в настоящее время существует несколько подвидов усадеб, ориентированных на разные целевые группы:

- Усадьбы-коттеджи;
- Усадьбы на базе деревенских домов (постепенно улучшаются, модернизируются и приспособляются к гостиничной деятельности);
- Дачи и дома отдыха.

Сегодня в Беларуси предпринимаются меры по привлечению туристов в деревню и развитию агротуризма, в том числе путем создания зеленых маршрутов. Для этих целей было основано и действует общественное объединение "Агро- и экотуризм", участники которого принимают участие в конференциях и семинарах, посвященных экотуризму и зеленым маршрутам, организуют учебные поездки по успешным зеленым маршрутам, а также издают публикации о зеленых маршрутах на польском, русском и белорусском языках. В результате этой деятельности в Беларуси появились первые экотуристические инициативы по созданию зеленых маршрутов, объединяющие сеть агротуристических усадеб, а так же при содействии Министерства иностранных дел Республики Польша, был создан интернет-сайт Greenways.by, посвященный тематике зеленых маршрутов. Поэтому туристический рынок Республики Беларусь постоянно растет.

По данным Министерства спорта и туризма, в 2016 году белорусские агроэкоусадьбы посетило свыше 300 тыс. чел., что на 2,5% больше, чем в 2015 году. Граждане Республики Беларусь составили 90% отдохнувших. Иностранцев было почти 30,5 тыс. чел. из 74 государств (в том числе 24 тыс. россиян). Согласно данным Министерства по налогам и сборам сумма оплаты предоставленных в прошлом году субъектами агроэкотуризма услуг в сравнении с 2015 годом увеличилась на 22,5% и составила 14,6 млн. рублей.

Законодательное сопровождение агротуризма в Республике Беларусь

Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь рассматривает этот вид туризма в качестве одного из приоритетных для нашей страны. Программой предусматривается создание туристических деревень с постройками в духе традиционного народного зодчества на основе существующих сельских поселений, расположенных в сельской местности, организацию сельских туров с проживанием и питанием в сельских домах, создание агротуристических комплексов на базе СПК и организацию активного отдыха на природе с использованием фотоохоты. Регулируется агроэкотуризм в Беларуси рядом нормативных актов, среди которых приоритетное значение имеют Указы Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь», от 27 марта 2008 г. № 185 «О некоторых вопросах осуществления деятельности в сфере агроэкотуризма», а также от 9 октября 2017 г. № 365 «О развитии агроэкотуризма».

В целях создания благоприятных условий для развития агроэкотуризма в нашей стране, улучшения условий жизни граждан в сельской местности и совершенствования сельской инфраструктуры Президентом Республики Беларусь 9 октября 2017г. был подписан Указ №365 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь» (Далее Указ № 365).

Согласно правовому акту, граждане Беларуси – жители сельской местности, владеющие земельными участками, предоставленными для строительства и обслуживания жилого дома, смогут заниматься агроэкотуризмом без изменения целевого назначения данных участков. Сельскохозяйственные организации также могут оказывать услуги в сфере агроэкотуризма.

Агроэкотуризм имеет все шансы помочь белорусской деревне и развить положительный имидж нашей страны, незаметной пока на мировом туристическом рынке. Однако такие положительные перемены возможны лишь в том случае, если агротуризм станет полноправным сектором туристической отрасли.

Литература

1. Официальный сайт ОО "Агро - и экотуризм" URL: www.ruralbelarus.by.
2. Клицунова В.А. Роль сельского туризма в возрождении и устойчивом развитии бело русского села // Международная научно-практическая конференция по устойчивому развитию: Тезисы докладов (Минск, 27-28 мая 2004). - Мн.: Юнипак, 2004.
3. Клицунова В.А. Сельский туризм Беларуси: истоки и перспективы // Беларусь в мире. - 2004.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь»
5. Указ Президента РБ от 27 марта 2008 г. № 185 «О некоторых вопросах осуществления деятельности в сфере агроэкотуризма»
6. Указ Президента РБ от 9 октября 2017 г. № 365 «О развитии агроэкотуризма»

ДИАГНОСТИКА ФАКТОРОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Ю.Н. Поликов
ДНР, Донецк, ДонНУ
yul-pol@yandex.ru

Аннотация: Усовершенствована диагностика факторов воспроизводства кадрового потенциала региона, апробированная на приграничном регионе России. Предложены мероприятия по повышению данного потенциала и обоснована необходимость внедрения механизмов инвестиционно-инновационного развития приграничного региона.

Abstract: Improved diagnostics of factors of reproduction of the personnel potential of the region, tested on the border region of Russia. Measures are proposed to increase this potential and the need for introducing mechanisms for investment and innovation development of the border region is justified.

Ключевые слова: регион, развитие, фактор, диагностика, управление, потенциал, приграничный, воспроизводство.

Key words: region, development, factor, diagnostics, management, potential, frontier, reproduction.

Социально-экономическое развитие территориальных образований выводит на первый план качество государственного управления. Данный посыл делает необходимым изучение факторов развития кадрового потенциала в управлении региональной экономикой. Сказанное, в свою очередь, актуализирует необходимость диагностики уровня воспроизводства кадрового потенциала региона, так как капиталовложения в его экономику и социальную сферу являются, в определённой мере, непродуктивными, если развитие управленческого звена будет отставать от технологических и экономических внедрённых новшеств.

Анализ разработанности исследуемой проблемы, показал, что вопросами кадровой политики в сфере управления региональной экономикой занимались Р.Ю. Болдырева, Ф.А. Мосин [1], И.С. Дмитриева, В.О. Герасимов, Р.И. Шарафутдинов [2], Ю.И. Яцухин [3, 4], О.А. Козлова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова и другие учёные (см. монографию [5] и её библиографию).

Несмотря на внимание к вопросам кадровой политики территориального образования и достаточно большое количество исследований по данной тематике, имеются открытые вопросы теоретического и методологического плана. В неполной мере учитывается специфика управления экономикой и социальной сферой приграничного региона. В недостаточном объёме проработаны проблемы диагностики факторов воспроизводства кадрового потенциала территории, что сказывается на эффективности управления социально-экономическим развитием региона.

Целью данного исследования является развитие теоретико-методологических основ, обоснование научно-методических положений управления кадровой политикой региональных органов власти, а также совершенствование методики диагностирования факторов кадрового потенциала в системе управления социально-экономическим развитием приграничного региона.

Переходя к результатам исследования, заметим, что большинство образованных людей знакомы с высказыванием «Кадры решают всё». Эти слова, произнесённые И.В. Сталиным в 1935 году, характеризовали положение дел в СССР. Советский Союз, продолжая очередной этап индустриализации, нуждался в квалифицированных кадрах.

Со схожей проблемой столкнулся аппарат управления экономикой Донецкой Народной Республики (ДНР), которая является одновременно государством и регионом с особым (самопровозглашённым) статусом, граничащим с Россией и Украиной.

Кадровые проблемы ДНР вызваны рядом ключевых факторов, к которым следует отнести следующие.

1. Строительство нового государства включает в себя создание новых органов управления экономикой и социальной сферой, становление которых может быть непростым и затянувшимся во времени.

2. Регион с особым статусом вышел из состава враждебного по отношению к нему государства, но продолжает с ним граничить в условиях военно-политического конфликта и частичной блокады.

3. Прежние управленческие кадры, преданные бывшему государству или настроенные нейтрально, либо отказываются работать в новых условиях, либо, формально работая, саботируют действия теперешней власти.

4. На этапе становления новые управленцы, лояльные к ценностям новой государственности, не всегда достаточно профессиональны. Недостаток опытных кадров влияет на эффективность управляющих воздействий в экономике и социальной сфере.

5. Отказ от бывшей системы управления и полное копирование структуры органов управления приграничного государства-покровителя, которое признаёт регион с особым статусом фактически или юридически, может сопровождаться трудностями. Отказ от учёта местных особенностей и управленческих традиций может привести к нежелательным последствиям.

Термин «кадровая политика» весьма распространён и трактуется по-разному. Во многих научных работах он присутствует в названии, встречается по тексту, но объясняется расплывчато или не объясняется совсем [2 – 4].

Развивая понятийно-категориальный аппарат теории экономики труда, предлагается под кадровой политикой региональных органов власти понимать совокупность принципов, подходов и положений по учёту равновесия между процессами обновления кадров и численностью работников, которое достигается посредством реализации механизма управления, методов и инструментов воздействия на персонал для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территориального образования.

Термин «регион», несмотря на дискуссионность, определяется в рамках нескольких устоявшихся подходов, среди которых физико-географический, экономический, социальный, социально-экономический, исторический, системный, управленческий и административный.

Физико-географический подход к формированию региона основан на учёте географического положения, особенностей рельефа, ландшафтной структуры, климата и обусловленных им природных явлений. Социально-экономический подход к делению страны на регионы изучает взаимосвязь уровня и качества жизни населения с экономическими достижениями конкретного территориального образования.

Будем трактовать термин «регион» как часть территории государства с характерными признаками, к которым относятся близость природных и географических свойств, сходство хозяйственных структур и видов экономической деятельности, лингвистическое, религиозное, этническое и культурное единство народонаселения. В свою очередь, приграничный регион – это регион, территория которого граничит с другими государствами.

Основываясь на комплексном подходе (физико-географическом и социально-экономическом) к формированию регионов России, будем считать классическим

примером приграничного региона Кольско-Карельский регион, расположенный в северо-западной части России. Территория региона включает в себя Республику Карелия и Мурманскую область. Регион граничит с Финляндией и Норвегией.

Социально-экономическое развитие приграничного региона обеспечивается новшествами, внедрёнными в экономику и социальную сферу территории, нацеленными на модернизацию процессов производства, трансформацию хозяйственной деятельности в новые технологические уклады, совершенствование жизнеобеспечивающей инфраструктуры, эффективное расходование ресурсов, повышение конкурентоспособности территориального образования с учётом уровня автономии и институциональной специфики его правового состояния, благодаря особому статусу приграничной территории [6].

Управление социально-экономическим развитием региона заключается в разработке приоритетных воздействий на его хозяйственный комплекс и социальные отношения в пределах территориального образования с целью решения поставленных задач. В свою очередь, данная система управления – это совокупность связанных друг с другом компонентов, характеризуемая целостностью, иерархией, структуризацией, множественностью и объединённая общей социально-экономической политикой региона.

Непосредственно дефиниция «потенциал» подразумевает совокупность возможностей, которые при определённых условиях становятся реально действующими факторами. В свою очередь, «кадровый потенциал» – это совокупные способности кадров региональных органов власти, которые необходимы для выполнения и координаций действий, обеспечивающих региону конкурентные преимущества и устойчивое социально-экономическое развитие [2].

Совокупность причин, оказывающих воздействие на воспроизводство кадрового потенциала, назовём факторами, которые определяются системой общественных отношений, материально-технической базой труда и качеством его управления. К данным факторам относятся:

- государственное регулирование трудовых отношений;
- социальная политика в кадровой сфере;
- технологическая вооружённость труда;
- уровень организации труда;
- степень развития системы образования в регионе;
- уровень благополучия домохозяйств жителей региона;
- демографическое поведение населения региона;
- жилищная политика в регионе;
- проблема экономического неравенства «центральных» и «периферийных»

территорий.

Анализ перечисленных факторов позволяет предложить мероприятия по улучшению качества кадрового потенциала, сохранению и накоплению его для усиления конкурентных позиций региона в стране и в мире. Эти мероприятия осуществляются согласованием иерархии и уровня соподчиненности приоритетов и ценностей демографической, миграционной и социально-трудовой политики, проводимой системой управления развитием региона. Данная политика является составной частью единой региональной стратегии развития.

Предлагается расширить перечень базовых показателей, оценивающих уровень развития кадрового потенциала, и на их основе сформировать результирующий индикатор. Естественно, что данный индикатор нуждается в апробации.

Перейдём непосредственно к общему оцениванию уровня развития кадрового потенциала региона, которое осуществляется на основе пяти базовых показателей,

таких, как: уровень качества жизни p_1 ; уровень развития образования и науки p_2 ; уровень развития человеческого капитала p_3 ; уровень инновационного развития p_4 ; уровень экологического развития p_5 .

Предлагается следующая диагностика уровня развития кадрового потенциала региона:

$$\bar{U} = 0,3 \cdot p_1 + 0,2 \cdot (p_2 + p_3 + p_4) + 0,1 \cdot p_5.$$

Каждый из пяти базовых показателей p_i ($i = \overline{1,5}$) градуируется по шкале от 0 до 100 баллов. Коэффициенты соответствуют статистическому весу показателей, который присвоен согласно значимости в результирующем индикаторе $\bar{U}$.

Предлагается следующая система выводов: 1) если $\bar{U} \in [90;100]$, то развитие кадрового потенциала региона находится на высоком уровне; 2) если $\bar{U} \in (80;90)$, то развитие кадрового потенциала региона находится на достаточном уровне; 3) если $\bar{U} \in [70;80]$, то развитие кадрового потенциала региона находится на удовлетворительном уровне; 4) если $\bar{U} \in (50;70)$, то развитие кадрового потенциала региона находится на низком уровне; 5) если $\bar{U} \in [0;50]$, то развитие кадрового потенциала региона находится на неудовлетворительном уровне.

По нашему мнению, при ситуации 1) региону достаточно сохранять достигнутые параметры развития. Ситуации 2) и 3) являются приемлемыми, однако требуют исправления ошибок. При ситуации 4) развитие кадрового потенциала региона становится затруднительным и для перехода на более высокие уровни развития региону потребуются значительные усилия. Ситуация 5) является катастрофической и требует кардинальных мер по изменению направлений развития региона.

Диагностика апробирована на социально-экономических показателях приграничного Кольско-Карельского региона [8] за 2016 год (таблица 1).

Таблица 1

Апробация диагностики факторов воспроизводства кадрового потенциала в Кольско-Карельском регионе по итогам 2016 года

Базовый показатель	Значение показателя
Уровень качества жизни (статистический вес 0,3)	83
Уровень развития образования и науки (статистический вес 0,2)	92
Уровень развития человеческого капитала (статистический вес 0,2)	91
Уровень инновационного развития (статистический вес 0,2)	78
Уровень экологического развития (статистический вес 0,1)	72
Результирующий индикатор	84,3

Диагностика показала, что Кольско-Карельский регион имеет достаточный уровень воспроизводства кадрового потенциала (таблица 1). Для того чтобы регион достиг высокого уровня воспроизводства необходимо повысить уровни качества жизни, инновационного развития и экологического развития.

Выполнение поставленных задач требует, по нашему мнению, не только модернизации механизмов управления социально-экономическим развитием Кольско-Карельский региона, но и внедрение механизма инвестиционно-инновационного развития данной территории. Их реализация должна осуществляться через функционирование региональных фондов поддержки инноваций. Основой может служить государственно-частное партнёрство между правительством региона,

предпринимателями-инноваторами и инвесторами, как российскими, так и иностранными (финскими, норвежскими и другими). Данные механизмы должны быть направлены на продвижение проектов, которые находятся в фазе исследования и разработки инновационных продуктов с последующей передачей документации в производство. Механизмы должны способствовать взаимодействию с участниками финансирования проектов в течение жизненных циклов экономических инноваций. Эти механизмы отличаются наличием дополнительного блока диагностики факторов воспроизводства кадрового потенциала регионов на основе усовершенствованной методики.

Литература

1. Болдырева Р.Ю. Анализ существующих подходов к понятию «кадровый потенциал» / Р.Ю. Болдырева, Ф.А. Мосин // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2011. – № 1-2. – С. 28-32.
2. Дмитриева И.С. Оценка инновационного кадрового потенциала региона на примере Республики Татарстан / И.С. Дмитриева, В.О. Герасимов, Р.И. Шарафутдинов // *Наука Красноярья.* – 2016. – № 4 (27). – С. 199-206.
3. Яцухин Ю.И. Приоритеты совершенствования механизмов реализации кадровой политики в органах государственной власти субъекта Российской Федерации / Ю.И. Яцухин // *Среднерусский вестник общественных наук.* – 2009. – № 4. – С. 129-132.
4. Яцухин Ю.И. Современная система подготовки профессиональных кадров как инструмент повышения качества стратегического управления на муниципальном уровне / Ю.И. Яцухин // *Вестник Тульского филиала Финуниверситета.* – 2016. – № 1. – С. 261-263.
5. Региональное измерение социально-экономической дифференциации воспроизводства трудового потенциала населения: коллективная монография / О.А. Козлова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова и др. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2017. – 200 с.
6. Максимова И.И. Особые территории как предмет исследования и регулирования / И.И. Максимова // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.* – 2010. – Т. 3, № 3. – С. 71-98.
7. Иванова Н.Л. Кадровая политика в государственном управлении: проблемы и поиски их решения / Н.Л. Иванова, О.А. Васильев // *Вопросы государственного и муниципального управления.* – 2011. – № 2. – С. 171-186.
8. Региональная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics/. (Дата обращения: 06.05.2018).

ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В УРОВНЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

О.В. Поташева, М.В. Морошкина
Россия, Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН
ovpotash79@gmail.com, maribel74@mail.ru

Аннотация: В статье проанализированы различия в уровне накопления образовательного потенциала молодыми поколениями для внутренних и приграничных территорий макрорегионов России. На основе результатов оценки по методике расчета Образовательного потенциала молодых поколений исследуется зависимость величины образовательного потенциала молодых поколенческих групп и географического расположения региона относительно административных границ. Рассмотрены перспективные направления развития межстранового взаимодействия в рамках высшего профессионального образования разных зон приграничья.

Abstract: In the article differences in the level of accumulation of educational potential by the younger generations for internal and border territories of macroregions of Russia are analysed. On the basis of the results of assessment by the method of calculation of the educational potential of young generations, the dependence of the dimension of the educational potential of young generation groups and the geographical location of the region relative to the administrative borders is investigated. The perspective directions of development of inter-country cooperation within the framework of higher professional education of different areas of the border are considered.

Ключевые слова: приграничные регионы, макрорегион, уровень образования, молодежь
Key words: border regions, macro-region, education level, youth

Одной из насущных социально-экономических проблем нашей страны является воспроизводство рабочей силы, нацеленное на качественное формирование человеческого капитала для реализации стратегических задач и подъем отечественной экономики.

Роль границы, развитие приграничного сотрудничества всегда определяет направление в пространственном развитии экономики региона. Причем в современных условиях это значение стремительно изменяется и требует особого подхода к выбору путей развития приграничных территорий, поскольку безопасность страны, ее территориальная целостность, другие политические факторы могут оказывать определенное воздействие на хозяйственные и социальные процессы в зонах приграничья. В этой связи уровень приграничья представляет особый интерес для научных исследований. Под понятием «приграничной территории» в рамках данного исследования авторы рассматривают регион-субъект РФ.

Исследование социально-экономического развития приграничных регионов с позиции оценки образовательного потенциала молодежи является новым инструментом оценки качества региональной сферы образовательных услуг и влияния уровня образования граждан на экономику региона. Общеизвестно, что чем выше плотность населения на территории, тем выше конкурентоспособность экономики, разнообразнее инфраструктура и сфера производства в регионе, тем выше потребности населения в услугах образования.

Образование по сравнению с другими сферами экономики имеет наиболее широкие, устойчивые и сильные обратные связи со своей макросредой, так как формирует новые поколения специалистов, которые связывают свое будущее профессиональное и социальное развитие с определенным регионом. С другой стороны, образование в большей степени, чем какая-либо другая сфера деятельности, испытывает на себе воздействие внешней макросреды.

В исследовании понятие «Образовательный потенциал» молодежи региона рассматривается с позиции определения трех поколенческих групп на основе данных Всероссийских переписей населения в 2002 и 2020 гг. Образовательный потенциал молодого поколения региона – совокупность реального поколения сверстников с достигнутым уровнем формального образования, зарегистрированного на его территории.

Приграничные территории любой национальной экономики обладают рядом преимуществ, которые сказываются на развитии экономических, социальных, институциональных процессах. Уровень образования населения, также во многом зависит от геополитического расположения территории, так как географическая близость другого государства, другой экономики позволяет использовать имеющиеся ресурсы сопредельных территорий в рамках международной партнерской деятельности. В.С. Морозова, С.К. Дубровская, изучая роль университетов приграничья, отмечают, что: «Именно университеты приграничья, формируя научно-образовательный кластер, способны аккумулировать потенциальные ресурсы и вывести российское образование и науку в пространство конкурентной борьбы в условиях соразвития международного научно-образовательного пространства России...». [1, с. 87]

Понятия, отражающие содержание и специфику приграничья в своей работе приводит М.Р. Панфилова и выделяет три уровня приграничья:

Макроуровень - субъекты Федерации, имеющие выход к государственным границам. В настоящее время их общая территория - почти 12,5 млн. кв. км (73,1% всей территории России), население - около 74 млн. чел. (49,9% населения России).

Мезоуровень приграничья - административные районы в составе субъектов Федерации, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей. Именно они несут основную нагрузку приграничья и должны рассматриваться в качестве приграничных территорий, имеющих особый статус.

Микроуровень - приграничная полоса, включающая населенные пункты, непосредственно выходящие на государственную границу. [2]

В исследовании, выполненном Х.Б. Бадарчи и Д.Ф. Дабиевым, о специфике развития приграничных регионов России, представлена типология приграничных регионов по зонам приграничья. Ими выделено 6 зон приграничья: Европейская зона, Казахстанская зона, Дальневосточная зона, Украина-белорусская зона, Восточно-сибирская зона, Кавказская зона. Авторы делают вывод о том, что: «... уровень социально-экономического развития приграничного региона имеет явную связь с особенностями граничащего государства (группы государств)» [3, с. 92].

Изначально предполагается, что на уровень накопления Образовательного потенциала молодежи оказывает влияние наличие проектов международной деятельности в сфере образования приграничных регионов страны с территориями граничащего иностранного государства, имеющими свои особенности развития. Как отмечает П.В. Дружинин, реализация мероприятий в рамках программ приграничного сотрудничества (INTERREG, ENI CBC), связанных с обучением специалистов, передачей опыта, совместных научных и социо-культурных проектов, все это оказывает заметное влияние на развитие экономики и социальной сферы приграничного региона [4].

Приграничные регионы имеют свои особенности, которые в последние десятилетия исследовались российскими авторами и многие из них отмечают, что потенциал приграничного положения регионами России не используется в достаточной мере [3, 7, 8]. Это в свою очередь сказывается на показателе развитости инфраструктуры, на численности занятого населения по отраслям, на уровне

технологичности и инновационности производства. Следовательно, и эффективность использования образовательного потенциала молодой рабочей силы низка, что отражается на производительности труда, на потребности населения в повышении уровня образования, на разнообразии спектра и качества образовательных услуг в регионе.

Для того чтобы ответить на вопрос, о различиях приграничных территорий в уровне накопления образовательного потенциала молодыми поколениями рабочей силы, авторами проведен сравнительный анализ приграничных и внутренних регионов в границах федеральных округов – макрорегионов. Из 82 субъектов РФ рассмотрены 40 приграничных регионов, имеющих выход к государственным границам.

Таблица 1

Сравнительная оценка федеральных округов России по величине накопленного образовательного потенциала молодыми поколениями

Федеральный округ/ Поколенческо-возрастная группа	2002 год			2010 год		
	15-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	15-24 лет	25-34 лет	35-44 лет
Северо-Западный, тыс. чел						
Среднее для приграничных	13,9	12,1	13,4	10,5	11,6	10,1
Среднее для внутренних	17,1	14,7	17,1	12,2	15,2	12,6
Центральный, тыс. чел						
Среднее для приграничных	22,1	19,2	23,1	18,6	20,4	18,2
Среднее для внутренних	33,8	31,9	36,1	29,4	36,5	32,0
Южный, тыс. чел						
Среднее для приграничных	52,8	44,2	51,7	30,3	32,9	28,0
Среднее для внутренних	6,0	4,8	5,8	5,2	5,2	4,4
Уральский, тыс. чел						
Среднее для приграничных	43,5	38,9	42,8	34,5	41,3	34,1
Среднее для внутренних	35,0	35,5	34,7	26,9	37,9	28,3
Северо-Кавказский, тыс. чел						
Среднее для приграничных	21,5	16,4	15,9	19,4	16,6	14,0
Среднее для внутренних	40,9	26,5	35,3	33,1	31,1	24,6
Сибирский, тыс. чел						
Среднее для приграничных	24,5	20,0	21,7	19,0	21,5	17,1
Среднее для внутренних	34,0	28,6	30,4	26,3	30,1	24,3
Поволжский, тыс. чел						
Среднее для приграничных	43,1	37,3	41,4	34,3	38,7	34,0
Среднее для внутренних	32,7	28,8	35,1	27,3	29,7	25,7
Дальневосточный, тыс. чел						
Среднее для приграничных	12,6	11,4	10,7	9,4	10,4	8,9
Среднее для внутренних	16,2	15,9	15,7	15,7	14,9	12,5

Результаты оценки образовательного потенциала молодежи по поколенческо-возрастным группам на основе данных переписей населения России в 2002 и 2010 г. показали, что дифференциация в уровне накопления образовательного потенциала молодежи в регионах значительна. Согласно шкале распределения регионов разница в уровне накопления образовательного потенциала между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами составляет более чем в 7 раз. Описание методики расчета и

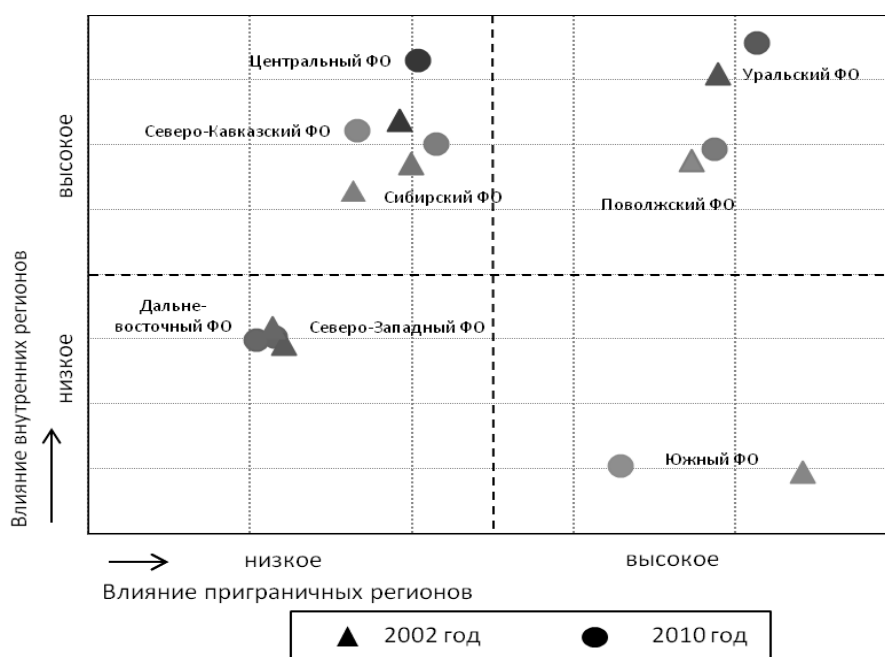
основные результаты оценки уровня образовательного потенциала (ОП) подробно приводятся в других публикациях авторов [5, 6].

Количественные показатели сравнительного анализа по величине накопленного образовательного потенциала молодыми поколениями по федеральным округам России по данным итогов переписей населения в 2002 и 2010 гг. представлены в таблице 1. Каждый федеральный округ в своей структуре имеет ряд приграничных территорий, например, в состав Северо-Западного ФО входит 5 приграничных и 4 внутренних региона, в составе Поволжского ФО 3 приграничных и 11 внутренних, а в Дальневосточном ФО 8 приграничных и 1 внутренний регион.

Как видно из табл. 1, средние значения величины накопления образовательного потенциала приграничными регионами по федеральным округам различаются более чем в 3 раза. Наибольшее значение в уровне образовательного потенциала молодежи в 2010 году проявили Южный, Уральский и Поволжский федеральные округа. При этом, если учитывать наличие взаимосвязи между образованием и экономикой, то влияние образовательного потенциала молодежи приграничных регионов в Южном ФО в 6 раз сильнее, чем внутренних регионов.

Следует уточнить, что Краснодарский край, Ростовская область являются безусловными лидерами по величине образовательного потенциала молодежи в 2010 году, но имеют отрицательный прирост показателя к уровню 2002 года.

Графический анализ (рис.1) полученных результатов оценки позволил применить метод группировки и определить 4 группы территорий, в которых фактор влияния приграничного положения оказывается высок, и территорий, где потенциал приграничного положения не используется в достаточной мере.

Рис.1. Модель распределения федеральных округов в зависимости от степени влияния приграничных регионов

В результате проведенного исследования можно сделать выводы:

- предложенный подход к оценке образовательного потенциала молодых поколений приграничных регионов делает возможным использовать

- результаты исследования в практике управления и планирования регионального развития приграничных территорий;
- величина накопленного уровня образования в большинстве приграничных регионов не оказывает значимого влияния на развитие экономики. Это может быть связано как с особенностями сформировавшейся региональной образовательной системы, так и с активностью международного взаимодействия в сфере образования и информационного развития общества
  - дальнейший рост образовательного потенциала молодежи приграничных регионов и повышение его роли в конкурентоспособности развития экономики территорий, на наш взгляд, зависит от таких факторов, как изучение успешного опыта российско-казахстанского сотрудничества в сфере образования, который демонстрирует широкий спектр возможностей и растущий потенциал взаимовыгодной деятельности.

Статья подготовлена в рамках бюджетной научно – исследовательской темы экономико-математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, изменениям федеральной политики и другим внешним шокам (№ 0224-2015-0002).

Литература

1. Морозова В.С., Дубровская К.С. Научно-образовательный кластер как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития России-Китая-Монголии: потенциал, приоритеты и вектор развития в приграничном социокультурном пространстве // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 19. С. 87-91.
2. Панфилова М.Р. Понятие земель приграничных территорий: историко-правовой аспект // Журнал российского права. 2006. N 3. С. 108.
3. Бадарчи Х.Б., Дабиев Д.Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89-101.
4. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. Т. 25. № 2 (99). С. 200-216.
5. Поташева О.В. Оценка образовательного потенциала молодых поколений населения в регионе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 2 (46). С. 31-39.
6. Поташева О.В., Морошкина М.В. Образовательный потенциал населения региона в зеркале статистики Всероссийской переписи населения. // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 2(45). С. 146-153.
7. Савичев Ю.Н. Россия и Казахстан: сотрудничество в сфере высшего образования // Современная наука. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kazahstan-sotrudnichestvo-v-sfere-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 22.05.2018).
8. Ярешева А.В. Трудовой потенциал населения приграничного региона // Экономика и управление. 2015 №6. С.68-76.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В РАЗВИТИИ Г. ОСТРОГОЖСКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Проскурина

*Россия, Воронеж, ВоронежГПУ
prosk.n@yandex.ru*

Аннотация: Автор раскрывает особенности формирования города Острогожска Воронежской области. Выявляет социокультурные аспекты русско-украинского развития территории города.

Abstract: The author reveals the peculiarities of the formation of the city of Ostrogozhsk, Voronezh region. Identifies sociocultural aspects of the Russian-Ukrainian development of the city.

Ключевые слова: город-крепость, русско-украинское пограничье.

Keywords: fortified city, Russian-Ukrainian borderland.

Город Острогожск – второй по древности (после административного центра – г. Воронежа) город Воронежской области. Он был основан в 1652 году, когда Российское государство начало строительство Белгородской оборонительной (засечной) черты для защиты южных границ державы от татарских набегов. Укрепительная линия протянулась на восемьсот километров от Белгорода до Тамбова. Белгородская черта представляла собой систему городов-крепостей, острогов, земляных валов, лесных засек, а также естественных природных препятствий. Острогожск был заложен как город-крепость в этой многокилометровой оборонительной черте. Свое название он получил от названия реки Острогочи, на берегах которой и был воздвигнут. Всего в границах современного Острогожского района Воронежской области в составе засечной черты было заложено 4 города-крепости: Ольшанск, Коротояк, Урыв и Острогожск. До настоящего времени статус города сохранил лишь Острогожск, который является сегодня центром Острогожского муниципального района Воронежской области.

Первыми жителями г. Острогожска были украинские черкасы, которые бежали от польских притеснений и искали защиты в Московии. С середины XVI в. на западной границе России существовало польско-литовское государство Речь Посполита (территории современной Белоруссии и большая часть Украины). Белорусы и украинцы, проживающие на территории Речи Посполитой, исповедовали православие, но официальной религией данного государства было католическое христианство. Осуществлялась политика гонений и притеснения православных, в результате чего начался массовый поток переселения украинцев в Великороссию, в том числе и на территорию современной Воронежской области. Украинцам (малороссам, «черкасам» как их тогда называли) Московское государство предоставляло земли для поселения за пределами Белгородской черты, в Подонье, на так называемой Слободской Украине. Переселенцам были рады не только потому, что они были единой веры с великороссами - православными, но малороссы помогали русским осваивать и защищать южные границы государства. Московское государство не очень приветствовало переселение русских на юг, а украинцам разрешали заселять и осваивать южные рубежи государства.

В 1652 г. 2000 реестровых казаков Черниговского и Нежинского полков, вместе с семьями и имуществом прибыли на строительство города-крепости Острогожск. Возглавлял казаков полковник Иван Николаевич Дзинковский [1]. Воронежский воевода Арсеньев получил царский указ, который повелевал помогать казакам, возводить и обустроить крепость. Острогожскую крепость, под руководством

воеводы, казаки строили совместно с московскими служилыми людьми. Для своих семей частные строения казаки делали сами. Украинские и русские служилые люди общими усилиями возвели «Новый черкасский городок». Острогожск вошел в состав так называемой Слобожанщины. Как и другие города Белгородской оборонительной линии, он «встал Руси щитом пред кочевой ордой Востока» [1]. Украинцы вместе с русскими осваивали Черноземье и защищали Россию от продолжающихся набегов татар.

История г. Острогожска тесно связана и с царствованием Петра I. Жители города были непосредственными участниками подготовки и осуществления Азовских походов Петра. «Возвращаясь в Москву после второго Азовского похода, Пётр I в начале сентября 1696 года остановился в Острогожске, где встретился с гетманом Украины И.С. Мазепой. Мазепа был заранее приглашён сюда царём. Встреча, по преданию, проходила в специально подготовленном шатре на Майдане (площади). Гетман представил отчёт о положении в Малороссии, о ситуации с казачьими полками и преподнёс Петру украшенные золотом и драгоценными камнями саблю и щит. Мазепа получил ответные дары - Петр подарил ему шубу с собственного плеча за хорошую службу и охрану Малороссии от набегов татар». В настоящее время на этом месте установлен памятный знак города. Это гранитный камень с бронзовым барельефом Петра I и полированной гранитной доской с выбитым на ней текстом: «16 сентября 1696 г. на Майдане Пётр I, возвращаясь из Азовского похода, встречался с гетманом Украины Мазепой и казаками Острогожского полка. Благодарил их за храбрость и верную службу» [2].

В начале XVIII в. южный оборонительный рубеж Русского государства отодвинулся от Белгородской оборонительной черты далеко на юг. Город Острогожск утратил свое стратегическое значение. На смену военному делу в город пришло сельское хозяйство. Острогожск стал центром Острогожского уезда. Изменился его социально-экономический и культурный облик. Дальнейшее развитие города определяли местные жители - дворяне, купцы, ремесленники. Усилиями новых хозяев он все больше становился торговым центром. Постепенно увеличивалась численность населения. В 1856г в городе насчитывалось 7,5 тыс. человек [3]. По переписи 1897 года в городе проживало около 22 тыс. человек. По языковому признаку к украинцам (малоросам) себя относили 51,4 %, к русским (великоросам) – 46,8% населения города Острогожска.

С 1779 по 1928 гг. город был уездным городом Воронежской губернии. Здесь сформировался крупный торговый центр Воронежской губернии. В XIX веке в Острогожске проходили три годовых сельскохозяйственных ярмарки. Здесь собирались купцы из соседних уездов и губерний. Рост городской торговли способствовал развитию ремесла. В 1895 через город Острогожск прошла железная дорога Харьков – Балашов.

Крупный этнический массив украинцев сохранялся в городе до середины 20-х годов XXв. Причём только небольшая часть украинцев сохраняла свой родной язык. К середине XX в. доля украинского этноса в структуре населения города Острогожска значительно сократилась и составляла около 7% от общей доли населения [3]. Это свидетельствует не только о развитии ассимиляционных процессов, но и о том, что часть украинцев мигрировала отсюда в другие районы страны. Доля украинцев в современной структуре населения г. Острогожска незначительна, около 1 % от общей численности населения.

Процессы этнического смешения русских и украинцев на русско-украинском пограничье г.Острогожска носят конфессиональный характер и выражены во многих социокультурных процессах:

- смешанные браки, в результате чего русско-украинская культура тесно переплелась в повседневной жизни, семейном укладе, быте населения;
- сближение разговорной речи двух народов привело к появлению необычного русско-украинского диалекта. Филологи называют его «суржик»;
- сохранение в городском ландшафте элементов традиционно украинской культуры (особенности строительной планировки и украшения жилых домов, организация жилых и хозяйственных построек и пр.);
- «переплетение» русско-украинских национальных кухонь, в результате чего сегодня в городе нет четких этнических гастрономических разграничений;
- проявление «украинских мотивов» в традиционном прикладном народном искусстве, устном народном творчестве, фольклоре и многом другом;
- богатое русско-украинское культурное и историческое наследие города Острогожска, представленное как материальными объектами, так и духовным наследием.

Современное социокультурное пространство г. Острогожска – это результат долгой истории дружелюбного, взаимодополняющего и взаимообогащающего развития двух близких славянских народов – русских и украинцев. В результате длительной ассимиляции языка, культурных, социальных и экономических и связей двух родственных народов и сложилась современная социокультурная специфика города Острогожска.

Литература

1. История Острогожска [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ostrogozhsk.ru/history/index.php>
2. Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В.П. Загорский. – Воронеж: ВГУ, 1991.
3. Проскурина Н.В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области / Н.В. Проскурина // Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017, №4 - С. 95-99.

РЕЙТИНГ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

О.В. Прохорова

*Россия, Калининград, БФУ им. И. Канта,
РАНХиГС при Президенте РФ (Западный филиал)
pov-555@mail.ru*

Аннотация: в статье проведена оценка инвестиционной привлекательности приграничных регионов России, выявлены наиболее привлекательные с точки зрения потенциала и риска регионы, рассмотрены используемые инструменты и опыт ряда приграничных территорий по повышению инвестиционного климата.

Abstract: the article assesses the investment attractiveness of Russia's border regions, identifies the most attractive regions from the perspective of potential and risk, examines the tools and experience of a number of border territories to improve the investment climate.

Ключевые слова: приграничная территория, инвестиционный климат

Key words: border area, investment climate

Россия в силу особого геополитического положения, территориальной протяженности и дифференциации – страна резких межрегиональных экономических, социальных и политических контрастов, возможностей, приоритетов развития, при этом из 85 субъектов РФ 35 имеют приграничное положение и общие сухопутные границы. Такие приграничные территории выполняют особые функции: содействуют повышению прозрачности границ, созданию обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства между органами власти, деловыми кругами и населением приграничных территорий, упрощению взаимного общения во всех сферах; способствуют созданию максимально возможных условий для сотрудничества и экономического развития и процветания регионов, развивают и укрепляют взаимовыгодные гуманитарные и культурные, экономические и производственные связи; способствуют совместному и эффективному развитию и использованию экономической, производственной и социальной инфраструктуры на приграничных территориях; помогают решать ряд вопросов межгосударственных отношений, особенно такие, по которым иногда невозможно и затруднительно принимать решения на более высоком уровне, укрепляют исторически сложившиеся взаимосвязи; способствуют повышению эффективности участия РФ в мировой экономике, а также позволяют привести внутрироссийское законодательство, регулирующее внешнеэкономическую деятельность, в соответствие с общепринятыми правилами и нормами мировой практики, содействуя тем самым выработке экономических и иных стандартов, соответствующих мировым [2].

Одним из важных направлений приграничного сотрудничества является привлечение и рациональное вложение инвестиций, создание совместных предприятий, реализация инвестиционных проектов, взаимовыгодных для обеих сторон и способствующих дальнейшему углублению хозяйственных связей.

Важным фактором при выборе мест и объектов вложения со стороны иностранных инвесторов является инвестиционная привлекательность страны или региона, отражающая уровень благоприятности имеющихся научно-технологических, политических и социально-экономических условий и потенциала для развития.

Любой инвестор при наличии достаточной информации об инвестиционном климате может выбрать регион с наилучшими условиями инвестирования. Инвестиционный климат отражает способность территории к устойчивому развитию,

поэтому актуальным является вопрос о региональных рейтингах инвестиционной привлекательности (инвестиционного климата) российских регионов. Сравним преимущества и недостатки инвестиционного климата ряда приграничных территорий РФ, особенности действия региональных властей по улучшению своих позиций в рейтинге.

Существует широкое многообразие методологических инструментариев построения инвестиционных рейтингов. В международной практике экспертные агентства (эксперты Всемирного банка, консультационной фирмы «PlanEcon», журналов «Multinational Business» и «The Wall Street Journal Europe's») используются как экспертные оценки факторов, так и количественные данные официальной статистики. В отечественной практике инвестиционные рейтинги присваивает Агентство стратегических инициатив (АСИ), рейтинговое агентство «РА Эксперт». Национальный рейтинг уровня инвестиционного климата в субъектах России формируется Агентством стратегических инициатив совместно с ведущими деловыми объединениями, оценивая эффективность работы региональных властей по формированию благоприятной бизнес-среды. В основе Национального рейтинга - мнение бизнес-сообщества, большинство показателей являются опросными. В 2017 году он впервые охватил все регионы и позволил оценить качество инвестиционного климата в динамике (в 2016 году Чукотский и Ненецкий автономные округа, Республика Крым и Севастополь оценивались вне рейтинга). Инвестиционный климат от АСИ измерялся на основе 45 показателей по четырем направлениям: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого предпринимательства. Рейтинг АСИ позволяет региональным администрациям соотносить себя с другими субъектами РФ и находить адекватное положение по тем действиям, которые они предпринимают.

Уровень инвестиционного потенциала и инвестиционный рейтинг, полученный экспертами национального агентства «РА-эксперт», показывает удельный вес региона в общероссийском уровне. Это интегральный показатель, он является декомпозицией частных количественных показателей, характеризующих социальные (труд, образование, здоровье и др.) и экономические (производство, финансы, институциональные преобразования экономики и др.) факторы формирования специфических особенностей региона.

Проанализируем динамику инвестиционного рейтинга приграничных территорий (по данным «РА Эксперт») [5].

Таблица 1

Инвестиционный рейтинг (ранг) приграничных территорий РФ за 2000, 2005, 2010, 2015-2017 гг. (рейтинг потенциала/ рейтинг риска) [5]

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Северо-Западный федеральный округ						
Калининградская область	42/ 3 3B1	33/ 14 3B1	31/ 76 3C1	33/ 30 3B1	32/ 38 3B1	33/37 3B1
Ленинградская область	29/ 30 3B1	19/ 21 2B	29/ 56 3B1	27/ 4 3A1	22/ 4 3A1	23/ 2 3A1
Мурманская область	26/ 16 3B1	32/ 41 3B1	34/ 39 3B1	42/ 69 3C1	42/ 69 3B1	42/ 68 3B1
Псковская область	68/ 33 3B2	59/ 32 3B2	61/ 32 3B2	65/ 61 3B2	66/ 60 3B2	67/ 59 3B2
Республика Карелия	59/ 31 3B2	61/ 54 3B2	66/ 57 3B2	61/72 3C1	61/ 72 3C1	61/ 72 3C1
Центральный федеральный округ						

Белгородская область	22/ 4 2В	24/ 4 3В1	19/ 11 2В	17/ 6 2А	17/ 8 2А	14/ 7 2А
Брянская область	49/ 84 3С1	47/ 70 3С1	43/ 20 3В1	43/ 38 3В1	47/ 36 3В1	45/ 31 3В1
Курская область	35/ 48 3В1	36/ 43 3В1	36/ 16 3В1	36/ 5 3А1	37/ 6 3А1	37/ 10 3А1
Смоленская область	52/ 70 3С1	52/ 50 3В2	50/ 29 3В1	49/ 45 3В1	55/ 54 3В1	54/ 47 3В1
Южный федеральный округ						
Астраханская область	58/ 17 3В2	56/ 59 3В2	59/ 53 3В2	58/ 57 3В1	58/ 61 3В1	60/ 63 3В1
Волгоградская область	23/ 29 2В	21/ 35 2В	22/ 10 3В1	23/ 54 3В1	24/ 52 3В1	27/ 42 3В1
Ростовская область	15/ 25 2В	10/ 6 2В	11/ 2 2А	9/ 21 2В	8/ 21 2В	9/ 18 2А
Северо-Кавказский федеральный округ						
Кабардино-Балкарская Республика	67/ 38 3В2	68/ 85 3Д	67/ 65 3С2	63/ 76 3С2	65/ 78 3С2	68/ 79 3С2
Карачаево-Черкесская Республика	76/ 81 3С2	76/ 81 3С2	72/ 81 3С2	78/ 73 3С2	79/ 79 3С2	79/ 76 3С2
Республика Дагестан	47/ 83 3С1	43/ 84 3С1	35/ 73 3С1	29/ 83 3Д	30/ 83 3С1	29/ 83 3С1
Республика Ингушетия	78/ 88 3С2	78/ 87 3Д	70/ 83 3Д	79/ 84 3Д	78/ 84 3Д	78/ 85 3Д
Республика Северная Осетия-Алания	63/ 71 3С2	64/ 77 3С2	65/ 66 3С2	62/ 80 3С2	64/ 80 3С2	63/ 78 3С2
Чеченская республика	89/ 89 3Д	80/ 89 3Д	78/ 79 3С2	69/ 82 3С2	69/ 81 3С2	69/ 82 3С2
Приволжский федеральный округ						
Оренбургская область	24/ 75 3С1	29/ 29 3В1	27/ 33 3В1	28/ 33 3В1	29/ 24 3В1	32/ 30 3В1
Саратовская область	21/ 7 2В	23/ 27 3В1	21/ 17 2В	24/ 39 3В1	26/ 41 3В1	25/ 43 3В1
Уральский федеральный округ						
Курганская область	65/ 63 3В2	67/ 69 3С2	68/ 46 3В2	70/ 66 3В2	71/ 68 3В2	72/ 70 3В2
Тюменская область	32/ 32 3В1	35/ 12 3В1	25/ 37 3В1	31/ 13 3В1	34/ 14 3В1	31/ 12 3А1
Челябинская область	12/ 73 2С	12/ 56 2В	13/ 49 2В	10/ 27 2В	10/ 30 2В	10/ 34 2В
Сибирский федеральный округ						
Алтайский край	28/ 45 3В1	28/ 72 3С1	28/ 64 3В1	26/ 32 3В1	25/ 31 3В1	26/ 27 3В1
Забайкальский край (Читинская область)	46/ 72 3С1	53/ 67 3С2	46/ 72 3С1	54/ 74 3С1	52/ 75 3С1	53/ 74 3С1
Новосибирская область	18/ 58 2В	18/ 37 2В	16/ 61 2В	15/ 19 2В	15/ 29 2В	16/ 23 2В
Омская область	36/ 64 3С1	30/ 47 3В1	33/ 27 3В1	30/ 29 3В1	31/ 28 3В1	36/ 33 3В1
Республика Алтай	82/ 52 3В2	82/ 45 3В2	80/ 63 3В2	83/ 77 3С2	83/ 73 3С2	84/ 77 3С2
Республика Бурятия	57/ 57 3В1	60/ 63 3В2	56/ 55 3В2	53/ 68 3С1	50/ 70 3В1	50/ 69 3В1

Республика Тыва	79/ 79 3С2	83/ 83 3С2	82/ 78 3С2	82/ 85 3D	82/ 85 3D	82/ 84 3D
Дальневосточный федеральный округ						
Амурская область	45/ 51 3В1	54/ 68 3С2	55/ 47 3В1	68/ 50 3В2	68/ 32 3В2	66/ 48 3В2
Еврейская АО	81/ 54 3В2	79/ 73 3С2	81/ 71 3С2	81/ 71 3С2	81/ 76 3С2	81/ 80 3С2
Приморский край	20/ 44 2В	22/ 58 3В1	18/ 62 2В	21/ 34 3В1	21/ 46 3В1	22/ 53 3В1
Хабаровский край	25/ 61 3В1	27/ 61 3В1	30/ 67 3С1	32/ 46 3В1	33/ 37 3В1	30/ 39 3В1

*Республика Крым не представлена в рейтинге

Оценивая инвестиционную привлекательность приграничных территорий начиная с 2000-х годов можно заметить, что большая часть из них относится к регионам с пониженным потенциалом и умеренным риском (группа 3В1). За последние 3 года бизнес начинает адаптироваться к посткризисным явлениям, что способствует снижению рискованности вложений на региональном уровне, в том числе и благодаря усилиям региональных администраций по созданию приемлемой инвестиционной среды, усовершенствования управленческого инструментария, корректировки экономической парадигмы развития. Например, если до кризиса 2014 года роль тех или иных региональных драйверов была очевидной для конкретных территорий, то сейчас картина социально-экономического развития в региональном преломлении стала расфокусированной. Так, Ростовская область, считающаяся по преимуществу аграрной, в рейтинге 2017 года поднялась на 3 позиции по уровню риска в первую очередь за счет машиностроительных предприятий. А бывает наоборот, факторы, ранее поддерживавшие и определяющие региональное развитие, могут оказать негативный характер, например, ориентация на локализацию иностранных производств потребительских товаров, особенно в автомобилестроении, в 2016 году стала одной из важнейших причин падения Калининградской области в рейтинге по инвестиционному риску на восемь пунктов.

Наибольшее негативное влияние оказывают финансовые и экономические риски, поэтому единственное, чем власти большинства приграничных территорий могут сейчас привлечь инвесторов, – институциональные улучшения условий ведения бизнеса, развитие инфраструктуры и реализация проектов развития. В рейтингах до 2010 года также большое внимание уделялось законодательным и политическим рискам, высокие уровни которых зачастую отпугивали иностранных инвесторов. С 2007 года в связи с отменой прямых выборов губернаторов исключен политический риск, а с 2010 года исключен законодательный риск в связи с выравниванием законодательного поля между регионами и невозможностью без использования масштабных опросов бизнеса оценить правоприменение действующего в регионе законодательства (где проявляются в данный период времени основные региональные различия) [5].

Наиболее привлекательными регионами с точки зрения потенциала и риска являлись Белгородская, Ростовская (они входят в группу 2А – средний потенциал и минимальный риск) и Челябинская область (группа 2В – средний потенциал, умеренный риск), являющиеся относительно привлекательны для вложения иностранных инвестиций. Белгородская область является одним из лидеров в стране по многим показателям благодаря слаженной работе администрации по повышению качества жизни населения и улучшению инвестиционного климата, развитию инновационных производств в промышленности и сельском хозяйстве. Важная

тенденция в развитии области - научные разработки все больше интегрируются в региональное производство, а многие крупные предприятия имеют свои научные центры, лаборатории и целые институты, ряд предприятий применяет методы бережливого управления (повышении качества продукции при одновременном сокращении расходов за счет оптимизации бизнес-процессов). В 2017 году в Белгородской области идет активное наращивание производства и переработки говядины (наряду с Брянской областью), что позволило также укрепить позиции области в рейтинге. При этом активная работа ведется над повышением качества сельскохозяйственной продукции за счет перехода на новую агробιοлогическую систему земледелия; реализации программ по снижению пестицидной нагрузки на почву вплоть до полного отказа от химических средств защиты в растениеводстве, по минимизации использования антибиотиков в производстве продукции животноводства [4].

В Ростовской области также действует целый комплекс мер по поддержке развития малого и среднего бизнеса, по улучшению инвестиционной и инновационной инфраструктуры: сформированы: перспективные инвестиционные площадки, семь промышленных парков, 4 бизнес-инкубатора, промышленный коворкинг, Единый региональный Центр инновационного развития, органы по сертификации на территории Ростовской области, Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства, Гарантийный фонд Ростовской области. Реализуется множество инвестиционных проектов (в основном в аграрном секторе, в машиностроении). Также в области действует инвестиционное законодательство, предполагающее целый набор преференций для потенциальных инвесторов [1, 3].

Наименее привлекательными и обладающими низким потенциалом и высокими рисками являются республики Северного Кавказа. В числе основных проблем непривлекательности данных республик выделяют: безработица, низкий уровень высококвалифицированных кадров, незавершенность внедрения стандартов деятельности органов власти на местах по созданию инвестиционного климата, низкий уровень развития сферы государственно-частного партнерства.

Таким образом, среди основных причин высокой инвестиционной привлекательности являются усилия региональных властей по формированию новых конкурентных преимуществ, по совершенствованию условий ведения бизнеса, развитию инфраструктуры и системы поддержки, нормативно-правовая поддержка и гарантии инвесторам, наличие и реализация четкой инвестиционной и инновационной стратегии развития, создание особых режимов функционирования, например, режим Особой экономической зоны в Калининградской области. Также в основе успеха и прорыва ряда приграничных регионов лежат масштабные инвестиционные программы: собственные, в рамках государственно-частного партнерства или при поддержке федерального бюджета. Благодаря массированным вливаниям из федерального бюджета стремительно улучшают в рейтинге свои показатели Крым и Севастополь (хоть мы и не рассматривали их в общем рейтинге). При активном участии бизнеса начинает работать госпрограмма развития Дальнего Востока, в результате чего Хабаровский край и Амурская область несколько улучшили свои позиции в рейтинге. Однако в целом по итогам рейтинга 2015-2017 гг. можно выявить тенденцию «поляризации» регионов, означающую постепенный рост региональных диспропорций, приводящих к усилению лидерских позиций успешных регионов и упрочнению ухудшению позиций аутсайдеров.

Литература

1. Инвестиционный портал Ростовской области. Электрон. дан. URL: <https://invest-don.com/ru/> (дата обращения: 11.05.2018).
2. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 9.02.2001 № 196.
3. Официальный портал Правительства Ростовской области. Электрон. дан. URL: <http://www.donland.ru/economy/Invest/?pageid=76307> (дата обращения: 11.05.2018).
4. Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области. Электрон. дан. URL: https://www.belregion.ru/press/news/index.php?ID=23007&spphrase_id=92125 (дата обращения: 11.05.2018).
5. Официальный сайт рейтингового агентства «РА Эксперт». Электрон. дан. URL: <https://approval.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения: 11.05.2018).

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Г.В. Ридевский

*Республика Беларусь, Могилёв, МГОИРО
ridgeo@yandex.ru*

Аннотация: В статье дана оценка технико-технологической модернизации регионов российско-белорусского приграничья в 2011-2016 гг. Техничко-технологическая модернизация регионов приграничья оценивалась как отношение инвестиций в основной капитал к потребности в инвестициях.

Abstract: The evaluation of technical and technological modernization of regions of the Russian-Belarusian border-area in 2011-2016 is presented. Technical and technological modernization of regions of the border area was evaluated as a ratio between fixed asset investments and investment needs.

Ключевые слова: технико-технологическая модернизация, регионы, российско-белорусское приграничье, инвестиции в основной капитал, потребность в инвестициях.

Key words: technical and technological modernization, regions, Russian-Belarusian border area, fixed asset investments, investment needs.

Модернизация в современном мире – перманентный процесс технико-технологических, социальных и институциональных изменений, способствующих устойчивому и инклюзивному экономическому росту. Модернизационные процессы актуальны и для регионов российско-белорусского приграничья, включающего шесть областей, расположенных на границе Российской Федерации и Республики Беларусь, активно теряющих своё население в результате отрицательного естественного и механического прироста населения на протяжении последних десятилетий. С начала 1991 г. по начало 2018 г. население российско-белорусского приграничья сократилось на 17,1 %. Демографическое развитие в определенной мере отражает и социально-экономическое неблагополучие российско-белорусского приграничья в постсоветский период его истории.

Цель настоящей статьи – оценка уровня технико-технологической модернизации регионов российско-белорусского приграничья для оптимизации региональной политики и управления модернизационными процессами. В качестве объектов исследования рассматривались регионы приграничья разного иерархического уровня, в том числе: области, внутриобластные регионы и муниципальные (административные) районы. В состав последних включались городские округа и города областного подчинения. Поскольку в приграничье России и Беларуси активно протекают центр-периферийные процессы, приводящие к расслоению районов на функциональные типы,

играющие различную роль в границах внутриобластных регионах приграничья, дана также оценка технико-технологической модернизации районов экономического ядра (ЭЯ), экономической полупериферии (ЭПП) и экономической периферии (ЭП). Это позволило выявить приоритетные территории для осуществления инвестиционной политики в российской и белорусской частях приграничья.

Районы ЭЯ концентрируют большую часть населения и экономического потенциала российско-белорусского приграничья. Они представлены районами, возглавляющими внутриобластные регионы, которые в силу единства процессов расселения, хозяйствования и природопользования можно назвать социально-эколого-экономическими районами (СЭЭР). В приграничье двух стран сложилось 16 СЭЭР. Центрами районов ЭЯ являются наиболее значимые города СЭЭР – регионополисы. Некоторые СЭЭР не совпадают с границами областей, а четыре района белорусской части приграничья России и Беларуси, входят в состав СЭЭР, центрами которых являются регионополисы Минской области (рис. 1).

Города: А – главные регионополисы, Б – прочие значимые центры
 Границы: В – районов, Г – СЭЭР, Д – России и Беларуси
 Районы: 1 – ЭЯ, 2 – ЭПП, 3 – ЭП

Рис. 1. Распределение районов ЭЯ, ЭПП и ЭП в границах СЭЭР российско-белорусского приграничья

Регионы ЭПП – это районы расположения городов-субрегиональных центров, распространяющих своё влияние на два-три соседних района в границах СЭЭР, а также пригородные районы городов-регионополисов. Районы ЭЯ и ЭПП имеют узловое

расположение в приграничье России и Беларуси, районы ЭП – фоновое, т.е. окружают районы двух первых групп. Районы ЭП занимают большую часть площади приграничья и представлены максимальным числом районов (87 из 139-ти).

Под технико-технологической модернизацией регионов приграничья понималось отношение инвестиций в основной капитал за 2011-2016 гг. к потребности в инвестициях. Потребность в инвестициях рассчитывалась с учётом площади регионов приграничья, уровня их хозяйственной освоенности, численности населения, экономического потенциала и уровня социально-экономического развития.

Потребность в инвестициях в регионах российско-белорусского приграничья отличается значительной территориальной концентрацией, что обусловлено высокой концентрацией населения и экономического потенциала. На 18 районов ЭЯ приходится около 56,4 % всей потребности в инвестициях шести областей приграничья, на 34 района ЭПП – 20,2 %, на 87 районов ЭП – 23,4 %. Различия между районами приграничья по потребности в инвестициях на конец 2016 г. достигли 62,2 раз (Гомельский район и Глинковский район Смоленской области). При этом потребности в инвестициях белорусские и российские областей приграничья примерно равны (табл.1).

Таблица 1

Потребности в инвестициях, инвестиции в основной капитал, чистая прибыль организаций, индексы технико-технологической модернизации и экономической отдачи инвестиций регионов российско-белорусского приграничья в 2011-2016 гг.

Регионы	ЭЯ	ЭПП	ЭП	Все районы
Потребность в инвестициях, %				
Российско-белорусское приграничье	56,349	20,211	23,440	100,000
Российские регионы	25,126	12,050	12,303	49,479
Белорусские регионы	31,223	8,161	11,137	50,521
Инвестиции в основной капитал, %				
Российско-белорусское приграничье	57,609	27,009	15,382	100,000
Российские регионы	15,839	9,384	2,832	28,055
Белорусские регионы	41,770	17,625	12,550	71,945
Индекс технико-технологической модернизации (Итгм), %				
Российско-белорусское приграничье	1,022	1,336	0,656	1,000
Российские регионы	0,630	0,779	0,230	0,567
Белорусские регионы	1,338	2,160	1,127	1,424
Чистая прибыль организаций, %				
Российско-белорусское приграничье	89,784	4,990	5,226	100,000
Российские регионы	43,450	3,820	1,249	48,519
Белорусские регионы	46,334	1,170	3,977	51,481
Индекс экономической отдачи инвестиций (Иэои)				
Российско-белорусское приграничье	1,559	0,185	0,340	1,000
Российские регионы	2,743	0,407	0,441	1,729
Белорусские регионы	1,109	0,066	0,317	0,716

За 2011-2016 гг. шесть областей российско-белорусского приграничья получили около 49,6 млрд. долл. США инвестиций. Почти 72 % их общего количества пришлось на регионы белорусской части приграничья и около 28 % на регионы российской части

приграничья. Максимальный объём инвестиций был использован в регионах приграничья в 2013 г. – более 10,7 млрд. дол. В 2014-2016 гг. в приграничье двух стран наблюдался инвестиционный кризис. Инвестиции в российских регионах в 2016 г. составили 51,5 % от 2013 г., а в белорусских регионах приграничья – 35,7 %.

На уровне районов приграничья концентрация инвестиций более выражена, чем концентрация потребностей в них. На районы ЭЯ за 2011-2016 гг. пришлось 57,6 % всех инвестиций российско-белорусского приграничья, на районы ЭПП – 27,0 %, на районы ЭП – 15,4 %. Различия в инвестициях в основной капитал между районами приграничья составили за рассматриваемый период 1611,4 раз (Гомельский район и Рогнединский район Брянской области). Гомельский район в российско-белорусском приграничье – абсолютный лидер как по потребности в инвестициях, так и по объёмам их использования.

Индекс технико-технологической модернизации (Итм), рассчитываемый как отношение инвестиций к потребности в них – результирующий показатель уровня технико-технологической модернизации регионов приграничья России и Беларуси.

Итм свидетельствует, что уровень технико-технологической модернизации в белорусских регионах приграничья существенно (в 2,5 раза) опережает уровень технико-технологической модернизации в российских регионах приграничья, страдающих от недостатка инвестиций в основной капитал в сравнении с белорусскими регионами.

Среди областей российско-белорусского приграничья по Итм лидируют Гомельская, Могилёвская и Витебская области, среди аутсайдеров модернизации – Брянская, Смоленская и Псковская области. На уровне СЭЭР по уровню технико-технологической модернизации (Итм больше 1,500) выделяются Бобруйский и Кричевский СЭЭР. К числу СЭЭР с минимальным уровнем технико-технологической модернизации (Итм меньше 0,400) Великолукский, Сафоновский и Клиновский СЭЭР. На уровне районов, СЭЭР и областей приграничья отмечается существенная корреляция в темпах технико-технологической модернизации и убыли населения.

В силу неравномерного распределения инвестиций по белорусской и российской части приграничья можно утверждать, в российских регионах приоритетное инвестирование характерно для районов ЭПП и ЯЭ, в белорусских регионах – для районов ЭПП (в сравнении со средним уровнем инвестирования по российским и белорусским регионам приграничья). Районы ЭП в обеих частях приграничья испытывают недостаток инвестиций, относительный недостаток инвестиций характерен и для районов ЭЯ в белорусской части приграничья.

Насколько верна принятая стратегия инвестирования в белорусской и российской частях приграничья можно судить на основе индекса экономической отдачи инвестиций (Иэои), который может быть рассчитан как отношение доли района в чистой прибыли организаций приграничья к доли инвестиций соответствующих районов к суммарному объёму инвестиций во всех регионах приграничья.

За 2011-2012 гг. чистая прибыль организаций приграничья составила около 17,8 млрд. дол. США и примерно равномерно распределилась между областями российской и белорусской частей приграничья. 89,8 % всей чистой прибыли пришлось на районы ЭЯ, около 5,0 % – на районы ЭПП и 5,2 % на районы ЭП. Наибольшую чистую прибыль организаций за рассматриваемый период получил Брянский район (более 34 % все чистой прибыли по российско-белорусскому приграничью). Среди районов ЭПП наибольшую чистую прибыль получил Дорогобужский район Смоленской области (5,1%). Без Дорогобужского района все районы ЭПП российско-белорусского приграничья были бы убыточными.

Наибольшая экономическая эффективность инвестирования характерна для районов ЭЯ (Иэои 1,559), наименьшая – для районов ЭП (Иэои 0,185). Ярко проявляется более высокая экономическая отдача инвестиций в российских регионах приграничья в сравнении с белорусскими регионами. Причем это характерно как для районов ЭЯ, так и для районов ЭПП и ЭП. Особенно низка экономическая отдача инвестиций в белорусских регионах ЭПП – приоритетных районах для инвестирования в белорусском приграничье. Основная причина низкой экономической отдачи инвестиций в белорусских регионах приграничья в сравнении с российскими, вероятно связана с низким качеством проработки инвестиционных проектов, которые часто принимаются на самом высоком государственном уровне и не всегда учитывают конкретные условия инвестирования в те или иные регионы, в недостаточной степени основаны на маркетинговых исследованиях и не всегда учитывают возможные риски инвестирования. В значительной степени это связано с активным вмешательством государства в экономические процессы и навязыванием организациям всех форм собственности тех или иных инвестиционных проектов. Примеров тому много. Это недостаточно обоснованная модернизация цементных заводов в Кричевском и Костюковичском районах Могилёвской области, создание в Светлогорске завода беленой целлюлозы, картонной фабрики в Добруше, модернизация деревообрабатывающих предприятий в ряде районов и др.

Безусловными лидерами среди регионов приграничья по экономической отдаче инвестиций стали Сафоновский (благодаря энергетикам Дорогобужского района), Брянский и Смоленский СЭЭР (Иэои больше 1,500). Средний уровень экономической эффективности имеют Мозырский, Гомельский, Полоцкий и Витебский СЭЭР (Иэои от 0,751 до 1,500), а остальные СЭЭР – низкий (Иэои меньше 0,750). Если низкая экономическая отдача инвестиций в таких СЭЭР как Великолукский (Иэои 0,139) и Клинецовский (0,553) может быть объяснена их хроническим недофинансированием, то низкая эффективность инвестиций в Бобруйском (0,105) и Кричевском (0,065) СЭЭР связана с тем, что эти регионы не смогли «переварить» поток инвестиций, направленных на модернизацию входящих в них Кричевского, Костюковичского, Осиповичского, Светлогорского и Жлобинского районов. Другими словами к снижению эффективности экономической деятельности ведёт не только недостаток инвестиций, но их «избыток», т.е. инвестирование без учёта собственного инвестиционного потенциала того или иного района. Вяземский СЭЭР – единственный из СЭЭР приграничья России и Беларуси с убытками от хозяйственной деятельности по итогам 2011-2016 гг.

Исходя из оценки технико-технологической модернизации в регионах приграничья России и Беларуси можно сделать следующие основные выводы:

1. Техничко-технологическая модернизация в регионах российской части приграничья существенно отстаёт от соответствующей модернизации регионов белорусской части приграничья. Регионы российского приграничья нуждаются в более существенных инвестициях. Имея соизмеримые потребности в инвестициях и близкие объёмы чистой прибыли организаций в сравнении с белорусскими регионами приграничья они получают инвестиций в 2,5-2,6 раз меньше. В российском приграничье необходима разработка специальной стратегии, направленной на активизацию инвестиционной политики, и привлечение инвестиций как из государственного бюджета всех уровней, так и за счёт более широкого вовлечения в процессы инвестирования организаций частного национального бизнеса, иностранных инвесторов, физических лиц.

2. Российские и, особенно, белорусские регионы приграничья нуждаются в оптимизации инвестиционной политики. Основными объектами инвестиционной

политики должны быть не районы ЭПП, а районы ЭЯ, обладающие самой высокой эффективностью использования инвестиций и самой высокой потребностью в инвестициях, которая постоянно растёт в силу концентрации в них населения и экономического потенциала. Для регионов ЭПП и ЭП более актуальными видами модернизации являются социальная (прежде всего повышение уровня жизни населения) и институциональная (расширение возможностей для развития малого бизнеса) модернизация.

3. В белорусских регионах приграничья актуальной проблемой является повышение научной обоснованности инвестиционных проектов и снижение уровня государственного вмешательства в инвестиционные процессы – это будет способствовать повышению уровня экономической отдачи инвестиций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, № Государственной регистрации 20172030.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Н. А. Рогалевич,
Россия, Петрозаводск, ПетрГУ
barboos98@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются результаты эмпирического исследования на тему «Социальное иждивенчество среди молодежи Республики Карелия».

Abstract: the article examines the results of an empirical investigation on the topic "Social dependency among young people".

Ключевые слова: социологическое исследование, социальное иждивенчество, молодежь, Республика Карелия.

Key words: sociological investigation, social dependency, youth, the Republic of Karelia.

Молодежь является двигателем прогресса, а также интеллектуальным ресурсом общества, и от того, какие ориентиры она себе выбирает, зависит будущее страны. Все чаще у молодых людей отмечается потребительская ориентация, инфантильность, приоритет материальных ценностей, отсутствие планов. Это в свою очередь введет к деформации мотивационно-потребностной сферы личности, искусственной задержке личностного развития, а также к отсутствию возможности занять активную социальную позицию, развивая в себе психологию иждивенчества.

Для современной России, а, следовательно, и для Республики Карелия (далее РК), актуальность исследования иждивенческих настроений несомненна, так как данная проблема относится к числу малоизученных. В имеющихся немногочисленных работах проблема социального иждивенчества рассматривается в контексте изучения бедности, социального неравенства и патернализма, не становясь предметом отдельного исследования. Также стоит отметить, что в практике социальной работы в России не существует технологий выявления данного социального феномена среди населения, более того, не разработаны программы профилактики, а также борьбы с конкретным случаем.

В связи с этим, с марта по апрель 2018 года было проведено анкетирование на территории РК. С помощью интернет ресурса «Google Form» было опрошено четыреста семнадцать респондентов. Отбор респондентов осуществлялся стихийным образом по возрастному квотированию (от 14 до 30 лет). Выборка отражает основные характеристики генеральной совокупности по полу, возрасту и уровню образования. Исследование носило поисковый характер.

Цель исследования состояла в изучение ценностных и жизненных ориентиров у молодежи РК в возрасте от 14 до 30 лет для определения наличия или отсутствия иждивенческих позиций и настроений. Для достижения поставленной цели необходимо было выполнить ряд задач: -) определить социальные группы среди молодежи, придерживающиеся стратегии социального иждивенчества в РК; -) охарактеризовать позиции и настроения молодых людей РК.

Объектом исследования являлась молодежь РК в возрасте от 14 до 30 лет. В качестве предмета исследования рассматривались ценностные и жизненные ориентиры молодежи РК в возрасте от 14 до 30 лет.

Был выдвинут ряд гипотез: предполагается, что:

- стратегии социального иждивенчества среди молодежи РК придерживаются больше женщины, чем мужчины;
- чем выше уровень образования у молодого человека, тем меньше он будет придерживаться стратегии социального иждивенчества;
- чем старше молодой человек, тем сильнее у него прослеживается ответственность за собственное благополучие.

В качестве основной литературы были использованы статьи: Ефимовой Галины Зиновьевны «Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества», в которой рассматриваются причины и проявления социального инфантилизма молодежи в студенческие годы; Шевелевой Надежды Павловны и Кузнецова Ивана Сергеевича «Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи», в которой рассматриваются причины распространения иждивенчества как осознанной жизненной стратегии среди молодежи, факторы формирования личности «молодого иждивенца».

В анкетировании приняло участие четыреста семнадцать респондентов. Из них 57,6% (240 человек) – это женщины; а 42,4% (177 человек) – мужчины. По уровню образования респонденты поделились на тех, кто получил: среднее (неполное: 9 классов) – 22,6% (93 человека); среднее (полное: 11 классов) – 14,1 % (58 человека); среднее профессиональное образование – 15,1 % (62 человека); незаконченное высшее – 15,1 % (62 человека), высшее (специалитет) – 11,9% (49 человек); высшее образование (бакалавриат) – 13,4 % (55 человек); высшее образование (магистратура) – 7,8 % (32 человека). Возрастной состав респондентов: от 14 до 17 лет – 21,9 % (90 человек); от 18 до 22 лет – 32,4 % (133 человека); от 23 до 27 лет – 24,1% (99 человек); от 28 до 30 лет – 21,7% (89 человек).

48,5% (202 человека) опрошенной молодежи учатся: в школе – 17,5% (72 человека); в учреждении начального или среднего профессионального образования – 8,9% (37 человек); учится в вузе – 22,1% (91 человек); – 39,9 % работает (164 человека), а безработной молодежи – 6,3% (26 человек).

На вопрос, задача которого заключалась в выяснении жизненной стратегии респондента, были даны ответы: я с оптимизмом смотрю в будущее – 48,2% (198 человек); я не думаю, что смогу хорошо устроиться в жизни – 18,2% (75 человек); у меня нет четких планов на будущее, я не знаю, в какой сфере смогу себя применить –

20% (83 человека). Это говорит нам о негативном настрое молодежи на свое будущее, а следовательно, о потере мотивации на собственное развитие во всех направлениях.

На вопрос, который подразумевал выяснить ценностные ориентиры респондента, были получены такие ответы: семья – 64,7% (266 человек), хорошее здоровье – 43,8% (180 человек), интересная работа – 34,1% (140 человек). Это говорит нам о том, что одним из главных ориентиров молодых людей является интересная работа, то есть возможность реализовать свой профессиональный потенциал.

Респондентам были заданы вопросы, которые по своей структуре требовали развернутого ответа и подразумевали определение опрашиваемым своих ориентиров и целей на будущее. В результате, были даны разные ответы. Большая часть молодежи, а именно 68,4% (281 человек), не смогли точно сформулировать своих целей.

На вопрос, задача которого заключалась в выяснении желания достичь успехов в профессиональной сфере, были получены ответы: да – 73% (300 человек), скорее да – 18% (74 человека), скорее нет – 5,1% (21 человек), нет – 1,7% (7 человек), затрудняюсь ответить – 2,2% (9 человек).

Среди опрошенных: 59,1% (243 человека) респондентов хотели бы не работать, но получать фиксированный доход, лишь 13,9% (57 человек) точно говорит о том, что категорически против данной идеи. В то же время, слово «безработица» у молодых людей ассоциируется со словами: страх, неопределенность, стыд и т.д. В свою очередь, это дает нам понять, что отсутствие работы у молодого поколения вызывает негативные чувства.

Стоит отметить, что среди опрошенных респондентов, поддерживающих позицию социального иждивенчества – 15,8% (65 человек), осуждающих такую позицию – 39,7% (163 человека), затрудняющихся ответить – 39,4% (162 человек). Мы видим, что у 1/3 опрошенных нет четкой позиции по данному вопросу.

Респонденты возлагают ответственность за собственное благополучие на: себя – 78,8% (325 человек), государство – 42,2% (175 человек), специалисты – 16,9% (69 человек). Это дает нам понять, что несмотря на то, что люди готовы самостоятельно отвечать за свое благополучие, все равно необходим своего рода патронаж в виде государства или специалистов.

На вопрос, который подразумевал выяснить мнение о категории населения, которая в настоящее время больше всего подвержена безработице, были получены такие ответы: молодежь от 18 до 30 лет – 67,6% (278 человек), лица среднего возраста (от 30 до 40 лет) – 5,6% (23 человека), лица старшего возраста (от 40 до 55 лет) – 8,5% (35 человек), пенсионеры – 18,2% (75 человек).

Респондентам было предложено раскрыть причины зависимости молодых людей от материальных благ общества и государства. В результате были выделены следующие социальные проблемы: безработица – 51,1% (211 человек), низкий уровень жизни населения – 42,6% (176 человек) и положение молодежи как рабочей силы на рынке труда – 31% (128 человек). Полученные данные говорят о том, что на формирование иждивенческого настроения молодежи воздействуют не только личностные установки, но и социальные проблемы, связанные с молодежью.

Решением проблемы потребительской позиций молодых людей респонденты видят в: ограничение круга лиц трудоспособного возраста, находящихся на государственном содержании, кроме лиц, объективно нуждающихся в социальной поддержке – 24,1% (99 человек); создание новых рабочих мест в трудоемких отраслях – 56,7% (233 человека); заключение социального контракта с благополучателем – 6,1% (25 человек); повышении эффективности деятельности территориальных центров занятости – 11,7% (48 человек).

Стоит отметить, что иждивенческое настроение отмечается больше у мужчин (65,1%), нежели чем у женщин (55%). При этом, мужчины больше возлагают ответственность за собственное благополучие на себя (89%), а женщины – в равной мере и на себя (66,6%), и государство (50,4%)

Была замечена тенденция, что респонденты, получившие высшее образование, больше придерживаются иждивенческого настроения (66,1%), чем люди, получившие: среднее образование (школьное) (64,2%), среднее специальное образование (50%), - и люди, которые не закончили высшее профессиональное образование. При этом, чем выше образование респондента, тем сильнее наблюдается чувство личной ответственности за собственное благополучие.

Наблюдается, что чем старше молодежь, тем сильнее прослеживается чувство собственной ответственности у молодых людей за свое благополучие.

Таким образом, с апреля по март 2018 года было проведено исследование в форме анкетирования на территории РК, в котором приняло участие 413 молодых людей. Выборка отражает основные характеристики генеральной совокупности по полу, возрасту, и уровню образования. Из проведенного исследования видно, что женщины больше, чем мужчины, имеют склонность проявлять пассивность в жизни общества. Выяснилось, что уровень образования не влияет на чувство ответственности за собственное благополучие. Но чем старше человек, тем более серьезно он воспринимает обязанность самостоятельно заботиться о своем благополучии. Также стоит отметить, что в действительности социальное иждивенчество среди молодежи носит лишь латентный характер. В связи с этим, возрастает необходимость разработки технологии по профилактике данного социального феномена.

Литература

1. Грешнов И. В., Некрасова Е. А. Социальное иждивенчество [Текст] / И. В. Грешнов, Е. А. Некрасова // Экономика и социум. - Издательство: ООО "Институт управления и социально-экономического развития". – Саратов. – 2016. – № 6-1. – С. 521-522. – ISSN 2225-1545.
2. Ефимова Галина Зиновьевна. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества [Электронный ресурс] / Е. Г. Зиновьева // Интернет-журнал «Науковедение». – Тюменский государственный университет. – Тюмень. – 2014. – № 6 (25). – URL: https://vk.com/doc3582185_459315786?hash=ac3d229977c3e047ff&dl=6c8a26cf2fa4e162d4 (дата посещения 5.02.2018).
3. Рудица Н. Б., Кузнецов И. С. Социальное иждивенчество: феноменология и стратегия управления [Текст] / Н.Б. Рудица, И.С. Кузнецов // Вестник инновационного Евразийского университета. – Павлодар. – 2012 г. – № 4. – С. 176-178.
4. Шевелева Надежда Павловна, Кузнецов Иван Сергеевич. Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи [Электронный ресурс] / Н. П. Шевелева, И. С. Кузнецов // Социологические науки. – Тюменский государственный университет. – №18. – 2015. – URL: https://vk.com/doc3582185_459315785?hash=99fa334bea829450fe&dl=5f074951acbddec266 (дата обращения 5.02.2018).

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

О.С.Руднева

Россия, Оренбург, Институт степи УрО РАН

Ksen1909@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрено современное состояние и особенности природопользования на российско-казахстанской трансграничной территории. Проведен анализ устойчивости природопользования на трансграничной территории. Определены основные направления перехода к устойчивому развитию.

Abstract: The article deals with the current state and features of nature on the Russian-Kazakh transboundary territory. The analysis of environmental sustainability in the transboundary territory is carried out. The main directions of transition to sustainable development are defined.

Ключевые слова: природопользование, трансграничный регион, устойчивое развитие.

Key words: nature management, transborder region, sustainable development.

Наличие в российско-казахстанском трансграничье сравнительно богатой природно-ресурсной базы привело к тому, что территория развивалась в основном как сырьевой регион. Доля валового регионального продукта за счет использования этой базы составляет 45 %. Высокая доля добывающей промышленности, в некоторых приграничных областях составляющая более 80%, преобладание «грязных» отраслей обрабатывающей промышленности и ведение повсеместного экстенсивного сельскохозяйственного производства – все это определяет значительную антропогенную нагрузку на экосистемы трансграничного региона, снижении которой возможно при переходе к системе устойчивого природопользования. [1,2,3]

Природопользование имеет следующие стадии: использование ресурса, его охрана и защита, возобновление ресурса, либо воспроизводство минерально-сырьевой базы и, наконец, замещение ресурса. [4] Ключевым моментом в формировании региональной политики являются поиск и обеспечение баланса ресурсно-экономических факторов с экологическими ограничениями для конкретной территории.

Глубокие порайонные различия в природных условиях и дифференциация в уровне экономического развития приграничных регионов России и Казахстана обуславливают большое разнообразие жизнедеятельности человека, которое в свою очередь, предопределяет региональные экологические природоохранные проблемы, связанные с региональным природопользованием и территориальной организацией хозяйства.

Для представления полной ситуации о состоянии современной системы природопользования в трансграничье была адаптирована региональная система показателей, характеризующей уровень потребления, характер использования, состояние (количество и качество) и охрану природных ресурсов.

Земельные ресурсы - площадь сельхозугодий, селитебно-производственных и транспортных землепользований относительно общей площади земель; площадь используемой пашни; доля рекультивированных земель по отношению к нарушенным.

Водные ресурсы - ежегодный забор поверхностных и подземных вод; объем сброса сточных вод; удельный расход воды на единицу ВРП сельскохозяйственного производства и промышленности.

Атмосферный воздух - выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух; доля улавливаемых, обезвреживаемых загрязняющих веществ; общее количество выбросов на единицу ВРП.

Отходы производства и потребления - образование отходов производства и потребления; доля отходов, переданных на хранение, захороненных, обезвреженных, повторно использованных; общее количество отходов на единицу ВРП.

На основе этого комплекса индикаторов хозяйственной деятельности был рассчитан индекс устойчивого природопользования, который определяет степень антропогенного давления на среду.

Расчеты выстроены так, что при величине индекса 0 в регионе наблюдается наименее экологически сбалансированное природопользование, при индексе, стремящемся к 1 система природопользования приграничного региона наиболее устойчива.

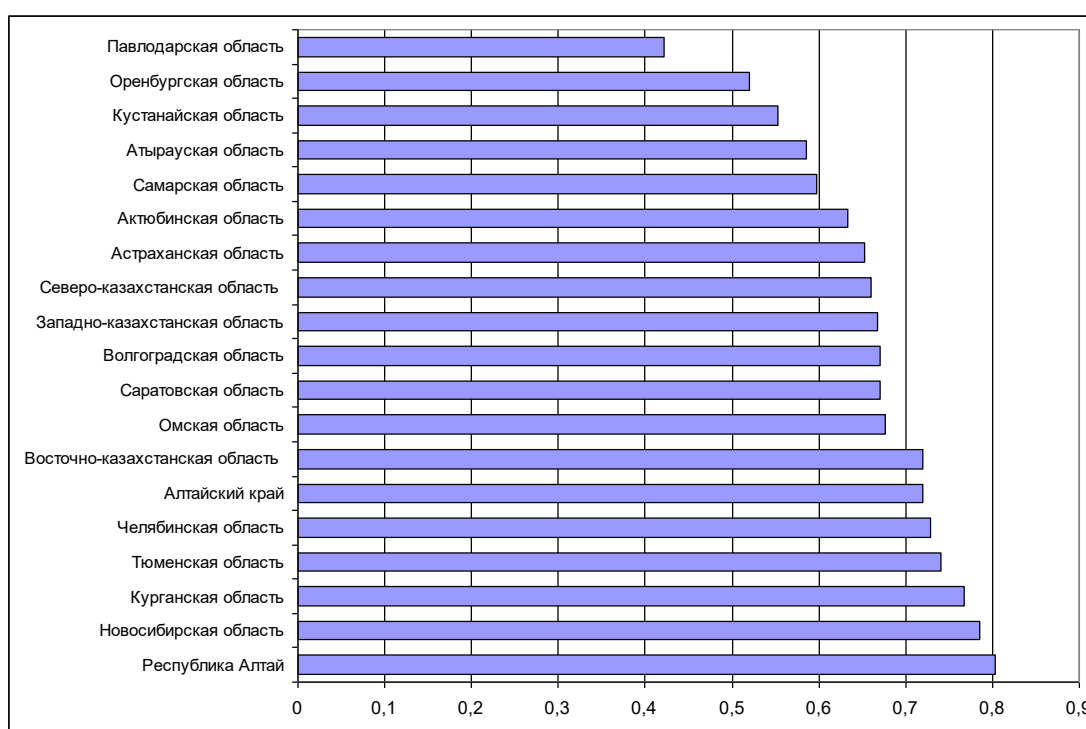

Рис. 1. Индекс устойчивого природопользования в российско-казахстанском трансграничье

К основным условиям устойчивого природопользования можно отнести: эффективное вложение в экономику доходов от использования невозобновимых ресурсов, темпы изъятия не должны превышать замены альтернативными видами возобновимых ресурсов; устойчивое неистощенное использование возобновимых ресурсов, темпы изъятия не превышают темпы восстановления; сохранение природного наследия.

Изучая структуру региональной системы природопользования, следует проанализировать виды использования ресурсов, производство, социальную и технологическую сферу. В структуре системы природопользования все элементы находятся в тесной взаимосвязи между собой и окружающей средой. Промышленное производство – один из элементов структуры природопользования. В связи с особенностями сложившейся современной социально-экологической ситуации современному производству предъявляется два условия. Первое – производство

должно не только создавать материальные блага, но и обезвредить продукты своей деятельности. Второе - продукты производства после использования должны относительно легко снова превращаться в продукты производства. [5] Промышленность остается главным фактором негативного воздействия на природную среду. Последствия такого воздействия многообразны: изменение форм рельефа в результате горных разработок, изъятие естественных участков под промышленные объекты, загрязнение атмосферы, водных объектов, почвенного покрова и т.д.

Степень воздействия промышленности на окружающую среду зависит не только от масштабов промышленного производства, мощности отдельных предприятий и территориальной их концентрации, но и от вредности некоторых видов производств. Для Российско-Казахстанской трансграничной территории характерны все основные составляющие, определяющие повышенное отрицательное влияние промышленности на природную среду: крупные масштабы промышленного производства, высокая степень концентрации промышленных объектов, сложная отраслевая структура промышленности, включающая отрасли высокого класса вредности (горнодобывающая, металлургическая и химическая).

Россия и Казахстан находятся на ресурсорасточительной стадии развития с переходной экономикой, основанной на экстенсивном использовании и продаже природных ресурсов. [6] Устаревшие технологии производства, морально и физически изношенное оборудование и инженерные коммуникации не только не могут обеспечить необходимые темпы развития экономики, но приводят к истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды. Радикальным методом защиты атмосферы от загрязнения служит ликвидация выбросов до их поступления в атмосферу. Для этого необходимо применение безотходных технологий, замена вредных материалов безвредными, применение новейших конструкций фильтров, выбор наиболее подходящей технологии очистки, а также подавление выбросов двигателей автотранспорта.

Спад производства в связи с экономическим кризисом 1990—1998 гг. не только не улучшил экологическую ситуацию, но и существенно углубил проблему, превратив ее в системную. Специфика переходного периода в экономике России и Казахстана заключается в том, что практически все крупные изменения в сфере природопользования происходили отдельно от экологической политики и в большой степени были обусловлены макроэкономической ситуацией в стране и фактором структурной перестройки экономики.

В период затяжного кризиса экономики России и Казахстана в 90-х годах первой жертвой пали фонды природоохранного назначения, кризис системы внутрипроизводственных отношений привел к технологической деградации и к дополнительным потерям ресурсов. Неиспользуемое оборудование старело физически и морально, установленные мощности перестали быть функциональными, сокращение численности занятых и закономерное снижение квалификации кадров. В условиях экономического спада производства перешли на работу с неполной, и следовательно, неэффективной с точки зрения ресурсоемкости загрузкой мощностей.

Таким образом, структурные сдвиги, произошедшие в промышленности, лишь усилили деформацию отраслевой структуры валового загрязнения, т. к. привели к еще большему «утяжелению» экономики, увеличению доли наиболее ресурсоемких, энергоемких и «грязных» отраслей.

В итоге в период спада основное снижение нагрузок на окружающую среду было обусловлено сокращением промышленного производства. Экологические платежи не оказали достаточного влияния на изменения в структуре промышленности.

Максимальное сокращение объемов производства наблюдалось в высокотехнологичных секторах и отраслях, выпускавших товары народного потребления.[7]

Следствием этого стало резкое увеличение доли отраслей сырьевого комплекса в загрязнении окружающей среды. Складывавшиеся в переходный период обстоятельства максимально способствовали формированию наименее благоприятной, с точки зрения показателей экологичности, структуры промышленного производства.

Необходимость оснащения современного производства очистными сооружениями следует рассматривать только как этап, хотя и очень важный, на пути совершенствования природопользования. Одновременно с проведением этого этапа нужно переходить к следующему, более важному и радикальному этапу – перестройке самого типа технологии производства. Необходимо переходить к безотходному производству с возможно более полной утилизацией всего комплекса веществ, поступающих в производственно - бытовую систему производства. Промышленное производство лишь одна из многих составных частей комплекса антропогенных дестабилизаторов природной среды наряду с транспортом, сельским хозяйством, народонаселением, процессами урбанизации и т.д. и для перехода территории к состоянию устойчивого природопользования необходима увязка природоохранной деятельности (инвестиции, безотходные и ресурсосберегающие технологии) во всех направлениях антропогенного воздействия, а не только в отдельных видах промышленного производства.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РАН в рамках научного проекта № 0421-2016-0001.

Литература

1. Соколов А.А. Оренбургско-казахстанский трансграничный регион. Геоэкологические аспекты устойчивого развития / Saarbrücken, 2012.
2. Соколов А.А. Современная трансформация ТЭК Российско-Казахстанского трансграничного региона // Известия Оренбургского государственного аграрного университета, № 6 (50), 2014. С. 218-221.
3. Соколов А.А. Сравнительно-экономический анализ стран Таможенного союза ЕврАзЭС // Известия Оренбургского государственного аграрного университета, № 1, 2014. С. 227-230.
4. Экологическая доктрина Российской Федерации. Распоряжение правительства Российской Федерации от 31.08.2002. № 1225-р
5. Ажмуратова М.А. Структура региональной системы природопользования в АПК // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 3. – С. 98-100
6. Соколов А.А. Российско-казахстанский топливно-энергетический комплекс: современное состояние и перспективы развития в аспекте трансграничного сотрудничества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 219-222.
7. Битюкова В.Р., Кириллов П.Л. Методы комплексной оценки региональных различий экологической напряженности в России // Региональные исследования, № 1, 2011. С. 56-69

ПРОЕКТ «ПУТЬ К АВВАКУМУ», КАК ОПЫТ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

И.Н. Ружинская

*Россия, Петрозаводск, ПетрГУ
rin@petrsu.ru*

Аннотация: анализируется опыт возрождения антропогенной среды через создание культового пространства в Заполярье. Исследованы лимнологические векторы ресурса в развитии региона. Делается вывод, что проект, возникший как общественная инициатива, стал успешным примером сотрудничества с бизнесом и органами власти.

Abstract: Experience the revival of the anthropogenic environment through the creation of a cult space in the Arctic is analyzed in the article. The limological vectors of the resource in the development of the region have been investigated. The author concludes that the project, which arose as a public initiative, was a successful example of cooperation with business and government authorities.

Ключевые слова: приграничная территория, конфессиональные границы, трансграничное сотрудничество, старообрядчество, паломничество.

Key words: cross-border territory, confessional borders, cross-border cooperation, Old Believers, pilgrimage.

Теоретические подходы к изучению понятия «приграничные территории» выявили достаточно сложное явление – феномен конфессиональных границ. О необходимости междисциплинарного подхода к исследованию данного концепта неоднократно подчеркивалось в рамках международных форумов и на страницах исследовательских работ [1]. Как показала социально-экономическая практика, комплекс факторов, определяющих развитие региона, находится в устойчивой взаимосвязи с конфессиональной стабильностью региона. Для приграничных территорий Российской Федерации это имеет характер стратегической безопасности. И хотя современная Россия – светское государство, но в мировоззренческих ориентирах ее граждан сегмент социальной памяти стал более ориентирован на поиск религиозной идентичности и формированию места «малой Родины», как образа «духовной Родины». Особую актуальность эти тенденции имеют в русскоязычных социумах Ближнего зарубежья, испытывающих глобальные риски потери собственной самобытности. В этой связи необходимость рефлексии культурно-исторических и духовных ориентиров, имеющих значимость для конкретного приграничного региона [2, с. 82], становится не менее важным фактором. Коммуникативные потоки, имеющие конфессиональное содержание, инициируют сотрудничество в области туризма и паломнических практик. Это дает стимул к экономическому развитию региона, особенно дотационного, способствуя созданию позитивного образа приграничной территории. Изучение положительного опыта данной деятельности важно как опыт социального партнерства общественных организаций, научных сообществ, бизнес-акторов, представителей СМИ и структур власти.

Значимость указанных факторов для северных территорий российского приграничья - очевидна. Ландшафтно-географические, политико-административные и социально-экономические характеристики региона сформировали многомерность Севера в целом и его отдельных локусов. Немаловажную роль в этом имеет специфика сакрального пространства территории. Позиционирование стратегий по возрождению историко-культурного наследия региона должно идти в четком понимании того, о воссоздании каких традиций идет речь, в масштабах каких социумов, к каким последствиям может привести недооценка значимости религиозного фактора. То, что интересно туристу с историко-этнографической точки зрения, может составлять

первооснову жизненного цикла верующего человека, оберегаемую от вмешательства «мирского» присутствия. Так создаются новые барьеры приграничья, дифференцирующие людей на «своих» и «чужих». С другой стороны, одна и та же местность может быть наполнена религиозными символами, несущими неравнозначную смысловую нагрузку, порождая феномен внутриконфессиональных границ. Сакральное культурно-историческое наследие – важнейший ресурс для развития приграничных территорий через развитие паломничества и религиозного туризма. На Европейском Севере он используется давно и активно [3].

Интересный пример такого рода появился в арктической зоне на территории городища Пустозерск. За 500-летний период своего существования, здесь пересеклось множество границ: торгово-экономических, военно-политических и этно-ментальных. Разрушительное воздействие комплекса факторов привело к тому, что некогда мощный форпост российского присутствия в Заполярье сегодня сохранился в виде исторического приграничья - археологического памятника федерального значения. На сегодняшний день конфессиональное пространство Пустозерска существенно деформировано. Оно присутствует в символике некрополей и в исторической памяти верующих. Именно здесь в 1682 г. приняли мученическую смерть и были погребены духовные вожди старообрядчества – протопоп Аввакум «с союзниками». Для сторонников Древлеправославия это место «святое», ибо наполнено аксиологическим содержанием. «Испытания пустозерских мучеников по своей силе были равны подвигам христиан времен апостольских, а Пустозерск стал их Голгофой» [4, с. 2]. Данное обстоятельство выделило это место в число таких же значимых пространств, как Соловецкая обитель («здесь находятся наши истоки») и Выгореция («малая река, истекающая из источника великой обители Соловецкой»). Попечение о памятных местах, совместная молитва – мощнейший фактор духовного единения, реализуемого в форме трансграничного паломничества. Приобщение к духовному опыту «стояния за веру» нивелирует множество границ - темпоральных, географических, политических и социальных.

Первые попытки освоения старообрядцами сакрального пространства Пустозерска стали возможны с конца 1980-х гг. и воплотились в установление памятных крестов. Представители поморских старообрядческих общин были активными участниками Пустозерских научно-практических конференций, обсуждая формы сохранения исторической памяти о духовном подвиге «пустозерских мучеников» с представителями музея-заповедника «Пустозерск» и общественностью региона. В 2010 г. был создан координационный центр - Региональная общественная организация содействия духовно-нравственному возрождению общества «Культурно-Паломнический Центр имени протопопа Аввакума». В правление Центра вошли представители российских и зарубежных общин Древлеправославия, бизнес-акторы (АО ТЛК «Пижма»). Совместными усилиями верующих при поддержке региональной власти стало возможным появление в 2012 г. Пустозерского храмового комплекса, состоящего из часовни и трапезной. Значительность финансовых затрат проекта объяснялась комплексом факторов: природно-климатическими и ландшафтно-географическими условиями Заполярья, экологическими ограничениями охранной зоны, архитектурно-иеротопическими особенностями культовой постройки. Кроме того, старообрядцам хотелось связать между собой два региона, имеющих единство историко-культурного пространства – Нарьян-Марский и Усть-Цилемский. В районе р. Вяткино при впадении ее в Пижму (Республика Коми) было заготовлено 400 м³ лиственницы. По древним безгвоздевым технологиям бригадой мастеров-старообрядцев был изготовлен сруб 6x7 м. В разобранном виде караваном из 9 тяжеловозов, 3 КАМАЗов, 6 УРАЛов он был доставлен в Пустозерск, где принял

окончательный вид и был освящен. Путь Степановское – Усть-Цильма – Ираель – Усинск – Харьяга – Нарьян-Мар – Пустозерск был сложен не только 1300 километровой протяженностью, сколько спецификой самой дороги (зимник). И если измерять религиозность в приграничном регионе по формальным (объектная среда) и неформальным критериям (уровень влияния на социумы), то реализация проекта «Путь к Аввакуму», на наш взгляд, достаточно удачный пример такого опыта. Возрождение духовно обновленного Пустозерска, как Сокровенного Града и средоточие святости для старообрядцев – это своеобразный ответ миру, где «антихрист воцарился духовно». Крестный ход старообрядческих общин России, Латвии, Украины, Беларуси, Польши к пустозерским святыням был воспринят верующими как «торжество Древлеправославия». В нем виделся глубокий сотериологический смысл - «прорубил окно в обратном направлении к Аввакуму и пустозерским мученикам, ко всем, за Старую веру пострадавшим, ибо мы знаем и верим, как учит нас Писание, что Свет придет с Востока» [5, с. 10].

Проекты, подобные пустозерскому, популяризируют историю и современность старообрядчества на Крайнем Севере, способствуя повышению туристической привлекательности региона. «Уникальность» места может формировать повышенный интерес потребителя [6; 7]. Контактная функция конфессиональных пространств приграничья сегодня видится действенным стимулом к социально-экономическому развитию приграничных территорий [8]. Благодаря трансграничной интеграции приграничный регион способен преодолеть свою географическую периферийность [9, 26]. Но, если туризм по своей сути действительно трансграничен, то паломничество, на наш взгляд, трансгранично только в пространстве единоверцев. Традиции, возрождаемые старообрядцами, не этнографическая репрезентация, а часть жизненного цикла. Турист, мотивированный на отдых и смену впечатлений, может восприниматься паломником не просто «чужим», но «замирщающим» духовно чистое место. Не менее сложно древлеправославный христианин относится к «инославным». Особенно заметны такие границы в сакральных местах с присутствием символов, равнозначимых для всех православных (например, территория Соловецкого монастыря). Паломническая практика последних пяти лет свидетельствует о многослойности сакрального пространства Пустозерска. Крестные походы во главе с епископом Нарьян-Марским и Мезенским РПЦ Иаковом – свидетельство активных инициатив в этом направлении. Пять православных храмов, бывших в Пустозерске, разрушены. Но память о них – важный стимул духовного возрождения. Фундамент одного из храмов сохранился, но в восстановлении его на историческом месте верующим было отказано, что вызвало непонимание: «Почему сделали исключение для ревнителей старой веры?». В подобных случаях, как показывает социальная практика, межконфессиональные и внутриконтфессиональные границы оказываются действительным барьером к сотрудничеству.

В рамках предстоящих юбилейных торжеств (520-летия Пустозерска и 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума) ожидается рост паломнических потоков и туристских маршрутов к Пустозерску. На основании распоряжения от 22.07.2015 г. № 678-р порядок и условия пребывания на территории Пустозерского городища сопряжены с особым режимом. Насколько это будет выполнимо при росте туристско-паломнических потоков? Коллективными усилиями представителей научного сообщества, краеведов, общественности, СМИ за последние 30 лет выявлен комплекс проблем к сохранению и рациональному использованию историко-культурного наследия Заполярья. Среди комплекса первоочередных задач, поставленных на форуме «Пустозерск и Русская Арктика: история, культура, современность» в 2014 г., была обозначена необходимость формирования Пустозерска, как главного туристического

бренда региона при условии доступности посещений и тщательного контроля организации туризма [10]. Большое значение в этой связи отводится переносу части антропогенной нагрузки на зону непосредственной близости к Пустозерску – в район д. Устье. Проект Пустозерского музея-заповедника 2017 г. «Древними дорогами Пустозерья» способствует информационному наполнению маршрутной линии с включением объектов старообрядческого наследия. Четко представляя мировоззренческое многообразие посетителей данного места, музейно-научное сообщество убеждено в необходимости соблюдения уважительных отношений друг к другу. В 2018 году был создан Благотворительный Фонд поддержки и содействия старообрядчеству (Древлеправославию) «Правда Русская». Среди его целей – воссоздание, сохранение, реконструкция территорий и объектов, имеющих духовно-историческое значение для староверия, координация межстарообрядческого сотрудничества в сфере отношения с обществом и государством. Основной покровитель Фонда – компания «Ростех». Насколько данный проект может быть инструментом решения насущных территориальных проблем территории Арктического Севера? Развитие туристских и паломнических стратегий в приграничье сопряжено с целым комплексом барьеров, в том числе особой спецификой историко-культурного и конфессионального пространства. Религиозный человек, мотивированный сакральной миссией Севера, в состоянии преодолеть многие естественные барьеры приграничья. Но он должен быть готов к потенциальной встрече с «иным» по вере или безверию. Попытка монополизации сакрального приграничья отдельными социумами несет в себе не меньше рисков, чем включение территории в сферу активного туризма. Как показывает практика, наиболее приемлемым форматом становится диалоговая форма - сотрудничество всех заинтересованных сторон для предотвращения конфликтных барьеров любого рода.

Литература

1. Дронов А.М. Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 128-143.
2. Дорошин И.А., Иванов А.В. Этноконфессиональные общности в сетевых структурах социального порядка: риски и устойчивость российского региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 3. Философские науки. Вып. 39. С. 82-88.
3. Арефьев В.Е. Перспективы использования сакрального культурно-исторического наследия в туризме // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2015. № 4. С. 16-21.
4. Поморский Север. 2011. № 2.
5. Поморский Север. 2012. № 4.
6. Киселева А.М. Маркетинг туризма как направление стратегического территориального управления в северных регионах // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 54. С. 196-198.
7. Тарасова О.Ю., Татаринцев А.Н. Развитие локального туристического бизнеса в условиях финансовой нестабильности: усиление роли уникальности религиозных объектов дестинации // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 6. С. 314-320.
8. Вискунова А.А. Трансграничность как фактор формирования туристских территорий // География и туризм. Пермь, 2012. С. 17-28.
9. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 24-29.
10. Корепанова Л. Ю. Научный взгляд на Пустозерск // Нарьяна вындер. 2014. № 137.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А.А. Рыжих, В.М. Кузьмина
Россия, г.Курск, ЮЗГУ
Kuzmina_violetta@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний момент подписано более 40 Протоколов о побратимских связях на уровне сельских советов, городов, районов Курской области соответственно с административно-территориальными единицами регионов Украины, Республики Беларусь и Республики Молдова в связи с реализацией региональных Соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарно-культурном сотрудничестве.

Abstract. To date, more than 40 protocols have been signed on twinning at the level of village councils, cities and districts of Kursk region, respectively, with the administrative and territorial units of the regions of Ukraine, Belarus and Moldova in connection with the implementation of regional Agreements on trade, economic, scientific, technical, humanitarian and cultural cooperation.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Россия, Курская область

Keywords: cross-border cooperation, Russia, Kursk region

На сегодняшний день в Курской области подписано и действует более 40 Протоколов, в них входят [1]:

- 32 Протоколов о побратимских связях с районами и городами, и 5 Протоколов с сельскими советами регионов Украины;

- 14 Протоколов с районами и городами Республики Беларусь.

На сегодняшний день действует около 14 протоколов между районами и городами Курской области с соответствующими административно-территориальными единицами Республики Беларусь, один из которых был подписан на Курской Коренской ярмарке-2015 между Чечерским районом Гомельской области и Горшеченским районом Курской области.

- 1 Протокол с городом Фэлешть Республики Молдова.

Взаимодействие основано по большей части в таких сферах как: культура, образование, молодежная политика, выставочно-ярмарочная деятельность, государственно-церковные отношения.

Города-побратимы поддерживают регулярную связь: участвуют в исторически значимых мероприятиях, славянских праздниках, обмениваются поздравлениями по случаю дней районов и городов, устраивают бизнес-визиты, обмениваются опытом работы своих передовых предприятий, проводят видеоконференции, в средствах массовой информации размещаются материалы об успехах в сельскохозяйственной и культурной деятельности [2].

В рамках данного исследования был проведен ивент-анализ социокультурного сотрудничества Курской области с регионами ближнего зарубежья 2012-2017 (а именно, Республикой Беларусь и Украиной). Для этого были проанализированы публичные заявления глав областей и государств, политических и культурных деятелей во время видеоконференций, заседаний, официальных встреч, визитов, в интервью СМИ и др. В расчет брались все официальные визиты, встречи и мероприятия глав областей и государств, которые наиболее широко были освещены в СМИ за период с 2012-2017 года.

В ходе сортировки данных для получения объективных результатов и удобства изучения субъекты настоящего анализа были поделены на две категории: «Социокультурное сотрудничество Курской области с Республикой Беларусь в 2012-

2017 гг.» и «Социокультурное сотрудничество Курской области с Украиной в 2012-2017 гг.». Всего в данном исследовании проанализировано 11 источников.

В ходе вышеприведенного ивент-анализа было выявлено, что вербальных и невербальных актов в рамках социокультурного сотрудничества Курской области с Республикой Беларусь за период с 2012 по 2017 года было проведено одинаковое количество. Данный факт может свидетельствовать только о том, что «слова» глав, рассматриваемых областей и государств, не расходятся с «делом». На официальных встречах разного уровня ведутся активные переговоры относительно сферы социокультурного сотрудничества между Курской областью и Республикой Беларусь, по итогам которых обычно следуют какие-либо конкретные действия. Например, подписываются Планы мероприятий на конкретные года к Соглашениям о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, соглашения и договора о сотрудничестве в рассматриваемой сфере, обмениваются визитами делегаций, взаимодействуют по линии выставочно-ярмарочной деятельности, в сфере образования, культуры и молодежной политики и т.д. Следует отметить также и то, что проведенный анализ, показывает: социокультурное сотрудничество между Курской областью и Республикой Беларусь за период с 2014-2017 г. стало более активным. Это также говорит о том, что с 2014 г. стороны стали больше взаимодействовать в социокультурной сфере и начали развивать связи друг с другом.

Что касается социокультурного сотрудничества Курской области с Украиной, при проведении ивент-анализа было выявлено, что невербальных актов в период с 2012 по 2017 года было проведено больше, чем вербальных. Отсюда следует, что источники, предоставляющие информацию относительно исследуемого вопроса, в основном отмечают итог встреч глав областей и государств, а не то, каким образом проходили эти встречи. Кроме того, необходимо упомянуть, что в связи с обострившимися отношениями между Российской Федерацией и Украиной, в целом, начиная с 2014 г. сотрудничество и с регионами Курской области, в большинстве своём было приостановлено. Однако в связи с тем, что по территории Курской области проходит граница с Украиной, а именно Сумской областью, не может совсем прекратить взаимодействие с Украиной. Курская область продолжает поддерживать социокультурную связь с некоторыми регионами Украины (Сумская область).

Представим частотность совершения вербальных и невербальных актов в хронологическом порядке в виде графиков. Социокультурное сотрудничество Курской области с Республикой Беларусь представлено на графиках 1 и 2, с Украиной – 3 и 4.

Глядя на график уровень интенсивности вербальных актов между Курской областью и Республикой Беларусь, можно сделать вывод, что количество вербальных актов увеличивалось постепенно с 2012 до 2017 г., а в 2017 году резко увеличилось. На графике 2 можно увидеть совершенно другую ситуацию: с 2014 количество невербальных актов увеличивается, после 2015 снижается, а в 2017 выходит на уровень 2015 г. Если объединить выводы этих 2 графиков, то данную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: начиная с 2013 года сотрудничество Курской области с Республикой Беларусь сначала вышло на стабильный уровень, а потом стало «набирать обороты».

Графики 3 и 4, иллюстрирующие уровни интенсивности вербальных и невербальных актов между Курской областью и Украиной, соответственно, имеют более схожую структуру друг с другом, чем графики 1 и 2. Незначительные различия можно увидеть только в начале, на графике 4 до 2014 года была относительная стабильность, а график 3 демонстрирует с 2013 до 2014 г., год вербальной активности, так как сотрудничество в социальной и культурной сфере между Курской областью и Украиной держалось одного более-менее стабильного хорошего уровня. Начиная же с

2014 года, вследствие некоторого разлада отношений РФ и Украины, оба графика чётко дают понять, что социокультурное сотрудничество между регионами пошло на спад. Однако с 2016 по 2017 г. одинаково, на обоих графиках, видны небольшие сдвиги в положительную сторону.

Рис. 1. Уровень интенсивности вербальных актов между Курской областью и Республикой Беларусь

Рис. 2. Уровень интенсивности невербальных актов между Курской областью и Республикой Беларусь

Рис. 3. Уровень интенсивности вербальных актов между Курской областью и Украиной

Рис. 4. Уровень интенсивности невербальных актов между Курской областью и Украиной

Одним из основных направлений социокультурного сотрудничества Курской области с регионами ближнего зарубежья является молодёжное сотрудничество. Рассмотрим его поподробнее.

Курская область реализует ряд масштабных областных и межрегиональных проектов следующего характера:

областной фестиваль "Студенческая весна соловьиного края",
областной фестиваль "Детство без границ",
международный лагерь студенческого актива "Славянское содружество",
Международный Марш Мира,
программы авторских молодежных лагерей "Комсорг", "Гайдаровец",
"Вертикаль", "Монолит", "Магистр", "Лагерь Мира" и многие др.

В г. Курск существует Курская региональная общественная организация содействия реализации потенциала молодёжи и развитию системы молодёжных клубов «Объединённый центр «МОНОЛИТ». Которая за время своего существования сотрудничала и продолжает поддерживать связи со следующими зарубежными некоммерческими организациями, государственными учреждениями и политическими партиями:

- управление образования г. Феодосия АР Крым, Украина;
- управление образования г. Чернигова, Украина;
- отдел образования г. Новоград-Волынский, Житомирская область, Украина;
- отдел по делам молодежи горисполкома г. Гомеля, Республика Беларусь;
- отдел молодежи Рогачевского РИК Гомельской области, Республика Беларусь;
- отдел молодёжи Богодуховского р-на Харьковской области, Украина;
- исполнительный комитет г. Новоград-Волынский, Украина;
- Гомельский городской комитет общественной организации «Белорусский республиканский союз молодежи»;
- Рогачёвский районный комитет общественной организации «Белорусский республиканский союз молодежи»;
- Гомельское областное отделение общественной организации «Белорусский фонд мира»;
- детский спортивно-оздоровительный комплекс «Коктебель», г. Феодосия, Украина;
- общественная организация «Детский хореографический клуб «Экзерсис», г. Феодосия, Украина.

Международная гражданско-патриотическая деятельность - основное направление развития программ "Монолита".

Международный форум «Мы вместе» и профильная смена «Содружество» в разное время гостеприимно принимали все детские делегации из ЛНР, ДНР, Крыма, Республики Беларусь и Украины.

Ребята приезжают, чтобы обмениваться опытом друг с другом и общаться. Такое взаимодействие между молодежными объединениями стран СНГ помогает укрепить добрососедские отношения стран. Мероприятия подобного характера способствуют реализации потенциала молодежных клубов России, Крыма, Украины и Республики Беларусь.

В ряде мероприятий международного взаимодействия центра «Монолит» с Республикой Беларусь особое место занимает международный лагерь дружбы детей славянских народов «Крыничка», каждый год проводящийся в Гомельской области в Рогачевском районе. «Монолит» позволил лагерю получить статус международного, в 2004 г. первым прибыв в «Крыничку». Центр «МОНОЛИТ» посетил 25 юбилейную

смену лагеря Крыничка в 2017 г., на которую собралось более 300 человек из России, Беларуси и Украины.

Для центра характерна активная международная миротворческая деятельность через участие в разнообразных международных проектах на территориях: России, АР Крым, Республики Беларусь и Украины.

В рамках программы «Мы - вместе!» и молодёжных клубов из г. Новоград-Волынский (Украина), г. Феодосия. (АР Крым, Украина), г. Чернигова (Украина), г. Гомель (Р. Беларусь). Поэтому «МОНОЛИТ» - площадка масштабного межрайонного, межрегионального и международного взаимодействия всевозможных молодёжных объединений.

Тематическая программа «Мы - вместе!» реализуется с 2005 г. по сегодняшний день. В рамках данной программы с 2005 г. впервые стали реализовываться международные программы.

Данный проект проводится на территории следующих государств: Россия, Украина и Белоруссия.

В сферу деятельности программы входят: международные Форумы молодёжи и профильные смены:

- Междунар лагерь дружбы детей славянских народов «Крыничка» с 2004 года РБ Рогачёвский р-н Гомельской обл.;

- Междунар фестиваль молодёжи «Дружба-2009» РБ, Добрушский р-н;

- Междунар фестиваль «Мир детства» АР Крым, Украина;

- миротворческая деятельность;

- Международный Марш Мира (награда от Фонда-золотая медаль РФМ);

- Участие в междунар сменах студенческого лагеря «Славянское содружество»;

- Сплав студенческий

На Фестивале "Дружба" Курскую область и город Курск представляли Курская региональная молодёжная общественная организация «Монолит» под руководством Председателя организации Трубникова Александра Петровича.

Принимали участие в Фестивале большое количество официальных лиц, руководители Гомельской и Черниговской областей и Брянской, более 1500 членов молодёжных организаций Украины, Беларуси и России. В ходе форума нашей делегацией были заключены договоры о сотрудничестве в сфере молодёжных обменов с общественными организациями Беларуси и Украины, а также молодёжными клубами СНГ.

В рамках Форума делегаты участвовали в торжественной встрече с Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом.

В городе-партнере Феодосия на протяжении уже нескольких лет "Монолит" участвует в Международном фестивале детей и молодёжи "Мир Детства" для членов молодёжных клубов и молодёжных общественных организаций государств славянского содружества.

"Мир Детства" - интереснейшее направление работы центра "Монолит", берущее свои корни с первых смен работы "Монолита".

Рассмотреть реализацию программ отдыха и оздоровления на побережье Черного моря- первостепенная цель фестиваля. "Монолит" набирается опыта у ВДЦ "Орленок", МДЦ "Артек" и у других партнеров детских лагерей большой Феодосии. Курская организация, в свою очередь, предоставляет опыт проведения летнего отдыха без моря.

Программа фестиваля - в основном состоит из путешествий, экскурсий в музеи и выставочные залы, также включает в себя подъем на горную гряду Карадаг, посещение заповедников Крыма и др.

Стоит также упомянуть, что Монолит - участник Международного Марша Мира. Каждый год, в рамках Еврорегиона «Ярославна» и программы Российского фонда мира «Память народная», Курским областным отделением Международного общественного фонда «Российский фонд мира» организуется Международный Марш Мира.

Данное мероприятие способствует сохранению и передаче молодому поколению правды о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, что, безусловно, играет колоссальную роль в воспитании патриотического духа у молодежи.

В данном мероприятии принимает участие множество активистов из Курского областного отделения Российского фонда мира, диаспор города Курска и городов Белгород, Харьков, Сумы. Оно объединяет самых разных людей, сюда входят и представители «Монолит».

Маршрут у участников данного проекта: Курск - Свобода - Поныри - Ольховатка - Дмитриев - Хомутовка - Калиновка - Путивль - Харьков - Белгород - Прохоровка - Пристенъ - Солнцево – Курск. В местах остановок проходят: возложение венков и цветов у памятников и захоронений воинов, уроки мира и мужества, митинги памяти, благотворительные концерты, круглые столы, трудовые акции. В летнее время одной из остановок бывает международная смена "Монолит" в ДОЛ "Заря" Кореневского района Курской области. Это дает возможность детям повзаимодействовать с выдающимися людьми на тему памяти и патриотизма.

«Монолит» делает упор на патриотическое воспитание молодежи славянских стран, а также вносит большой вклад в развитие отношений между молодёжью Курска и ребятами стран СНГ.

Литература

1. Официальный сайт европейских породненных городов «European twinning» [Электронный ресурс]. URL: <http://int.twinning.org> (дата обращения 01.05.2018)
2. Официальный сайт городов и –побратимов «Sister cities international» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.sistercities.org> (дата обращения 30.04.2018).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ» РОССИЙСКИМИ ИСТОРИКАМИ

И. В. Савицкий

*Россия, Петрозаводск, ПетрГУ
sawiz@onego.ru*

Аннотация: Вхождение Крыма в состав Российской Федерации подняло перед отечественными историками ряд проблем: терминологическое определение данного события, анализ его причин, движущих сил, позиции крымских татар, роли России в прошедших событиях, а также их отражение в учебных пособиях. При этом «крымская весна» заставила историков работать в необычных условиях – минимуме источников и сильной политической ангажированности. В анализируемых особенностях автор видит начальный этап развития российской историографии по данному вопросу.

Abstract: The Crimea entering Russian Federation has risen some issues for Russian historians, such as terminology to define the episode in question, analysis of the background, the driving forces, opinion of Crimean Tatars, the role of Russia in the episode in question, and their reflection in the textbooks. Announced as important historical event, the Crimean phenomena made historians face an unusual situation, since there has been scarce information and powerful political bias. The author elaborates on the initial stage of historiography on that issue.

Ключевые слова: российская историография, «крымская весна».

Key words: Russian historiography, «Crimean spring».

Тема «крымской весны» обещала стать самым актуальным направлением отечественных исследователей в силу наступивших последствий для российской экономики и международного положения. Первые три года после принятия Крымского полуострова в состав России полностью подтверждали данный тезис. Крымские события стали объектом изучения политологов, экономистов и историков, метавшихся между обсуждением насущных политических вопросов и историческим обоснованием «возвращения» Крыма. Однако в 2017 году стало заметно резкое снижение интереса к данной тематике и постепенная концентрация внимания на туристическом потенциале Крыма как теме перспективной и политически нейтральной. Интерес к Крыму со стороны историков кардинально не усилился даже после приурочивания президентских выборов к годовщине референдума о статусе Крыма и торжественного открытия движения по Крымскому мосту. Более того, уже к началу 2016 года военный публицист и историк А. Б. Широкоград констатировал наличие «информационного занавеса», опустившегося над событиями 2014 года [1, с. 2], а редакция одного из уважаемых журналов прямо призвала к строгому контролю за работой историков, так как «местная учебно-краеведческая деятельность может сработать и против государства» [2, с. 10].

Думается, что настолько радикально подходить к сегодняшней историографической ситуации не стоит. Другое дело, что источниковая база для изучения крымских событий пока достаточно узка – это текстовые и аудиовизуальные материалы СМИ, нормативные акты, а также мемуары и интервью отдельных участников событий. Использование научной методологии исследования в данном информационном поле очень ограничено; актуален прежде всего позитивистский подход к анализу источников – выявление их особенностей и фальсификаций, реконструкция прошедших событий. Применительно к общедоступным источникам это было сделано достаточно быстро. Другой подход – пропагандистский – с точки зрения историка научным не назовешь, однако и он постепенно стал терять свою яркую окраску в условиях повторения одних и тех же лозунгов (в том числе известных еще с дореволюционных времен). Историки и общество в целом ожидают завершения

складывания «крымской весны» в качестве исторического феномена с четко определенными последствиями принятия Крыма в состав России. К сожалению, это вопрос не ближайшего будущего.

Наибольшие споры вызвало понятийное определение «крымской весны» (которая в самом Крыму часто называется «русской»). В юридической практике используется нейтральный термин «принятие» в состав России, в пропагандистской литературе – более целенаправленный «возвращение». Использование в учебной литературе фразы «присоединение Крыма к России» ассоциируется с военной силой, как «оккупация» и «аннексия» в украинской исторической публицике. Попытка проведения параллели крымских событий с аншлюсом в российской либеральной прессе не встретила поддержки среди общественности. Так же крайне редко используется термин «сецессия» [3], [4], [5].

Другим важным вопросом остаются причины событий 2014 года. В своей посмертно изданной статье доктор экономических наук, профессор Института экономики РАН А. Н. Быков выделил три причины, «заставившие президента В. Путина с учетом результатов крымского референдума без кровопролития обеспечить воссоединение полуострова Крым с Россией»: дальнейшее обострение ситуации на Украине, угроза русскоязычному населению Крыма и российской военно-морской базе в Севастополе [6, с. 61]. Более подробный анализ причин крымского «сепаратизма» был дан во вступительной статье главного редактора севастопольской газеты «Колесо» С. П. Кажанова к сборнику воспоминаний участников событий февраля – марта 2014 года в Севастополе. Автор указывает на четыре причины народного недовольства: экономическая деградация за «23 года украинской оккупации», тотальная коррупция, стремление украинских властей к уничтожению устоявшихся идеологических ценностей, а также экономический кризис (рост внешнего долга до 140 млрд и снижение золотовалютных запасов до 15 млрд долларов) [7, с. 3-11].

На роль украинской политики до Майдана указала и канд. экон. наук М. А. Дерябина. По ее мнению, власть «клана Януковичей и приближенных магнатов бизнеса» характеризовалась «абсолютно неконтролируемой коррупцией, вымогательствами, формированием агрессивно настроенных временных группировок, ловко орудующих популистскими лозунгами». По данным автора, за последние три года существования режим перекачивал из бюджета в пользу правящего клана по 10 млрд долл. ежегодно [8, с. 16]. Профессор О. В. Волобуев вовсе диагностировал у В. Януковича kleptomania [9, с. 22]. Таким образом, корни конфликта авторы видят в украинской политике. Роль же таких факторов, как финансовые вливания, деятельность официальных партий и работа спецслужб кажется авторам преувеличенной.

В таких условиях важное место занимает вопрос о движущих силах крымских событий. По мнению С. П. Кажанова, «движущей силой любой революции является народ», под которым подразумевалось созданное при его участии севастопольское общественное движение «Республика». Широкою панораму развития общественного движения к 2014 году проанализировал С. А. Кислицын, акцентировав внимание на роли бизнес-элиты полуострова, тесно связанной с российским предпринимательством, – в частности, А. Чалого и А. Аксенова [10]. Влиянию этнического фактора посвящены исследования Р. А. Старченко [11].

Влияние России на крымские события – бесспорно, однако по понятным причинам слабо изучено. Больше всего внимания этому уделено в книге А. Б. Широкограда, подписанной в печать уже в апреле 2014 года. Автор громче других говорит о значительной роли российского военного фактора в крымских событиях вплоть до перечисления бортовых номеров российских и украинских кораблей и описания отнюдь не мирных акций Российского Черноморского флота в заливе

Донузлав, бухтах Севастополя и других районах [1, с. 311–324]. При таком подходе впору говорить о Крыме как не о приграничном, а прифронтовом регионе. Большинство других исследователей не придают военному фактору большого значения, что можно объяснить недоступностью документов по этому вопросу [12].

Постепенно в историографии поднялась такая проблема, как позиция крымско-татарского населения в отношении вхождения Крыма в Россию. Она началась с робких вопросов о дальнейших действиях [13, с. 23:18], но на сегодняшний момент представляет собой динамично развивающийся комплекс исследований. Именно по этой проблеме была защищена первая диссертация, посвященная Крыму в 2014 году [14]. Лейтмотивом большинства работ стал тезис о том, что за 2014–2015 год Россия для крымско-татарского народа «сделала больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [15, с. 35], [16]. Авторы отмечают неоднородность позиции крымских татар в отношении принятия Крыма в состав России, однако всячески уклоняются от анализа жестких обвинений зарубежных СМИ в нарушении прав человека на территории полуострова (исключением являются работы профессора Т. А. Сенюшкиной [17, с. 171]). Поэтому тезис о деполитизации этнического фактора в Крыму пока представляется недостаточно обоснованным.

Отдельной проблемой стало освещение крымских событий в учебных пособиях. В учебнике для 11 класса этот материал занял одну страницу с использованием термина «присоединение» [18, с. 394–395]. Исследователи справедливо указывают на недооценку составителями пособий правовых доводов в пользу присоединения Крыма к России [19], однако проблема заключается не в анализе единичного акта, а создании новой модели всей крымской истории, ее привязке к России как византийской наследнице. При этом педагоги предлагают оригинальные варианты трактовок советской истории, вплоть до осуществления Украиной в период 1954–2014 гг. «лишь административного управления» Крымом [20, с. 20]. Одновременно авторы склонны недооценивать роль местных общественных организаций в борьбе за самоопределение Крыма, что производит впечатление борьбы внешних сил за обладание полуостровом [21].

Таким образом, интерес российских историков к крымской проблеме разнообразен и включает интерес к далекому прошлому, в том числе с целью его преобразования под современные политические потребности (этому вполне соответствует идея депутатов Госдумы об отмене указа 1954 г. о передаче Крыма Украине). Благодаря огромному интересу к «крымской весне» в первые годы после принятия полуострова в состав России, имеющаяся источниковая база практически изучена, а ее расширение идет медленными темпами. Это обусловило временное ослабление исследовательского интереса к событиям 2014 года, в настоящий период сохранившегося в отношении изучения крымско-татарской проблемы. Слабо разработаны вопросы о движущих силах и экономических предпосылках крымской сецессии, а также о роли Крыма как приграничного региона. Из-за международных санкций и по сути блокады Крыма со стороны Украины в Крыму практически не прослеживается приграничное партнерство, и он оставляет ощущение острова в глубине российской территории. Решение данной проблемы на международном уровне может изменить не только практическую ситуацию в Крыму, но и исследовательский интерес к «крымской весне».

Литература

1. Широкопад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.
2. Морозов А. Ю. История Крыма в украинских и крымских учебниках истории: уроки для России // Преподавание истории в школе. 2015. № 1. С. 9–11.

3. Валиулина Т. А. Опыт оценки влияния медиапропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемики о присоединении Крыма) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 158-166.
4. Фортунова М. Г. Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. С. 94–100.
5. Савицкий И. В. Терминологические определения крымских событий 2014 года в российской и украинской историографии и публицистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 149-151.
6. Быков А. Н. Украинские события и их воздействие на интеграционный процесс на постсоветском пространстве // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 59-72.
7. Кажанов С. П. Самый долгий день защитника Отечества // «Чегевара прилетает утром...»: Воспоминания сепаратистов. Севастополь, 2015. С. 3-20.
8. Дерябина М. А. Украина в оптике институциональной теории // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 13-24.
9. Волобуев О. В. Бунтующая Украина и мятежный Крым: [Круглый стол «Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия»] // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 20-28.
10. Кислицын С. А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной Республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48-54.
11. Старченко Р. А. Референдум в Крыму 16 марта 2014: причины и последствия // Вестник Российской нации. 2015. Т. 1. № 1-1 (39). С. 182-206.
12. Савицкий И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43-50.
13. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.
14. Старченко Р. А. Языковая жизнь и этнополитические ориентации крымчан (2013 – 2014 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 40 с.
15. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30-38.
16. Баранов А. В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 2. С. 174-184.
17. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Под ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
18. Шестаков А. В. История. История России [XX – начало XXI вв.]. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: углубленный уровень / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2014. 399 с.
19. Кудрявцева Т. В. История Крыма в советских и российских учебниках в свете представления о праве и справедливости // История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей: Труды Всероссийской научно-практической конференции. Феодосия, 2017. С. 20-25.
20. Кокшаров Н. А. Историко-правовые аспекты воссоединения Крыма и России в 2014 году // Право и проблемы функционирования современного государства: сб. материалов 12-й междунар. научно-практ. конференции. Махачкала: ООО «Апробация», 2015. С. 20-21.
21. Савицкий И. В. Формирование российскими историками представлений о «крымской весне» 2014 года в учебных пособиях для общеобразовательных учреждений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 63-69.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧ К ПРИГРАНИЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Д.И. Сачук

*Россия, г. Петрозаводск, ПетрГУ
deniska.sachuk@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена роли управления в приграничном сотрудничестве. Ключевым инструментом современных управленческих технологий автор обозначает креатив в различных его проявлениях. В статье рассмотрены основные аспекты применения креатива в современном управлении, оцениваются перспективы их внедрения.

Abstract: The article is connected with meaning of modern management in the process of frontier cooperation. Author's opinion is that creative technologies are the key to successful management. The main aspects of using and introduction of creative technologies are described in the article.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, креативные технологии, современное управление
Key words: frontier cooperation, creative technologies, modern management

Современное приграничное сотрудничество рассматривается как один из ключевых инструментов развития современных приграничных территорий. Значимой основой современного приграничного сотрудничества выступает управление на региональном уровне. Соответственно, теория и практика управления представляет собой значимый объект для изучения.

Современная теория управления представляет собой крайне разветвленную отрасль научного знания. Возникнув вследствие объективного запроса со стороны организаций, вызванного резким обострением конкурентной борьбы в начале XX века, теория управления прошла в своем развитии несколько кардинально специфических стадий. Коренным отличием между стадиями развития управленческих теорий выступал ключевой критерий выбора объекта управленческих усилий.

Несмотря на объективное поступательное развитие и усложнение управленческой теории, реальные управленческие запросы со стороны как организаций, так и управленческих социальных подсистем, постоянно растут. Более того, современный рынок труда предъявляет современным управленческим технологиям все более высокие требования. В качестве примера можно вспомнить на микроуровне проблему расслоения кадров организации по принципу "ядро" - "периферия", рассмотренную Дж. Аткинсоном в рамках своей работы, посвященной концепции "гибкой фирмы" [1; С. 151]. В рамках данной проблемы отчетливо проступает необходимость диверсификации и дифференциации управленческих усилий, что объективно ставит под вопрос саму возможность сохранения на уровне организации единого управленческого поля и единой управленческой логики организации трудовой деятельности.

На макроуровне проблема имеет схожие очертания, хотя и выглядит более глобально. Рынок труда очевидно разбивается на первичный и вторичный. Первичный рынок может быть охарактеризован как предоставляющий выгодные условия осуществления трудовой деятельности: долгосрочная, полная, стабильная занятость и надежность положения работника, высокая, индивидуализированная оплата труда (в зависимости от должности, стажа, квалификации, меры ответственности и т.п.), высокие социальные расходы, творческий, высококвалифицированный труд, значительная автономия на рабочем месте, высокая степень ответственности за конечные результаты, развитые системы соучастия в управлении, высокие возможности карьерного роста, сильные и эффективные профсоюзы, большой объем

вложений как со стороны фирм, так и со стороны индивидов, прямая связь между инвестициями в человеческий капитал и заработками [2]. В свою очередь, вторичный рынок труда может быть охарактеризован с обратной точки зрения. Диверсификация рынка труда уже на макроуровне формирует к современной теории управления следующие вопросы: как будут перемещаться рабочие места, возможен ли их возврат при их изначальной миграции, а также возможен ли принципиальный демократический контроль за современным сверхподвижным капиталом, в том числе, человеческим и социальным [3; С. 89]. Именно под давлением подобных вопросов в современной управленческой теории возникает необходимость в интегрирующем понятии, способном собрать вместе разрозненные фрагменты современного управления. Подобным понятием как в управлении, так и в иных сферах социальной системы, может стать понятие "креатив".

Само понятие "креативность" появляется в социологии через отраслевые теории среднего уровня во второй половине XX века. В контексте социологии организации данное понятие появляется во многом благодаря экономическим наукам, в частности развитию идей в сфере социальной психологии, маркетинга, связей с общественностью и пр. Также понятие креативности интенсивно рассматривается в современной стратификационной теории сквозь призму концепции креативного класса. Наконец, креативность является одним из опорных понятий с точки зрения территориального маркетинга и местного самоуправления. Таким образом можно выявить как минимум три основных проявления понятия "креатив" в современном управлении. Рассмотрим данные аспекты использования обозначенного понятия подробнее.

В первую очередь обратимся к опыту социологии организации. К примеру, при использовании экосистемного подхода к пониманию организации креативность организации самого бизнеса становится потенциальным фактором повышения конкурентоспособности фирмы. Креативность как метод, как технология может применяться в крайне широком спектре основных компонентов организации. В каждом из этих пунктов можно выделить основные направления применения креативных технологий:

- 1) Формирование целей организации зачастую рассматривается как крайне алгоритмичный процесс. Причиной этого, как правило, является желание нивелировать риски формулирования целей, а также стандартизировать цели ради стандартизации и формализации управления организацией. Однако современные практики показывают, что нестандартный подход к формированию дерева целей организации может способствовать более грамотному выбору рыночной ниши, а также точнее указывает на факторы конкурентоспособности, что особенно актуально для малых и средних организаций, находящихся под прессингом крупных организаций на рынке, пользующихся выгодами эффекта масштаба. Примерами креативных практик построения дерева целей может служить, к примеру, проблемно-ориентированное дерево целей, которое формируется по принципу "от корней к верхушке". Иным креативным механизмом в этой области может служить проблемно-ориентированная декомпозиция целей организации;
- 2) Формальная структура организации во многом определяет специфику современной организации, явно влияя на остальные компоненты организации. Большая часть организаций малого размера в силу своей простоты использует линейную формальную организационную схему, что логично с точки зрения выживания молодой и малой организации, а также упрощенного социального контроля со стороны руководства. Однако линейная организационная схема лишена инициативности рядовых своих

участников. В то время, как более сложная в плане выстраивания матричная модель оказывается более выигрышной в силу больших преобразовательных возможностей. Повышенная гибкость в агрессивной внешней среде служит мощным креативным инструментом профилактики рисков и кризисов организации;

- 3) Социотехническая подсистема организации реализуется в современной практике не столько сквозь призму технологий, оказывающих непосредственное воздействие на трудовые процессы (в этом аспекте в условиях жесточайшей конкуренции на многих рынках организации как раз вполне стандартизированы), сколько сквозь призму обеспечения премиальных условий труда. И с точки зрения уникальности системы обеспечения особых условий труда значимыми становятся как раз нестандартные креативные технологии. В качестве примера можно вспомнить пример Google, где в качестве основного ориентира была выбрана транспарентность [4]. Идея состоит в том, чтобы сломать барьеры, поощрять творчество и сотрудничество в коллективе ради максимальной производительности труда всех сотрудников организации вне зависимости от их статуса и положения внутри фирмы;
- 4) Отдельная возможность для использования креатива в организации - формирование и поддержка корпоративной культуры. Данная тема, пожалуй, самая свободная в своей формулировке, поскольку именно через характеристики организационной и корпоративной культур организации проще всего обозначить свою уникальность и креативность как факторы конкурентноспособности.

Таким образом, возможности креативного управления на организационном уровне весьма обширны, при этом их тотальное проникновение в социальную реальность организации позволяет сделать креатив интегрирующим понятием для современного организационного управления, что значимо в контексте разнонаправленных сил, разрывающих современную организацию в условиях динамичного рынка.

Обратимся к использованию понятия "креатив" в современных стратификационных теориях, также связанных с управлением, но уже на принципиально ином уровне. В начале XXI века американский социолог Р. Флорида ввел понятие «креативный класс», надеясь адаптировать теорию стратификации к вызовам и реалиям постиндустриального общества. В качестве господствующей идеи нового общества Р. Флорида выбрал понятия «творчество» и «креативность» [5; С. 85]. Теория креативного класса является попыткой вычленив наиболее активных представителей социально-территориальной общности, а также очертить круг профессий, принадлежность к которым автоматически означает причисление индивида к потенциальным активным акторам современной экономики и общества [6; С. 28]. Само понятие «креативный класс» можно представить, как «совокупность людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности» [5; С. 85]. В настоящее время для большинства авторов очевидно, что реальные показатели креативности как структурирующей социум силы должны исчисляться по доле символической власти, принадлежащей креативному классу [7; С. 138].

Концепция креативного класса может быть применима к проблеме взаимодействия приграничных территорий как минимум в точки зрения трех основных аспектов. Во-первых, очевиден экономический функционал регионального креативного класса, способный ко взаимному развитию:

- Представители креативного класса, являясь органичной и значимой частью рынка труда, постоянно работают на обеспечение стабильности развития общества, формируя экономическую основу постиндустриального общества;
- Креативный класс формирует потребительскую модель поведения, что придает стимул развития всей экономической системе в целом.;
- Очевидна важность для российской рыночной экономики развития прослойки малого и среднего бизнеса, которая формирует компоненты креативного класса, а также создающий новые рабочие места для наемных работников;
- Инновационность экономики, столь желательная на современном этапе развития российской экономической системы, осуществима за счет развития креативного класса [8; С. 1368].

Далее, с социально-профессиональной точки зрения именно представители креативного класса являются активными трудовыми мигрантами, оказывающими ключевое воздействие на развитие территории. Здесь важно понимание того, что представитель креативного класса является личностью с социально-психологическими характеристиками, оптимально подходящими для современного общества [9; С. 88]. В структуре креативного класса на основании критерия соотношения творческой и внетворческой деятельности в должностных обязанностях конкретного сотрудника и представителя конкретной профессии выделяются две основные составляющие: суперкреативное ядро и креативное окружение. Каждая из обозначенных профессий, по сути, принадлежит к первичному рынку труда, что переводит в иную плоскость те вопросы, которые мы поставили перед собой в первой части статьи. Фактически именно по профессиональному разлому проходит ключевой конфликт современности. По другую сторону рынка труда находится современный прекариат.

Понятие прекариата вводится в социологию неравенства во многом благодаря творчеству британского социолога Г. Стэндинга, который определили понятие прекариата через совокупность признаков, к которым Г. Стэндинг отнес отсутствие гарантий занятости, гарантий рабочего места; специфическое мест в структуре распределения (прекариат вправе полагаться исключительно на прямое денежное вознаграждение за труд); дефицит гражданских, социальных, политических, культурных, экономических прав. И, как глобальный признак - чувство незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, чувство социального неблагополучия [10; С. 51].

Действительно, изначально прекариат можно рассматривать исключительно как группу, занимающую неустойчивое положение, прежде всего, на рынке труда. Вследствие своего незащищенного положения на рынке труда представители прекариата вынуждены искать для себя определенного гаранта стабильности их положения, поскольку рынок труда эти гарантии им предоставить не в состоянии. Логично предположить, что в условиях современного социального государства, именно этот глобальный институт выступает подобным гарантом. Причем в своеобразную зависимость попадают представители изначально политически активных групп. Напомним, что среди основных групп, пополняющих ряды прекариата выделяют женщин, которые не смогли вследствие гендерных особенностей рынка труда примкнуть к стабильному salariату, молодежь, впервые выходящая на рынок труда (с точки зрения и растущей дифференциации на рынке образовательных услуг, и с точки зрения стажеромании), а также люди, все в большей степени зависящие от социальных выплат, институт которых в современную кризисную эпоху рецессии подвергается как теоретическим нападкам, так и реальным сокращениям [10; С. 109-155].

В дальнейшем подобная зависимость логично трансформируется в более масштабное, проникая в политическую плоскость развития общества. Соответственно,

чисто управленческая задача по формированию креативного класса становится первоочередной именно для развивающегося общества с очевидным перекосом в сторону вторичного рынка труда и преобладанием прекариата.

Наконец, можно выделить и исключительно территориальный управленческий аспект развития на территории креативного класса. Концепция «креативного города» предполагает, что комфортная среда проживания притягивает на территорию представителей креативного класса, которые своей деятельностью способствуют развитию территории. К ключевым факторам притяжения относятся наличие плотного рынка труда, интенсивный образ жизни, широкие возможности для коммуникации, разнообразие территории, уникальность, аутентичность территории [11; С. 167].

Значимым креативным понятием, тесно связанным с местным развитием, становится культура участия, в основе своей содержащая нестандартный творческий, креативный подход. Для локальных территорий, не наделенных значимыми финансовыми возможностями, культура участия становится едва ли не единственным инструментом решения стоящих перед поселением задач. Развитие культуры участия - важнейшая задача, стоящая, как перед отдельными учреждениями культуры, так и перед отраслью культуры региона в целом.

Подведем некоторые итоги. Понятие креатива все плотнее интегрируется в современную управленческую теорию. Причем это проникновение происходит одновременно на микро- и макроуровне. С одной стороны использование креатива как преобразовательной творческой деятельности является значимым интегрирующим направлением деятельности менеджмента современной организации, особенно отметим, что данная деятельность распространяется на все основные компоненты организации. С другой стороны, креатив как понятие отражает и современные макропроцессы. К ним, в свою очередь, можно отнести развитие и возрастание значимости креативного класса в структуре современного общества на фоне изменяющихся критериев формирования стратификационной системы и развития прекариата. Одновременно с этим, стоит помнить о роли креатива в современных практиках местного самоуправления и территориального маркетинга как инструментах развития локальных социально-территориальных общностей. Использование креатива позволяет преодолевать значимые ограничения современного управления, особенно на региональном и приграничном уровне, что особенно ценно в реалиях современного управления постсоветской России.

Литература:

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. - СПб.: Питер, 2012. - 667 с.;
2. Рынок труда / Фонд знаний "Ломоносов" // [Электронный ресурс]. - URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131749> (дата обращения - 15.05.2018);
3. Гидденс Энтони. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Энтони Гидденс; пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бендет. - М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2015. - 240 с.;
4. Fortune. 100 Best companies to work for // [Электронный ресурс]. - URL: <http://archive.fortune.com/magazines/fortune/best-companies/> (дата обращения - 15.05.2018);
5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. - Пер. с англ. - М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. - 432 с.;
6. Волков Ю.Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Социологические исследования. - 2011. - № 11. - С. 25-32;
7. Замятина Н.Ю. Креативный класс, символический капитал и территория // Общественные науки и современность. - 2013. - № 4. - С. 130-139;
8. Сачук Д.И. Развитие российского среднего класса на фоне кризисных явлений в экономической системе / "Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке" (к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского),

- Материалы международной научной конференции 10-12 ноября 2016 года // Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016., - С. 1368-1370;
9. Волков Ю.Г. Креативность: творчество против имитации / Ю.Г. Волков. - М.: Альфа-М, 2013 - 430 с.;
  10. Стэндинг Гай Прекариат: новый опасный класс. - М.: Ад Марингем Пресс, 2014. - 328 с.;
  11. Комфортность среды как фактор инновационного развития города / под ред. Д.Л. Лободановой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 180 с.;

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Т.В. Сачук

*Россия, Петрозаводск, Карельский филиал РАНХиГС
sachuk_ptz@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены основные новации развития приграничного сотрудничества на муниципальном уровне. Приведены наиболее востребованные направления развития приграничного сотрудничества муниципальных образований с учетом объективных факторов (географических, природно-климатических, демографических и социокультурных), а также сложившейся специализации производства.

Abstract: The main innovations of development of border cooperation at the municipal level are presented in the article. The author describes mostly demanded directions of development of border cooperation between municipal units taking into account objective factors (geographical, climatic, demographic and sociocultural) and also production specialization.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, муниципальные образования

Key words: border cooperation, municipal units

На региональном и муниципальном уровнях приграничное сотрудничество в тех или иных формах развивалось на протяжении многих лет. Это могло быть участие в крупных международных проектах, сотрудничество отдельных муниципальных образований и населенных пунктов России с коммунами и городами приграничных государств. Был накоплен определенный опыт сотрудничества в сфере культуры, образования, в реализации социальных и экологических проектов. При этом именно муниципальный уровень приграничного сотрудничества оставался малоразвитым в силу недостаточной проработанности правовых основ приграничного сотрудничества. И только сейчас в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» [1] муниципальные образования приграничных субъектов Российской Федерации впервые получили реальные правовые и организационные условия для развития приграничного сотрудничества. Впервые в законодательстве закреплён механизм заключения соглашений о приграничном сотрудничестве на уровне муниципальных образований.

Традиционно название «приграничный» имели те муниципальные образования, которые в рамках приграничного субъекта Российской Федерации были непосредственно сопряжены с Государственной границей. Важно отметить, что в данном законе расширен перечень тех муниципальных образований, которые имеют статус приграничных. Это все муниципальные образования, расположенные на территориях приграничных субъектов Российской Федерации, то есть тех субъектов Российской Федерации, которые прилегают к Государственной границе Российской Федерации. Для Республики Карелия это означает включение в приграничное

сотрудничество всех муниципальных районов, а также входящих в них городских и сельских поселений, и городских округов. Увеличение количества муниципальных образований, потенциально способных быть вовлеченными в приграничное сотрудничество, создает новые возможности приграничного сотрудничества почти для ста муниципальных образований Карелии.

Еще одной существенной новацией 179-ФЗ является возможность участия в соглашении о приграничном сотрудничестве одновременно нескольких публично-правовых субъектов (нескольких субъектов Российской Федерации или (и) муниципальных образований). С одной стороны это делает возможным согласованное развитие межмуниципального сотрудничества нескольких муниципальных образований Республики Карелия, например, с коммунальными и/или объединениями коммун (регион Йюэнсу) соседней Финляндии. С другой стороны для муниципальных образований Республики Карелия это означает, что могут быть заключены соглашения о развитии приграничного сотрудничества, где участниками с российской стороны могут быть муниципальные образования юга Карелии и муниципальные образования Ленинградской области. Важно, что в этом случае за счет увеличения количества участников и объединения ресурсов (человеческих, материальных, финансовых и др.) достигаются определенные эффекты масштаба и синергии, а также могут быть получены более продолжительные во времени положительные эффекты. Такое сотрудничество муниципальных образований в области приграничного сотрудничества, безусловно, является оправданным.

По нашему мнению, среди наиболее востребованных направлений приграничного сотрудничества на муниципальном уровне могли бы стать сотрудничество в области культуры и искусства, спорта и туризма, в области здравоохранения, экологии и природопользования, в социальной области. Закон предусматривает возможность создания гибких хозяйственных структур с привлечением внешних инвестиций для строительства, оптимального функционирования транспортной инфраструктуры, налаживания приграничной торговли, развития сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, в целом экономики приграничных регионов. Очевидно, что именно в части создания хозяйственных структур могут возникнуть определенные трудности в связи с отсутствием таковой практики. Но с другой стороны, у муниципалитетов уже есть опыт развития муниципально-частного партнерства, то есть определенная практика объединения ресурсов муниципального образования и частного бизнеса на муниципальном уровне уже сложилась, и требуется продумать участие в подобных структурах иностранных инвесторов. Очевидно, наиболее привлекательными для внешних инвестиций в рамках соглашений о приграничном сотрудничестве могут обладать муниципальные образования, получившие статус территорий опережающего социально-экономического развития (Надвоицы, Кондопога). Это может быть актуально и для других городских поселений региона, по которым поданы заявки в Правительстве Российской Федерации на получения статуса ТОСЭР [2].

Приграничное сотрудничество муниципальных образований должно осуществляться в соответствии с рядом основных принципов, одним из которых является учет особенностей территорий приграничного сотрудничества. К сожалению, на протяжении многих лет неявно превалировал принцип усреднения и единообразия действия применительно к разным регионам и муниципальным образованиям. И только принятие Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [3] позволило вновь обратить внимание на специфику регионов и муниципальных образований. Одним из важнейших принципов политики регионального развития заявлен дифференцированный подход к реализации

мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Это дает возможность муниципальным образованиям при выборе направлений приграничного сотрудничества действительно учитывать специфику уровня социально-экономического развития, размещения производительных сил, расселения населения по территории и ряд других важных факторов.

Еще одним принципом развития приграничного сотрудничества является соответствие стратегий социально-экономического развития, государственных, значимых и муниципальных программ, международным программам приграничного сотрудничества. Это дает основание всем муниципальным образованиям, планирующим и/или фактически развивающим приграничное сотрудничество, отразить данный факт и соответствующие действия в своих документах стратегического планирования, прежде всего в документах целеполагания (Стратегии социально-экономического развития) и профильных муниципальных программах[4].

Отметим еще одну новацию 179-ФЗ, а именно: фактически усовершенствован механизм заключения соглашений о приграничном сотрудничестве на региональном уровне путем учета интересов приграничных муниципальных образований, на территорию которых будут распространять свое действие данные соглашения. С одной стороны, это повышает статус муниципального образования как полноправного участника приграничного сотрудничества. С другой стороны, появляется возможность отразить данный факт в документах стратегического планирования на уровне региона и муниципального образования, и тем самым обеспечить согласованность действий, особенно в случае вовлечения муниципальной собственности (муниципальные земли, муниципальные здания и др.) и муниципальных ресурсов (организационные, информационные и др.)

Следовательно, сейчас в условиях подготовки пакета документов Стратегического планирования на уровне Республики Карелия и соответствующих пакетов документов стратегического планирования (целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования) городских округов и муниципальных районов, следует учесть вновь открывающиеся возможности развития приграничного сотрудничества в экономической сфере, а также в областях социального, культурного, гуманитарного сотрудничества.

В зависимости от ряда объективных факторов (географических, природно-климатических, демографических и социокультурных особенностей), а также с учетом инфраструктурной обеспеченности, уровня экономического развития, степени износа транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, будет складываться специфика заключенных соглашений каждого конкретного муниципального образования, как в экономической, так и в социо-гуманитарной сферах. Тематика соглашений о приграничном сотрудничестве может базироваться на сложившейся специализации экономики муниципальных образований. Особенно это важно для муниципальных образований, где активно развивается туризм (внутренний и внешний) и отдельные профильные отрасли (рыболовство, сельское хозяйство, добыча и переработка природных ресурсов и полезных ископаемых).

В области социо-гуманитарного приграничного сотрудничества следует учитывать накопленный опыт реализации внутри муниципальных и межмуниципальных проектов и программ социально-экономического развития территорий, в том числе с участием муниципальных учреждений и организаций, некоммерческих организаций и отдельных граждан. Так, например, на протяжении нескольких лет активно развивается сотрудничество муниципальных библиотек, как между отдельными учреждениями, так и в рамках республиканской библиотечной

ассоциации, такое межмуниципальное сотрудничество позволяет привлекать грантовые средства и объединять ограниченные ресурсы самих учреждений [5]. Подобные примеры межмуниципального сотрудничества есть и среди других учреждений культуры (музеи, Дома культуры и др.) и муниципальных учреждений основного и дополнительного образования. Кроме того, для развития приграничного сотрудничества важен опыт участия населения и НКО в программе поддержки местных инициатив и программе «Комфортная городская среда» [6], а также опыт участия общественности ряда муниципалитетов в реализации проектов карельских НКО, в том числе проектов, где партнерами являлись международные фонды, коммуны и отдельные учреждения Финляндии [7].

Выделим еще два направления приграничного сотрудничества, развитие которых отражает сложившееся положение дел и основные тенденции социально-экономического развития современной Карелии, и может быть отражено в стратегических и программных документах социально-экономического развития муниципальных образований региона. Во-первых, это развитие отдельных отраслей экономики, в которых преобладают самозанятость и кооперация (сельский туризм, заготовка дикоросов и др.). Особенно это будет актуально для муниципальных образований, на территории которых сосредоточены малые по численности и отделенные населенные пункты. Во-вторых, это социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения и высоким уровнем оттока населения по причине неблагоприятных социальных условий.

Таким образом, можно утверждать, что появившиеся возможности развития приграничного сотрудничества на муниципальном уровне могут стать значимым фактором повышения уровня и качества жизни населения Республики Карелия.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/
2. В Карелии статус ТОСЭР могут присвоить еще нескольким территориям. – URL
3. <https://nevnov.ru/region/Petrozavodsk/495349-v-karelii-status-toser-mogut-prisvoit-eshche-neskolkim-territoriyam>
4. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года . – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/
5. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 26.06 2014 № 172-ФЗ. – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
6. Сачук Т.В. Сельская библиотека – развитию территории . Сельская библиотека - среда возможностей муниципалитета и коммуникаций жителей села: итоги реализации проекта. Библиотечный вестник Карелии № 53 (60) . – URL <http://bark.karelia.ru/files/191.pdf>
7. Комфортная городская среда Карелии. – URL: <http://gor-sredakarelia.nubex.ru/5165/>
8. Баренц Регион. – URL: <https://barents.no/ru/o-sekretariate/barenc-region>

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН И ГРАНИЧАЩАЯ С НИМ ПО МОРЮ АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ РФ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО- ГУМАНИТАРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Мурадгелди Соегов
Туркменистан, г. Ашхабад

Аннотация: На основе анализа современных и некоторых исторических данных, а также на примере собственного опыта автор статьи излагает свои мысли и делает обобщения по вопросам развития туркменско-российского сотрудничества на примере связей Астраханской области Российской Федерации с соседним Туркменистаном.

Abstract: On the basis of the analysis of the modern and some historical data, and also on an example of a private experience the author of article states the thoughts and does generalisations concerning development of the Turkmen-Russian cooperation on an example of communications of the Astrakhan region of the Russian Federation with the next Turkmenistan.

Ключевые слова: соседний регион, сотрудничество, экономика, история, культура.

Keywords: the next region, cooperation, economy, history, culture.

Нейтральный Туркменистан граничит с Российской Федерацией через воды седого Каспия, вокруг которого наряду с ними расположены еще три государства: Азербайджан, Иран и Казахстан. Каспийское море, заслуженно именуемое в этих странах “Морем согласия”, служит не только неисчерпаемой кладовой рыбопродуктов (в том числе всемирно известной осетрины), но оно еще является для ряда этих стран, в том числе для Туркменистана, одним из удобных транспортных коридоров для выхода в мировые торговые пути.

Ярким примером сотрудничества с использованием преимуществ Каспийского моря является экономические связи, налаженные в последние годы между Астраханской областью Российской Федерации и Туркменистаном. Так, например, по данным российской стороны, в 2017 году Астраханская область экспортировала в Туркменистан в 7,4 раза больше продукции по сравнению с предыдущим годом. Как сообщается в интернет-сайте «Астраханцы наращивают торговые связи с Туркменистаном», основными статьями астраханского экспорта на туркменский рынок выступают изделия из черных металлов, транспортные средства, стекольные изделия, продукция мукомольно-крупяной промышленности. В свою очередь, Туркменистан экспортирует российскому соседу по Каспию готовые текстильные изделия, одежду, фрукты, орехи. Астраханская область выступает одним из субъектов РФ, с которым у Туркменистана налажены прямые двусторонние отношения.

Стороны поддерживают регулярные контакты на высшем уровне в лице Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова и губернатора Астраханской области Александра Жилкина и прилагают усилия не только для развития экономического направления, но социально-гуманитарного взаимодействия. Примером тому служит школа на 240 мест, построенная силами туркменских строителей в селе Фунтово Приволжского района [2]. Очередная встреча на высшем уровне проходила буквально недавно: Президент Туркменистана Г. Бердымухамедов 2 мая 2018 года принял губернатора Астраханской области России А. Жилкина, прибывшего в Туркменистан для участия в торжествах по случаю открытия Международного морского порта в городе Туркменбаши, что на туркменском берегу Каспийского моря. Во время беседы Президент Туркменистана подчеркнул традиционно дружественный, добрососедский характер сотрудничества с Астраханской областью РФ, актуальность совместных проектов в различных сферах, в том числе в судоходстве и добавил, то

развитие прямых эффективных контактов с регионами и ведущими промышленными центрами России является одним из ключевых направлений межгосударственного туркмено-российского диалога. Об этом сообщали СМИ Туркменистана и Астраханской области.

Хочется здесь же отметить, что Астрахань близка к сердцу автора настоящих строк (думается, также многих других туркменистанцев) и привлекает его как учено-гуманитария по четырём главным параметрам: во-первых, в Астраханской области уже более чем трёх столетий проживает большое количество туркмен [1; 4], и, во-вторых, в 1912 году в г. Астрахань был издан один из первых сборников стихов великого Махтумкули – туркменского поэта-классика XVIII века. Данный сборник стихов великого поэта-мыслителя увидел свет, благодаря усилиям одного из первых туркменских книгоиздателей XX века, астраханца Абдурахмана Нурмухаммед оглы Ниязи (мулла Абдурахман Ниязов, 1855–1927) [См. 5]. В-третьих, ногайский писатель из Астрахани Басыр Абдуллин (1892–1938) был в числе тех первых драматургов, пьесы которых на туркменскую тематику ставились на сценах театров Ашхабада в двадцатые годы прошлого столетия [7; 8; 13]. И, наконец, в-четвертых на дельте Волги находилась одна из трех столиц (Итиль) некогда могущественного средневекового Хазарского каганата, правители-основатели которого (хазары) были этнически едиными с древними огузами – прямыми предками современных туркмен [См. еще: 9].

По обнародованным статистическим данным всенародной переписи, проведенной в Российской Федерации в 2010 году, 36,9 тысяч жителей страны по национальности считали себя туркменами, из них 17,8 тысяч (48%) – это городское население, а 19 тысяч (52%) – сельское. Наиболее многочисленные диаспоры туркмен, согласно данным той же переписи, проживали в Ставропольском крае (15 тысяч), Москве (2,9 тысячи), Астраханской области (2,3 тысячи), Московской области и Санкт-Петербурге (по 1,5 тысячи), Татарстане (1,0 тысячи), Башкирии (0,8 тысячи) и Краснодарском крае (0,7 тысячи) [См.: 12]. Из проведенного сравнительного анализа явствует, что в настоящее время самая крупная община туркмен в пределах России, проживающая компактно в сельской местности, после Ставрополя, находится в Астраханской области. Примечательно то, что все они поддерживают связь со своей исторической Родиной, бережно хранят и передают из поколения в поколение родной язык, обычаи и традиции, присущие туркменскому народу. Важным фактором, позволяющим сохранять людям аутентичную самобытность, стало создание в Астраханской области туркменского национально-культурного общества «Ватан» («Родина»).

В последние десятилетия заметно окрепли гуманитарные контакты астраханских туркмен с исторической родиной – частые обмены визитами, активное участие астраханских земляков в работе Гуманитарной ассоциации туркмен мира, проведение совместных масштабных мероприятий [См.: 2; 4; 11]. Художественный руководитель творческого коллектива «Бахар» З. Туликова в своей статье «Астраханские туркмены на Международном фестивале» вдохновенно рассказывает, как данный коллектив наряду с другими семейными коллективами туркмен из разных стран мира успешно выступил на Международном фестивале «Туркменский край – край преобразований» [10]. Уполномоченные представители туркмен Астраханской области активно участвуют в работе ежегодной конференции Гуманитарной ассоциации туркмен мира, состоящей в Ашхабаде – столице Нейтрального Туркменистана.

Само геополитическое положение Астраханской области исторически предопределило формирование на ее территории мощного судостроительно-судоремонтного комплекса, занимающего одно из ведущих мест в России. Имеющиеся в области полтора десятка основных предприятий отрасли способны строить и

ремонттировать суда любого класса и назначения, а также морские разведочные и эксплуатационные платформы и другие технические средства для освоения нефтегазовых месторождений на морском шельфе. Все это позволяет астраханцам рассчитывать на успешное выполнение туркменских заказов любого уровня сложности. Так, например, На Астраханском судостроительном производственном объединении по заказу компании Dragon Oil (ОАЭ) завершилось строительство многоцелевого кранового судна «Palwan» («Богатырь»), предназначенное для обслуживания буровых месторождений. Стоимость судна, которое скоро будет передано Туркменистану, составляет \$30 млн [См.: 2].

Рис. 1. Памятник туркменскому поэту-классику Махтумкули, установленный в 2009 году в сквере в близости Астраханского государственного университета.

Текущий 2018 год объявлен Меджлисом (Парламентом) страны как «Туркменистан – сердце Великого Шелкового пути» по названию одноименной книги Президента страны Гурбангулы Бердымухамедова, изданной в 2017 году. В ноябре того же года в Астраханском государственном техническом университете прошла торжественная презентация данной книги, на которой присутствовал министр международных и внешнеэкономических связей Астраханской области Денис Афанасьев, а также представители дипломатических миссий, туркменские студенты из вузов города, профессорско-преподавательский состав и студенты АГТУ, представители научных кругов и СМИ. В ходе презентации было отмечено, что книга отражает концепцию современного развития Туркменистана, основанную на историческом опыте, традициях миротворчества и добрососедства, устремленности туркменского народа к региональной и глобальной интеграции и прогрессу. В книге проводится многоаспектный анализ Великого Шелкового пути, сыгравшего значительную роль в развитии экономических, культурных, научных связей между

Востоком и Западом. Также труд обосновывает роль Туркменистана в интеграционных процессах современности [См.: 3].

Со стороны Консульства Туркменистана в Астрахани проводятся другие важные мероприятия, направленные на дальнейшее укрепление установившихся туркменско-русских отношений. Показательным является спортивный марафон по набережной реки Волги, организованный Советом туркменских студентов при Консульстве Туркменистана в конце марта 2017 года. Участниками столь интересного события выступили не только туркменские, а также иностранные студенты, обучающиеся в Астраханской области. Спортивный марафон под девизом «Мы за здоровый образ жизни» прошел по маршруту: «Парк имени Петра I – памятник Махтумкули» [См.: 11].

В заключение следует констатировать, что Астраханская область, наряду с Республикой Татарстан и Санкт-Петербургом, является не только деловым партнером Туркменистана в торгово-экономической сфере, была и остается тем регионом России, который, как явствует из вышеизложенного, тесно связан с Туркменистаном видимыми и невидимыми культурно-гуманитарными нитями. В этой связи личный опыт автора настоящих записок подсказывает ему, что его опубликованные научные статьи по вопросам, связанным с Астраханью, и его членство в редколлегии журнала Астраханского государственного университета «Гуманитарные исследования» – лишь один из многочисленных примеров своеобразного появления сотрудничества в сфере науки.

Литература

1. Астраханские туркмены: история и современность / [Л.Ш. Арсланов, А.А. Аширов, В.М. Викторин и др.; сост. А.В. Сызранов]. – Астрахань: Новая линия, 2012. – 127 с.
2. Астраханцы наращивают торговые связи с Туркменистаном. URL: <http://orient.tm/ru/2018/01/31/6779.html> (дата обращения 07.05.2018).
3. Новый труд главы Туркменистана оценили в Астрахани. URL: <https://news.rambler.ru/other/38443551-novyy-trud-glavy-turkmenistana-otsenili-v-astrahani/> (дата обращения 07.05.2018).
4. Переплеснин М. Добро соседства – не одну сотню лет живут туркмены на астраханской земле. URL: <http://infoabad.com/vs-o-turkmenistane/dobro-sosedstva-ne-odnu-sotnyu-let-zhivut-turkmeny-na-astrahanskoi-zemle.html> (дата обращения 04.05.2018).
5. Соегов М. Астраханское издание стихов великого Махтумкули 1912 года: результат труда А. Ниязи и оценка его в рецензии З. Велиди // Материалы Всероссийского научного симпозиума “Урал-Алтай: через века в будущее”. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 105–109.
6. Соегов М. Ногайская эпическая песня об Эдиге (записанная в Астрахани в 1830 году и опубликованная в Лондоне 12 лет спустя в английском переводе) // Идель – Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Международного форума . – Горно-Алтайск, 2015. – С. 243–245.
7. Соегов М. Ногайский драматург и его туркменский переводчик (об искалеченных судьбах и опороченных достоинствах) – // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (76). Орел, 2017. – С. 155–159
8. Соегов М. Ногайский писатель из Астрахани – один из авторов первых туркменских пьес // Театр XXI века и вызовы нового времени. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань, 2016 – С. 125–131.
9. Соегов М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // Гуманитарные исследования, № 1 (41). – Астрахань, 2012. – С. 281–288.
10. Туликова З. Астраханские туркмены на Международном фестивале. URL: <http://www.volgaru.ru/index.php?oth&article=7317> (дата обращения 05.05.2018).
11. Туркменские студенты объединились под знаменем «Мы за здоровый образ жизни». URL: <https://astrakhan.tmconsulate.gov.tm/ru/news/3715> (дата обращения 03.05.2018).
12. Чаблин А. Процессы гражданской интеграции туркменского этнического меньшинства на Северном Кавказе. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2016/02/29/processy-grazhdanskoj-integracii-turkmenskogo-etnicheskogo-menshinstva-na-severnom-kavkaze.html> (дата обращения 30.04.2017 г.).

13. Söyegov M. Nogay Yazar Basir Abdullin'nin Dramları Üzerine Bir Unceleme // Kardeş Kalemler Aylık Avrasya Edebiyat Dergisi. Sayı: 63 Mart. – İstanbul, 2012. URL: http://www.kardeskalemler.com/mart2012/nogay_yazar_basir_abdullin.htm (дата обращения 10.05.2018).

ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А.А. Соколов

Россия, Оренбург, Институт степи УрО РАН

SokolovAA@rambler.ru

Аннотация: Проведен структурный анализ уровня развития промышленного комплекса приграничных территорий степной зоны России и Казахстана. Российско-Казахстанский трансграничный регион является важным связующим звеном в структуре экономик обеих стран. Регион полностью обеспечивает потребности своей индустрии в сырье, поскольку располагает огромными запасами различных полезных ископаемых. К примеру, запасы углеводородов, железной, урановой и хромовых руд имеют мировое значение. Богатая природно-сырьевая база предопределяет структуру промышленного производства региона, в котором ведущее место занимает тяжелая промышленность, а именно такие ее отрасли, как черная цветная, химическая и нефтеперерабатывающая промышленность, машиностроение, а также производство строительных материалов. На долю промышленного производства в Российско-Казахстанском трансграничном регионе приходится около половины от всего валового регионального продукта.

Abstract: the structural analysis of the industrial complex development potential in the border areas of the steppe zone of Russia and Kazakhstan is Carried out. The Russian-Kazakh cross-border region is an important link in the structure of the economies of both countries. The region fully meets the needs of its industry in raw materials, as it has huge reserves of various minerals. For example, hydrocarbon, iron, uranium and chromium ore reserves are of global importance. The rich natural resources base determines the structure of industrial production in the region, in which the leading place is occupied by heavy industry, namely, such industries as black, chemical and petroleum industries, mechanical engineering, as well as the production of building materials. Industrial production in the Russian-Kazakh cross-border region accounts for about half of the gross regional product.

Ключевые слова: степная зона, трансграничный регион, промышленный потенциал.

Key words: the steppe zone, cross-border region, industrial potential

По уровню развития промышленного производства степные регионы Российско-Казахстанского трансграничья можно объединить в три индустриально-производственных сектора. Наиболее развиты в промышленном отношении северные и северо-западные районы (промышленное производство > 40% ВРП), средний уровень развития имеют по одной области на западе, востоке и в центре (промышленное производство 30-40% ВРП), наименее развитые районы сосредоточены на востоке и в центре (промышленное производство < 30% ВРП) (рис. 1) [1, 2].

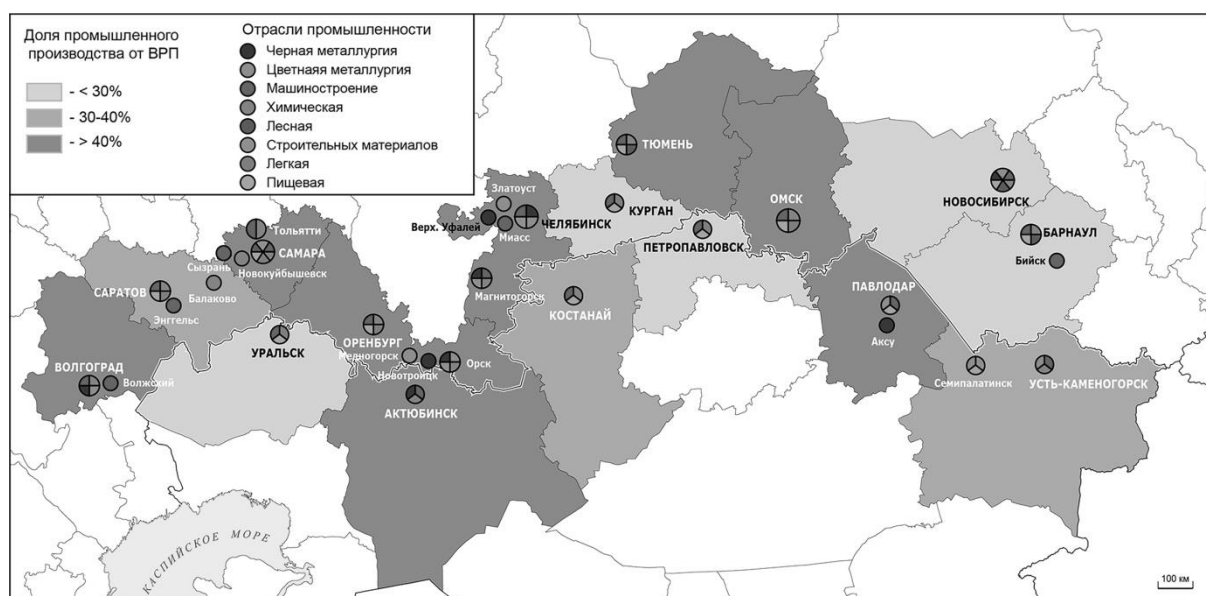
Высокоразвитые промышленные районы

Тюменская область. По объёму произведенной промышленной продукции область занимает первое место в регионе. На долю промышленного производства приходится 63% ВРП. Основной отраслью специализации является топливная промышленность - 87%. Среди других видов производства можно выделить электроэнергетику и нефтехимию, доля пищевой промышленности не велика [2, 3].

В структуре ВРП *Оренбургской области* высока доля промышленного производства – 60%, однако диверсификация производства низка. На долю

добывающей промышленности (в основном топливной) приходится 37% и обрабатывающей (черная, цветная металлургия и нефтехимическая) - 16% [2, 3].

Самарская область является одним из наиболее развитых промышленных районов региона на его долю приходится 52% ВРП. Ведущее положение занимают не сырьевые отрасли, на машиностроение приходится 56.6%, кроме того, область имеет широкий спектр других отраслей: химия и нефтехимия (9,8%), топливная (9%), пищевая (7,8%), электроэнергетика (7,7%), цветная металлургия (4,6%), промышленность стройматериалов (2,9%) [2, 3].

Рис. 1. Уровень развития промышленного комплекса приграничных территорий степной зоны России и Казахстана

Омская область. В отраслевой структуре ВРП преобладает промышленный сектор - 47%. На долю машиностроения приходится 14,6%, пищевую - 28,2%, электроэнергетику - 16,9%, химию и нефтехимию - 15,6%, черную металлургию - 0,5%, топливную - 13% [2, 3].

Павлодарская область. В ВРП на долю промышленного производства приходится 47%. В структуре производства ведущее место занимает обрабатывающая промышленность, на нее приходится 67%. Основными видами деятельности является производство электроэнергии и добыча угля [1].

Челябинская область. В структуре ВРП велика доля промышленности – 45%. Диверсификация промышленности области практически монопрофильна, доля черной металлургии достигает 65%, еще 5% приходилось на цветную металлургию. Машиностроение производит менее 14%, а на долю пищевой отрасли приходится только 7% промышленной продукции [2, 3].

Волгоградская область. На долю промышленного сектора приходится 42% ВРП. Ведущую роль в экономике области играет обрабатывающая промышленность, на которую приходится 29,4% ВРП, из которых 41% - производство нефтепродуктов, металлургия - 22%, пищевая - 10%, химия - 9% и машиностроение - 6%. В относительно небольших объемах развита добывающая отрасль в основном за счет добычи нефти - 4,6% ВРП [2, 3].

Актыубинская область. На промышленное производство приходится 42% ВРП. Доминирующее положение занимает добывающая отрасль свыше 70% промышленного

производства. Основными видами деятельности является добыча нефти и хромитовой руды [1].

Среднеразвитые промышленные районы

Восточно-Казахстанская область обладает развитым промышленным сектором, на него приходится 39% ВРП. В структуре промышленного производства на долю обрабатывающей промышленности приходится 83%, добывающая представлена незначительно 17%. Обрабатывающая промышленность представлена деревообрабатывающей, строительных материалов и др. [1].

Саратовская область относится к индустриально-аграрным регионом. В структуре ВРП на долю промышленности приходится 30,6%. В области имеются крупные производственные комплексы разных отраслей электроэнергетики, машиностроения, химии, и пищевой отрасли. Наиболее велико значение электроэнергетики, которая является отраслью специализации [2, 3].

Кустанайская область. Доля промышленного производства в структуре ВРП составляет 30%. Более 50% производимой продукции приходится на добывающую промышленность. Добыча железной руды и бурого угля является основной специализацией области. Обрабатывающая промышленность в основном представлена швейным производством [1].

Слаборазвитые промышленные районы

В *Новосибирской области* доля промышленности в структуре валового регионального продукта невелика и составляет 21%. Отраслевая структура промышленного производства области составляет: машиностроение 21,4%, пищевая 22,6%, электроэнергетика 19,2%, цветная металлургия 8,2%, химия и нефтехимия 4,8%, черная металлургия 4,1%, топливная 2,5% [2, 3].

Западно-Казахстанская область. Доля продукции промышленного производства составляет 21% ВРП. В структуре промышленности основное место занимает добывающая отрасль 75%, основным видом специализации является газодобыча [1].

Алтайский край является индустриально-аграрным регионом, на долю промышленного производства приходится 20,7% ВРП. Основу промышленного производства Алтайского края в основном составляет обрабатывающие производство работающие на привозном сырье, за исключением пищевой отрасли. На долю электроэнергетики приходится 10,7%, черную металлургию 11,8%, химию 5,9%, машиностроение 18,9% и пищевую 13,7 [2, 3].

Курганская область. На долю промышленности приходится 19% ВРП. Низкий процент промышленного производства обусловлен доминированием в отраслевой структуре депрессивных предприятий машиностроения и АПК. Среди других видов промышленности можно выделить химическую и пищевую [2, 3].

Северо-Казахстанская область - преимущественно аграрный регион, доля промышленности в структуре ВРП составляет 16%. Основными видами деятельности является производство пищевых продуктов и деревообработка, на долю обрабатывающей промышленности приходится 71% [1].

Выводы

Из приведенного анализа можно сделать вывод, что приграничная степная зона России и Казахстана обладает богатой природно-сырьевой базой. Однако ресурсы распространены крайне неравномерно по территории [4, 5]. Тем не менее, каждая территория имеет свою определенную специализацию, как правило, там где отсутствуют исчерпаемые ресурсы успешно развивается сельское хозяйство, в районах же богатыми углеводородами и рудами различных металлов развиваются отрасли тяжелой промышленности.

В настоящее время в хозяйственной специализации приграничных степных регионов России и Казахстана в большей степени преобладает природно-сырьевая направленность. Большая часть добываемых природных ресурсов не вовлекается в переработку и имеет главным образом экспортную ориентацию. В таких условиях необходимо реформирование всей хозяйственной структуры степной зоны, которая должна базироваться как на возобновляемых ресурсах, так и на отраслях с более высокой добавленной стоимостью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РАН в рамках научного проекта АААА-А17-117012610022-5.

Литература

1. Регионы Казахстана в 2008 году. Статистический сборник. / Под ред. А.Е.Мешимбаевой / Астана, 2009. 438 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. 999 с.
3. Социальный атлас российских регионов [электронный ресурс]. <http://www.socpol.ru/index.shtml> (дата обращения 3 августа 2011 г.)
4. Руднева О.С. Анализ демографической освоенности степной зоны России: потенциал и уровень рождаемости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2016. № 1. С. 30-33.
5. Руднева О.С. Районирование степной зоны Евразии по уровню сельскохозяйственной освоенности // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2016. № 3 (59). С. 164-167.

КАРЕЛЬСКАЯ АРТ-РЕЗИДЕНЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

И.А. Спажева

Россия, Петрозаводск, ГБУ ИТЦ РК

ispazheva@gmail.com

Аннотация: Статья рассматривает опыт работы Карельской арт-резиденции в 2015-2018 гг. и реализованные проекты приграничного сотрудничества с Финляндией, анализирует вклад Карельской арт-резиденции в повышение качества культурной инфраструктуры и культурной среды региона, очерчивает будущие перспективы этого проекта в развитии.

Abstract: The article gives an overview of the Karelian art-residency activities in 2015-2018 and examines the recent cross-border artistic projects implemented with the Finnish partners. The article also analyses the contribution of the art-residency for development of cultural infrastructure and cultural environment in Karelia, and outlines the future perspectives of this project in development.

Ключевые слова: арт-резиденция, современное искусство, приграничное сотрудничество, культурная инфраструктура, культурная среда, сообщество, культурные индустрии.

Key words: art-residency, contemporary art, cross-border cooperation, cultural infrastructure, cultural environment, community, cultural industries.

Арт-резиденции - программы для художников и других профессионалов творческих профессий, которые предоставляют им время, пространство, ресурсы для индивидуальной или коллективной работы и возможность поработать над интересующей художника темой в режиме высокой концентрации [1].

Арт-резиденции отличаются друг от друга по форме организации, условиям работы, специализации, требованиям к художнику: некоторые из них предлагают возможность экспериментальной работы, сосредоточения на процессе, другие связаны с выставками и проектами и нацелены на конкретные результаты, иные обязательным условием ставят погружение в местную среду и включение в жизнь сообщества [2].

Сегодня арт-резиденции в России - на пороге «бума»: в российских регионах арт-резиденции открываются одна за другой, популярен также формат временных (pop-up) арт-резиденций, приуроченных к фестивалю или выставке; в целом это соответствует мировым тенденциям в области современного искусства и культуры. Республика Карелия не является исключением: с 2015 г. в Петрозаводске функционирует Карельская арт-резиденция, куда приезжают художники со всего мира, чтобы реализовать свой творческий проект. Данная публикация - первая попытка анализа деятельности арт-резиденции в 2015-2018 гг., призванная оценить значение данной структуры для международного, в том числе приграничного, сотрудничества в сфере культуры и развития региона в целом.

Карельская арт-резиденция - один из инфраструктурных результатов проекта «Центр дизайна и ремесленный бизнес-инкубатор» (ПС ЕИСП «Карелия», 2011-2013 гг.), в структуре Центра культурных инициатив (2014-2016 гг.), с 2016 г. входит в состав Информационного туристского центра Карелии, что в последнее время все больше определяет (и, учитывая повышенное внимание к развитию туризма в регионе, будет определять в дальнейшем) векторы её развития и является характерной и даже отличительной её особенностью. Карельская арт-резиденция предоставляет художнику жилое и рабочее помещения, а также выставочное пространство медиа-центра «Выход». Карельская арт-резиденция (AiR Karelia) является членом Res Artis - крупнейшей сети арт-резиденций мира.

С 2015 г. резиденция приняла более 40 художников из различных частей света. На выставочной площадке медиа-центра «Выход», а также других культурных пространств Петрозаводска (Agriculture Club, Галерея промышленной истории Петрозаводска, ЖК «Александровский») были представлены персональные и групповые выставки творцов из Канады, Германии, Австрии, Финляндии, Нидерландов, Сербии, стран Латинской Америки, США, проведено более 30 творческих встреч и мастер-классов с художниками, установлено множество творческих контактов между гостями резиденции и представителями местного арт-сообщества и городского сообщества в целом. Наличие в республике арт-резиденции дает возможность реализовывать международные проекты в сфере культуры. Карельская арт-резиденция - активный актер приграничного сотрудничества: это направление - одно из важнейших в деятельности резиденции. Остановимся подробнее на нескольких последних приграничных проектах с художниками из Финляндии.

Самой крупной художественной инициативой, осуществленной за годы работы Карельской арт-резиденции, является проект «Северный Парадиз» (2016-2017 гг.). «Северный Парадиз» - художественный проект, объединивший молодых художников из Республики Карелия и региона Северная Карелия (Финляндия). Общая идея проекта - природа и культурно-историческое наследие Республики Карелия как художественный образ идеального места для творческих людей («рая» для художников). Проект был поддержан Министерством культуры Республики Карелия и Министерством образования и культуры Финляндии.

Проект проходил в несколько этапов по обе стороны границы. В августе 2016 г. состоялся арт-лагерь для молодых художников из Карелии и Финляндии: художники совершили экспедицию на корабле по природным памятникам и объектам культурно-исторического наследия бассейна Онежского озера. По итогам экспедиции в сентябре

2016 г. состоялась выставка-презентация проекта в медиа-центре «Выход» под названием «В поисках Рая». Ответный арт-лагерь прошел в мае-июне 2017 г. в регионе Северная Карелия в Финляндии - в деревне Мёхкё под Иломанси. Молодыми художниками были подготовлены работы, которые вошли в экспозицию ежегодной летней выставки современного искусства Мёхкёнварта. Выставка прошла на двух площадках: на территории железнодорожного музея в Мёхкё и рунопевческой деревне Парпейнваара. Кроме того, в рамках проекта в ноябре-декабре 2016 и апреле-августе 2017 г. финские участники проекта работали в Карельской арт-резиденции.

Одна из главных целей проекта «Северный Парадиз» - создание устойчивого механизма межкультурного взаимодействия, установления как профессиональных, так и дружеских связей в полной мере была реализована. Сотрудничество продолжается: уже в сентябре 2018 г. в медиа-центре «Выход» состоится выставка по итогам резиденций финских художников-участников проекта.

Одна из популярных форм сотрудничества между арт-резиденциями-партнерами — реализация обменных проектов.

В 2016 г. Карельской арт-резиденцией совместно с Центром содействия искусству Финляндии (ТАИКЕ) был разработан обменный science art проект Varents Movement. Varents Movement исследовал способы межкультурного диалога, вопросы иммиграции и мультикультурализма в современном обществе, сохранения и популяризации культурного наследия в приграничных регионах средствами современного искусства. К участию были приглашены художники и исследователи из финской Лапландии и Республики Карелия, которые работали в паре или группе. Карельские тандемы работали в резиденции Виипола финского пограничного города Торнио, финские участники работали в Карельской арт-резиденции в Петрозаводске. Так, танцор и хореограф Александр Козин и ученый, к. полит. н. Екатерина Шлапеко работали в Торнио над совместным исследовательским проектом «Сопrotивление материалов», посвященным острой ситуации в Торнио, когда город стал крупнейшим центром по приему беженцев на севере Европы. Итогом проекта стала серия совместных перформансов с финскими танцорами и научная публикация.

Осенью 2017 г. совместно с арт-резиденцией Якобстад (Западная Финляндия) был реализован проект «Город-завод: размышления о промышленности и культуре». Петрозаводск и Якобстад (Пиетарсаари) - бывшие региональные промышленные центры. Проект исследовал тему промышленного производства, в частности историческое развитие промышленности, и его влияние на мышление, идентичность города и его жителей, развитие и специфику художественной культуры и искусства, каким образом развитие или отсутствие (исчезновение) промышленности отражается на культуре и искусстве города. Художники из Карелии - Наталья Логинова, Дина Четвертная, Светлана Мякеля работали над своими проектами в Якобстаде, в то время как финские художники Элеонора Хагстрём и Эйра Энквист работали в Петрозаводске. Так, финская художница Эйра Энквист на основе интервью с сотрудниками заводов и предприятий Карелии создала документальный фильм-размышление о пост-индустриальном Петрозаводске (The Superhumans), который был представлен петрозаводской публике. Фильм поднимает целый ряд вопросов, касающихся идентификации города, его культурных кодов, перспектив его развития.

Понимая важность и необходимость развития культурной инфраструктуры и культурной среды в Республике Карелия, расширения спектра культурных услуг и продуктов и повышения их доступности, а также создания новых коллабораций между искусством и туризмом, синергии их ресурсов, сотрудниками ИТЦ РК был разработан проект развития «Карельская сеть арт-резиденций и арт-туризм», одобренный к реализации Программой приграничного сотрудничества «Карелия» на 2018-2020 гг. В

рамках проекта будут открыты арт-резиденции в районах Карелии, разработаны арт-маршруты для местных жителей и туристов, состоятся семинары, посвященные развитию арт-резиденций и культурного туризма.

Подводя некоторые итоги четырех лет работы, отметим, что Карельская арт-резиденция - это прежде всего площадка для профессионального обмена, которая аккумулирует ресурсы людей различных профессий из разных культур, соединяя потенциал творческого и интеллектуального, поддерживая формирование разнообразной, многозадачной культурной среды.

Как заметил известный российский куратор, искусствовед Георгий Никич, «арт-резиденция — некоторая форма, в которую можно влить, включить то, что вам нужно. Арт-резиденция привносит разнообразие и обладает бесконечным количеством валентностей, она может связать все, что угодно: общество, бизнес, культуру, территорию и интересы людей» [3, с. 5]. Это действительно так: в рамках реализации проектов приезжих художников Карельская арт-резиденция взаимодействует с представителями креативных индустрий региона (художники, дизайнеры, профессионалы сферы культуры, музейного дела, кино, музыки, специалисты учреждений досуга), активно сотрудничает с профессионалами и организациями сферы туризма, обращается за научными консультациями к представителям гуманитарных и прикладных наук. Каким образом «рассмотреть», а затем развить и углубить эти связи, выстраивая долгосрочные проекты в области креативной экономики - задача не только резиденции, но и представителей власти [4].

Большая и каждодневная работа Карельской арт-резиденции - знакомство местного сообщества с представителями других культур, способствование прямым контактам, вовлечение аудитории в процессы современной культуры, включение самых разных людей в творческие проекты художников-в-резиденции. Работая с молодыми творцами и молодежью в целом, резиденция открывает для них новые возможности, способствует профессиональному самоопределению и творческой самореализации.

Будущее Карельской арт-резиденции как проекта в развитии (project in development) и проекта развития (development project) зависит от множества внутренних и внешних факторов и успешного решения многих задач. Среди них:

- понимание важности поддержки современной культуры, культурных индустрий как ресурса развития территории представителями профильных органов власти, включение их в стратегии развития региона;
- активная работа по привлечению грантовых средств для реализации новых, в том числе международных, проектов;
- продвижение и маркетинг арт-резиденции: освещение позитивных результатов деятельности резиденции в медиа-пространстве, участие в международных форумах и встречах, мониторинг потенциальных целевых групп, бенефициаров, поиск партнеров;
- постоянная аналитическая работа резиденции, дальнейшая концептуализация и специализация направлений её деятельности, разработка событийных мероприятий в сфере современного искусства.

Кажется важным дальнейшее включение арт-резидентов в дискуссию о проблемах региона и поиски путей их решения, поэтому задача Карельской арт-резиденции - способствовать пониманию представителями органов власти и сообщества того, что арт-резиденция готова решать не только множество образовательно-просветительских, но и социально-экономических и даже экологических задач. Необходимо обратить внимание на опыт соседней Финляндии, где функционируют около 50 резиденций [5] [6], привлекающих к сотрудничеству специалистов из различных областей знания, и работают не только в области продвижения современного искусства и образования в сфере культуры, но предлагают

модели устойчивой экономики регионов (в том числе путем взаимодействия креативных индустрий и бизнеса, развития социально-ответственного и критического туризма, энергосбережения и защиты окружающей среды [7]), сглаживания социальных проблем (интеграция мигрантов в общество, воспитание толерантного отношения к ближнему, реабилитация пациентов медицинских учреждений, организация досуга пенсионеров, инвалидов [8]), и в целом стремятся к усовершенствованию общества и мира в целом средствами искусства и культуры.

Карельская арт-резиденция - важный стратегический инструмент международного и приграничного сотрудничества и развития региона; при должном внимании и поддержке он может превратиться в мощный драйвер развития территории и одну из составляющих позитивного имиджа Республики Карелия в мире.

Литература

1. Policy Handbook on Artists' residencies. [Электронный ресурс] / Электрон. дан. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/policy/cultural-creative-industries/documents/artists-residencies_en.pdf. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 20.05.2018).
2. Арт-резиденции. Встречный импульс / MutualAiR Impulse. [Электронный ресурс] / Электрон. дан. URL: https://www.transartists.org/sites/default/files/manual_mutual_air_impulse.pdf. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 18.05.2018).
3. Сарангова О. «Похожих арт-резиденций нет»: куратор Георгий Никич о миссии галерей-мастерских [Электронный ресурс] / Теории и практики. Электрон. дан. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9693-art-residencies-nikich>. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 21.05.2018).
4. Lehman, K. Conceptualising the value of artist residencies: A research agenda. [Электронный ресурс] / Cultural Management: Science and Education, Vol. 1, No. 1 (2017). Электрон. дан. URL: https://www.researchgate.net/publication/318418782_Conceptualising_the_value_of_artist_residencies_A_research_agenda. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 21.05.2018).
5. Suomi, R. Kansainvälinen taiteilijaresidenssitoiminta 1995-2005. [Электронный ресурс] / Taiteen keskustoimikunta. Helsinki 2005. Электрон. дан. URL: http://www.taite.fi/documents/10162/76105/no_44.pdf. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. фин. (дата обращения: 19.05.2018).
6. По данным Фонда резиденций для финских художников/Suomen Taitelijaseuran Ateljesäätiö, [Электронный ресурс] / Электрон. дан. URL: <https://www.artinres.fi/residenssit/>. html, свободный. Яз. фин. (дата обращения: 21.05.2018).
7. Kenins, L. Escapists and Jet-Setters. Residencies and sustainability. [Электронный ресурс] / C Magazine. Issue 119. Электрон. дан. URL: <http://cmagazine.com/issues/119/escapists-and-jet-setters-residencies-and-sustainability>. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 18.05.2018).
8. Well-being residencies Think Tank 2018-2019-hanke. Подробнее о проекте: Электрон. дан. URL: <http://www.pistery.org/wbrtt/>. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. фин. (дата обращения: 21.05.2018).

СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

М.В. Сухарев

Россия, Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН

suharev@narod.ru

Аннотация. В докладе рассмотрены современные формы приграничного сотрудничества, связанные с созданием сетевых интернет-сообществ. Суммируется практика реализации подобных сообществ в разных странах, особенности организации коммуникации и структуры сайтов приграничного сотрудничества. Большим преимуществом для организации сотрудничества между Карелией и Финляндией является наличие большой русскоязычной диаспоры иммигрантов из России. Представлена информация по организации и когнитивной структуре сетевых сообществ развития, создающихся в рамках выполняющегося в ИЭ КарНЦ РАН проекта РФФИ (проект №17-06-00691).

Abstract. The report considers modern forms of cross-border cooperation related to the creation of Internet network communities. The practice of implementing similar communities in different countries, the peculiarities of the organization of communication and the structure of cross-border cooperation sites are summarized. A great advantage for organizing cooperation between Karelia and Finland is the presence of a large Russian-speaking diaspora of immigrants from Russia. The information on the organization and cognitive structure of network development communities, created within the framework of the RFFI project (project No. 17-06-00691), implemented at the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, is presented.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, сетевые сообщества, коммуникация, цифровые сети.

Keywords: cross-border cooperation, network communities, communication, digital networks.

Введение. Сотрудничество всегда требует коммуникации между людьми, сотрудничество по сложным вопросам требует больших объемов коммуникации. Приграничное экономическое и общественное сотрудничество, без сомнения, относится к сложным видам деятельности. Хотя поездка из Карелии в Финляндию (или в обратном направлении) не представляет собой особой проблемы, но ежедневные поездки даже для жителей Карелии (если не считать нескольких приграничных районов) практически невозможны. Зато почитать новости на финских или карельских сайтах, пообщаться через Фэйсбук, Скайп или посетить специализированный интернет-форум можно даже не один раз в день.

Помимо границ в пространстве, существуют еще и языковые, и культурные, границы. Но за последние десятилетия у Карелии с Финляндией образовалось определенное преимущество: большое количество осевших в Финляндии людей, которые знают и финский, и русский язык и хорошо представляют себе культурную среду обеих стран. Они могут играть роль своеобразного «интерфейса» для приграничного сотрудничества.

Проблема в недостатке коммуникации. Общаются чаще всего родственники и знакомые, редко вступая в коммуникацию с более широкими кругами. Но в этой коммуникации, вполне вероятно, скрываются большие возможности создания деловых и культурных проектов. Люди по обе стороны границы хотели бы зарабатывать больше, для чего часто достаточно объединить природные, технические, культурные и иные ресурсы, часть которых находится в одной стране, а часть – в другой.

Не хватает только знания о том, где они находятся и как их соединить.

Преимущества. Группы из соседних регионов, разделяющие общие интересы, могут воспользоваться трансграничной деятельностью, так как сотрудничество приводит к коллективному решению их общих проблем. Могут быть найдены новые, неизвестные им по отдельности, возможности и пути преодоления этих общих проблем.

Через участие в трансграничных связях и партнерстве, сообщества могут учиться и извлекать пользу из опыта других стран. При обмене знаниями и опытом группы могут поддерживать и поощрять друг друга. Свежие идеи и решения вопросов, представляющих общий интерес, могут появиться из сети за счет обмена информацией с другими.

Приграничное сотрудничество может содействовать взаимопониманию и развитию культурного сознания. На самом деле, приграничное сотрудничество имеет решающее значение для продвижения контактов, обсуждения и уважения к различиям между традициями по обе стороны границы

Сообщества могут усиливать друг друга на основе трансграничного сотрудничества, так как совместная работа обогащает людей и дает новую энергию. Понимание и видение расширяются путем проведения совместных мероприятий.

Приграничное сотрудничество, где это целесообразно и выгодно, может укрепить инфраструктуру местного сообщества, расширить возможности сообщества и привести к повышению качества, более устойчивых проектов.

Приграничная работа может привлечь финансирование и поддержку социально-экономического развития в таких областях, участвующих в партнерстве по обе стороны границы.

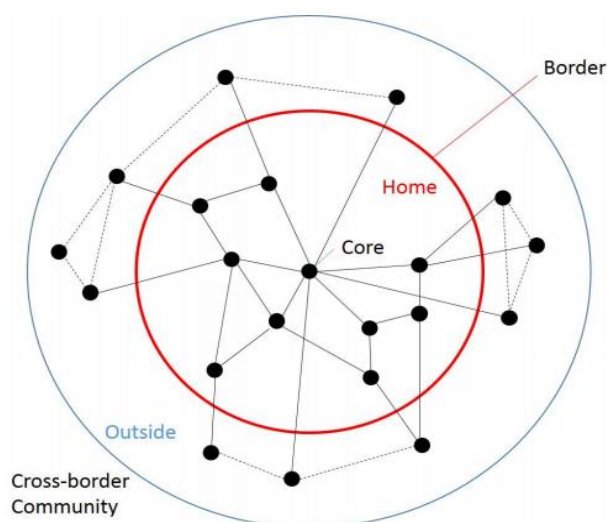

Рис. 1. Пример структуры сообщества приграничного развития [1]

Сетевые сообщества регионального развития. Одним из средств ускорения и самоорганизации приграничного сотрудничества являются сетевые (интернет) сообщества регионального развития. Они основаны на технологиях сетевых сообществ, получивших большое распространение в последние годы; это такие сети, как Фэйсбук, ВКонтакте и другие.

Примеры сетевых сообществ приграничного сотрудничества.

Проект DIGINNO (Digital Innovation Network). 5 сентября в Таллинне был запущен проект DIGINNO, цель которого продвижение цифровой экономики и ускорение процесса перехода к единому цифровому рынку региона Балтийского моря [3]. Проект направлен на расширение возможностей политиков, отраслевых ассоциаций, малых и средних предприятий для обеспечения более быстрого и эффективного использования цифровых решений как в государственном, так и в частном секторах.

Проект фокусируется на следующих общих проблемах в регионе Балтийского моря:

- внедрение ИКТ в бизнес-секторе,
- инновации и функциональная совместимость государственных служб и
- сотрудничество и координация цифровой политики на макрорегиональном уровне.

Эти проблемы могут быть решены путем укрепления макрорегиональной базы знаний (например, сравнительного анализа, обмена информацией, исследований), обмена опытом и обучения по принципу «равный-равному», разработки и пилотирования транснациональных цифровых решений и проведения диалога по вопросам политики и регулирования.

Проект направлен на расширение возможностей разработчиков политики, отраслевых ассоциаций и промышленных малых и средних предприятий для обеспечения более быстрого и эффективного использования цифровых решений как в государственном, так и в частном секторах. Некоторые из этих целевых групп уже участвуют в качестве партнеров по проекту, но проект направлен на решение гораздо более широкого круга организаций путем включения их в деятельность по проектам или распространения среди них выводов и результатов проекта.

Основные, основные результаты проекта:

- активное межсекторальное сообщество оцифровки промышленности БРС. Промышленность 4.0 национальные и региональные сообщества и сети играют важную роль в стимулировании использования цифровых решений промышленными МСП и в определении приоритетности этой темы на уровне политики. Целью сообщества 4.0 является объединение важных игроков всех уровней (предприятий, ассоциаций, университетов, государственных органов) и секторов (ИКТ, кража, лесное хозяйство и т. Д.), Чтобы лучше понимать проблемы других и находить общие решения.

- Инструментарий оцифровывания компании для МСП. Цель разработки инструментария Industry 4.0 - увеличить инновационный потенциал промышленных МСП путем демонстрации возможностей и преимуществ оцифровки и предоставления практического инструментария для руководства ими в рамках этого процесса.

- Витринные модели правительственных услуг для трансграничных электронных услуг (включая анализ осуществимости и доказательства концепции) с рекомендациями для разработчиков политики для разработки лучших трансграничных услуг G2B.

- Рекомендации по политике White Paper. Работа сети политики BSR будет завершена в Белой книге с рекомендациями по политике на национальном и европейском уровнях. Цель состоит в том, чтобы информировать разработчиков политики и повышать информированность лиц, принимающих решения, обеспечивать обязательства со стороны внешних заинтересованных сторон и обеспечивать долгосрочную устойчивость результатов проекта.

Как DIGINNO способствуют реализации Стратегии ЕС для региона Балтийского моря?

Координатор области политики в области инноваций в области политики, Reet Reismaa, отвечает:

«Идея DIGINNO родилась в январе 2016 года в Таллинне, когда впервые в истории региона политики в области ИКТ из всех стран Балтийского региона собрались вместе на круглом столе. Необходимость сотрудничества вышла очень решительно: давайте создадим цифровую сеть! место, платформу, где нужно иметь дело с препятствиями и возможностями, ускорить процесс перехода к единому цифровому рынку BSR.

Проект DIGINNO подпадает под Инновацию в области политики (PA INNO) в EUSBSR и вносит свой вклад в ее реализацию. Цифровизация - одна из сквозных тем и инновационных средств в PA INNO, что является важным аспектом ускорения инноваций. В Стратегическом руководстве PA INNO определены пять ключевых приоритетов для макрорегионального цифрового сотрудничества.

Австралия: проект по развитию кросс-границных сообществ. Важную роль в проекте играет комиссар по приграничному сотрудничеству [2].

Роль приграничного Комиссара:

Основная роль приграничного Комиссара заключается в следующем:

- встречи и консультации с приграничными сообществами и организация тесного взаимодействия по разработке стратегий;
- создание сетей и альянсов с ключевыми заинтересованными сторонами;
- быть защитником приграничных сообществ;
- осуществлять мониторинг существующих трансграничных механизмов управления и менеджмента;
- разрабатывать стратегии и решения для оптимизации предоставления услуг в трансграничных сообществах;
- контролировать повестку дня Совета австралийских правительств (САП) по вопросам, касающимся приграничных сообществ и содействовать их развитию;
- информировать приграничные сообщества о реформах, затрагивающих интересы кросс-границных сообществ.

Сеть творческих и инновационных предприятий CIDE-NET. [4]

Новые идеи и инновационные подходы ко всем производственным, организационным и маркетинговым функциям, если они должным образом включены в стратегии и планирование предприятий, помогут предприятиям в балканских странах выйти из экономического кризиса, влияющего на потенциал занятости и роста. Проект «Сеть творчества и инновационных предприятий» (CIDE-NET) будет реализован шестью организациями из пяти стран (Албании, Болгарии, Кипра, бывшей югославской Республики Македонии и Греции).

Он будет поддерживать предпринимателей в отдельных секторах деятельности для обеспечения конкурентоспособности и жизнеспособности бизнеса и повышения их эффективности и жизнеспособности. Все сектора и все предприятия, в которых креативность и инновации могут играть важную роль в повышении эффективности и конкурентоспособности, являются бенефициарами проекта. Транснациональное сотрудничество между предприятиями в разных странах-партнерах будет поддерживаться как практической, так и теоретической учебной деятельностью и поддержкой.

Для содействия обучению и сотрудничеству между партнерами, тренерами и стажерами, а также для поддержки взаимного обучения предпринимателей будет разработана специальная цифровая платформа.

Сетевые сообщества развития Карелии. Выполняемый в ИЭ КарНЦ РАН проект РФФИ направлен на разработку моделей формирования региональных социально-экономических сетевых сообществ, как среды для прогнозирования и управления на основе извлечения всего лучшего из перечисленных методов и их модификации в целях ускорения регионального развития.

Для реализации проекта предполагается произвести качественное изменение сайта Института экономики КарНЦ РАН в направлении интерактивного включения активной и экспертной части населения республики.

Интерактивная зона будет включать систему тематических форумов, на которых обсуждаются социально-экономические проблемы развития республики, энциклопедию

знаний о Карелии на основе MediaWiki, и социальную экспертную сеть для предпринимателей, специалистов администраций, общественных организаций, социальных служб, просто активных жителей.

Особенностью системы будет участие ученых института в качестве модераторов, извлекающих из потока коммуникации ценную информацию и идеи. Наиболее ценные идеи будут вноситься в википедию проекта.

Еще одна особенность – использование элементов искусственного интеллекта для анализа коммуникации. Семантический анализ позволит автоматизировать слежение за возникновением сенситивных и новых тем обсуждений, классификацию и поиск проблем регионального развития. Интересен анализ динамики тематических сообществ, как по персональному, так и по территориальному составу.

Общая идея состоит именно в рассмотрении сети регионального развития, как когнитивной системы, в которой идет доступный к анализу в реальном времени когнитивный процесс.

Один из открытых вопросов – это стимулы людей принимать участие в работе социальной сети развития.

Мы предполагаем что люди заинтересованы в повышение качества собственной жизни за счет развития своих территорий. Авторам лучших идей, проектов, предложений Институт экономики (и сетевой интеллект) поможет оформить их и внести в виде предложений в соответствующие органы власти и ведомства.

Сотрудники администраций и социальных ведомств заинтересованы в обмене опытом, знакомстве с новыми методами, доступе к экспертам. Ученые социологи и экономисты заинтересованы в получении информации от людей, включенных в локальные процессы (в извлечении знаний).

Литература

1. Cerina, F., Chessa, A. Pammolli, F., Riccaboni, M. Network communities within and across borders // Scientific reports, 4:4546 | DOI: 10.1038/srep04546.
2. Helping to build resilient cross-border communities and businesses contributing to a stronger NSW economy. NSW Cross-Border Commissioner Listening Tour Report 21 May 2012.
3. Flagship of Policy Area Innovation: <http://www.pa-innovation.eu/#flagships>
4. Creative and Innovation Driven Enterprises' Network: <http://www.interreg-balkanmed.eu/approved-project/38/>

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИГРАНИЧНОМ СУБЪЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.В. Телюх

*Россия, Оренбург, ОГУ
mc.igor96@mail.ru*

Аннотация: в работе представлены современные научные исследования теории миграционного права. Осуществлен системный анализ роли миграции в приграничном субъекте - Оренбургской области. Выявлены проблемы и пути решения указанных проблем в работе.

Abstract: the paper presents modern scientific studies of the theory of migration law. A systematic analysis of the role of migration in the border region - Orenburg region. Problems and ways of the solution of the specified problems in work are revealed.

Ключевые слова: миграция, приграничный субъект, Оренбургская область.

Key words: migration, cross-border entity, the Orenburg region.

В современном сообществе Россия все чаще вовлекается в международные миграционные процессы, что стало неизбежным следствием их глобализации.

В своих работах, Т. В. Черевичко, Т. П. Петрова, Г. И. Заславская, Г. С. Вечкапова, выделяют миграцию как экономическую функцию, делая акцент на человеке как на производительной силе. Социологический подход трактует совершенно другую трактовку понятию миграция, определяя ее как движение людей, имеющих общественную значимость. При экономико-демографическом подходе миграцией называют широкое перемещение, совершаемое людьми, которые вследствие ведут к постоянной или временной смене места жительства, а также представляющие регулярное двухстороннее движение между местами жительства и сферой труда либо учебы. Хотелось бы отметить, что ряд ученых-теоретиков (Л. Л. Рыбаковский, Б. Б. Родоман, И. А. Ионцев) понимают миграцию в широком смысле этого слова как совокупность любых перемещений людей в пространстве. Во всяком случае, гораздо чаще используется узкий подход, понимая миграцию, и говорят о перемещении группы лиц, связанного с изменением места постоянного проживания.

Распад СССР в 1991 году, изменение политической ситуации в Киргизии, Украине создали те самые устойчивые условия для увеличения объёмов иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев на территорию Российской Федерации, в том числе и в приграничный субъект – Оренбургскую область. Отмечая момент миграции из ближнего зарубежья, а это в свою очередь страны постсоветского периода, носит в своем роде стихийный момент. Миграция предопределена непосредственно политическими и экономическими проблемами стран СНГ, а также межнациональными переживаниями, которые в свою очередь происходят, в молодых еще, для исторических мерок государствах. Приграничные субъекты России, в том числе Оренбургская область, являются «субъектами риска» по наплыву как трудовой, так и нелегальной миграции, что в свою очередь носит как положительную, так и отрицательную правовую природу. Приезд мигрантов обусловлен тем, что субъектам не хватает трудовых ресурсов, для поднятия экономики страны в целом и соответственно принимающих субъектов. Отрицательная природа заключается в том, что среди приезжих в приграничные субъекты имеются граждане, занимающиеся перевозом наркотических средств и в дальнейшем распространение по всей территории Российской Федерации, уголовные преступления, образования террористических группировок из стран ближней Азии.

В Российской Федерации желание регламентации правового регулирования миграции на федеральном уровне производилось неоднократно. Интерес общества и государства в целом, на современном этапе развития страны, вызывает конкретно увязывать понимание миграции, миграционную политику и миграционное регулирование с экономической безопасностью приграничных субъектов России.

Многосложность миграционной проблематики детерминирована дополнительно и тем, что диапазон миграции населения не может быть ограничен только отношениями, взаимодействующих с процессами перемещения населения, и ассекурация контроля над ними со стороны органов государственной власти. Миграция – это в свою очередь область, в той или иной мере относящийся с правами человека: трудовыми, общественными (социальными) и прежде всего с реализацией прав на свободу перемещения.

Положение в приграничных субъектах на данный момент рассматривается как одна из приоритетных и требующих особого внимания со стороны органов государственной власти. Педантично проработанная миграционное законодательство в приграничных субъектах Российской Федерации, в той или иной мере отвечающая продолжительным перспективам развития субъектов – это актуальная необходимость.

В сложившейся ситуации наиважнейшим направлением в миграционной политике вынуждена стать правовая основа в области регулирования миграционных процессов, которая гарантировала бы прочный наплыв действенных (высококвалифицированных) трудовых ресурсов и энергичное развитие экономики приграничного субъекта Российской Федерации. К тому же, необходимо отметить, что остается проблема модернизации миграционного законодательства, ориентированного на преодоление неблагоприятных последствий миграционных процессов и сохранение национальной безопасности приграничного субъекта, так в необходимо отметить, что большинство приграничных субъектов Российской Федерации являются многонациональными и полеконфессиональными территориями проживания людей.

Поступательное движение миграционного законодательства в приграничных субъектах целенаправленно приведет к дальнейшему устранению ошибочных правовых норм, пробелов правового регулирования реально складывающихся ситуаций на территории приграничных субъектов России.

В настоящий период времени ведется активная работа по выработыванию новой модели правового регулирования миграционных отношений. Организация новой модели миграционной политики, которая в свою очередь будет отражать отечественный аспект, а также зарубежный опыт является одной из направлений в данной работе приграничных субъектов Российской Федерации. Всё-таки существующая правовая база по мере своего регулирования миграционных процессов в настоящий момент недостаточно и не в полноте своей компетенции успевает за активно складывающимися на территории субъекта миграционного движения.

Преимущественно полезным в плане накопления законодательного сосредоточения в указанном моменте были приняты законы, начиная с 1993 года, а именно:

ФЗ «О беженцах;

ФЗ «О гражданстве РФ»;

ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»;

ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ»

и т.д.

Обозначенные нормативно-правовые акты прямо связаны с проблемами определения правового статуса мигрантов на территории, как приграничного субъекта, так и России в целом. В свою очередь, федеральное законодательство имеет правовую

основу, на регулирование и упорядочение системы регистрации и нахождения иностранных граждан на территории приграничного субъекта и государства в целом. В данном контексте предусматривается единый учет иностранных граждан, въезжающих (проживающих) в Российской Федерации.

Не выделяя частности, мы бы сказали, что в России выполняется постепенный процесс развития миграционного законодательства. Данная ветвь законодательства отмечает миграционные отношения, и вне сомнения обладает комплексным характером.

Во всяком случае, принятое количество нормативно-правовых актов в области правового регулирования миграции на территории Оренбургской области, как приграничного субъекта, не санкционирует приспособить существующую структуру и качественный состав миграционных потоков к стратегическим потребностям субъекта. Остается прежней неожиданное поведение миграции, которая проявляет своё негативное влияние на основные процессы Оренбургской области. В большем случае, подобная ситуация связана с тем, что имеющиеся нормативно-правовые акты в области своего регулирования - не достаточно проработаны за динамично развивающейся глобализацией современного мира. К тому же, действующие нормативно-правовые акты значительно отражают недостатки законодательного регулирования в странах ЕС: Германии, Австрии, Франции и т.д., что вследствие чего, привело к наплыву нелегальной миграции и обострению террористической ситуации в зоне Шенгенского соглашения.

Вопреки тому, что происходят и положительные сдвиги, происходящие в области правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации в целом, и в Оренбургской области в частности, нужно отметить и ряд проблем отечественного законодательства. К таким проблемам можно отнести:

Первое. Неустойчивость законодательства. Указанные нормативно-правовые акты функционируют со многими поправками. Вследствие чего, законодательство лишается устойчивости, что вызывает сомнение в стабильности правового регулирования, сокращает желание допустимых мигрантов слажено работать в сложившемся миграционном процессе.

Второе. Современное законодательство, которое в какой-то степени относится к миграции в целом, так и в отдельных её частях, квалифицируется своей отсутствием комплексности. Перспектива для полного устранения этого недостатка может послужить только при основанном аспекте стабилизации миграционных отношений.

В большем случае, названные недостатки, поясняются беспорядочностью процессов миграционного законодательства, что характеризует недостатком конкретного начала миграционной политики области.

В данный момент имеет место быть актуальность для создания правовой основы, которая в той или иной мере, смогла бы охватить немаловажные стороны миграции для приграничного региона в особенном моменте, что подчеркивает вопрос значимым для данной работы. Это означает, что должен быть не один закон «О миграционной политике в Оренбургской области», а целый ряд нормативно-правовых актов регулирующих и правовое положение иностранных граждан, и правовое обеспечение оказания медицинских услуг для иностранных граждан и т.д. *Вследствие чего, способствует урегулированию миграционного положения и определение статуса для Оренбургской области «Особый статус приграничного субъекта».*

Подробная стабилизация, определяющая институт миграции должна содержаться во всех нормативно-правовых актах Оренбургской области, с учетом сложившейся приграничной территорией и миграционного потока через область.

Во всем мире жизнь вблизи границы приносит населению значительно больше плюсов, чем минусов – разницу в ценах на товары, дополнительные возможности занятости, получения медицинских и образовательных услуг.

Опросы, проведенные в Оренбургской области среди граждан России и Казахстана, пересекающих контрольно-пропускной пункт (далее КПП) в двух направлениях, показали, что приграничные мигранты – это преимущественно русские в возрасте от 17 до 50 лет со средним, средним специальным образованием. Таким образом, преимуществами приграничного положения в основном пользуются трудоспособные, образованные граждане. Приграничные мигранты предпринимают поездки в соседнюю страну, как правило, несколько раз в год в основном с личными целями – навестить родственников и знакомых. Доминирование этой причины пересечения КПП на случайны, связи между двумя государствами еще очень тесны.

Каждый четвертый мигрант, то есть те, кто зарабатывает на жизнь поездками, пересекает границу не один раз в неделю. Относительно советского периода, число работающих мигрантов увеличилось. Выгодное экономическое положение Оренбургской области коммерсанты активно используют в коммерческой деятельности, когда заметны перепады в ценах. Как правильно из Казахстана везет на продажу продовольствие (молоко, мясо, овощи, фрукты), а с России в основном пиво, безалкогольные напитки, мясо птицы, кондитерские изделия.

Среди граждан Казахстана, считающих близость границы плюсом – почти половина, тогда как среди россиян таких почти в три раза меньше. Для жителей Казахстана граница – в первую очередь то возможность улучшить свою жизнь, которая в экономическом плане кажется им существенно хуже, чем в соседнем государстве. Кроме того, необходимо отметить, что казахстанцы, в большем случае это жители Актюбинской области, пользуются услугами российских медицинских заведений, в Оренбурге лидирующую позицию занимает микрохирургия глаза им. Федорова. Оренбургский государственный университет является лидером по приему иностранных абитуриентов на различные направления подготовки, по которым университет ведет подготовку.

В среднем, каждый десятый студент в ВУЗах Оренбурга – выпускник русскоязычной школы Казахстана. Кроме того, при написании данной работы, был отмечен факт того, что граждане Казахстана отправляют детей в подростковом возрасте учиться в школы, расположенные вблизи Государственной границы. Детей временно регистрируют у родственников, чтобы они, как и все российские граждане, обучались бесплатно.

Отмечаем факт, что выше сказано об этнических русскоговорящих гражданах, проживающих в Казахстане. Общая удовлетворенность жизнью в Казахстане существенно различается в зависимости от национальности: судя по ответам, казахи гораздо более довольны жизнью, чем этнические русскоговорящие.

Исследование было проведено на железнодорожной станции Илецк-1. Абсолютное большинство приезжающих в Россию из Казахстана – граждане самой республики, среди остальных – граждане Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана.

Из 100% - 50 % опрошенных – этнические русскоговорящие, 2% - казахи, 25% - узбеки, 5% - киргизы и таджики. В Россию, в том числе и в Оренбургскую область, стремятся мигранты самых активных, дееспособных возрастов (17-50 лет), преимущественно социально адаптированные к российской действительности. Главным образом, российские территории приобретают молодое, трудоспособное и перспективное население, а не иждивенцев, как иногда это представляют.

Поток людей в Оренбургскую область, как в приграничный субъект Российской Федерации, можно охарактеризовать как высокообразованный и в высшей степени

профессиональный. Десять из двадцати трудовых мигрантов имеют высшее либо среднее специальное образование и соответствующий уровень квалификации. Несмотря на высокую квалификацию, каждый пятый из десяти трудовых мигрантов был в стране исхода безработным, а каждый четвертый не имел постоянной работы.

Для граждан Евразийского союза установлен безвизовый въезд и въезд по общегражданским паспортам, но и они как и граждане других государств должны заполнять миграционную карточку и предъявлять документы для проверки.

Анализ состояния миграционных перемещений между Оренбургской областью и Республикой Казахстан позволяет сделать следующие выводы:

1. По обе стороны границы расположены совершенно разные по демографическому, экономическому и социальному фактору пограничных зон. Эти различия существенно влияют на характер фронтьерской миграции, обуславливая ее направленность и масштабы. Хотелось бы отметить, что именно миграция из близлежащих регионов Казахстана позволила России амортизировать неблагоприятное воздействие общего ухудшения демографической ситуации.

2. Регулирование пограничного режима с момента обозначения границы на протяжении с момента образования СНГ заметно влияет на масштабы миграции, увеличивая или снижая ее активность. Приграничное партнерство закреплено межгосударственными документами между Российской Федерацией и Республикой Казахстан и являются особыми отношениями, которые имеют определённые различия общим законодательством. Также имеются ряд соглашений между Оренбургской областью с Западно-Казахстанской и Актюбинской областью. Недостаток путей сообщения и малочисленность пунктов пропуска при огромной протяженности общей границы придает большей части приграничной миграции характер незаконной пересечения границы.

3. Население Оренбургской области имеют исторические отношения, которые сейчас переживают переживания и становятся менее частыми. Однако среди опрошенных отмечена степень регулярности поездок в приграничные области Казахстана, что свидетельствует о возможности пересечения границы, и о значительной части населения, которая совершает их в непрерывном состоянии.

4. Фронтьерские миграции чаще всего совершаются с целью посещения родственников, решения конкретных проблем, поездки культурного или туристского характера практически отсутствует. Трудовая миграция в Оренбургской области продолжает оставаться одной из основных форм перемещений на территорию Российской Федерации. Возможность найти работу и более высокий заработок становится главной задачей для приезжающих мигрантов как в Оренбургскую область, так и для тех кто выбирает Оренбургскую область как опорный пункт для дальнейшего перемещения. Коммерческая миграция в Оренбургской области после затишья стала снова набирать рост и ведет к различным негативным последствиям.

На характер и масштабы приграничных миграций между Оренбургской областью и Республикой Казахстан большое влияние будет оказывать степень обустройства границы. Проведение делимитации и достаточных пунктов пропуска позволит упорядочить этот процесс и создать нормальные условия для населения приграничных областей двух государств. Ограничение квот для получения регистрации на временное проживание (далее РВП) сужает возможность привлечения соотечественников на постоянное место жительства в Оренбургскую область.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О.В. Толстогузов

*Россия, г.Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН
olvito@mail.ru*

Аннотация: С целью ответа на вызовы определен стратегический контур развития приграничных регионов: ядро и обеспечение стратегии (базовые технологии (промышленные и инфраструктурные технологии), замыкающие технологии (гуманитарные технологии), а также институциональный инжиниринг территории.

Abstract: With the purpose of answer to the challenges, a strategic contour for the development of border regions has been defined: the core and support of the strategy (basic technologies (industrial and infrastructure technologies), providing humanitarian technology, as well as institutional engineering of the territory.

Ключевые слова: глобальные вызовы; экономическое пространство; стратегия; базовые технологии; гуманитарные технологии; институциональный инжиниринг

Key words: global challenges, economic space, strategy, core technologies, providing humanitarian technologies, institutional engineering

Фундаментальной основой происходящих в мире глобальных изменений является формирование новой экономической реальности: происходит усиление геополитической напряженности и геоэкономической конкуренции, формирование нового экономического уклада в сочетании с новыми формами движения капитала, которые определяют контуры развития экономически и культурно самоорганизованных частей пространства.

Новые вызовы и нестабильность экономического развития формируют новую управленческую ситуацию и актуализируют дискуссию по выбору стратегии страны и ее регионов (особенно приграничных). В то же время анализ региональных стратегий выявил системные факторы и риски в развитии и недостатки существующих подходов в отношении периферийных регионов [1; 2; 3].

В действующих региональных стратегиях территория представляется, как правило, в виде производственного цеха с номенклатурой технологий, рабочей силы и природных ресурсов. Логика такого подхода приводит исключительно к производственной специализации региона, причем с акцентом на дотрансформационные экономические тренды. В то же время геополитика и геоэкономика существенно меняют структуру глобального пространства и определяют новое разделение труда с повышенными требованиями к компетенциям, технологическим стандартам и общественным коммуникациям с приоритетом сетевых технологий, сконцентрированных вокруг человека как конечного потребителя. При этом необходимо учитывать геоэкономические особенности разных частей пространственно-структурированной территории страны и непростые геополитические условия, в частности обострение глобальной конкуренции за мировые рынки и действия дискриминационных факторов, влияющих на международную торговлю (санкции, снижение доступности финансовых рынков и др.). В этих условиях приграничные регионы обязаны эффективно выполнять важную геополитическую задачу – продвигать конкурентоспособные проекты освоения территории и трансляцию определенных культурных кодов вовне – в лимитроф.

Основополагающий тезис «перманентный рост идет сам по себе и при условии мобильности факторов производства и благоприятных институтах влечет за собой исключительно экономические выгоды» – не очевиден для периферийных территорий

(особенно для тех, кто обладает негативным фактором разреженного экономического пространства, усугубляющего свое влияние из-за серьезных инфраструктурных ограничений, цифрового неравенства и недостаточных общественных коммуникаций). К сожалению, такой макроэкономический тезис является доминирующей в решениях российского экономического кабинета. Следуя данной логике, макроэкономическая стабилизация и институциональное управление должны привести к экономическому росту, оживлению инвестиционного процесса и укреплению социальной стабильности в регионах. Однако так ли это?

По поводу данного тезиса представлю несколько возражений.

Во-первых, трансформация экономического пространства имеет долгосрочные последствия в виде глубоких структурных изменений экономик регионов [2]. После перехода к рыночной экономике и реализации либеральной идеологии происходит отток производительных ресурсов в мегаполисы и с востока на запад. Модель «сырьевой державы», и раньше вызывавшая обоснованную критику в связи с отсутствием внимания к развитию обрабатывающей промышленности, инфраструктуры (кроме той, которая обслуживает сырьевой комплекс) и нерациональным расходованием нефтегазовых и иных «сырьевых» доходов, оказалась серьезной ловушкой. При этом периферийные регионы с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью, недостаточностью ресурсов рыночной и административной власти постепенно теряют население, бизнес и свое промышленное значение. Как и где найти эндогенные источники экономического роста и превратить их в механизмы развития, используя синергию экономического пространства?

Во-вторых, нужно учитывать не только экономическое но и социокультурное измерение пространства. Социальную систему можно рассматривать как хаотическую в том смысле, что силы конвергенции, направленные на сохранение и поддержание целостности системы, и силы дивергенции, ведущие к ослаблению центральных связей, взаимодействуя между собой, порождают центры активности, содержащие элементы, как порядка, так и беспорядка. Гражданское общество (с новыми технологиями коммуникаций) способствует развитию этих тенденций. Вопрос, какой тенденции и в какой степени?

На основании проведенных исследований влияния приграничных и трансграничных обменов на социум и экономику приграничных регионов сделали вывод, что в условиях геополитической нестабильности и трансформации экономического и социокультурного пространства на первый план выходит требование к достижению безопасности территории.

В-третьих, усиление геополитической напряженности проявляется, в том числе через активное вмешательство в ценностные системы, мотивы поведения социума и т.д. Средства «мягкой силы», трактуемой Дж. Наем [4] как процесс достижения стратегических интересов одним государством за счет формирования позитивного отношения к нему в обществе другого государства, становятся серьезным инструментом этнокультурного развития и формирования идентичности. В качестве носителей «мягкой силы» рассматриваются СМИ, организации образования, неправительственные организации, осуществляющие общественную дипломатию, контакты людей и т.д. Как позиционировать себя сообществу в новой регионализации и как управлять процессами формирования и трансляции идентичности?

Для ответов на эти вопросы необходимо подготовить соответствующее системное решение. Поэтому при планировании необходимо одновременно учесть следующие аспекты глобальных вызовов и сфокусировать усилия на превентивных (по отношению к системным рискам) действиях:

1) В контексте **геополитических** аспектов необходимо удержать свою роль в геополитических проектах России, в регионализации и интеграции России на евразийском континенте, в установлении контроля лимитрофа, для чего поддерживать взаимовыгодные экономические, культурные и прочие связи с сопредельными территориями и синхронно и сопряжено (с другими регионами) встраиваться в формируемые геополитические проекты, в мировые региональные блоки с достаточно проработанной глубиной (как в пространственном так и во временном отношении) стратегических решений. Инструментом реализации стратегии (способа освоения и присвоения властью пространства) выступают географические образы - устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления.

2) В контексте **геоэкономических** аспектов, помимо ответа на технологический вызов и становления экономики знаний, требуется сопряжение результатов традиционного (с некоторыми новациями, связанными с открытием границы) размещения производительных сил с новыми торговыми путями и жесткими требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве, поскольку разреженность экономического пространства и высокие хозяйственные риски нарушают связность экономического пространства страны, создают наряду с внешними дополнительный вызов национальной безопасности России.

Геоэкономические вызовы определяют вектор, в направлении которого должна выстраиваться стратегия поведения региона и страны для удержания своих конкурентных позиций.

3) В контексте **социокультурных** аспектов необходимо сформировать правильную политику в ответ на демографический вызов и влияние антропогенных мобилей (перемещения людей, которые сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики), при этом следует обратить пристальное внимание на развитие общественных коммуникаций, на то, как с помощью социальных институтов закреплять найденные способы решения конфликтов и развить соответствующие механизмы «мягкой силы» и иные социальные технологии кооперации для формирования социокультурного пространства в контексте национальной безопасности.

Поэтому стратегии страны и регионов не должны ограничиваться базовыми технологиями, но и охватывать замыкающие технологии, т.е. формирующие не просто обслуживающий базовые технологии персонал, но и устойчиво (с сохранением устоев) развивающие сообщество (поскольку речь идет об организации деятельности людей, то данные технологии по общему смыслу являются гуманитарными). В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации российского и местного сообщества в российском идеологическом ключе, российской и региональной идентичности. Последние выражаются через систему культурных кодов, культурную самоидентификацию народов, включающую в себя социальную деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования и др. Это создает новый контур для общественного договора, стратегическим субъектом которого выступает гражданское общество.

Учитывая трансформацию экономического и социокультурного пространства, нами определен **стратегический контур** развития российских регионов (рис. 1), состоящий из следующих элементов:

- **ядро стратегии** (продвижение географических образов на основе трансграничной и региональной идентичности и выполнение функций (контроль лимитрофа и т.д.);
- **базовые технологии** (сопряжение результатов традиционного с некоторыми новациями, связанными с открытием границы размещения производительных сил, с новыми торговыми путями и требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве);
- **закрывающие технологии** (гуманитарные технологии, социальные институты, закрепляющие найденные способы решения конфликтов и кооперации, механизмы «мягкой силы» и иные социальные технологии, способствующие сбалансированному развитию социокультурного пространства);
- **институциональный инжиниринг территорий** (совершенствование институционального дизайна государственного управления и укрепление институтов национальной безопасности).

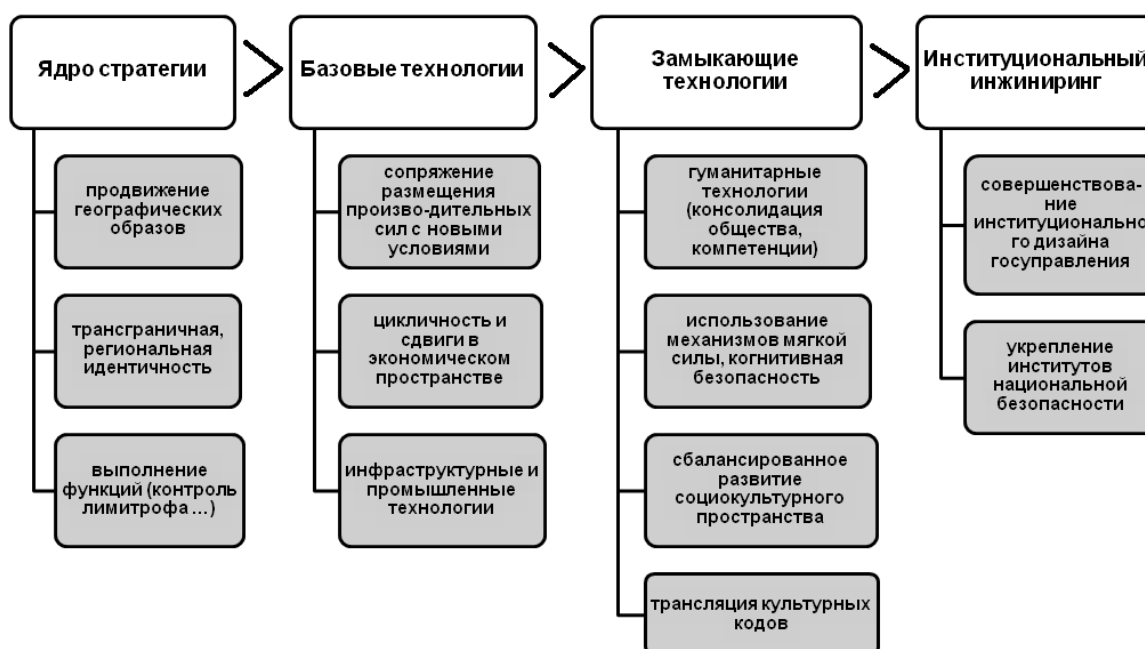

Рис. 1. Стратегический контур развития приграничного региона

Смысловое обоснование применения термина «институциональный инжиниринг» проделано в работе [5]. Сложившаяся экономическая и социальная реальность требует системных ответов на современные вызовы, перехода системы государственного управления на управление целями (стратегическими и тактическими) и, соответствующими проектами в целях формирования институтов современного хозяйственного уклада и социального порядка. В этом случае создается («под ключ») не промышленный объект, а целая жизнеобеспечивающая зона экономического пространства с заданными показателями в рамках моделей организация пространства, нацеленных на создание преимуществ «второй природы» через инфраструктуру, институты, человеческий капитал. Эффективность и результативность инжинирингового проекта определяется свойствами созданного в результате его реализации экономического пространства, подготовленного к эффективным ответам на современные вызовы.

На основании проведенных исследований выделены три типа стратегий (рис. 2): **инкорпорирование в макрорегион и макрообщность** (включение в глобальные цепочки создания стоимости по унифицированным стандартам); **выживание как геоэкономического объекта** (путь сырьевой периферии); **обретение геоэкономической субъектности** (накопление системных инноваций и усиление преимуществ в геоэкономической конкуренции).

Рис. 2. Типы геоэкономических стратегий. Вектор повышения конкурентоспособности приграничной территории

Литература

1. Толстогузов О.В. Системные факторы развития экономики регионов // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы II Междунар. научно-практич. интернет-конф. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. – С.238-244.
2. Толстогузов О.В. Трансформация экономического пространства и структура экономики региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2016. – №4 [Электронный ресурс] URL: <http://eee-region.ru/article/4809/> (дата обращения 26.03.2018)
3. Толстогузов О.В. Чубиева И.В. Сравнительный анализ управленческих стратегических документов приграничных регионов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – №4 [Электронный ресурс] URL: <http://uecs.ru/uecs-76-762015/item/3447-2015-04-18-09-25-29> (дата обращения 26.03.2018)
4. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006. – 397с.
5. Толстогузов О.В. Государственное регулирование экономики: от системного кризиса к институциональному инжинирингу // Государство и Бизнес. Современные проблемы экономики: материалы IX Междунар. научно-практич. конф. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС. – Т.2. – С.8-10.

КАЧЕСТВО ИНФОРМАЦИИ И СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

О.В. Толстогузов

Россия, г.Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН

olvito@mail.ru

Аннотация: В сообщении представлены результаты анализа проблем практики принятия решений в приграничных регионах. Сделан вывод о том, что с целью ответа на социокультурные вызовы необходимо в контексте национальной безопасности развития приграничных регионов усилить оперативность и надежность социологической информации.

Abstract: The report presents the results of the analysis of the problems of decision-making practices in the border regions. The conclusion is made that in order to respond to social-cultural challenges it is necessary to strengthen the efficiency and relevance of sociological information in the context of national security of border regions.

Ключевые слова: социокультурные вызовы; социокультурное пространство; социологические измерения; обоснованность, надежность, точность, оперативность информации

Key words: socio-cultural challenges; socio-cultural space; sociological measurement; validity, reliability, accuracy, efficiency of information

Категория «социокультурное пространство» является универсальной общесоциологической категорией, которая включает в себя целый спектр дефиниций, выделяющих тот или иной аспект социальных объектов и взаимодействий. В данном случае полагаем, что социокультурное пространство - это ареал культуры, социокультурных норм и ценностей, а также структура общественных отношений, имеющая пространственное и временное измерение. При этом учитываем также и взаимопроникновение культурных кодов, приводящее к определенной гомогенизации участников трансграничной интеграции по таким измерениям, как культура, безопасность, экономическая политика и политический режим [3].

В настоящее время мы являемся свидетелями формирования новой реальности. Антропогенные мобили становятся в отношении приграничных территорий важнейшим фактором, влияющим на их экономику и социальную сферу. Из-за распада традиционных миров и увеличения жизненных концепций, сообщества становятся более фрагментированными. В зависимости от того, какие интересы и ценности являются значимыми в условиях складывающегося жизненного мира, насколько люди более или менее интересуются общественной жизнью, приобретает значение, какие каналы и средства передачи информации работают, какие представления о жизненном мире фиксируются у людей. Так, например, «национальный вопрос» с точки зрения населения региона (в целом) в настоящий момент не формирует стратегическую повестку дня региональной политики и местной жизни. В основном сегодня она имеют чисто производственную направленность. Это, несмотря на то, что в связи с отказом от «советского человека» интернационализм трансформируется через болезненные процессы национальной идентификации в какое-то иное качество. Региональные субэтноты переживают процесс трансформации «советского интернационализма» в целом достаточно болезненно - могут случаться отдельные конфликты, если на их возникновение (или угрозу возникновения) неправильно или не своевременно реагирует власть.

Экономико-географический анализ [1] показал, что разреженность экономического пространства приграничных регионов и высокие хозяйственные риски

нарушают связность экономического пространства страны, создают наряду с внешними дополнительный вызов национальной безопасности России. Одним из критичных (в отношении развития приграничных территорий) является фактор идентичности и соответствующей культуры сотрудничества. При этом приграничные регионы с ослабленным «иммунитетом» становятся более уязвимыми к внешней культурной и идеологической экспансии. В частности, необходимо учитывать, что приграничный пояс России - линия геополитической напряженности. Особенно важны «блоковые» «разломы», вдоль которых геополитическая напряженность чрезвычайно усиливается. Пример: Украина, которая находится на таком разломе.

В контексте учета национальной безопасности как доминанты стратегии в исследовании интеграционных процессов наибольшее значение приобретает региональная и трансграничная идентичности. Последние выражаются через систему культурных кодов, культурную самоидентификацию народов, включающую в себя социальную деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования и др.

Учитывая, что поступательное развитие сотрудничества приводит к консолидации локальных сообществ в рамках трансграничных конструкций, то в изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации местного сообщества в российском идеологическом ключе, экспансии своих культурных кодов, усилению политики протекционизма в условиях трансформации социокультурного пространства.

Учитывая трансформацию социокультурного пространства и необходимость управления этим процессом (как стратегического направления), то в механизмы реализации стратегии должны быть включены как политические технологии, контролируемые каналы и средства передачи информации, нацеленной на создание или трансформацию идентичности, так и инструменты «мягкой силы», воздействующие на население через СМИ, неправительственные организации, осуществляющие общественную дипломатию, учреждения образования, реализующие международные культурно-образовательные программы и т.д. Сегодня НКО участвуют в проектах в сфере «мягкой безопасности» – экологии, туризма, здравоохранения, развития сельской местности, охватывающих почти все категории граждан, в том числе социально незащищенные. Поэтому гражданское общество становится субъектом стратегии региона.

Таким образом, наряду с традиционно планируемыми стратегическими направлениями развития приграничных регионов, таких как устранение инфраструктурных ограничений, разрешение системных противоречий в институциональном дизайне порядка хозяйствования и приграничного сотрудничества, необходимо также прорабатывать сбалансированность развития социокультурного пространства на базе российской и региональной идентичностей за счет применения разных механизмов, в том числе инструментов «мягкой силы» (в идеологическом контексте российского государства) на основе надежной социологической информации.

Известно, что показатель, вводимый в программу социологического обследования, должен отвечать требованиям обоснованности, надежности и точности [2].

Проблема качества измеримости социальных явлений касается как сбора социологической информации, так и ее обработки. В то же время она является одним из важнейших каналов получения информации в контексте региональной безопасности, необходимой для анализа проблем развития регионального сообщества в аспекте наличия конфликтных ситуаций и социальных проблем, готовности общественности к совместной деятельности и взаимодействию с органами власти в новой

геополитической и социально-экономической ситуации. Поэтому проблема качества социологической информации становится не просто проблемой социологического исследования, а и проблемой оперативного и правильного принятия решений.

Чтобы обеспечить надежность социологической информации необходимо совершенствование инструментов и методов сбора и обработки информации, обеспечивающих получение оперативной и достоверной обратной связи от населения, способствующих проведению объективного и своевременного общественного мониторинга. Если не будут оперативно и в полной мере реализовываться конституционные права граждан, а конфликтные ситуации в самом зачатке не находят институционального решения, то даже самая эффективная государственная программа становится не просто бюрократической отпиской, но и опасным раздражителем социума. Все это отражается в общественном сознании, формируя два потока: «конфронтационный» и «партнерский». Для изменения ситуации и снижения системных рисков требуется повышение оперативности решений, для чего необходимо применять инновационные методы государственного управления, включая и информационно-коммуникационные технологии. По указанной причине повсеместное использование информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий для опросов населения имеет возрастающее значение.

При определении методов сбора информации необходимо добиться качества социологической информации за счет оперативности и экономичности, объективности и достоверности исследования, надежности за счет точного соблюдения правил и процедур эмпирического исследования и верифицирования моделей. При этом понимаем, что ни один из методов сбора социологических данных не является универсальным, то есть каждый из них имеет эвристический предел. Поэтому для обеспечения большей корректности результатов социологических исследований и качества измерения эмпирической информации предлагается осуществлять путем создания специальной автоматизированной информационной системы. Данная система должна на этапе сбора и накопления информации осуществлять непрерывный контроль качества собираемой информации, возможность корректировки данных на основе оперативного анализа информации, а также возможность беспроводной передачи собранных данных в единую базу данных. В частности замена бумажных анкет планшетными компьютерами и соответствующее программное обеспечение позволит повысить оперативность обработки и качество данных, собранных методом интервью.

Исследование проведено при грантовой поддержке РГНФ, проект «Автоматизированная информационная система обеспечения качества измерений при сборе и оперативном анализе данных экономико-социологических исследований» №17-02-12022 и РФФИ, проект «Исследование и разработка моделей формирования региональных социально-экономических сетевых сообществ» № 17-06-00691.

Литература

1. Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 30—47.
2. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 664 с.
3. Hettne В. The Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // Journal of European Integration. 2002. Vol.24. №4. P.336

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СЕМЬИ НА ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРИКАСПИЯ

М.С. Топчиев, Д.А. Черничкин, В.С. Дрягалов

Российская Федерация, Астрахань, АГУ

seo.gfn@gmail.com, chernichkin95@mail.ru, Helious82@yandex.ru

Аннотация: В настоящее время территория трансграничного региона является своеобразным полигоном, где проходит апробацию концепция евразийского сотрудничества, затрагивающая различные стороны социально-экономического и этнокультурного взаимодействия. В данной статье рассматриваются институты смешанных браков на приграничных территориях России (Астраханская область) и Казахстана.

Abstract: At present the territory of the cross-border region is a testing ground, where the concept of Eurasian cooperation, covering various aspects of socio-economic and ethno-cultural interaction is being tested. This article examines the institution of mixed marriages in the border areas of Russia (Astrakhan region) and Kazakhstan.

Ключевые слова: фронтир, институт семьи, смешанный брак, Россия, Казахстан.

Key words: frontier, family institute, mixed marriage, Russia, Kazakhstan.

Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК-2018). Проект: МК-6079.2018.6 «Влияние религиозной трансгрессии на модель института семьи прикаспийского фронта».

О том, что семья является особой моделью любого общества, отражая его характерные черты, различные проблемы и тенденции развития в научном обществе обсуждают уже давно. Известно, что прогресс любой культуры тесно связан с развитием самого института семьи. Практически все достижения человечества в процессе своего исторического развития находят свои отражения именно в семье, которая, в свою очередь, является своеобразным хранителем традиций, моральных норм, устоев, нравственных принципов, передающихся из поколения в поколение. Семья всегда является одним из главных участников формирования нравственного и морального облика личности.

Россия является одной из самых многонациональных стран мира, на территории которой проживают представители множества этносов (около 200), составляющие население нашей страны. Между ними постоянно происходит активное взаимодействие, и это взаимодействие имеет исторические корни, уходящие и в давнее, и в недалекое прошлое России, и определяется множеством связей и отношений, которые существовали на территории бывшего СССР. «Пёстрый» национальный состав повлиял на распространение такого феномена как «межэтнический брак». В научной литературе термин «межэтнический брак» также определяется как «межнациональный брак», «интернациональный брак», «смешанный брак» и др.

В российской научной литературе существует множество трактовок данного понятия. К примеру, В.Н. Галяпина считает межэтнический брак «особым типом семьи, поскольку супруги в ней являются представителями разных этносов» [1, с. 47]. Г.С. Махарова считает межэтническим браком «супружеский союз представителей двух национальностей» [2, с. 13]. Похожее определение приводит С.В. Корнеева: «межнациональный брак — брак, при котором брачные партнеры принадлежат к разным национальным группам» [3, с. 16]. Можно сказать, что понятия «межэтнический брак» и «межнациональный брак» являются тождественными, и

обозначают одно и то же – супружеский союз между представителями двух разных этносов.

Большинство межэтнических браков формируются на, так называемых, приграничных (фронтирных) территориях, где, зачастую, на одной территории проживает сразу несколько народов со своей культурной и конфессиональной идентичностью. Необходимо отметить, что фронтир — это многогранный и комплексный феномен. В него можно включить не только экономические, географические, политические или исторические, но и философские, культурные, а также духовно-ментальные аспекты. Но, не стоит считать понятия «граница» и «фронтир» синонимами.

Если границу рассматривают как определенную линию, разграничивающую суверенитеты обществ, стран, культур и т.п., то фронтир определяют как некое размытое и не обозначенное оформленными границами пространство, в котором население приобретает специфическую идентичность, которую специалисты (Морозова Е.В.) обозначили как фронтирную [4, с. 529]. А.П. Романова считает, что «под фронтиром на данном этапе понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая может возникнуть на пространстве соприкосновения различных культур» [5, с. 268]. Одной из таких территорий в России является Астраханская область, на территории которой проживают более 160 национальностей. Являясь пограничной территорией между Востоком и Западом, здесь происходит некий синтез культур и религиозных конфессий.

В ходе исторического развития нашего региона, каждая конфессиональная и этническая группа, при переселении на территории нашего региона, пыталась сохранить свою самобытность. А в условиях современного процесса глобализации, который способствует усилению культурного диалога между народами, сближению культур и людей, это сделать не так уж и просто. Снижение ценности этнических и религиозных традиций приводит, во-первых, к более толерантному отношению между соседствующими народами, этносами, конфессиями, а, во-вторых, возникают межконфессиональные или межэтнические браки. В нашем регионе подобные межэтнические семьи зачастую напоминают микромодели многонационального российского государства. Люди разные по национальности, конфессиональной принадлежности, традициям, создавая подобные семьи, едины по духу и находят любовь и взаимопонимание.

Что же касается изучения феномена межэтнических семей на территории Казахстана, то исследователь С. К. Уалиева в своей работе отмечает, что удельный вес межэтнических браков по отношению к числу всех браков увеличивается с каждым годом [6, с. 399]. Так как основное населения Казахстана составляют казахи (67,47%) и русские (19,76%) [7]. Большинство русских проживают именно на приграничных к России территориях Казахстана, следовательно, в этих регионах заключается наибольшее количество межэтнических браков.

По данным переписи населения РК 2009 года доля межэтнических браков составила 19,8% по стране (в разрезе городского и сельского населения данные составили 22,6% и 15,5% соответственно), по отношению с 23,9% в 1989 г [8, с. 14]. Возможно, на данное снижение межэтнических браков повлиял распад СССР и усиление национальной идентичности среди коренного населения республики.

По данным последних исследований на территории Казахстана можно увидеть, что из семи преобладающих этносов наиболее распространенным явлением после моноэтнического брака является брак между казахами и русскими, с долей 35,17%, сочетаемость с татарами составляет 9,42%, узбеками – 8,1%, уйгурами – 7,08%, украинцами – 4,06% и немцами – 3,59% [9, с. 237]. Но стоит отметить, что последние

статистические данные о смешанных браках, датируются 2012 годом. Поэтому процентное соотношение подобных браков за 6 лет могло измениться. По данным глубинных интервью проведенных С. К. Уалиевой в 2016 году [10, с. 66], можно выделить некоторые результаты, необходимые в рамках нашего исследования. Были опрошены люди, разного возраста состоящие в межэтнических браках, а также дети, родившиеся в таких браках.

В современном Казахстане наблюдается активное стремление к сохранению этнических обрядов и традиций. В межэтнических семьях отмечают и мусульманские и христианские праздники. Так одна из респонденток из г. Алматы говорила: *«И яйца на пасху красим, и шельпеки готовим по пятницам...»*. Религиозный вопрос в ее семье не имеет никакого влияния. Другой респондент из г. Семипалатинска, который был рожден и воспитан в межэтнической семье, отмечал, что в его семье был подобный союз. Так, его дед был женат на русской еще в 30-ые годы XX века. И религиозный вопрос совершенно не поднимался (влияла также и политическая ситуация). Но внутри семьи были сохранены казахские традиции воспитания. Дети в его семье определили свою национальную принадлежность как казахи. А теперь и внук из смешанной семьи женится на русской: *«Это дед передал мне по крови»*, – рассказывает респондент [10, с. 66].

Анализ семейного взаимодействия позволяет понять «природу» межнациональной семьи. Этнически смешанные семьи представляют собой некий микромир межэтнического взаимодействия, позволяющие рассматривать проблемы внутреннего взаимодействия этничностей на микроуровне. В рамках данной работы нами было проведено социологическое исследование по изучению внутрисемейного взаимодействия в межнациональных семьях на территории Астраханской области. Нами были взяты интервью у трех межнациональных семей, представленных русско-татарской, русско-чеченской и казахско-татарской семьями.

По данным глубинных интервью, проведенных авторами статьи, были получены такие, позволяющие определить некоторые аспекты межнационального и межрелигиозного взаимодействия в таких семьях. Примером может служить то, что в двух из трех межнациональных семей были проблемы на стадии заключения брака по причине национальных различий. Из интервью с респондентом (псевдоним «Нургуль Сагырбаева», 24 года, пос. Лиман, Астраханская область, казашка, замужем за татаринном): *«Сначала мои родители и бабушка были против, очень сильно. И были против только с моей стороны. Потому, что он татарин, а у меня родители чистокровные казахи и они всегда думали, что муж будет тоже казах. Поэтому были против. (долгая пауза) У меня еще папа не любит представителей нации моего мужа...»* [11]. Во втором случае наблюдается похожая ситуация (псевдоним «Игорь Федоров», 42 года, г. Астрахань, русский, женат на татарке): *«...ее бабушка (жены) была категорически против, потому что я русский. Только это ее не устраивало. Целые скандалы нам закатывала...»* [12].

Что касается межконфессионального взаимодействия, то на вопрос «Играет ли вера какую роль в ваших семейных отношениях?», абсолютно все ответили «нет» (псевдоним «Дамир Сайфутдинов», 25 лет, пос. Лиман, Астраханская обл., татарин, женат на казашке): *«Мы как-то опустили этот момент и забыли про него. Для нас это не важно...»* [13]. Другой респондент (псевдоним «Алена Лыкова», 34 года, с. Ивановка, Астраханская обл., русская, замужем за чеченцем) отмечала: *«...мы же не смотрели на веру, когда встречаться стали, да и мы не особо религиозны...»* [14].

Вопрос самоидентификации детей, родившихся в этих браках, породил несколько интересных ответов. К примеру (псевдоним «Нургуль Сагырбаева», 24 года, пос. Лиман, Астраханская область, казашка, замужем за татаринном): *«Ну я бы так*

сказал: *муж и дети относятся к татарам, а я не буду себя относить к этой нации. Не потому, что я ненавижу ее, простая горжусь своей национальностью и буду всегда говорить, что я казашка. А если дети, когда подрастут, будут больше склонны к моей национальности, то я не буду против. Захотят, будут казахами»* [11]. Другой респондент (псевдоним «Нелля Велиева», 43 года, г. Астрахань, татарка, замужем за русским) отмечает: *«...мои дети русские, учитывая, что обе дочери крещенные и носят русские имена...»* [15].

На вопрос «Есть ли у вас знакомые межнациональные пары?» абсолютно все ответили, что у них много подобных семей, с которыми они находятся в прекрасных отношениях. Из интервью с респондентом (псевдоним «Анзор Умаев», 40 лет, с. Ивановка, Астраханская обл. чеченец, женат на русской): *«Мы дружим с такими парами, праздники вместе справляем, собираемся часто. И кайнары кушаем, и пироги с капустой, и в прорубь на крещение ныряем, не все, правда, но ныряем»* [16]. Похожий ответ дает «Игорь Федоров»: *«...и куличи печем и кайнары делаем. Отмечаем и рождество, и пасху, и Байрам»* [12].

Таким образом, исходя из серии проведенных глубинных интервью, можно сделать несколько выводов:

- 1) Этническая ситуация, которая сложилась на приграничных территориях Астраханской области и Республики Казахстан является одной из исключительных на постсоветском пространстве, что отражается на повышении доли межнациональных браков
- 2) В данных регионах смешанные браки формируются под влиянием не только большей склонности коренного населения к заключению браков с представителями других национальностей, но и достаточно распространенных предпочтений смешанных браков между собой у европейских и азиатских этносов
- 3) Люди, вступающие в межэтнические браки, более толерантны и лояльны, с уважением относятся к представителям другой национальности и конфессии, а также способны принимать человека, несмотря на данные различия.

Литература

1. Галяпина В. Н. Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2002. 230 с.
2. Махарова Г.С. Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 118 с.
3. Корнеева С. В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: Социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 150 с.
4. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: «Весь мир», 2017. 992 с.
5. Романова, А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015. №3. С. 266–271.
6. Уалиева С. К. Межэтнические браки в полиэтничных регионах Казахстана // Политические и этноконфессиональные исследования в регионах, Барнаул, 2009. С. 396–401.
7. Основные социально-экономические показатели Казахстана (по состоянию на 1 марта 2018 г.) Қазақстан Республикасы Статистика комитетінің [электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/NavAbout?_adf.ctrl-state=v7ku1kwxl_4&_afzLoop=10498617157333949. html, свободный. Загл. с экрана. Яз. казахский. (дата обращения: 26.04.2018).
8. Мужчины и женщины в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения РК 2009 года. Ст. сбор. Астана: 2011. 65 с.
9. Волков А. Г. Избранные демографические труды: сборник научных статей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 567 с.
10. Уалиева С. К. Религиозные практики: самоидентификация людей из межэтнических браков в Казахстане // World of Great Altay. 2016. №2(1.1). С. 64–68.
11. Интервью: псевдоним «Нургуль Сагырбаева», пос. Лиман, Астраханская область, март 2018.

12. Интервью: псевдоним «Игорь Федоров», г. Астрахань, февраль 2018.
13. Интервью: псевдоним «Дамир Сайфутдинов», пос. Лиман, Астраханская область, март 2018.
14. Интервью: псевдоним «Алена Лыкова», с. Ивановка, Астраханская обл., февраль 2018.
15. Интервью: псевдоним «Нелля Велиева», г. Астрахань, февраль 2018.
16. Интервью: псевдоним «Анзор Умаев», с. Ивановка, Астраханская обл., февраль 2018.

БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Н.В. Трофимова
Россия, Уфа, БашГУ
trofimova_nv@list.ru

Аннотация: в статье рассмотрена особенность проявления дифференциации доходов и бедности населения на примере северных приграничных регионов России. На основе предложенной методики проведена оценка уровня бедности населения в регионах.

Abstract: the article deals with the peculiarity of differentiation of incomes and poverty of the population on the example of the Northern border regions of Russia. On the basis of the proposed methodology, an assessment of the poverty level of the population in the regions was carried out.

Ключевые слова: бедность, регион, дифференциация доходов, индекс бедности, приграничный регион.

Keywords: poverty, region, income differentiation, poverty index, border region.

В современных условиях бедность трактуется как низкий уровень жизни населения, обусловленный нехваткой ресурсов для удовлетворения базовых потребностей.

В России бедность представляет собой крайнее проявление дифференциации уровня жизни и неравенства доходов населения. Среди факторов, приводящих к возникновению и нарастанию дифференциации, в первую очередь необходимо выделить природно-климатические, экономико-географические и социально-экономические.

При этом территориальный фактор для многих регионов становится причиной усиления бедности. Например, для северных регионов, это обусловлено более высокой стоимостью жизни.

Теоретические подходы к пониманию сущности бедности претерпевали значительные изменения по ходу общественного развития. Поэтому бедность можно назвать постоянно эволюционирующей категорией. В настоящее время существует три ключевых подхода к определению проблем бедности населения: абсолютный, относительный и субъективный.

1. Абсолютный: к бедным относятся индивиды и домохозяйства с доходом ниже прожиточного минимума.

2. Относительный: к бедным относятся индивиды и домохозяйства с доходом ниже принятых в обществе стандартов потребления.

3. Субъективный: бедные определяются на основе субъективных оценок материального положения.

В настоящее время бедность и избыточное социальное неравенство населения представляют собой опасные факторы и реальную угрозу социальной стабильности, обуславливая актуальность темы исследования.

Для анализа уровня бедности в регионах предлагаем использовать два блока показателей.

I блок: показатели доходов и расходов населения

- 1) покупательная способность доходов населения (соотношение номинальных доходов населения со стоимостью фиксированного набора товаров и услуг). Данный индикатор отражает потенциальные потребительские возможности населения;
- 2) доля расходов на питание (характеризует уровень бедности, через структуру потребительских расходов).

II блок: абсолютные показатели бедности и неравенства в распределении доходов населения

- 1) удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (официально используемый в России показатель, для оценки бедности населения)
- 2) коэффициент фондов (характеризует дифференциацию доходов населения).

Коэффициент фондов показывает во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами.

Коэффициент фондов (децильный) определяется по формуле:

$$K_{f_{10}} = \frac{\bar{x}_{10}}{\bar{x}_1}, \quad (1)$$

где $\bar{x}_1$ и $\bar{x}_{10}$ значения средних уровней денежных доходов в 1-ой и 10-ой децильных группах соответственно.

Для оценки бедности населения мы будем использовать индексный метод, который предполагает расчет итого интегрального показателя на основе предварительного исчисления локальных индексов и частных индексов по блокам.

Для приведения исходных показателей к сопоставимому виду, предварительно необходимо исчислить значения частных индексов по формуле.

$$i = \frac{P_i^1}{P_i^0}, \quad (2)$$

где i – значение i -го локального показателя, кол-во раз;

P_i^1 – фактическое значение i -го показателя за отчетный период;

P_i^0 – базисное значение i -го показателя.

При построении интегрального показателя необходимо учитывать разнонаправленность динамики выбранных нами локальных составляющих. Нам необходимо получить интегральный показатель, значения которого будут характеризовать уровень бедности населения. При этом, чем выше будут значения интегрального показателя, тем выше уровень бедности в регионах. Из четырех выбранных показателей, только рост первого будет свидетельствовать о росте покупательной способности, т.е. о позитивных изменениях. Увеличение же оставшихся трех, отражает негативную тенденцию. Поэтому при использовании индикатора покупательной способности доходов населения мы используем обратную к нему величину.

Полученные численные значения локальных показателей объединяются в частные индексы по каждому из блоков и исчисляются по формуле средней геометрической величины:

$$I_4 = \sqrt[n]{i_1 \cdot i_2}, \quad (3)$$

где I_q – частный индекс;

$i_{1,2}$ – значения i -го локального показателя.

В данном случае, средняя геометрическая предпочтительнее средней арифметической, т.к. мы используем темпы роста исследуемых величин.

Индекс бедности (I_B) в целом, в свою очередь, также определяется как средняя геометрическая из индексов показателей, характеризующих бедность населения по доходам.

I_B рассчитывается по формуле:

$$I_B = \sqrt[n]{I_1 \cdot I_2}, \quad (4)$$

где I_1 – частный индекс, характеризующий уровень доходов и структуру расходов населения;

I_2 – частный индекс, отражающий уровень абсолютной бедности и степень неравенства в распределении доходов населения.

Полученный индекс позволяет оценить уровень бедности относительно среднероссийского уровня. Величина $I_B > 1$, свидетельствует об уровне бедности в регионе выше среднероссийского.

Расчеты проводились на основе официальных статистических данных в динамике на примере северных приграничных регионов РФ.

Приграничный регион - это субъект Российской Федерации, выполняющий особые приграничные функции и играющий исключительно важную роль в процессе приграничного межрегионального сотрудничества, содействующий повышению прозрачности границ, сближению проживающих на приграничных территориях людей и создающий максимально благоприятные условия для торговли, развития экономического пространства региона.

В современных условиях в деятельности приграничных регионов можно выделить следующие три составляющие.

Первая составляющая связана с решением сугубо местных проблем - осуществление социальных и культурных связей населения приграничных регионов, приграничная торговля, совместное решение коммунальных и экологических вопросов, оказание медицинских, образовательных и культурных услуг и т.д.

Вторая заключается в совместном исполнении с федеральными службами общегосударственных функций - транспортных, охраны границ и обеспечения защиты национального экономического пространства, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий и т.д.

Третья составляющая связана с прямой и посреднической внешнеэкономической деятельностью самого приграничного региона.

По классификации А.Н. Пилясова [1], к северным приграничным регионам относятся территории, соответствующие критериям с Постановления СМ СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 и имеющие выход на государственную границу. Согласно этой классификации, северными приграничными регионами макроуровня являются 14 субъектов Российской Федерации: Амурская область, Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Приморский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Тыва, Сахалинская область, Тюменская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

Северный приграничный регион - приграничный субъект РФ, имеющий экстремальные климатические условия и официально отнесенный к северным или приравненным к ним территориям.

По экстремальным условиям жизни и деятельности к северным приграничным территориям можно отнести 14 субъектов Федерации.

Все эти регионы расположены географически в зонах с экстремальными климатическими условиями, и жизнедеятельность требует постоянного преодоления значительных трудностей и дополнительных затрат для обеспечения жизни и производственной деятельности во всех сферах экономики. Регионы являются периферийными, так как находятся по периметру нашей страны, расстояние от Москвы составляет более 6 тыс. км, а до столиц сопредельных государств - примерно в 4 раза меньше.

Для представленных 14 субъектов характерны схожие особенности: наличие богатой ресурсной базы и как следствие развитой горной, горнодобывающей отрасли, предприятий металлургической и машиностроительной сфер. Также ключевую роль в развитии региона играют рыболовство, звероводство, молочное и мясное животноводство.

Имея богатую сырьевую базу, с точки зрения уровня социально-экономического развития группа представленных регионов неоднородна. Наиболее высокие экономические показатели имеют регионы богатые углеводородным сырьем и золотом.

Проанализируем динамику бедности на основе полученных значений I_B (табл.1), на основе выше представленной методики.

Таблица 1

Динамика индекса бедности в северных приграничных регионах в 2005-2016 гг.

	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	$T_{16/02}$
Амурская область	2,07	1,14	1,14	1,08	1,07	1,03	1,01	-51,2
Забайкальский край	1,11	1,14	1,17	1,12	1,12	1,10	1,09	-1,8
Камчатский край	1,02	1,03	1,10	1,11	1,11	1,02	0,99	-2,9
Магаданская область	0,94	0,97	0,94	0,97	0,93	0,96	0,94	0,0
Мурманская область	0,92	0,92	0,92	0,91	0,89	0,87	0,86	-6,5
Приморский край	1,09	1,06	1,11	1,09	1,06	1,02	0,96	-11,9
Республика Алтай	1,15	1,02	1,12	1,16	1,13	1,09	1,13	-1,7
Республика Бурятия	1,16	1,17	1,23	1,15	1,15	1,16	1,14	-1,7
Республика Карелия	0,89	0,94	0,98	0,97	0,99	0,97	0,96	7,9
Республика Тыва	1,31	1,28	1,35	1,43	1,47	1,43	1,46	11,5
Сахалинская область	0,97	0,89	0,96	0,90	0,87	0,87	0,85	-12,4
Тюменская область	0,79	0,90	0,94	0,95	0,96	0,96	0,98	24,1
Хабаровский край	0,95	0,94	0,99	0,97	0,97	0,91	0,89	-6,3
Чукотский автономный округ	0,86	0,99	0,92	0,97	0,91	0,88	0,82	-4,7

На основе полученных данных мы вычислили среднее значение I_B за период с 2010 г. по 2016 г. Лидерами рейтинга, с самыми низким уровнем бедности, стали Сахалинская область (0,89), Мурманская область (0,9), Чукотский автономный округ (0,92), Хабаровский край, Тюменская и Магаданская области (0,95), Республика Карелия (0,97). Последнее место в рейтинге заняла Республика Тыва (1,4).

Данные табл.1 показывают, что наиболее высокими темпами снижалась бедность в Амурской области (на 51,2%), Сахалинской области (12,4%), Приморском крае (на 11,9%). При этом, в нескольких регионах (Тюменской области, Республике Тыве, Республике Карелия) I_B увеличился, в первую очередь из-за роста дифференциации доходов населения и увеличения численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

Значения частных показателей свидетельствуют, что только в Чукотском автономном округе (9%), Сахалинской (11,9%) и Тюменской (12,3%) областях численность населения с доходами ниже прожиточного минимума не превышает общероссийский уровень (12,7%). Высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума отмечается в Республике Тыва (30,6%), Амурской обл. (20,4%), Республике Бурятия (20,1%), Камчатской обл. (19,2%).

В целом по многим показателям социально-экономического развития северные регионы находятся на уровне ниже среднероссийского уровня. Часть регионов можно отнести к кризисным территориям, и им необходима помощь федерального центра.

Поскольку северные приграничные регионы обслуживают общегосударственные внешние связи нашей страны, являются потенциальными полюсами роста и могут быть свободными зонами, их проблемы необходимо решать системно, через комплекс проектов и программ регионального и федерального уровней [3].

Литература

1. Пилясов А.Н. Особенности приграничного сотрудничества северных регионов России. URL: <http://www.oblves.orb.ru/books/prigr/pil.htm>
2. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.05.2018).
3. Шмуйло Т.П., Немкович Е.Г. Особенности северных приграничных регионов России /Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы. – Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, Апатиты, 6-8 ноября 2013 г. – Апатиты, 2013. – 304 с.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

К.В. Фитисов

Россия, Петрозаводск, ПетрГУ

Аннотация: Статья посвящена исследованию инновационного потенциала молодежи и возможностям его применения в профилактике девиантного поведения (по материалам эмпирического исследования в Республике Карелия). Исследование проведено в 2018г. и отражает степень сформированности компетенций цифровой экономики среди молодого населения республики (на основе самооценки молодых людей). В ходе исследования оценивался инновационный потенциал молодежи; определены различия в уровне инновационного потенциала молодого населения городской и сельской местности; проанализировано влияние школы и вуза на формирование инновационных компетенций молодежи РК; установлено наличие корреляции между уровнем инновационного потенциала молодежи и уровнем девиантного поведения, а также формирования вредных привычек в различных районах РК. Конечной целью было определение возможностей использования инновационного потенциала молодежи РК как ресурса профилактики девиантного поведения.

Abstract: The article is dedicated to the investigation of innovation potential of the youth and opportunities of its implementation for prevention of deviant behavior.

Ключевые слова: молодежь, инновации, инновационный потенциал, девиантное поведение, профилактика.

Keywords: youth, innovation, innovation potential, deviant behavior, prevention.

Основной методологической установкой для нас являлось убеждение о том, что человек имеющий высокий инновационный потенциал обладает критическим мышлением, способностью к самоконтролю и критической коррекции своего поведения(отсюда следует инновационный потенциал молодежи может быть использован как ресурс профилактики девиантного поведения)

Качества и основные компетенции инновационной личности в России определяются Стратегией инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. Среди этих качеств и компетенций: способность легко адаптироваться к инновациям; изобретательность; высокий уровень интеллекта; способность к критическому мышлению; владение инновационными технологиями; способность работать в команде; способность к творчеству; владение компьютером; способность и готовность к разумному риску; владение иностранными языками как инструментом коммуникации; стремление непрерывно обучаться, приобретать новые знания и компетенции; способность брать на себя ответственность за результаты коллективного труда.

Объект исследования: Инновационный потенциал молодежи РК.

Предмет исследования: Уровень сформированности инновационных качеств и компетенций среди молодежи РК.

Основная гипотеза исследования:

- Уровень сформированности инновационных качеств и компетенций молодежи в РК в городской местности выше, чем в сельской;
- Инновационные качества и компетенции формируются в вузе лучше, чем в школе

Цель эмпирического исследования: Анализ инновационного потенциала молодежи как ресурса профилактики девиантного поведения (на примере Республики Карелия).

Задачи исследования:

- Оценить инновационный потенциал молодежи Республики Карелия;
- Определить различия в уровне инновационного потенциала молодежи в городской и сельской местности;
- Определить влияние школы и вуза на формирование инновационных компетенций молодежи РК;
- Изучить наличие/отсутствие признаков девиантного поведения и вредных привычек среди молодежи РК (на основе самооценки молодежи);
- Определить возможности реализации инновационного потенциала молодежи РК как ресурса профилактики девиантного поведения.

В дальнейшем на основе результатов исследования планируется разработка рекомендаций для организаций и учреждений, осуществляющих работу с молодежью по активизации инновационного потенциала молодежи как ресурса профилактики девиантного поведения.

Методы сбора и анализа данных:

В исследовании применялись опрос в форме электронного анкетирования молодежи, планируется опрос экспертов. Обработка данных осуществляется с помощью компьютерных программ Excel и SPSS.

Обоснование выборки:

На момент подготовки материалов конференции методом стихийного отбора было опрошено 840 респондентов (молодежь от 14 до 30 лет, проживающая на территории Республики Карелия). В настоящее время опрос молодежи и экспертов продолжается. Промежуточные результаты исследования позволяют сделать предварительные выводы.

Среди опрошенных респондентов 74% представителей женского пола, 26% – мужского. По возрастным группам респонденты распределились следующим образом: 18% в возрасте 14-17 лет, 43% – 18-21 год, 20,5% чел. – 22-25 лет, 18,5% – 26-30 лет. Большая часть респондентов (33%) обучаются в учреждениях высшего профессионального образования, 31% работают, 16,3% учатся в школе, 14% обучаются в учреждениях среднего профессионального образования, 3,5% безработных, 2% обучаются в учреждениях начального профессионального образования; 0,1% (8 чел.) на момент опроса находятся в отпуске по уходу за ребенком; 0,1% указали другие виды деятельности. 89% проживают в городской местности, 11% - в сельской. 79% обучаются или окончили городскую школу, 21% - сельскую. Очевидным плюсом является то, что среди опрошенных большинство фиксирует у себя наличие большей части качеств, присущих инновационной личности. Однако стоит отметить, что такие важные качества как владение инновациями и высокий уровень интеллекта находятся на низком уровне. В то же время стоит учитывать, что это лишь результаты самооценки молодых людей. Абсолютное большинство молодых людей (95%) имеют интерес к познанию чего-то нового. Чуть больше половины (61%) респондентов занимаются творчеством. Среди препятствий для занятия творчеством чаще всего звучали: нехватка времени, лень, отсутствие способностей к творчеству. Не исключались также варианты ответа, связанные с отсутствием условий для занятий творчеством в населенном пункте и недостатком средств. Далеко не все молодые люди легко приспосабливаются к изменениям, происходящим в их жизни. 50% ответили, что адаптация зависит от степени серьезности изменений. При выполнении каких-либо учебных, рабочих или творческих задач респонденты примерно в равных долях предпочитают разные формы работы. Самый распространенный иностранный язык, которым владеют молодые люди – английский, однако уровень владения в среднем оценен ими на 3 балла. Вместе с тем почти 27% указали, что не владеют никакими иностранными языками. 70% молодежи хотели бы учиться на протяжении всей жизни, постоянно совершенствовать свой

интеллектуальный уровень. Желание непрерывно обучаться является очень важным качеством инновационной личности. По результатам субъективной самооценки, только 20% молодежи владеют компьютером на 5 баллов. Большая часть (49%) оценила владение этой компетенцией на 4 балла.

Активная жизненная позиция и помощь другим людям является важным качеством инновационной личности, однако 60% респондентов не участвуют в деятельности каких-либо общественных организаций, движений, волонтерских отрядов и т.д. По результатам опроса школа не является активным субъектом в информированности учеников об инновациях в обществе, но позволяет реализовывать собственные инновационные проекты и идеи. Значительно лучше ситуация обстоит в вузе (на вопрос отвечали только окончившие или обучающиеся в вузе).

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить по 5-бальной шкале качество формирования ряда компетенций. Большая часть опрошенных отметили готовность и способность к разумному риску, но оценили уровень сформированности на 3 балла; способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению, самообучению (3 балла); умение работать самостоятельно (4 балла). На такой же вопрос предлагалось ответить тем, кто обучается или обучался в вузе. Респонденты особо отметили: умение работать самостоятельно (5 баллов), умение работать в команде (5 баллов), способность и готовность к непрерывному образованию и получению новых знаний (4 балла). Вместе с тем 78% респондентов не имеют собственной инновационной идеи или проекта.

Для профилактики девиантного поведения среди молодежи важно то, как они сами понимают девиантное поведение. В большинстве случаев под девиантным поведением молодые люди понимают поведение, отклоняющееся от общепринятых или привычных норм в обществе. Акцент делается на негативные проявления этого явления. Большая часть опрошенных (42%) затруднилась в оценке собственных поступков с точки зрения девиантности, часть (32%) не признаёт их девиантными, 26% определяют свои поступки как отклоняющиеся. В то же время при описании этих поступков молодые люди довольно часто приводят примеры социально нейтральных или даже позитивных проявлений. Среди доминирующих вредных привычек молодежь называет неправильное питание, зависимость от социальных сетей, курение. Наравне с курением 200 раз был выбран вариант «никаких». С точки зрения молодежи, наиболее действенными мерами профилактики девиантного поведения и вредных привычек являются сублимация энергии молодых в положительное русло, пропаганда ЗОЖ, развитие науки, творчества, спорта, ежемесячные денежные поощрения за соблюдение общепринятых норм, программы формирования жизненных навыков и личного роста, обучение противостоянию негативным социальным явлениям, создание сети социальной поддержки для подростков и их родителей и др. Таким образом, зависимость от вредных привычек можно преодолеть путем предложения молодежи альтернативы или общественно полезной замещающей деятельности.

Выводы:

- 3) Такие инновационные качества как : Способность работать в команде, способность к творчеству, владение компьютером, стремление обучаться и приобретать новые знания и способность легко адаптироваться к инновациям сформированы на высоком уровне ,а изобретательность, высокий уровень интеллекта, владение иностранными языками и владения инновациями сформированы на низком уровне.
- 4) Таким образом, сформированные инновационные качества в случае их дальнейшего развития и применения могут стать основой для создания инновационных технологий профилактики девиантного поведения среди

молодежи в сельской местности необходимо создавать условия для развития и применения инновационного потенциала молодежи, активно вовлекать сельскую молодежь в инновационные проекты.

- 5) В школе закладываются основные компетенции инновационной личности: умение работать самостоятельно и готовность непрерывному образованию, в вузе уровень этих компетенций становится выше и лучше.
- 6) На основе результатов исследования планируется разработка новой технологии профилактики девиантного поведения на основе инновационного потенциала молодежи.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОЕКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

И.В. Фотиева, А.В. Иванов

Россия, Барнаул, АлтГУ, АГАУ

fotieva@bk.ru, ivanov_a_v_56@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам и рискам, связанным с реализацией крупных трансграничных проектов, на примерах мегапроектов в регионе «Большого Алтая». Для решения возникающих проблем, по мнению авторов, необходимо интенсифицировать развитие различных форм международного сотрудничества, при участии ученых, представителей общественных организаций, коренных народов. Во-вторых, следует учитывать весь комплекс факторов, не ограничиваясь анализом экономических перспектив.

Abstract: The article is devoted to the problems and risks associated with the implementation of large cross-border projects, with examples of megaprojects in the “Greater Altai” region. To solve the emerging problems, according to the authors, it is necessary to intensify the development of various forms of international cooperation, with the participation of scientists, representatives of public organizations, indigenous peoples. Secondly, it is necessary to take into account the whole complex of factors, not limited to the analysis of economic prospects.

Ключевые слова: приграничный регион, трансграничный проект, международное сотрудничество.

Key words: border region, cross-border project, international cooperation.

Приграничные регионы, как известно, часто служат площадками реализации крупных трансграничных проектов. Но при этом необходим тщательный учет не только экономических выгод, но и различного рода рисков. Последние здесь, как правило, весьма значительны и нередко даже не компенсируются потенциальными выгодами, так как подобные проекты затрагивают разнородные и во многом противоречащие друг другу интересы нескольких стран. Рассмотрим данную проблему на примере так называемого «Большого Алтая».

Этот трансграничный регион включает территории четырех стран (шести субъектов экономического развития): России (Алтайский край и Республика Алтай); Казахстана (Восточно-Казахстанская и Павлодарская области); Монголии (Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки) и Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный округ). Таким образом, государственные границы «разделяют территории со сходными природными, социально-экономическими и национально-этническими условиями, которые в то же время существенно дифференцированы по величине и структуре природно-ресурсного потенциала...» [1, с.99].

Указанное единство природных условий, а также историко-культурная общность, близость ряда базовых ценностей выступают в качестве важных факторов

трансграничного сотрудничества, которое в данном регионе достаточно интенсивно развивается. Но при этом можно отметить, что более успешными оказываются инициативы, не связанные с их непосредственным территориальным воплощением, например, установление безвизового режима на границе России и Монголии или же формирование единого образовательного пространства. Глобальные же трансграничные проекты, как уже сказано, сталкиваются с существенными проблемами и вызывают не только острые дискуссии среди специалистов, но и массовые протесты.

Самым ярким примером может служить проект прокладки энергетического и транспортного коридора (магистрального газопровода, а также железнодорожной и/или автомобильной магистрали) через высокогорный участок западной границы между Россией и Китаем в районе алтайского плоскогорья Укок, включенного в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Этот проект обсуждается с конца 90-х годов; причем вначале речь шла именно о транспортном коридоре, который лоббировала китайская сторона, а в 2006 году Россия инициировала строительство магистрального газопровода. Сейчас проект «заморожен», но не отвергнут, поэтому имеет смысл несколько детальнее рассмотреть его проблемные аспекты. Отметим важный момент: независимо от того, будет ли строиться прямая железнодорожная или автомагистраль, прокладка газопровода в любом случае сопровождается строительством дороги для тяжелого транспорта, которая, как легко понять, может использоваться и для других целей.

Анализируя риски проекта, мы уже отмечали [2, с.53-54], что он, во-первых, (особенно в случае прямой магистрали) создаст угрозу для массового вывоза природного сырья из Сибири при одновременном переносе сюда экологически вредных производств из Китая и перемещении рабочей силы. Миграция из Синьцзяна может принять обвальный характер в случае, например, резкого ухудшения там экологической обстановки. Нельзя исключать и возможности экспансии Китая на север с перспективой отделения от России некоторых районов Сибири и Дальнего Востока. В условиях нарастающего дефицита природных ресурсов этот сценарий стремительного «броска на север» вполне реален в будущем.

Во-вторых, Синьцзян — это территория непрекращающихся попыток уйгурского населения отделиться от Китая, где действуют исламские боевики. Наличие прямых транспортных коридоров создаст условия для их проникновения в Россию. Опасность усиливается тем, что приграничный с Китаем Кош-Агачский район Республики Алтай населен в основном, казахским населением, среди которого есть и сторонники радикального ислама.

В-третьих, любое строительство по высокогорным болотам и мерзлотам в районе плоскогорья Укок создает серьезные экологические риски, отмеченные и в «Обосновании инвестиций» проекта газопровода «Алтай». Угрозы касаются резкого уменьшения стока высокогорных рек, питающих главные водные артерии Юго-Западной Сибири — Обь и Иртыш. С экологических позиций проект был негативно оценен многими специалистами [3], причем отмечают негативные последствия и для китайского национального парка Канас, примыкающего к плоскогорью с юга. Именно возле плоскогорья Укок сходятся границы России, Китая, Казахстана и Монголии. Поэтому охрана высокогорных ландшафтов — важнейшее условие сохранения экологического равновесия и устойчивого развития данных территорий, не говоря уже о том, что Укок и господствующая над ним вершина Табын-Богдо-Ола являются сакральными природными объектами для алтайцев, казахов, тувинцев и монголов.

При этом следует подчеркнуть, что сама по себе идея дополнить «широтные» трансграничные транспортные мегапроекты в Южной Сибири «вертикальными», или меридиональными (к каковым относится и предлагаемая магистраль) совершенно

верна. Это диктуется логикой растущего экономического взаимодействия евразийских стран. Она подразумевает формирование сети трансевразийских магистралей, связывающих достаточно удаленные государства не только по направлению «восток-запад», но и по оси «север-юг». Но предлагаемый проект, как многократно было сказано, имеет по крайней мере две очевидные альтернативы маршрута: через Казахстан или через Монголию. Возникающая при этом проблема «третьей страны», на которую ссылаются сторонники первоначального варианта, на наш взгляд, может обернуться дополнительными возможностями более многостороннего сотрудничества.

Другой пример — проблемы с рекой Иртыш, связанные с планами КНР превращения Синьцзяна в региональный и торговый центр в Центральной Азии и заселения этническими китайцами (ханьцами) уйгурских районов. Синьцзян-Уйгурский автономный район слабо обеспечен водными ресурсами, что инициировало «водную экспансию» КНР в отношении Иртыша и других трансграничных рек. Как пишут авторы специального обзора по данной проблеме, «за последние 15 лет в КНР построены каналы Черный Иртыш-Карамай и Иртыш-Урумчи. По первому каналу будет перебрасываться значительный сток реки Черный Иртыш в озеро Улюнгур, затем вода поступит на промышленные предприятия Карамайского нефтяного бассейна для питьевого, промышленного водоснабжения, а также орошение сельскохозяйственных посевов... Казахстан же заведомо находится в менее выгодном положении, так как Иртыш в значительной степени формируется в Китае» [4]. При этом, как подчеркивают авторы, если положение не изменится, следует ожидать уменьшения водных ресурсов в бассейне реки Иртыш: к 2030 году – на 8 куб. км, к 2040 году – на 10 куб. км, к 2050 году – на 11,4 куб. км. Это приведет как минимум к значительному снижению выработки электроэнергии на каскаде ГЭС на Иртыше до 25% к 2030 году и до 40% к 2050 году; к ухудшению качества поверхностных и подземных вод. Безусловно, население этих районов серьезно пострадает в социальном и экономическом плане. Разумеется, на межгосударственном уровне идут переговоры и уже достигнут ряд договоренностей, однако до удовлетворяющего обе стороны финала еще далеко.

Решение подобных проблем не может быть простым и однозначным и требует, прежде всего, более активного развития различных форм трансграничного сотрудничества, в дополнение к межправительственным контактам. Примеры такого сотрудничества уже имеются: партнериат Каспийского моря, Еврорегион «Карелия», Баренцев Евро-Арктический регион; на Алтае – Международный координационный совет «Наш общий дом Алтай». Но при этом принципиально важными, на наш взгляд, являются два момента.

Во-первых, здесь необходимо участие не только лидеров государств или крупного бизнеса, но и ученых, представителей общественных организаций, коренных народов – для комплексного учета разнородных интересов и выработки решений, приемлемых для разных сторон. Как пишут авторы монографии «Алтай трансграничный: пути международной интеграции и устойчивого развития», необходимо «тесное взаимодействие государственных органов, науки и неправительственных организаций для достижения оптимальных результатов в международном сотрудничестве» [5, с.33]. Этот принцип отчасти реализован в приведенных примерах, но следует признать, что нередко во многом формально: по-прежнему в сколько-нибудь масштабных проектах и сложных вопросах решающий голос принадлежит власти и крупному бизнесу.

Во-вторых, при оценке крупных трансграничных проектов и, в целом, в развитии трансграничного сотрудничества необходимо в полной мере учитывать весь комплекс факторов и проблем: экологических, этнических, политических и пр. Эпоха тотального доминирования экономики в ее современном рыночном варианте, как

подчеркивает все большее число авторов, подходит к концу. Показательными в этом плане являются труды Римского клуба, в особенности, юбилейный, 2017 года, доклад, где его руководители и ведущие эксперты фиксируют неизбежность коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации. «Жёсткая критика капитализма, неприятие финансовых спекуляций, отказ от материализма и упрощенного понимания мира, призыв к альтернативной экономике, “новому Просвещению”, духовно-нравственному мировоззрению, единой планетарной гармоничной цивилизации — такова ныне повестка будущего развития, предлагаемая Римским Клубом» [6].

Соблюдение этих условий особенно важно именно для приграничных регионов, которые, с одной стороны, являются весьма перспективными «точками роста», но, с другой стороны, как уже сказано, и более уязвимыми в силу их особого граничного положения.

Литература

1. Красноярова Б.А., Платонова С.Г., Рыбкина И.Д., Стояцева Н.В., Скрипко В.В. Территориальная организация хозяйства и перспективы сотрудничества приграничных районов Большого Алтая // Алтай-Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии: материалы 1-го российско-индийско-монгольского семинара, 19-20 июня 2015г. (под ред. Н.А. Колпакова, И.В. Фотиевой). Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай-21 век», 2015. С. 98-104.
2. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. 336 с.
3. Мелконян Р.Г., Енгоян О.З. Книжников А. Ю., Голубчиков С.Н. Газопровод в Китай: угроза ландшафтам Горного Алтая // Энергия: экономика, техника, экология. 2013. № 10. С.48-54.
4. Почему Иртышу грозит обмеление? (партнерский материал Total.KZ, 29.08.2017) [Электронный ресурс] / Living Asia. Электрон. дан. URL: http://livingasia.online/2017/08/29/irtysh_river/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 07.05.2018).
5. Алтай трансграничный: пути международной интеграции и устойчивого развития / Под общей редакцией М.Ю. Шишина. М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации / Центр экологической политики России, 2013. 86 с.
6. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!» [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/6832> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 07.05.2018).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Као Тху Тху Хиен
Россия, Уфа, БашГУ
kao.khien.95@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные черты и противоречия инновационной экономики. Основа экономического роста государства определяется уровнем развития инновационной сферы. При этом необходимо отметить ограниченность ресурсов при возрастающих потребностях современного общества, что и является объектом инновационной экономики. Субъектами инновационной экономики выступают домохозяйства, предприятия различных организационно-правовых форм и государство.

Abstract: The article deals with the disclosure of the main features and contradictions of the innovative economy. The basis for the economic growth of the state is determined by the level of development of the innovation sphere. At the same time, it is necessary to note the limited resources with the growing needs of modern society, which is the object of innovation economy. The subjects of innovative economy are households, enterprises of various organizational and legal forms and the state.

Ключевые слова: инновационная экономика, глобализация, информатизация экономики, высококвалифицированный.

Key words: innovative economy, globalization, informatization of the economy, highly qualified.

Основа экономического роста государства определяется уровнем развития инновационной сферы. При этом необходимо отметить ограниченность ресурсов при возрастающих потребностях современного общества, что и является объектом инновационной экономики. Субъектами инновационной экономики выступают домохозяйства, предприятия различных организационно-правовых форм и государство [2].

Как и для любой системы, инновационной экономике характерны ряд черт. Среди них можно выделить:

- глобализацию. Глобализация влияет на формирование политики обеспечения глобальной конкурентоспособности и конкурентоспособности территорий, отраслей, отдельных экономических субъектов. В результате важным признаком развития выступает инновационная деятельность, создание, внедрение и использование высоких технологий;

- информатизацию экономики. Рост производительности труда обеспечивается за счет высокотехнологичных секторов, что сопровождается ростом доли инновационной продукции. Внедрение новых технологий, увеличение наукоемкости производства благоприятно влияют на экономический рост. Отметим, что знания и информатика, в отличие от других ресурсов, неисчерпаемы и самовоспроизводимы;

- долгосрочный характер развития. Инновационная экономика не только влияет на качественное преобразование производственной сферы, но и влечет за собой социально-экономические изменения, гуманизацию всех сфер жизни индивидуума, минимизацию влияния производства на окружающую среду, что создает условия для дальнейшего развития общества и ее инновационной составляющей;

- диверсификацию источников финансирования инноваций. Речь идет об активном вовлечении, как частного капитала, так и средств соответствующих бюджетов на основе развития государственно-частного партнерства;

- увеличение потребности в знаниях, т.к. именно они являются основой любого производства и выступают в качестве ключевого производственного фактора. Человек становится ключевым элементом в системе инновационной экономики. Его труд является не только творческим, но и наукоемким. Меняется качество трудового

процесса мотивационное поведение и характеристики человеческого капитала. Образовательные и научные процессы, влияющие на качество знаний и их интеграцию, являются основой формирования новых качеств человеческого капитала.

На основе данных ОЭСР проанализируем расходы на НИОКР. Среди лидеров по внутренним расходам на НИОКР являются США, Китай, Япония, Германия, Республика Корея, Франция и Россия (таблица 1).

Таблица 1

Валовые внутренние расходы на НИОКР в текущих ценах, млрд. долл. США [6]

Страна	2012	2013	2014	2015	2016
США	434,3	454,8	476,5	496,6	511,1
Китай	292,2	334,1	370,6	407,4	451,2
Япония	152,3	164,7	169,6	169,7	168,6
Германия	100,5	102,9	109,6	113,9	118,5
Республика Корея	64,9	68,2	73,1	75,7	79,4
Франция	55,1	58,4	60,6	61,2	62,2
Россия	37,9	38,6	40,3	39,7	39,8

Как видно из данных таблицы 1, наблюдается положительная динамика роста расходов на НИОКР за период 2012-2016 гг. Если проанализировать структуру финансирования НИОКР, то в России наблюдается значительные отличия от стран-лидеров. Так почти 2/3 исследований осуществляется за счет средств государства, тогда как в развитых странах преобладают частные инвестиции.

Что касается исследовательского персонала, то Россия по данным ОЭСР в 2016 г. занимала 4 место (428,9 тыс. чел.), уступая Китаю (1692, 2 тыс. чел.), США (данные по 2016 г. отсутствуют, 2015 г. – 1380 тыс. чел.), Японии (665,6 тыс. чел.) [6]. Исходя из данных цифр, можно говорить о наличии огромного научного потенциала в России.

Несмотря на данные статистики, для инновационной экономики характерны и наличие определенных противоречий, которые сдерживают ее развитие. Среди противоречий развития инновационной экономики России можно выделить следующие:

1. Наличие коррупции в стране. Так по индексу восприятия коррупции Россия занимала в 2017 году 135 место из 180 стран, набрав 29 баллов из 100. Для сравнения: США – 18 место (75 баллов), Китай – 31 место (63 балла), Япония – 20 место (73 балла), Германия – 12 место (81 балл), Республика Корея – 51 место (54 балла), Франция – 23 место (70 баллов) [3]. Данные по высокому уровню коррупции и наличию взяток подтверждает рейтинг Всемирного экономического форума по индексу глобальной конкурентоспособности России. Так, ранг фактора «коррупция» в 2016 году составлял 76 [5].

2. Отношение общества к коммерциализации результатов НИОКР. В России всегда разделялось понятие «предприниматель» и «новатор». Это в свою очередь еще раз подтверждает вывод о недостаточности инвестиций со стороны частного сектора в финансировании сектора НИКОР [4]. Наглядно видим противоречие: между желанием бизнеса получить максимальный доход и нежеланием инвестировать в «долгие» инновационные проекты в будущем.

3. Наличие социальных барьеров и обострение социальной напряженности в обществе. Низкая социальная мобильность населения, «привязка» к месту жительства и работе. Внедрение новой технологии и техники может привести к росту уровня безработицы.

4. Несмотря на то, что в последние годы растет доля молодых ученых, в науке молодые исследователи долго не задерживаются. Это связано не только с проблемами кадрового роста, но и с финансовой стороной оплаты результатов их труда. Здесь мы видим наглядно противоречие между возрастающим спросом на высококвалифицированный персонал и нежеланием бизнеса вкладывать в его развитие.

5. В последние годы, к сожалению, можно наблюдать сокращение количества научных сотрудников в научных учреждениях под давлением требований по повышению эффективности. Это свидетельствует о наличии противоречия между экономической эффективностью, социальной справедливостью и потребностью общества в научных кадрах.

6. Пробелы в законодательстве по авторскому и патентному праву, что сдерживает участие бизнеса в инновационном развитии [7]. На сегодняшний день основная часть вопросов по инновационному законодательству относится к компетенции Российской Федерации. Кроме того, на законодательном уровне отсутствует эффективный механизм взаимодействия между различными уровнями власти, а также бизнес-структурами, населением [1].

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить основные черты и противоречивый характер инновационной экономики, что свидетельствует о данной категории как сложной и многогранной системе экономических отношений.

Литература

1. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А., Россинская Г.М. Методологические основы управления инновационным развитием региона // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 3 (125). С. 67-70.
2. Жукова В.И., Старова О.В. Сущность концепции инновационной экономики // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Пенза: Изд-во «Наука и просвещение», 2017. – С. 13-15.
3. Индекс восприятия коррупции. 2017. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2017-posadki-ne-pomogli.html> (дата обращения: 04.04.2018).
4. Казакова О.Б. Особенности реализации инноваций в Республике Башкортостан // Экономика и управление: теория, методология, практика: сб. матер. X Российск. науч.-практ. конф. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2015. – С. 127-131.
5. Султанова Л.Ф. Интернационализация предприятий малого и крупного бизнеса как фактор повышения конкурентоспособности организаций // Актуальные вопросы современной экономики: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (16 марта 2018 г.). – Уфа: УГНТУ, 2018.
6. Main Science and Technology Indicators, Volume 2017 Issue 2 https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/volume-2017/issue-2_msti-v2017-2-en.
7. Shaykhutdinova G F, Nikonova S A, Karachurina R F, Sharipova I M, Korotkova L N, Sultanova L F. Stimulating of entrepreneurs' innovative activity in the republic of bashkortostan. J. Fundam. Appl. Sci., 2017, 9(7S), 1005-1015.

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2014-2016 ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Т.Г. Хришкевич
Россия, Псков, ПсковГУ
faschoda@mail.ru

Аннотация: автор обращается к гендерному аспекту миграционного кризиса в Европе и его проявлениям в странах Балтийского региона. Особое внимание уделено демографическому аспекту, проблеме уязвимости женщин-мигранток и дискриминации в пунктах приема для беженцев.

Abstract: The article refers to the gender aspect of the migration crisis in Europe and its manifestations in the countries of the Baltic region. Particular attention is paid to the demographic aspect, the vulnerability of migrant women and discrimination at reception points for refugees.

Ключевые слова: Балтийский регион, миграционный кризис, беженцы, гендер, гендерная дискриминация

Key words: The Baltic region, the migration crisis, refugees, gender, gender discrimination

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 17-01-60002-ОГН «Миграционная политика в Балтийском регионе: Северо-Запад Российской Федерации и страны Европейского Союза – сотрудничество в условиях миграционного кризиса».

На фоне огромного перемещения во всем мире в настоящее время Европа сталкивается с увеличением числа людей, прибывающих в поисках международной защиты. Одним из аспектов этого массового движения людей, которое привлекает все больше внимания, является гендерное измерение.

В 2015 г. Европейская комиссия признала наличие в Евросоюзе наличие критической ситуации, способной повлиять на социальное и политическое пространство Европы, приняв программу по решению кризиса, которая получила название «Повестка дня в области миграции 2015» (European Agenda on Migration, 2015 г.). В первую очередь, она затронула проблемы обеспечения безопасности границ ЕС, контрабанды людьми, финансирования программ в Средиземном море, аспекты трудового потенциала мигрантов, но не учитывала гендерный фактор.

Согласно данным Евростат о количестве лиц – просителей убежища в Европе было зарегистрировано: в 2014 г. 626 960 человек, в 2015 г. – 1 322 825, в 2016 г. – 1 260 910 [1]. По данным Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в 2015 г. 58 % из прибывших составляли мужчины, 25 % – дети, 17 % – женщины. За 2016 г. данные УВКБ показали рост количества женщин до 21 % от общего числа беженцев. В данных о детях (возрастная группа 14-17 лет) цифры почти равны: 53 % заявителей – мальчики, 47 % – девочки [2]. Таким образом, женщины и девочки представляют меньшинство и нуждаются в защите, что должно быть обеспечено им согласно международному и европейскому законодательству.

Просители убежища неравномерно распространяются среди государств Европы. С развитием кризиса стало очевидно, что беженцев привлекают наиболее благополучные страны ЕС. В первую очередь их целью явились Франция, Италия, ФРГ. Балтийский регион Евросоюза в ходе кризиса занял особое место. Эти страны являют собой пример, по меньшей мере, двух подходов к решению вопроса – от полного принятия выполнений условий Брюсселя до полного отказа. Страны Балтийского региона в ходе кризиса встали «по обе стороны барьера» – с одной стороны, это были экономически успешные и притягательные ФРГ, Швеция и Финляндия, с другой

Эстония, Латвия, Польша. В последних поток беженцев оказался значительно ниже, а энтузиазм правительств по их размещению и предоставлению требуемых условий меньше. Например, в Прибалтике существует только 3 центра по приёму беженцев, по одному в каждом государстве. В Латвии центр принадлежит Управлению по делам гражданства и миграции, его максимальная вместимость до 200 человек. В Литве регистрационный центр иностранцев входит в состав Государственной пограничной службы при Министерстве внутренних дел Литовской Республики, где размещаются как нелегальные мигранты, так и лица, ищущие убежище. По официальным оценкам его вместимость 500 человек. Из-за отсутствия средств не все потребности просителей убежища могут быть обеспечены, например, медицинские услуги. Именно за счет малочисленности прибывающих беженцев тема миграционной политики не являлась в течение длительного времени приоритетной в Эстонии, Латвии и Литве. Кроме того, для прибалтийских стран более существенной является проблема оттока населения на запад, что повлияло на их позиции по отношению к миграционному кризису 2014-2016 гг.

Гендерный аспект в миграционном кризисе имеет несколько граней, требующих внимания правительств. Во-первых, в Европе и, в частности, в странах Балтийского региона наблюдается снижение рождаемости. Так, в ЕС в 2015 г. на одну женщину приходилось 1,58 живорождений [3]. В странах Балтийского региона этот показатель составляет в Швеции – 1,84; Дании – 1,71; Литве – 1,7; Латвии – 1,69; Финляндии – 1,64; Эстонии – 1,57, Германии – 1,5; Польше – 1,31 [4]. Таким образом, у европейцев, как правило, меньше детей и это частично объясняет замедление темпов роста численности населения. Миграционный прирост из стран традиционно ориентированных на большие семьи, вероятно, может повлиять на рост народонаселения, и, как следствие, на решение в долгосрочной перспективе проблемы насыщения рынка труда, выравнивания баланса «молодежь-пенсионеры», к чему апеллировала, например, А. Меркель призывая мигрантов в Германию.

Во-вторых, заметный прирост беженцев вызвал к жизни дискуссии об уязвимости женщин-мигранток и европейек. Женщины и девочки особенно подвержены дискриминации и сексуальному насилию, что является основанием для потребности в защите. Кроме того, неспособность должным образом учитывать гендерные проблемы в системах убежища и интеграционных мерах может привести к дискриминационным результатам. Беженкам нередко не гарантировано лечение и уход, когда они ищут защиты в Европе [5]. Неоднократно регистрируемые полицией случаи насилия в отношении местных женщин (Швеция, Германия, Дания) поднимают вопрос о необходимости комплексного совершенствования миграционного, административного и уголовного законодательства. Так, события в Кёльне в январе 2016 г. вскрыли несовершенство процедуры высылки мигрантов в случае совершения правонарушений.

Насилие и дискриминация являются наиболее обсуждаемыми гендерными проблемами в контексте миграционного кризиса. Переполненность центров стала серьезной проблемой в Германии. Так, например, в Рейнланд-Пфальце есть только один центр размещения на 100 человек, тогда как квоты, выделенные на эту землю, предполагали размещение только в декабре 2015 г. 19 697 беженцев [6]. Массовый приток продемонстрировал, что центры приёма не справляются с количеством прибывающих. Оказалось невозможно решить такие задачи как отдельное размещение мужчин и женщин, обеспечение гарантии от насилия, безопасный доступ к санитарным удобствам. Работники центров отмечают недостаточность доступа к медицинскому обслуживанию, поскольку спрос слишком высок. Другой проблемой является то, что дети не всегда могут ходить в школу.

В приемных центрах необходимо обеспечить более пристальный и отдельный учет интересов мужчин, женщин и детей. Сотрудники приемных и жилых центров должны быть осведомлены о гендерных проблемах и о том, как корректировать положение женщин и детей. У женщин должна быть возможность заблокировать свои комнаты с целью предотвращения не только насилия, но и краж. Мужские и женские санитарные помещения должны быть строго разделены. Кроме того, санитарные помещения в приемных центрах должны быть легкодоступными. Для беременных женщин должно присутствовать необходимое медицинское обслуживание. Женщины также должны иметь доступ к психологической помощи, чтобы оправиться от травматического опыта. Молодым и несопровождаемым девочкам, одиноким женщинам необходимо дополнительное внимание после прибытия в приемном центре. Девушки и женщины, путешествующие в одиночку, также сталкиваются с большими рисками. УВКБ отмечает, что некоторые женщины вынужденно вступают в брак для защиты. Её отсутствие ставит девушек и женщин в ситуацию, когда можно легко злоупотреблять их одиночеством. Девочки и молодые женщины нередко становятся жертвами торговли людьми и/или вынуждены становиться проститутками.

Важно решение задачи обеспечения девочек к образованию во время прибытия в приемном центре. Поскольку посещение школы увеличивает их шансы на быструю интеграцию и лучшее будущее в принимающей стране. В приемных центрах необходимо обеспечить доступ к информации о том, что насилие в отношении женщин, включая насилие в семье, считается преступлением. Центры приема иногда расположены в отдаленных районах, что не способствует интеграции лиц, ищущих убежища, так как они имеют контакты только с другими просителями убежища и сотрудниками приемной.

Условия размещения также далеки от комфортных. За неимением специализированных центров, нередко беженцев размещают в аварийном жилье, в палатках или контейнерах. Большинство центров приема не имеют удобств для приготовления пищи, часто недостаточно места для хранения продуктов. В некоторых приемных центрах возникают временные проблемы с электричеством, недостаточно горячей воды для всех присутствующих, что приводит к болезням, которые легко распространяются.

Европейское пограничное агентство Frontex выпустило специальные рекомендации о том, как обращаться с женщинами, в тех случаях, когда есть подозрение, что они могут быть подвергнуты насилию. Так, если пограничники подозревают, что женщина стала жертвой сексуального насилия, или если она не может или не желает обсуждать определенные события, связанные с таким инцидентом, они должны задавать сдержанные и косвенные вопросы, которые могли бы дать им возможность определить, какие надлежащие меры защиты могут быть предприняты [7].

В Балтийском регионе, который состоит из стран с различным подходом к решению кризиса, тем не менее, проблемы, связанные с его гендерным аспектом, оказались идентичные. В ходе миграционного кризиса доклады международных организаций, правозащитных групп и организаций женщин и беженцев подчеркивают серьезные системные недостатки и риски, с которыми столкнулись женщины. К ним следует отнести неэффективное планирование, которое привело к уязвимости одиноких женщин, беременных и кормящих, девочек-подростков, несопровождаемых несовершеннолетних и инвалидов. Неспособность выявить уязвимые группы и обеспечить их регистрацию и надлежащий доступ к основным услугам, таким как продовольствие и здравоохранение. Недостаточное количество услуг, отвечающих потребностям женщин и девочек. Отсутствие обученного персонала для информирования, выявления и поддержки жертв, малая численность женщин-

переводчиков, отсутствие клинической помощи. Государства также оказались не в состоянии защитить местное население от нападений людей, которые не смогли или не захотели адаптироваться в европейском обществе.

Литература

1. Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data [Электронный ресурс]. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_asyappctza&lang=en (дата обращения: 08.05.2018).
2. Reception of female refugees and asylum seekers in the EU. S.8 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/536497/IPOL_STU\(2016\)536497_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/536497/IPOL_STU(2016)536497_EN.pdf) (дата обращения: 08.05.2018).
3. Fertility statistics [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Fertility_statistics (дата обращения: 08.05.2018).
4. Fertility rates [Электронный ресурс]. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_frate&lang=en (дата обращения: 08.05.2018).
5. Gender aspects of migration and asylum in the EU: An overview [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2016\)579072](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2016)579072) (дата обращения: 08.05.2018).
6. Verteilungsquoten nach dem Königsteiner-Schlüssel für die Anwendung im Jahr 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/Asylzahlen/asylzahlen-node.html> (дата обращения: 05.05.2018).
7. Fundamental rights training for border guards [Электронный ресурс]. URL: [https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Training/Fundamental_Rights_Training_for_Border_Guar ds1.pdf](https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Training/Fundamental_Rights_Training_for_Border_Guards1.pdf) (дата обращения: 08.05.2018).

ПРОБЛЕМЫ БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ КИТАЯ

Р.Р. Хуснулина, Сюй Мэнцзяо

Россия, Москва, МГУ

razilya-kh@yandex.ru, 317808285@mail.ru

Аннотация. С экономическим процветанием быстро развивается приграничная торговля, межграницные браки продолжают расти и сохраняют тенденцию к непрерывному росту. Большое количество пограничных жителей и их смешанные браки в той или иной мере способствуют экономическому развитию в приграничных регионах, меняют проблему народонаселения. Однако, транснациональные браки тоже серьезно влияют на безопасность и стабильность границы. Целью данной работы являются анализ проблемы о китайских трансграничных иммиграциях и предложения по улучшению и развитию нынешней системы миграции в Китай.

Abstract. With the economic and progress of the trade in the bordering regions the intergovernmental marriages continue to grow and have a tendency to continual growth. The large quantity of population and their mixed marriages promote the economic development in the bordering regions, change the problem of population. Still the intergovernmental marriages influence seriously on safety and stability of the border. The aim of this article is the analyses of problems of Chinese bordering regions' immigration and suggestions in development and promotion of today's system of immigration to China.

Ключевые слова: иммиграция, транснациональные браки, жители пограничных территорий.

Key wards: immigration, intergovernmental marriages, the population of bordering regions.

Межграницные браки имеют долгую историю. Долгое время у пограничных жителей Китая и соседних стран не было сильного национального самосознания, принято для трансграничных браков в приграничной зоне. Трансграничные народы

живут в соседнем географическом пространстве и имеют культурные, а порой и родственные связи. Ежедневный контакт между ними очень частый, и границы между странами не могут быть препятствием для их брака.

В последние годы с постоянным развитием социальной экономики на границе феномен трансграничного брака становится все более распространенным, что влияет на структуру и порядок приграничного общества, теперь уже является неизбежной реальностью в управлении пограничными вопросами. С развитием политики “Один пояс по одной дороге”, роль границы в развитии страны становится все более заметной. В то же время пограничные брачные мигранты будут продолжать увеличиваться, а возникающие из этого проблемы не могут быть эффективно и оперативно решены, вероятно, это приведет к глубокому кризису в приграничном обществе страны. Новая реальность, важность и актуальность управления транснациональными браками на границе требует от нас исходить из особенностей пограничного общества, проводить специальный анализ и исследования, выявлять ключевые проблемы и исследовать решения проблем.

Поговорим о безопасности супружеских иммигрантов. Женщины-иммигранты, как правило, не могут получить гражданство Китая и регистрацию домашних хозяйств. Некоторые из них не умеют говорить по-китайски, и не могут устроиться на работу в Китае, поэтому у них нет стабильного источника дохода. Незримо они приносят большее экономическое давление на семьи, из-за невозможности разделить финансовое бремя и нередко происходит дискриминация и даже насилие в таких семьях. Однако эти женщины не могут обратиться за помощью в соответствии с китайским законодательством, и большинство из них предпочитает молча сносить подобное насилие. Если они захотят получить помощь, они могут быть репатрированы или депортированы.

Что касается здоровья и безопасности супружеских иммигрантов, то в последние годы Китай постоянно улучшал систему социального обеспечения для своих жителей и начал серию сельских страховок по старости, страхования с низким доходом и т.д. Большинство иммигрантов юридически не являются гражданами Китая и не могут пользоваться пособиями по социальному обеспечению. Все медицинские расходы могут покрываться только самими иммигрантами и вызывать экономическое бремя для своих семей.

Миграция - это не только миграция жилой зоны иммигрантов, но и последующая культурная миграция. Брачные пары выросли в разных культурных средах, у них свои традиции и они неизбежно сталкиваются с проблемами, которые возникают в новой социальной и культурной жизни.

Транснациональные браки и семьи имеют двойную культурную основу, и их дети часто учатся в разных культурах, идущих от своих родителей. Однако уровень образования брачных иммигрантов неравномерен, а образование детей не полностью внятно, таким образом, семейное образование приносит детям культурную путаницу в процесс интеграции общественной жизни. На самом деле, ресурсы на образование в приграничных районах недостаточны и у детей в иммигрантской семье нет право на легальный статус, поэтому они не могут нормально воспользоваться обязательным образованием и получить для этого финансирование от государства.

Большинство иммигрантов не могут общаться с людьми за пределами своей семьи, и они не могут понять местные обычаи, стать частью местной общественной жизни. С течением времени, проживая в незнакомой нации, эти брачные иммигранты неоднозначно относятся к своей идентичности, неспособны интегрироваться в местных жителей, и их собственная национальная идентичность постепенно размывается с течением времени.

Национальные государства - это не только простое географическое разделение, но и сознательное сообщество. Хотя брачные иммигранты живут в Китае, большинство из них не имеют китайской национальности и не имеют законного гражданства, им трудно рассматривать себя как часть Китая. У них расплывчатое отношение понятия страны и границы. Языковые барьеры у брачных иммигрантов, имеющиеся у них психологические факторы, привели к их узкому пониманию основных национальных условий Китая. Для брачных мигрантов нет абсолютного национального различия. Из-за такой маргинальной психологии транснациональных брачных иммигрантов, иммигранты не заботятся о государственных делах, ограничивая себя семейными делами, и не желают участвовать в более широких социальных взаимодействиях.

Большинство трансграничных браков в пограничных районах Китая из-за отсутствия правовых ограничений очень нестабильны, особенно в южных приграничных районах Китая. В отсутствие каких-либо юридических формальностей, такие фактические браки также вызывают ряд семейных и социальных проблем. Из-за отсутствия правовых ограничений некоторые брачные иммигранты предпочитают покидать дом в условиях семейных конфликтов даже заниматься проституцией в других приграничных городах.

Что касается внутренней структуры семьи, то, после того, как многонациональный брак устанавливается согласно гражданскому кодексу, члены семьи формируют зависимые семейные отношения и поддерживают друг друга.

Создание и совершенствование современной правовой системы - это всего лишь вопрос последних десятилетий. Юридические знания ограничены, люди часто не знают, как юридически зарегистрировать брак и как принять гражданство. Процедуры сложны, даже некоторые специалисты не всегда могут полностью понять соответствующие законы, не говоря уже о жителях отдаленных границ. В то же время, они неохотно платят высокие пошлины за юридические услуги.

В настоящее время управление пограничным сообществом страны по-прежнему преследует традиционный принцип поддержания стабильности границ и обеспечения национального воссоединения. Поддержание такой поверхностно сбалансированной взаимосвязи, естественно, связано с нынешней национальной системой оценки эффективности кадров.

В этих целях эффективно решить ряд проблем социального управления, вытекающих из этого, мы должны избавиться от концептуальных барьеров.

Необходимо создание агентства по сбору данных. Большинство трансграничных браков являются фактическими браками, и соответствующие правительственные ведомства не могут точно понять существование таких браков. Поэтому для транснациональных брачных иммигрантов в приграничных районах следует создать специальную базу данных для активного улучшения данных и защиты прав иммигрантов.

Во-вторых, совершенствовать соответствующие законы и политику. В последние годы Китай ввел соответствующую политику в отношении браков, связанных с иностранными партнерами. В пограничных районах также существует соответствующая политика защиты законных прав брачных иммигрантов, но нет специального закона верхнего уровня. Некоторые пограничные районы имеют гибкую политику и включают приемлемых супружеских мигрантов в местную систему социального обеспечения для детей из транснациональных брачных семей.

В-третьих, необходимо усилить пропаганду популяризации права. Проводить семейную правоохранительную деятельность в приграничных районах, чтобы помочь иммигрантам-бракам повторно подать заявку на соответствующие формальности, получить соответствующие документы и подать заявку на регистрацию брака.

Деятельность по популяризации права способствует развитию правовой осведомленности о пограничных браках и способствует установлению правовых брачных отношений. Таким образом, это поможет предотвратить появление фактических браков, защитить соответствующие права детей-иммигрантов и сохранить стабильность границ.

В-четвертых, содействие коммуникации между соседними странами. Китай должен разработать соответствующие положения о трансграничном браке и проводить консультации с соседними странами. Стоит принять эффективные меры по пресечению незаконной иммиграции, активно укреплять обмены с соседними странами при одновременном совершенствовании соответствующих китайских законов и правил, выявлять решения для нелегальной иммиграции в брак и совместно поддерживать стабильность и процветание границы

Следует признать, что расширение потока иммигрантского населения и увеличения количества транснациональных браков является неизбежным нормальным социальным явлением в развитии китайской нации [1: 44]. Кроме того, трансграничные браки также приведут к некоторым позитивным социальным последствиям, будут способствовать трансграничным этническим культурным обменам, удовлетворить потребности пограничных населений Китая в отношении брака, образования и содействовать интеграции ресурсов с соседними странами.

Литература

1. LiuGuofu, The New Situation, New Challenges and New Exploration of Chinese Immigrants, Journal of Shandong University (Philosophical and Social Science Edition), 2015.P. 43-54.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ПРИГРАНИЧНЫМИ ГОРОДАМИ РОССИИ И КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ, ВЛАДИВОСТОКА И БЛАГОВЕЩЕНСКА)

Р.Р. Хуснулина, Чжэн Сяотун

Россия, Москва, МГУ

razilya-kh@yandex.ru, xiaotong95@mail.ru

Аннотация: Приграничная торговля является важной частью китайско-российской торговли. В этой статье были отобраны три основных пограничных порта России: Забайкальск, Владивосток и Благовещенск для изучения состояния развития китайско-российской пограничной торговли. Хотя китайско-российская пограничная торговля колеблется во время финансового кризиса, устойчивый рост по-прежнему является общей тенденцией, и в то же время развитие между портами является неравномерным. Развитие торговли постепенно изменило режим торговли от приграничной торговли до общей торговли, но товары с низким ресурсом по-прежнему остаются основными импортными и экспортными товарами. Приграничная торговля Китая и России сопряжена с недостаточной пропускной способностью, вмешательством политических сил, налогообложением и другими факторами. С этой целью необходимо ускорить продвижение бизнеса по вопросам юстиции приграничной торговли, усилить поддержку политики приграничной торговли, повысить уровень структуры торговли между Китаем и Россией и расширить инвестиции Китая на российский Дальний Восток.

Abstract: Border trade is an important part of China-Russia trade. In this article, the three main border ports of Russia: Zabaikalsk, Vladivostok and Blagoveshchensk - were selected to examine the status of China-Russia border trade development. Although China-Russia frontier trade fluctuates during the financial crisis, steady growth is still an overall trend and, at the same time, the development between ports is uneven. The development of trade has gradually changed from border trade to general trade, but low value-added and resource-based goods are still the main import and export commodities. China-Russia border trade has the problems of low scale,

insufficient transportation capacity, interference of political forces, and taxation. To this end, it is necessary to speed up the promotion of border trade renminbi settlement business, increase support for border trade policies, increase the level of China-Russia border trade structure, and expand China's investment in the Russian Far East.

Ключевые слова: китайско-российская пограничная торговля, портовые города, режим торговли, структура торговли.

Keywords: China-Russia border trade, border ports, mode of trade, trade structure.

С 21-го века политическое взаимное доверие между Китаем и Россией продолжает развиваться, а экономическое и торговое сотрудничество постоянно укрепляется. Торговля между Китаем и Россией демонстрирует стремительный и устойчивый тренд развития. Общий объем приграничной торговли продолжает расти. Согласно статистическим данным России, российский экспорт в Китай вырос с 5,2 млрд. долларов в 2000 году до 19,7 млрд. долларов в 2010 году, российский импорт из Китая вырос с 2,1 млрд. долларов в 2000 году до 41,6 млрд. Долларов в 2010 году. В 2009 году торговлю затронул финансовый кризис, в итоге ее рост упал. В 2010 году он достиг нижнего предела и восстановил (или превысил) исторический максимум. В отличие от других стран, приграничная российско-китайская торговля является очень важным вопросом в китайско-российской торговле [1: 16].

В этой статье отобраны три основных пограничных порта России: Забайкальск, Владивосток и Благовещенск, для изучения состояния развития китайско-российской пограничной торговли. Именно в этих городах, независимо от общего объема импорта и экспорта, масштаб внешней торговли показал явную тенденцию к росту, но статус импорта и экспорта портов явно отличается. Непрерывное расширение масштабов торговли и повышение уровня экономического развития в приграничных регионах Китая и России постепенно изменили китайско-российскую границу. Торговля между приграничной торговлей и приграничной торговлей границ постепенно превратилась в общую торговлю. В то время как китайско-российская структура пограничной торговли изменилась, существенных изменений в содержании товарных товаров не произошло. В настоящее время китайско-российская пограничная торговля по-прежнему сосредоточена на низкокзатратных товарах труда и сырьевых товарах. Например, во Владивостоке основными импортируемыми товарами с 2007 года являются одежда, сельскохозяйственные и побочные продукты, механические и электрические продукты, товары для путешествий и сумки, овощи, обувь. Среди них одежда всегда была самым важным импортным продуктом. До 2010 года электромеханические продукты были вторым по величине импортным товаром. В 2011 году сельскохозяйственные и побочные продукты стали вторыми по величине импортным товаром. Среди экспортных товаров, дерево и сырая нефть были первыми и вторыми крупнейшими экспортными товарами в 2007 и 2008 годах соответственно. В 2009 году сырая нефть заменила дерево и стала крупнейшим экспортным товаром [2: 422]. Тем не менее, торговля между Китаем и Россией находится на низком уровне и по-прежнему имеет низкую добавленную стоимость сырьевых ресурсов. Хотя в последние годы доля экспорта электромеханических товаров из Китая постепенно увеличивалась, структурная модернизация экспортных товаров по-прежнему проходит относительно медленно.

Однако экспортные продукты России в Китай всегда были основаны на ресурсосберегающих продуктах, а модернизация экспортных продуктов нуждается в дальнейшем развитии. В долгосрочной перспективе это не будет способствовать тому, что Китай и Россия продолжают углублять приграничную торговлю. Важным фактором медленного увеличения масштабов китайско-российской пограничной торговли является то, что проблема пропускной способности долгое время не решается. Именно

Забайкальск, Владивосток и Благовещенск обладают наибольшей грузоподъемностью и имеют самый большой объем торговли с Китаем. Ускорение продвижения расчетной операции в юанях - это одна из эффективных мер по содействию развитию приграничной торговли Китая и России, снижению торговых издержек и снижению торговых колебаний. Как рубль, так и юань не являются свободно конвертируемыми валютами, и обменный курс необходимо производить посредством доллара, что создает трудности по урегулированию местной валюты.

К тому же, чтобы увеличить поддержку политики приграничной торговли, необходимо, во-первых, с точки зрения налоговой политики, уменьшить налоговое бремя предприятий приграничной торговли, но в то же время бороться с незаконным уклонением от уплаты налогов и поощрять юридическое использование налоговых правил. Во-вторых, в промышленной политике необходимо поощрять приграничные предприятия к увеличению добавленной стоимости продуктов и повышению качества продукции. В-третьих, в политике в области науки и техники следует наращивать ключевые научные исследования, которые отвечают местным потребностям. В-четвертых, с точки зрения внешнеторговой политики, стоит обеим сторонам участвовать в приграничной торговле более открыто. Низкий уровень приграничной торговли между Китаем и Россией является заметной проблемой в нынешней китайско-российской пограничной торговле и основным дестабилизирующим фактором в китайско-российской пограничной торговле. Однако повышение структуры китайско-российской пограничной торговли является долгосрочным проектом, который требует совместных усилий обеих сторон. Обе стороны должны более решительно реагировать на вызовы новой эры и новых условий, делать новые инновации, развивать сравнительные преимущества обеих сторон, содействовать модернизации местной промышленной структуры и обновлять структуру торговли и стремиться к достижению нового уровня приграничной торговли между двумя сторонами. Расширение инвестиций со стороны финансируемых Китаем предприятий в России не только может эффективно сократить транспортные и логистические издержки, но также позволит им своевременно понимать местный потребительский спрос и быстро вносить изменения. В то же время расширение инвестиций в регион может способствовать экономическому развитию Дальневосточного региона России и решению некоторых вопросов занятости труда. Стоит обратить внимание на улучшение разнообразия и качества продукции, на выполнение соответствующих социальных обязанностей и обращать внимание на защиту местной экологической среды и природных ресурсов. Тогда заметно улучшится пограничная торговля между двумя странами.

Литература

1. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. [Электронный ресурс]. Электрон. дан.: http://www.ved.gov.ru/files/images/kai/China/Rus_China_TES_2014.pdf (дата обращения 11 февраля 2016 года).
2. Российский статистический ежегодник. 2015. Сб. стат. Росстат. М., 2015. - 728 с.

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Е.А. Чайка

Россия, Москва, МАРХИ

achichaika@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы культурно-исторического наследия в условиях приграничных территорий. Особое внимание уделено коренным малочисленным народам. Рассматриваются такие вопросы как увеличение туристической привлекательности, наращивание и уплотнение системы связей в регионе.

Abstract: The article deals with the problems of cultural and historical heritage in the border areas. Special attention is paid to indigenous minorities. Addresses such issues as the increase of tourist attraction, expansion and compaction of a system of relationships in the region.

Ключевые слова: приграничные территории, коренные малочисленные Севера, система расселения, рокадные системы

Key words: border area, indigenous North, settlement system, rockade system

Приграничные территории во все времена были стратегически крайне важны для каждого государства. Они выполняют барьерную, фильтрующую и контактную функции, являются зонами экономической и культурной интеграции стран. Россия – уникальное государство, имеющее самую протяженную в мире границу (более 60.9 тыс. км), и наибольшее количество соседей (16). По этой причине исследования границ и приграничных территорий (внешних, государственных и внутренних, межрегиональных) имеют для России особое значение. «Большое количество соседних государств России, каждое из которых имеет свои неповторимые этнокультурные и политическим традиции в сочетании с неповторимостью внутренних приграничных территорий, делает невозможным разработку единой универсальной геостратегии развития приграничных регионов и трансграничного взаимодействия. Трансграничное взаимодействие на каждом конкретном участке государственной границы специфично и уникально» [3]. В данной статье хотелось бы подробнее рассмотреть северные границы Российской Федерации, а точнее норвежско-финляндское приграничье. Эти территории имеют огромное значение и колоссальный потенциал не только как приграничные территории, но и в связи с принадлежностью к Крайнему Северу, который всегда представляли особый интерес. Арктические территории всегда имели колоссальное стратегическое значение: охрана государственной границы, Северный морской путь (СПМ) возрождается, как важнейшая торгово – транспортная магистраль межконтинентального значения, расширение освоения нефтяного шельфа и побережья Северного Ледовитого океана, территории, обладающие крайне значимым запасом природных ископаемых, месторождения алмазов и бокситов, более комплексное использование минерального сырья на базе новых технологий, кроме того, это уникальный природный комплекс мирового значения. А также это земли древней культуры: коренных малочисленных народов Севера, христианских монастырей, памятников первобытной эпохи (Канозерские, Беломорские, Онежские петроглифы).

Приграничные территории Карелии и Мурманска - это 5 государственных природных заповедников, 4 национальных парка, больше 40 природных заказников, парки и ботанические сады, земли историко-культурного назначения, памятники природы, объекты культурного наследия. С ростом промышленной и экономической активности в регионе необходимо предусмотреть меры сохранения природного и

культурно-социального комплексов региона, препятствовать оттоку населения, повысить интерес (туристический). Не допустить трансформации этих уникальных территорий в транзитную зону между Северным морским путем, шельфом, западными соседями и центральными регионами России.

Приграничные территории - территории разделенных этносов, коренных малочисленных народов Севера, которые по обе стороны границы нуждаются в поддержании своей уникальной самобытной культуры, сохранение которой особенно сложно в современных условиях. Но это является общей задачей для наших государств, так как это часть мирового наследия. На базе приграничных территорий может быть сформирована особая система опорных центров: этнических, культурно-исторических, туристических. Формирование такой системы вдоль границ позволит нарастить социально - культурное сотрудничество.

Сотрудничество на границе с Финляндией может внести большой вклад в развитие туристической сферы. Заимствование опыта экологического и природного туризма, который обеспечивает существенный процент экономики Финляндии и влияет на рассредоточенность населения, вследствие чего на большую сбалансированность системы расселения страны в целом - отсутствие заброшенных и необитаемых территорий. И это при том, что в Финляндии практически полностью отсутствует культурно-исторический туризм и паломничество – ресурсы, которые есть в России.

В последствии предусматривается применение подобной системы и на внутренних административных границах, что позволит создать регулярный каркас, основанный на культурно – историческом комплексе, призванный быть опорой сохранения и развития культурного наследия региона, создать условия для увеличения туристического потока. Кроме того, такая система должна помочь решить проблему, свойственную особенно для северных регионов России: наличие нескольких крупных культурных и хозяйственных центров и общая не освоенность и низкая транспортная связанность остальных территорий. В связи с чем существуют проблемы транспортной доступности, что сильно влияет на уровень жизни населения, туристические возможности понижает сложность «широкого» перемещения: практически нет протяженных туристических маршрутов, доступны поездки из крупных городов в региональные центры с малым дальнейшим радиусом перемещений. Еще одна проблема региона: наблюдается отток населения. Такая рокадная система должна компенсировать низкую плотность освоения и удаленность от центров страны данных территорий и повысить их конкурентоспособность, а также стать своеобразной армирующей сеткой, препятствующей обезлюдиванию территорий.

Такой каркас рокадных историко-культурных, туристических и религиозных центров призван сохранить наследие, привлечь внутренних и внешних туристов за счет наращивания связей, непрерывности маршрутов, взамен локализации в конкретных территориально-административных образованиях.

Приграничные территории могут стать и должны быть авангардом международного и межрегионального социально - культурного сотрудничества, территорией сохранения традиций и истории.

Литература

1. Божко Л.Л., Концептуальные подходы к определению приграничных территорий, Региональная экономика: теория и практика, Москва, Изд. Финансы и кредит, 4 (139), 2010 – с.47-54.
2. Кострикин Н.Д., Жизнеспособные города», Журнал Экология и Жизнь, №12, 2011
3. Новенькова Т.В., Границы как объект архитектуры и градостроительного искусства, Архитектон: известия вузов, №16, Екатеринбург, Изд. УралГАХ, 2006
4. Новиков А.Н., Новикова М.С. Региональные особенности приграничного положения, Ученые записки казанского государственного университета, Казань, 2008 – с.229-240.

5. Хомич Л.В. Ненцы, Санкт – Петербург, «Дрофа», 2003 – 125с.
6. Хомич Л.В. Саамы, Санкт – Петербург, «Просвещение», 1999 – 126с.

УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС: ВЛИЯНИЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ

П.А. Черномаз

Украина, Харьков, ХНУ им. В.Н. Каразина
pavel.chernomaz@gmail.com

Аннотация: Рассмотрено влияние геоэкономического положения Украины на политическую ситуацию и, как следствие, на внешнеторговые отношения. Исследованы изменения географической структуры экспорта и импорта Украины в результате создания углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с ЕС и их последствия.

Abstract: The influence of Ukraine's geo-economic situation on the political situation and, as a result, on foreign trade relations is considered. The changes in the geographical structure of Ukraine's exports and imports as a result of the creation of a deep and comprehensive free trade area with the EU and their consequences are investigated.

Ключевые слова: геоэкономическое положение, внешняя торговля, углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли.

Key words: geo-economic situation, foreign trade, deep and comprehensive free trade area.

Украина в результате своего геополитического и геоэкономического положения оказалась в поле двух встречных интеграций – евразийской, которую представляет Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и европейской, представленной Европейским Союзом (ЕС). В 2014 г. руководством страны был избран одновекторный курс на европейскую интеграцию и создание зоны свободной торговли с ЕС. В результате субъекты внешнеэкономической деятельности Украины были вынуждены переориентировать свои торговые отношения в соответствии с новыми реалиями [1]. С этого переломного момента отношения Украины и Российской Федерации претерпели значительные изменения. Причиной тому стали последствия указанного выбора, повлекшие за собой конфронтацию в политической сфере, экономические санкции и как результат – снижение взаимного торгового оборота стран.

Как известно, одной из основных целей Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС было достижение «экономической интеграции посредством создания углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ЗСТ) как неотъемлемой части Соглашения» [2]. Таким образом, неотъемлемая часть Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС в виде ЗСТ была призвана упростить перемещение товаров и услуг между Украиной и странами ЕС. Такая возможность выхода Украины на огромный рынок 28 стран-членов ЕС выглядит привлекательно. Однако, кроме таможенных барьеров, на европейском рынке существуют значительные технические барьеры, которые сдерживают перемещение украинских несырьевых товаров с высокой добавленной стоимостью, что подтверждают руководители ведущих машиностроительных предприятий Харькова [3].

Норвежский экономист Эрик Райнерт придерживается мнения, что зона свободной торговли, только тогда положительно влияет на экономику стран, когда она симметрична, то есть страны-участники имеют примерно одинаковый уровень экономического развития и торгуют эквивалентной продукцией [4]. В случае же, когда

страны, создающие ЗСТ, различаются в экономическом развитии, возникает угроза оттока сырьевых ресурсов из менее развитой страны-производителя сырья в соответствии с известной моделью «центр – периферия». Такая угроза, по мнению Э. Райнерта, существует и для Украины [5].

Для того, чтобы оценить масштабы изменений внешней торговли, обратимся к статистическим данным Госстата Украины. Для анализа были выбраны объемы экспорта и импорта товаров за 2012 и 2016 годы [6, 7]. Выбор именно этих временных периодов позволил рассмотреть ситуацию, которая была до подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС и после подписания. В 2012 г. Украина еще пользовалась возможностями ЗСТ со странами СНГ, а в течение 2016 ЕС уже предоставлял Украине односторонние автономные торговые преференции, но были введены санкции и ограничения со стороны России.

Объемы украинского экспорта и импорта по регионам мира в 2012 и 2016 гг. приведены на рис. 1 и 2. На рис. 1 можно видеть, что в 2012 г. Украина наибольшее количество товаров экспортировала в страны СНГ (на сумму 25 302,6 млн. долл. США). Среди них странами, на которые приходилась большая часть экспорта, были Российская Федерация (17 631,7 млн. долл. США), Казахстан (2 459,2 млн. долл. США) и Беларусь (2 251,1 млн. долл. США). Вторым по объему экспорта географическим направлением были страны Азии (17 676,8 млн. долл. США), третьим – страны Европы (17 081,3 млн. долл. США). Странами с наибольшей долей экспорта в Азии были Турция (3 685,1 млн. долл. США), Индия (2 290,9 млн. долл. США), Китай (1 777,2 млн. долл. США). Среди стран ЕС Украина экспортировала товары преимущественно в Польшу (2 576,1 млн. долл. США), Италию (2 480,0 млн. долл. США) и Германию (1 645,0 млн. долл. США).

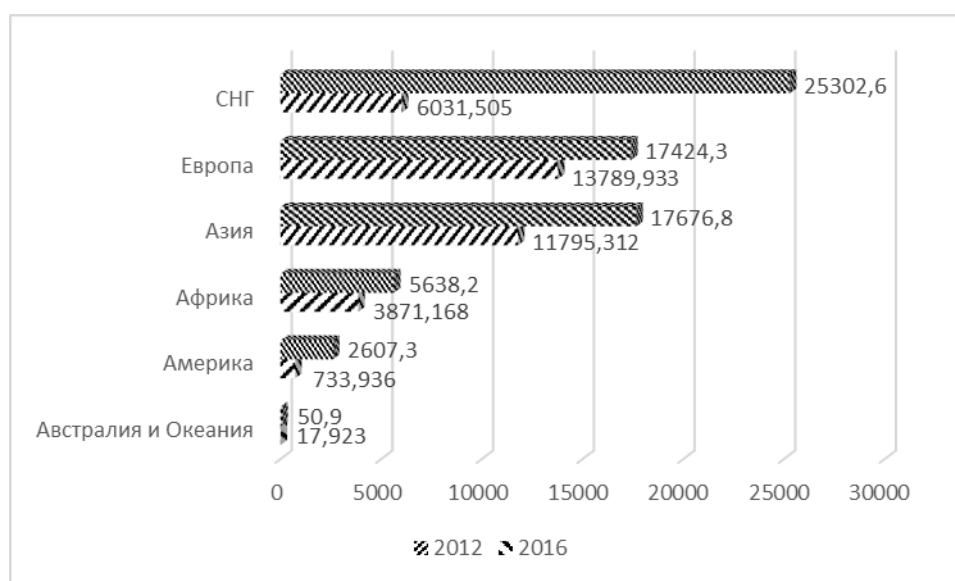

Рис. 1. Географическая структура экспорта Украины в 2012 и 2016 гг. (млн. долл. США)

По состоянию на 2016 г. для Украины основным направлением экспорта товаров стали страны Европы (13 789,9 млн. долл. США), но объемы экспорта уменьшились на 21% по сравнению с 2012 г., что обусловлено ухудшением состояния экономики Украины. Годовые потери в результате падения объемов экспорта в страны Европы составили 3,6 млрд. долл. США. При этом страны, преобладающие в экспорте в Европу, не изменились – это Польша (2 200 млн. долл. США), Италия (1 358,2 млн.

долл. США) и Германия (4 318,4 млн. долл. США). На втором месте в 2016 г. остался экспорт в страны Азии (17 676,8 млн. долл. США), объемы которого также уменьшились на 34% по сравнению с 2012 г. (годовые потери – 5,9 млрд. долл. США). Странами с наибольшей долей экспорта в этом регионе остались Турция (2 049 млн. долл. США), Индия (1 903 млн. долл. США) и Китай (1 832,5 млн. долл. США). Экспорт же в страны СНГ переместился на третье место. Он сократился на 77% по сравнению с 2012 г. и составил 6 031,5 млн. долл. США (годовые потери – 19,3 млрд. долл. США), что прежде всего является следствием процессов, связанных с ограничением доступа украинских товаров на рынок стран ЕАЭС (отмена действия ЗСТ и введение запрета на экспорт отдельных товаров в РФ). В экспорте Украины в страны СНГ лидирует Российская Федерация (3 592,9 млн. долл. США), далее следуют Беларусь (903,2 млн. долл. США) и Молдова (481,1 млн. долл. США).

Лидирующим географическим направлением украинского импорта в 2012 г. (рис. 2), так же, как и экспорта, были страны СНГ: Российская Федерация (27 418,3 млн. долл. США), Беларусь (5 068,6 млн. долл. США), Казахстан (1 494,9 млн. долл. США). На втором месте – европейские страны, в частности наибольшие импортные потоки приходились на Германию (6 807,1 млн. долл. США), Польшу (3 567,1 млн. долл. США) и Италию (2 234,6 млн. долл. США). Третье место в импорте товаров занимали страны Азии с общим объемом 17 132,7 млн. долл. США. Наибольшие импортные потоки приходились на Китай (7 899,7 млн. долл. США), Турцию (1 951,8 млн. долл. США) и Индию (1 020,7 млн. долл. США).

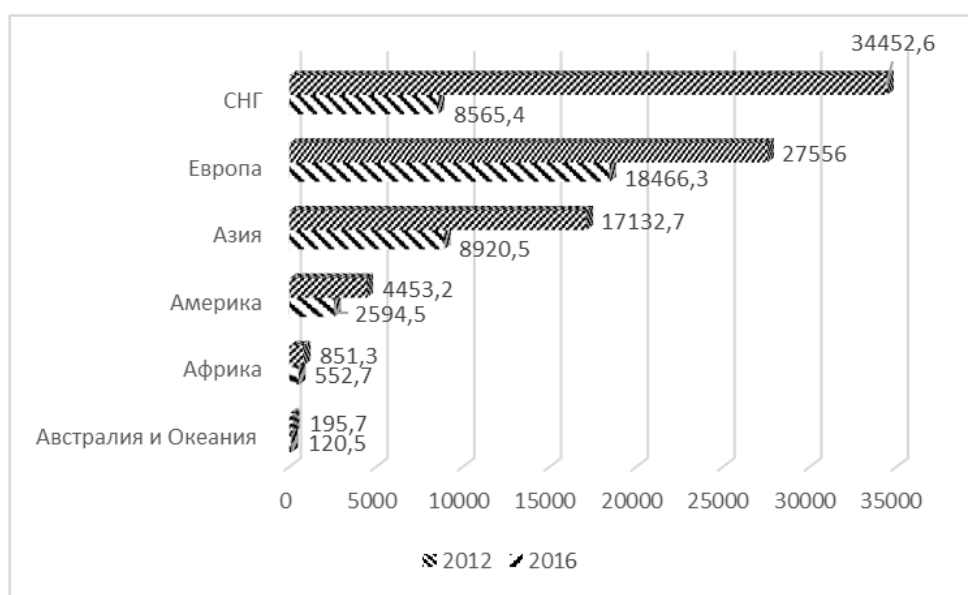

Рис. 2. Географическая структура импорта Украины в 2012 и 2016 гг. (млн. долл. США)

В 2016 г. географическая структура украинского импорта демонстрирует изменения. Страны СНГ уступили свое лидерство странам Европы, а объемы импорта из них в денежном эквиваленте уменьшились на 76% и 33% (до 8565,4 и 18 466,3 млн. долл. США соответственно). В отношении стран, преобладающих по объемам импорта, среди стран Европы такими остались Германия (4 318,4 млн. долл. США), Польша (2 693,3 млн. долл. США), на третье место вышла Франция (1 530,5 млн. долл. США), а среди стран СНГ – Российская Федерация (5 149,3 млн. долл. США), Беларусь (2 777,8 млн. долл. США), Казахстан (434,29 млн. долл. США). Азиатские страны остались на третьем месте, однако их импорт также уменьшился на 48%. Из стран Азии было

импортировано товаров на сумму 8 920,5 млн. долл. США. Наибольшие объемы импорта поступили из Китая (4 687,7 млн. долл. США), Турции (1 098,6 млн. долл. США), Японии (551,8 млн. долл. США).

Как видим, Украина по многим позициям лишилась не только обширного российского рынка сбыта, но и рынков других стран СНГ (в частности, Казахстана). Россия в свою очередь снизила торговый оборот с государствами Европы. Это подтолкнуло РФ к политике импортозамещения, расширению сотрудничества с другими международными партнерами, прежде всего – на рынке стран Азии. Украинские экспортеры, не получив ожидаемого прироста поставок на европейский рынок вследствие квотирования и технических барьеров в торговле, также устремили свои усилия на завоевание рынков стран Азии и Африки. При этом наиболее уязвимыми в данном контексте оказались приграничные регионы обеих стран, традиционно имевшие тесные экономические связи с партнерами из соседних государств [1].

Налаживание трехстороннего политического диалога между Россией, Украиной и странами ЕС способно возродить потерянные контакты и оказать благоприятное влияние на приграничные территории стран-партнеров. Необходимы взаимные шаги навстречу друг другу, чтобы дипломатическим путем решить те проблемы, которые привели к политической конфронтации и, как следствие, к взаимным экономическим санкциям.

Литература

1. Черномаз П.А., Шлапек Е.А. Влияние политической конфронтации на внешнюю торговлю приграничных регионов. На примере российско-украинского и российско-финского приграничья // Обозреватель-Observer: Научно-аналитический журнал. 2017. № 10. С. 14-24.
2. Соглашение об Ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны [Электронный ресурс]. URL: <https://europa.com/association/> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Булат В. Харьковское машиностроение: дорогу осилит идущий // Время. 2016. 29 нояб. С. 2.
4. Дубровык-Рохова А. Украина сегодня – это Перу 1979-го // Веб-сайт газеты «День» [Электронный ресурс]. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/ekonomika/ukraina-segodnya-eto-peru-1979-go> (дата обращения: 30.04.2018).
5. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
6. Географическая структура внешней торговли Украины товарами за 2012 г. // Веб-сайт Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2012/zd/ztt/ztt_u/ztt1212_u.htm (дата обращения: 30.04.2018).
7. Географическая структура внешней торговли Украины товарами за 2016 г. // Веб-сайт Государственной службы статистики Украины [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2016/zd/ztt/ztt_u/arh_ztt2016.html (дата обращения: 30.04.2018).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.Е. Чунина, Д.Г. Сеницина

Россия, г. Калининград, Западный филиал РАНХиГС

aechunina@mail.ru, sin-diana@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются современное состояние государственно-частного партнерства и примеры реализации проектов в различных сферах в Калининградской области.

Abstract: The current state of the state-private partnerships and examples of projects in various spheres of the Kaliningrad region.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, механизмы государственно-частного партнерства, модели управления сферой государственно-частного партнерства, проекты государственно-частного партнерства.

Keywords: public-private partnership, mechanisms of public-private partnership, model of sphere management, public-private partnership, public-private projects partnership.

В настоящее время не раз подчеркивалось, что активное развитие государственно-частного партнерства способно дать стимул развитию территорий, так как в условиях сокращения бюджетных расходов на развитие инфраструктурных отраслей именно ГЧП может стать дополнительным источником финансирования.

В Калининградской области механизмы ГЧП положены в основу ряда крупных инфраструктурных проектов, реализуемых в рамках федеральной целевой и областных инвестиционных программ. Например, бюджетные средства участвуют в создании кластера полнопрофильных автомобильных производств компании «Автотор», строительстве индустриальных парков, в развитии инфраструктуры отечественного судостроения, фармацевтической промышленности и т.д.

Формат ГЧП используется также и в связи с запуском программ по обеспечению продовольственной безопасности региона, поддержки промышленности, малого и среднего предпринимательства.

По сути, государственно-частное партнерство в Калининградской области становится важнейшим инструментом экономической политики для формирования качественно нового региона, способного выполнить план развития и решить многие, в том числе, непростые задачи.

Для развития и внедрения механизмов государственно-частного партнерства в 2017 году Правительство Калининградской области и Ассоциация участников государственно-частного партнёрства «Центр развития ГЧП» заключили соглашение о сотрудничестве.

Документ подписали глава региона Антон Алиханов и председатель Совета Ассоциации Павел Селезнёв во время встречи 27 февраля, на площадке «Российского инвестиционного форума» в Сочи.

Соглашение направлено на разработку модели управления сферой ГЧП в Калининградской области, подготовке программных документов, в том числе стратегического планирования, с учетом тематики ГЧП. Стороны договорились провести для калининградской аудитории серию образовательных и презентационных мероприятий об инструментах государственно-частного партнерства, в том числе концессий.

Ассоциация участников государственно-частного партнерства «Центр развития ГЧП» создана для консолидации усилий участников рынка, направленных на развитие

общественной инфраструктуры с применением механизмов ГЧП. На сегодняшний день Центр развития государственно-частного партнерства является одним из ведущих центров компетенций по вопросам ГЧП в России и осуществляет реализацию системных проектов по следующим направлениям:

- методологическая и научно-исследовательская деятельность;
- образовательная, просветительская, научно-педагогическая и издательская деятельность;
- содействие в развитии сферы ГЧП в субъектах РФ;
- деятельность по формированию позитивного облика сферы ГЧП на площадках деловых и общественных объединений;
- деятельность по запуску стратегических проектов, направленных на развитие сферы ГЧП в России;
- экспертная деятельность по разработке нормативных правовых актов федерального и регионального уровня. [1]

В Калининградской области реализовался один из основных ГЧП-проектов. Это строительство котельной в городе Советске.

Строительство котельной осуществилось в рамках программы по модернизации систем коммунальной инфраструктуры. Средства Фонда ЖКХ составили 276 млн. рублей, Калининградской области — 84,6 млн. рублей, концессионера – 107,5 млн. рублей.

В Калининградской области за счет средств частных инвесторов производится финансирование жизненно важных проектов - строительство хосписа в поселке Краснополье, а также современные центры врачей общей практики. В 2017 году жители округа получают 1300 квадратных метров новых площадей, на которых будет оказываться первичная медико-санитарная помощь.

Областная Дума 22 июня 2017 года сообщила о планах реализации в рамках ГЧП масштабного проекта общей стоимостью более 90 млн. рублей.

Планируется дальнейшее развитие местного здравоохранения с помощью строительства центров врачей общей практики и трансформация ФАПов в офисы ВОП в рамках государственно-частного взаимодействия.

Проект начал реализовываться: в округе уже открыты офис врача общей практики в пос. Рыбное, ФАП с врачебным участком в пос. Матросово. Также центры ВОП появятся в Новом Голубево, Новом Лесном, Гурьевском жилом массиве Новая резиденция.

Второй этап реализации проекта предполагает реконструкцию и дооснащение существующих ФАПов.

Помимо этого, в рамках ГЧП планируется построить 430 кв. м жилья для медперсонала.

Правительство области рассматривает вариант строительства в рамках ГЧП новых парковок в курортном поселке Янтарном. В летние месяцы его посещают около 100 тыс. человек, в связи с чем количество парковочных мест необходимо увеличить в 2 раза по сравнению с уже имеющимися. Правительство предполагает оказать бюджетную поддержку проекту по линии программ развития туризма, инвестор же вернет вложения за счет доходов от дальнейшей работы объекта. [

Акционерное общество «Корпорация развития Калининградской области» создано в соответствии с постановлением Правительства Калининградской области № 285 от 23.04.2012 г. Собственником 100% акций является Правительство Калининградской области.

АО «Корпорация развития Калининградской области» проделала следующую работу:

1. Создание приоритетных индустриальных парков

В соответствии с Федеральной целевой программой развития Калининградской области на период до 2020 года (далее – ФЦП) в рамках мероприятий по созданию новых конкурентоспособных секторов экономики Общество сосредоточило ресурсы на реализации двух приоритетных проектов инфраструктурного обеспечения индустриальных парков «Черняховск» и «Храброво».

Также идет поддержка ГЧП-проектов в дорожной сфере со стороны Правительства РФ. Выделяются дополнительные средства регионам, в частности Калининградской области.

Принятые решения будут способствовать развитию и модернизации сети автомобильных дорог общего пользования регионального, межмуниципального и местного значения.

Проект строительства кластера автомобильных производств в Калининградской области предусматривает создание к 2018 году промышленно-производственной зоны регионального значения, кластера полнопрофильных автомобильных производств в Калининградской области общей мощностью 250 тысяч автомобилей в год, а также строительство объектов обеспечивающей транспортной и инженерной инфраструктуры. [13]

Калининград стал одним из 11 городов Российской Федерации, в которых пройдут матчи Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

В настоящее время ведется строительство футбольного стадиона «Калининград» вместимостью 35 000 мест на Октябрьском острове.

Кроме того, планируется развитие и прилегающей к стадиону инфраструктуры, которая сможет обеспечить тренировочный процесс и комфортное проживание участников и гостей чемпионата.

Калининградская область в рейтинге регионов по уровню развития государственно-частного партнерства за 2016-2017 годы заняла 28-е место (47,3%) из 85 представленных и 4-е место в Северо-Западном федеральном округе. Если сравнивать с прошлым результатом, то в рейтинге за 2015-2016 годы Янтарный край был 38-м, а в СЗФО – всего восьмым.

Можно заметить, что в Калининградской области в последние годы действительно была разработана нормативно-правовая база для дальнейшего развития ГЧП. И проекты, созданные на основе такого партнёрства, получают в областном правительстве «зелёный свет» в первую очередь.

Литература

1. Гаипова Т.Ф. Особенности государственно-частного партнерства в России – Вестник Владимирского Государственного Университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых Серия: Экономические науки, 2014, №1 с.74-81
2. Государственно-частное партнерство в РФ / Игнатюк Н.А. 2012г. – стр.-399 //Режим доступа: <https://mybook.ru/author/n-a-ignatyuk/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo/>
3. Государственно-частное партнерство: практические и теоретические аспекты / А.В. Клименко А.В М.: ГУ-ВШЭ, 2010.// Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/17990346.html>
4. Дерябина М.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика – Вопросы экономики. 2008. №8. С.61-77.
5. Технологический формат деятельности ЧГП - АНО «Центр социальных исследований и инноваций», ООО «Химфармаркет», Москва, 2009 г.
6. Частно-государственное партнерство - Сборник основных законодательных актов. - АНО «Центр социальных исследований и инноваций», ООО «Химфармаркет», Москва, 2011 г.
7. Чунина А.Е. Государственно-частное партнерство в сфере образования – Калининград: Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки, №1 (39), 2017. – с. 38-42

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «РИСК»

Е.Л. Шишко

Республика Беларусь, г.Брест, БрГТУ

aljonaschischko@mail.ru

Аннотация. Отмечается, что понятие риска довольно обширно и что его следует понимать как в узком, так и в широком смысле. Исследуется понятие с четырех позиций, что помогает подчеркнуть общее видение проблемы и специфику каждой позиции в отдельности.

Abstract. It is noted that the concept of risk is quite extensive and that it should be understood in both a narrow and a broad sense. The concept is studied from four positions, which helps to emphasize the General vision of the problem and the specifics of each position separately.

Ключевые слова: риск, риск-менеджмент, вероятность, опасность, неопределенность.

Key words: risk, risk management, probability, uncertainty, danger.

В любой сфере деятельности риску посвящено множество современных исследований, но, тем не менее, все еще существует некоторое различие в его определении.

Определения понятия «риск» необходимо рассмотреть с четырех позиций:

- 1) Общеэкономическое значение понятия, сформированное авторами-экономистами в своих работах.
- 2) Статистическое значение понятия.
- 3) Нормативное значение понятия, закрепленное документами в Республике Беларусь.
- 4) Нормативное значение понятия, закрепленное международными документами.

Общеэкономическое значение риска предполагает, что риск, являясь вероятностью наступления события с негативными последствиями, что есть вероятность опасности возникновения непредвиденных потерь, убытков, недополучения доходов, прибыли по сравнению с планируемым вариантом. С другой стороны, риск – это действие наудачу, требующее смелости, решительности, предприимчивости в надежде на счастливый исход. Таким образом, определяя политику в сфере управления рисками и имея целью, получение дохода предприятия балансируют между максимальным приемлемым уровнем потерь в случае наступления рискованного события и минимальной доходностью, соответствующей данному уровню риска.

Экономическая сущность риска проявляется также в том, что риск – это объективный показатель и, следовательно, имеет определенную динамику. Динамика риска зависит от ряда факторов, которые могут быть как независимыми друг от друга, так и взаимосвязанными.

Необходимо отметить, что риск экономистами трактуется по-разному. Так, экономист В.А. Абчук понимает риск в узком смысле, а именно как «образ действия в неясной, неопределенной обстановке (наудачу)» [1, с.16].

По мнению А. П. Альгина, «риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели» [2, с.60].

Экономист Л.А. Миэриня определяет риск как «вероятность возникновения потерь, убытков, недопоступления планируемых доходов, прибыли» [3, с.5].

Я.Д. Вишняков и Н.Н. Радаев обосновывают, что «риск – это возможность того, что действия человека или их результаты приведут к негативным или позитивным последствиям» [4, с.22].

В.М. Гранатуров под риском подразумевает «потенциальную, численно измеримую возможность потери. Понятием риска характеризует неопределенность, связанную с возможностью возникновения в ходе реализации проекта неблагоприятных ситуаций и последствий» [5, с.65].

По мнению О. Ренна, «риск – это возможность того, что человеческие действия или результаты его деятельности приведут к последствиям, которые воздействуют на человеческие ценности» [6, с.87].

Л.Н. Тепман под риском понимает категорию «как опасность потенциально возможной, вероятной потери ресурсов или недополучения доходов по сравнению с вариантом, который рассчитан на рациональное использование ресурсов в данном виде предпринимательской деятельности. Иначе говоря, риск – это угроза того, что предприниматель понесет потери в виде дополнительных расходов или получит доходы ниже тех, на которые рассчитывал».

В словаре Владимира Даля риск определяется, с одной стороны, как опасность чего-либо, а с другой – как действие наудачу, требующее смелости, решительности, предприимчивости в надежде на счастливый исход.

В специализированном экономическом словаре под риском понимается:

- 1) вероятность наступления события с негативными последствиями;
- 2) опасность возникновения непредвиденных потерь, убытков, недополучения доходов, прибыли по сравнению с планируемым вариантом.

В работах И.В. Яхнеевой, риск рассматривается как возможность частичного или полного недополучения дохода при наступлении некоторых нежелательных событий или возможность пострадать от какой-либо формы убытка или ущерба.

В Современном экономическом словаре Б. А. Райзберга представлено определение риска, конкретизирующее виды потерь предпринимателя: «Риск предпринимательский – опасность недополучения дохода, возникновения материальных и финансовых потерь в предпринимательской деятельности».

Для уяснения сущности понятия «риск», для его своевременного выявления и адекватной оценки необходимо анализировать данные о потерях, связанных с рисками на предыдущих аналогичных фазах экономического цикла, что позволит сблизить абсолютные и относительные значения риска. Таким образом, подходим к необходимости рассмотрения статистического значения риска.

Статистическое значение понятия риска отражается в сборе статистической информации за предыдущие периоды, достаточной для определения уровня риска и возможных потерь в последующем, для максимальной стабилизации деятельности любого учреждения. Статистика может вестись на государственном уровне, но, как правило, у каждого предприятия она собственная и отражает динамику риска относительно определенной группы или категории показателей, исходя из этого, предприятие делает выводы о целесообразности своей деятельности.

Статистическое значение понятия «риск» взаимосвязано с его нормативным значением, которое определяет понятие на законодательном уровне, регламентирует правила для учета уровня риска, служит инструментом контроля для регулятора.

Нормативное определение риска регулируется и определяется в соответствии с Государственным стандартом Республики Беларусь СТБ ISO 31000:2009, IDT

«Менеджмент риска. Термины и определения» (утвержден постановлением Госстандарта РБ от 28 марта 2014 г. № 15). Введен стандарт в действие 1 ноября 2014 г.

Рассмотрим основные термины риск-менеджмента.

Риск – результат неопределенности в отношении целей.

Результат – это отклонение от предполагаемого (положительного и/или отрицательного).

Цели могут иметь различные аспекты и могут применяться на различных уровнях. Риск часто характеризуется возможными событиями и последствиями или их сочетанием. Риск часто выражают в виде комбинации последствий события и связанной с ним вероятностью возникновения.

Неопределенность – это состояние, недостаточность информации, связанной с пониманием события или знаниями о нем, его последствиями или вероятностью.

В государственном стандарте используются оба выражения: «управление риском» и «менеджмент риска». В общих чертах выражение «менеджмент риска» касается архитектуры (принципов, структуры и процесса) для результативного управления риском, тогда как выражение «управление риском» касается применения этой архитектуры к конкретным рискам.

Менеджмент риска – скоординированные действия по руководству и управлению организацией в отношении риска.

Нормативное определение риска встречается также в международных документах. Федерация европейских ассоциаций риск-менеджмента (Federation of European Risk Management Associations – FERMA) была образована в 1974 году по инициативе Европейской комиссии. При создании Федерации в ее состав вошли представители пяти стран – Великобритании, Италии, Бельгии, Германии и Нидерландов.

Стандарты управления рисками (Risk Management Standard) Федерации европейских ассоциаций риск-менеджеров (FERMA) – это результат совместной работы нескольких ведущих организаций, занимающихся вопросами риск-менеджмента в Великобритании – Института Риск Менеджмента (IRM), Ассоциации Риск Менеджмента и Страхования (AIRMIC), а также Национального Форума Риск Менеджмента в общественном секторе.

При разработке стандартов управления рисками использовалась терминология Международной Организации по Стандартизации в документе ISO/IEC Guide 73 Risk Management – Словарь для практического использования стандартов.

Термин «риск» трактуется как комбинация вероятности события и его последствий (ISO/IEC Guide 2009). Любые действия приводят к событиям и последствиям, которые могут представлять собой как потенциальные «положительные» возможности, так и «опасности» для организации.

В настоящее время риск-менеджмент включает в себя понятия положительного и негативного аспектов риска. Стандарты управления рисками, соответственно, рассматривают риск с этих позиций.

В сфере безопасности, последствия наступления события рассматриваются с негативной точки зрения. Соответственно управление рисками уделяет основное внимание превентивным мероприятиям или, мероприятиям, смягчающим размеры последствий.

Повышенное внимание со стороны консультантов в области риск-менеджмента, уделяется документу «Управление рисками организаций. Интегрированная модель», разработанному Комитетом спонсорских организаций комиссии Тредвея (США) (Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, COSO). Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея, США (COSO) был образован в 1985 году

при поддержке Национальной комиссии по вопросам мошенничества и финансовой отчетности (комиссия Тредвея).

Документ «Управление рисками организаций. Интегрированная модель» представляет собой концептуальные основы управления уровнем риска предприятий и дает подробные рекомендации по созданию корпоративной системы управления уровнем риска в рамках предприятия.

Согласно данному документу риск понимается как вероятность возникновения события, которое окажет отрицательное воздействие на достижение поставленных целей.

Событие – это происшествие или случай, имеющее внутренний или внешний источник по отношению к организации и оказывающий влияние на достижение поставленных целей. Влияние событий может быть положительным, отрицательным или смешанным. События, отрицательно влияющие на деятельность организации, представляют собой риски.

События, оказывающие отрицательное влияние на деятельность организации, препятствуют увеличению ее стоимости или же ведут к ее снижению. Примерами таких событий могут быть поломки оборудования, пожары или потери по ссудам. События, оказывающие негативное воздействие, могут возникнуть во внешне благоприятных условиях. Например, в ситуации, когда уровень спроса на продукт превышает производственные возможности предприятия, предприятие не может удовлетворить спрос всех покупателей, что означает потерю постоянных клиентов и снижение объемов заказов в будущем.

События, влияние которых является положительным, могут компенсировать отрицательное влияние других событий, а могут положительно влиять на достижение целей. Возможность определяется следующим определением.

Возможность – это вероятность возникновения события, которое окажет положительное воздействие на достижение поставленных организацией целей.

Возможности способствуют созданию и сохранению стоимости. Руководство рассматривает появляющиеся возможности в рамках процессов определения стратегии и постановки целей, формируя планы их оптимального использования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Мнения исследователей-экономистов по вопросу определения риска можно разделить на две группы. Первая группа мнений – это понимание риска с учетом возможности выбора в принятии решения, измерения и сопоставления будущих результатов. Вторая группа экономистов предлагает собственные определения, связанные с вероятностью опасности.

Все понятия риска имеют право на свое существование. Подбирая различные термины и экономические понятия, суть риска остается неизменной. Сначала субъект изучает различные варианты выбора путей достижения цели, далее оценивает вероятность их успешного достижения при различных вариантах, затем сопровождающую их опасность неточного, неполного достижения результата, а только потом приступает к действию. Отсюда и определения риска разных ученых затрагивают разные этапы алгоритма принятия решения хозяйствующим субъектом.

Литература

1. Абчук В.А. Риски в бизнесе, менеджменте и маркетинге. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – С. 16.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни Москва: Мысль, 1989. – 188 с.
3. Миэринь Л.А. Основы рискологии. СПб.: 1998. – С. 5-6.
4. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академика», 2007. – С. 22.

5. Гранатуров В. М. Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения М.: «Дело и Сервис», 2002 – 154 с.
6. Ренн О. Три десятилетия исследования риска // Вопросы анализа риска. 1999. № 1. – С. 87

УЧАСТИЕ АРТИСТОВ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ПЕТРОЗАВОДСКА В VIII ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В ХЕЛЬСИНКИ В 1962 ГОДУ

И. В. Шорохова

*Россия, Петрозаводск, ПетрГУ
ivikshor@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена неизученному вопросу участия артистов КАССР в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов. Балет «Сампо» Музыкально-драматического театра занимал ключевое место в программе советской делегации и был высоко оценен зрителями и прессой. Участие в международном мероприятии дало стимул для развития искусства региона и позволило укрепить культурные контакты Карелии и Финляндии.

Abstract: The article is concerned with the issue of participation of the youth of the KASSR in the VIII World Festival of Youth and Students in Helsinki in 1962. The ballet "Sampo" of the Music and Drama Theater of Petrozavodsk was a key place in the cultural program of the Soviet delegation. It was highly appreciated by the audience and the press. The participation in the international event gave an impetus to the development of the art of the region and allowed to strengthen cultural contacts between Karelia and Finland.

Ключевые слова: VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Карелия, Хельсинки, Музыкально-драматический театр, балет «Сампо»

Key words: VIII World Festival of Youth and Students, Karelia, Helsinki, Music and Drama Theater, Sampo, Kantele

После окончания Второй мировой войны СССР прилагал значительные усилия для закрепления своей ведущей роли на международной арене в условиях холодной войны. Во второй половине 1940-х – 1950-х годах советская дипломатия проделала значительную работу по урегулированию спорных территориальных, экономических и политических вопросов в отношениях с Финляндией.

Проведение в 1962 году VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки, преодоление негативного отношения к этому США и ряда европейских стран уже следует признать важным достижением советской и финляндской дипломатии. При этом превосходное выступление делегации из СССР на фестивале должно было продемонстрировать не только успехи в развитии культуры, спорта и образования, но и подчеркнуть возросший международный престиж Советского Союза.

В решении амбициозных задач помогали артисты и туристы из Карелии. Они в составе советской делегации 28 июля - 6 августа 1962 года принимали участие в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. В столицу Финляндии прибыли представители 137 стран - участниц. СССР был представлен на фестивале 700 участниками и 540 туристами [1].

Программа советской делегации на фестивале была насыщенной. Она включала в себя официальную часть, предполагала участие советской молодежи в дискуссиях по актуальным вопросам социального, политического, экономического развития стран, международной обстановки. Спортивная составляющая фестиваля была представлена состязаниями и показательными выступлениями в различных видах спорта между командами стран-участниц. В культурной части программы советская творческая

молодежь давала национальный концерт, принимала участие в 15 международных и сводном концертах.

Советская делегация стремилась показать культуру многонационального советского народа во всем ее многообразии [2]. Выступления артистов Карелии заняли важное место в программе советского участия в фестивале. Представлять искусство края в Хельсинки доверили Музыкально-драматическому театру. Он привез на фестиваль специальную концертную программу из пяти карельских и финских танцев, подготовленную совместно с ансамблем «Кантеле», и композицию «Память о Хиросиме» [3].

Главным событием балетного искусства на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов стал балет «Сампо» (муз. Г. Н. Синисало, пост. И. Смирнов; отдельные балетные номера в постановке М. М. Мнацаканяна и В. И. Кононова) [4, л. 190]. Постановка этого балета стала заметным культурным событием в СССР [5]. В подготовке балета были задействованы лучшие творческие силы Карелии, Ленинграда и столицы. «Сампо» делал акцент на культурной близости народов Карелии и СССР с финским народом.

Между тем, подготовка главного номера программы советской делегации к выступлению на международной сцене проходила непросто и в условиях сжатых сроков [6, л. 28].

Для работы над фестивальным вариантом балета из Москвы был приглашен его постановщик балетмейстер И. В. Смирнов [7, л. 17]. У него уже был опыт работы над спектаклями, рассчитанными на зарубежного зрителя [8, с. 107]. Интересно, что у советской делегации имелись планы показать «Сампо» на открытом воздухе в большом парке в центре Хельсинки. В нем располагался музей деревянной архитектуры древних северных народов, на фоне экспонатов которого балет смотрелся бы особенно выигрышно. Но от проекта пришлось отказаться, поскольку его осуществление потребовало бы большого числа участников, а артисты «Сампо» были ограничены регламентом в четыре десятка исполнителей [8, с. 101].

В связи с тем, что музыканты Карелии по уровню исполнения или по возрастным характеристикам не соответствовали уровню международного молодежного фестиваля, музыкальное сопровождение «Сампо» за рубежом осуществлял симфонический оркестр Московской консерватории во главе с проф. М. Н. Тэрианом под управлением ленинградского дирижера В. Г. Широкова [2; 3]. Работы над танцевальной частью балета «Сампо» и над изменением его музыкального оформления велись дистанционно. Оркестр и артисты балета провели только несколько совместных репетиций непосредственной перед отъездом на фестиваль [8, с. 100].

Для проведения работ по обновлению декораций к балету «Сампо» петрозаводский Музей ИЗО на один месяц передал специалистам Музыкально-драматического театра выставку иллюстраций художников республики к народному эпосу «Калевала» [6, л. 43]. Только к середине лета 1962 года в Москве были сшиты выдержанные в стиле народов Севера новые костюмы для артистов балета и подготовлен новый макет ключевой части декораций - мельницы Сампо [2]. К этому же времени были готовы переводы и изданы на русском и финском языках афиши, программа, либретто для участия делегации из Карелии в международном мероприятии [6, л. 39].

Если с творческой частью балета основные сложности были решены, то техническое оформление спектакля пришлось дорабатывать уже на сцене в Хельсинки. На VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов советскому техническому персоналу пришлось потратить много времени на монтировочные работы, репетицию световой партитуры, организацию перемен декораций между картинами. Кроме того,

наладить взаимодействие с финскими техническими работниками в полной мере не удалось. Во время спектакля, когда было необходимо убирать и ставить декорации, пришлось прибегать к помощи петрозаводских артистов [8, с. 104].

Советские участники фестиваля, задействованные в его программных выступлениях, прибыли в Хельсинки на теплоходе «Грузия». Организованно поездом из Ленинграда в Финляндию также отправились неофициальные представители советской делегации из Москвы, Риги, Пскова, Новгорода и др. городов, в том числе и 50 туристов из Карелии [4, л. 190].

На открытии фестиваля присутствовало 140 тыс. человек. Делегации стран-участниц торжественно прошли по Хельсинки, а на Олимпийском стадионе, который вмещал 60 тыс. человек, состоялся концерт [9; 7, л. 20].

Представители молодежи Карелии принимали участие во встречах делегаций, играх в международном шахматном клубе, беседах эсперантистов, сборах филателистов и пр. [8, с. 140]. Артисты республики вместе с деятелями искусства Франции, Германии, Венгрии и Италии выступали в нескольких международных концертах [7, л. 20 об]. Кроме этого танцевальный коллектив из Петрозаводска ежедневно работал на открытых площадках и в парках, давал самостоятельные и смешанные концерты на улицах и в клубах Хельсинки [3].

На советских туристах лежала важная задача поддержания положительного имиджа СССР за рубежом. Теплоход «Грузия» стал резиденцией и штаб-квартирой советских участников фестиваля. Пока студенты, артисты и спортсмены были задействованы в дискуссиях, выступлениях и соревнованиях, туристы работали с иностранными посетителями теплохода, который был открыт для посещения каждый день [10, с. 76].

В дни фестиваля в одном из парков Хельсинки работал информационный центр советской делегации. Он представлял собой огромную палатку с надписью «Спутник». Всем посетителям представители Карелии показывали фильмы, фотовыставки о советской молодежи, рассказывали о жизни в СССР [10, с. 75].

4 августа в программе фестиваля был объявлен днем прогресса, науки и будущего. Главным событием стала встреча молодежи мира с Ю. А. Гагариным на Сенатской площади. Переводчиком на встрече с космонавтом был петрозаводчанин артист Т. Хайми [11].

Знаменательным событием фестиваля стало выступление артистов Музыкально-драматического театра в балете «Сампо». По свидетельствам источников зрители брали театр штурмом. Представители советской делегации, среди которых были и туристы из Карелии, создав цепочку, помогли контролерам пропускать на премьеру только зрителей с билетами [8, с. 104].

Руководство петрозаводского театра разместило в фойе Национального театра в Хельсинки в обложке из карельской березы книгу для отзывов иностранных зрителей. После четырех показов балета страницы книги отзывов представляли собой «коллективный дифирамб в адрес советского искусства» [8, с. 105].

Зрители и критики особенно отмечали успех заслуженных артистов КАССР С. Степановой, В. Мельникова и С. Губиной [3; 7, л. 19]. В архивных источниках и материалах прессы представлены многочисленные положительные и восхищенные отзывы о спектакле зрителей из Австрии, Австралии, Канады, Франции, Италии, Румынии и других стран [7, л. 20; 8, с. 105, 107; 10, с. 75].

Финляндская пресса благожелательно встретила балет «Сампо», отмечая успехи танцевального и музыкального искусства петрозаводского театра и в целом о советском балете, мастерство артистов Карелии Е. Павловой и Ю. Сидорова [12; 13; 7, л. 20; 8, л. 106].

Во время VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки была беспокойная политическая и общественная обстановка. Все советские участники фестиваля должны были работать с учетом антифестивальных настроений и выступлений части жителей Хельсинки [14]. Между тем, столкновений с «фашиствующими молодчиками» артистам Карелии удалось избежать.

Таким образом, участие артистов Музыкально-драматического театра в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки следует признать успешным и плодотворным. Балет «Сампо» продемонстрировал достижения советского классического танцевального искусства и доказал, что в Советском Союзе балет высокого уровня доступен и в провинциальных городах. Артисты Карелии, принимавшие участие в фестивальных мероприятиях, получили возможность познакомиться с новыми направлениями современного танцевального искусства европейских стран и особенностями национальных танцев народов мира. Это способствовало их дальнейшему профессиональному росту и позволило Музыкально-драматическому театру в последующие годы соответствовать высоким мировым стандартам.

Балет «Сампо» попал на VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в том числе и по причинам политического характера. После показа в Хельсинки балета «Сампо», основанного на общем для народов двух стран эпосе, культурное сотрудничество Карелии и Финляндии стало более действенным и плодотворным.

Литература

1. Ленинская правда. 25. 07. 1962.
2. Комсомолец. 28. 07. 1962.
3. Ленинская правда. 07. 08. 1962.
4. НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. Р-3017 (Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955-2007)). Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190.
5. Шорохова И. В. Декада карельского искусства и литературы в Москве 1959 года: импульс развития культуры края // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 22-30.
6. НА РК. Ф. Р-1627 (ГУК «Объединенная дирекция Музыкального театра и Русского театра драмы РК (1935-2009)»). Оп. 3. Д. 8/85.
7. НА РК. Ф. Р-1627 Оп. 3. Д. 5/59.
8. Смирнов И. Открытая книга «Сампо» // На рубеже. 1962. № 6. С. 99 – 108.
9. Ленинская правда. 31. 07. 1962.
10. Костерин С. На орбите Фестиваля // На рубеже. 1962. № 5. С. 73 – 79.
11. Gagarin Helsingin festivaalin tähtenä 1962. YLE Elävä arkisto [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/aihe/artikkeli/2011/04/07/gagarin-helsingin-festivaalin-tahtena-1962#media=53228> (дата обращения 11.01.2018).
12. Комсомолец. 18. 08. 1962
13. Ленинская правда. 10. 07. 1962
14. Tuomioja E. Joni Krekola, Maailma kylässä 1962. Helsingin nuorisofestivaali. Like, 309 s., Riika 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tuomioja.org/kirjavinkit/2012/08/joni-krekola-maailma-kylassa-1962-helsingin-nuorisofestivaali-like-309-s-riika-2012> (дата обращения 11.01.2018).

ИНТЕГРАЦИЯ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ОЛОВЯННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

К.В. Щетинина, Т.В. Пономаренко, А.О. Васильченко

*Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский горный университет
kristina_0101@mail.ru, stv_mail@mail.ru, alexandra.kamushki@gmail.com*

Аннотация. Производство олова в России к настоящему времени резко сократилось. Причиной этому стали изменившиеся экономические условия, сделавшие неэффективной эксплуатацию оловянных месторождений. Российские предприятия вынуждены покрывать свои потребности за счет иностранных поставок. Однако в России имеются перерабатывающие мощности – Новосибирский обрабатывающий завод (ООО «НОЗ») с производственными мощностями до 11 тыс. т в год. В настоящее время НОЗ вынужден покрывать свои потребности за счет иностранных поставок. Мощности перерабатывающего предприятия не загружены на полную мощность. Республика Казахстан обладает значительными запасами и прогнозными ресурсами оловянного сырья, осуществляется разведка уникального и крупнейшего в Центральной Азии месторождения олова. К настоящему времени оловянная отрасль в Республике Казахстан (РК) не создана, потребности экономики удовлетворяются за счет импорта. В данном исследовании разработаны модели создания добавленной стоимости в оловянном производстве России и Казахстана, а также выполнены оценки экономической эффективности предложенных цепочек. Реализация проекта, предполагающего сотрудничество России и РК в оловянном производстве, должна привести к экспортоориентированному, импортозамещающему и интеграционному эффектам.

Abstract: Production of tin in Russia so far was sharply reduced. The changed economic conditions made inefficient operation of tin fields became the reason for that. The Russian enterprises are forced to cover the requirements due to foreign deliveries. However in Russia there are refinery capacities – the Novosibirsk processing plant with production capacities to 11 thousand tons a year. Currently the NPP is forced to cover its needs through foreign supplies. The capacities of the processing enterprise are not loaded at full capacity. The Republic of Kazakhstan possesses considerable reserves and expected resources of tin raw materials, investigation of the unique and largest field of tin in Central Asia is carried out. So far the tin branch in the Republic of Kazakhstan (RK) isn't created, requirements of economy are satisfied due to import. The impact of models of value added creation in tin production of Russia and Kazakhstan are developed and evaluation of the economic efficiency of the offered chains is carried out. Implementation of the project assuming cooperation of Russia and RK in tin production has to result in export-oriented, import-substituting and integration effects.

Ключевые слова: горная промышленность, цветная металлургия, олово, добавленная стоимость, цепочка добавленной стоимости (ЦДС).

Key words: mining, non-ferrous metallurgy, tin, value added, value chain

Российская сырьевая база олова с учтенными запасами металла в 2,17 млн. т является одной из крупнейших в мире. По величине запасов (около 36% российских запасов олова или 776,5 тыс. т металла), Россия занимает второе место в мире (после КНР) [2].

В настоящее время оловянная отрасль России может развиваться по нескольким вариантам: поставка оловянных концентратов российскими ГОКаами в страны АТР (в частности, в Китай и Малайзию); ООО «Новосибирский обрабатывающий завод (НОЗ)» для последующей переработки в продукцию полного цикла.

При продаже необработанного сырья за рубеж производитель теряет большую часть потенциальной прибыли, поскольку большая часть добавленной стоимости на продукцию производственно-технического назначения создается на последних стадиях производства. На стадии производства оловянного концентрата формируется лишь около 30% добавленной стоимости конечного продукта.

На протяжении постсоветского периода российская оловорудная промышленность края переживала затяжной кризис, а к 2010 г. специалисты стали говорить о ее крахе. В 2011 г. в России началось постепенное восстановление добычи олова. В настоящее время единственным регионом страны, где ведется разработка

оловорудных месторождений, остается Хабаровский край. Эту работу реализует компания «Русское олово», объединяющая «Оловянную рудную компанию» и ООО «Правоурмийское». Несмотря на перспективные планы, восстановление объемов добычи оловянного концентрата на месторождениях края (Солнечное, Фестивальное, Придорожное, Перевальное, Соболиное, Правоурмийское) движется медленно, что связано с необходимостью решения комплекса вопросов: модернизации предприятий, восстановления их кадрового потенциала, усовершенствования транспортной инфраструктуры и др.[5], транспортировка оловянного концентрата до Новосибирска не рентабельна. НОЗ нуждается в сырье, поэтому переработка оловянного концентрата должна осуществляться на предприятии России (ООО «НОЗ»). Основными потребителями продукции НОЗа на внутреннем рынке являются автомобильные, радиаторные заводы, а также крупные металлургические компании, например, Магнитогорский металлургический комбинат, а также дочерние компании «Ростеха» — «Объединенная приборостроительная корпорация» и «Российская электроника». Оценки авторов показали, что для безубыточного производства заводу необходимо ежегодно перерабатывать не менее 810 т концентрата, что на 180 т превышает объемы, которые суммарно способны поставить российские ГОКи. Производственная мощность НОЗа составляет около 20 тыс. т концентрата в год, т.е., существует потребность в дополнительном сырье для переработки, вызванная незагруженными мощностями завода. Поэтому такая потребность может быть удовлетворена посредством импортных поставок. Наиболее лучшим вариантом является поставка оловянного сырья из Казахстана.

Компания "TinOneMining" ведет работу в Северо-Казахстанской области по освоению единственного месторождения олова в Республике Казахстан. Целью инвестиционного проекта является освоение оловосодержащего месторождения Сырымбет и строительство горно-обогательного комплекса и металлургического цеха. В состав горно-обогательного комплекса войдет карьер, обогащательная фабрика по переработке комплексных руд и выпуска концентратов олова. Планируется добыча и переработка оловосодержащей руды до 1 млн т в год. Технология, разработанная для комплексной переработки оловосодержащей руды на данном месторождении, позволяет извлечь более 90% минерального сырья [4].

Месторождение Сырымбет разрабатывается с 2001 года. К настоящему времени оловянная отрасль в Республике Казахстан не создана. Потребности в металле удовлетворяются за счет импорта, до 2003 года РК являлась покупателем российского олова, в последующие годы это место занял Китай [6].

Полная доводка до металлического олова (создание производства полного цикла на территории Казахстана) требует значительных капитальных вложений и высоких эксплуатационных расходов (табл.1). Был проведен анализ эффективности инвестиционного проекта реализации оловянных руд РК (производство полного цикла в РК), который показал, что инвестиции проекта составляют 104,8 млн.\$, при этом ЧДД = 16,71 млн.\$, ВНД = 23,4 %, ИД = 1,15 доли.ед. и срок окупаемости 10,5 лет.

Вступление Казахстана в Евразийский союз и в ВТО (с 22.06.2015 г.) открывает новые возможности для оловянной отрасли с учетом межгосударственного взаимодействия. Интересы компаний, расположенных около границы, могут приобретать межгосударственный характер. Например, немалая часть российских потребителей олова расположены либо в районах границы, либо в областях с благоприятными условиями транспортного сообщения [3].

Для снижения капиталоемкости и повышения эффективности проекта были разработаны альтернативные варианты производства и реализации продукции с учетом межгосударственного сотрудничества. Такими вариантами являются продажа

концентрата российским предприятиям, ключевым из которых является Новосибирский обрабатывающий завод, либо создание совместного предприятия или стратегический альянс с российскими потребителями при расширении производства в Новосибирске.

С целью оценки перспектив различных вариантов оловянного производства в РК (сотрудничество с НОЗом) был проведен анализ эффективности переработки оловосодержащих руд месторождения «Сырымбет» (табл.1). Альтернативным продаже концентрата вариантом является отпуск концентрата на условиях договора толлинга.

Толлинг – работа предприятия на давальческом сырье с дальнейшей транспортировкой готовой продукции. Толлинг представляет собой переработку сырья с соблюдением таможенного режима «Переработка товаров на таможенной территории» [1]. Применение таможенного режима позволяет ввозить сырьё и вывозить готовую продукцию беспошлинно.

Таблица 1

Показатели оценки экономической эффективности вариантов переработки оловянных руд РК на Новосибирском оловянном заводе

№ п/п	Показатели эффективности проекта	Ед.изм.	Добыча ПИ, обогащение и продажа концентрата на НОЗ	Переработка концентрата на НОЗ с применением толлинга
1	Инвестиции	млн. \$	76,1	76,1
2	ЧДД	млн. \$	25,67	30
3	ВНД	%	26,1	27,05
4	ИД	доли ед.	1,27	1,37
5	Т	год	8,5	7,83

По результатам инвестиционного анализа наиболее экономически эффективным вариантом является поставка концентрата и дальнейшая доводка до металлического олова на Новосибирский оловянный завод на условиях толлинга. Возможность реализации такой формы сотрудничества обусловлена дефицитом сырья и отсутствием финансовых ресурсов у НОЗа.

Выводы

Существующие мощности по переработке оловянных концентратов в России, не обеспеченные достаточным количеством сырья, и масштабный проект по добыче и обогащению олова в Республике Казахстан, который в настоящее время не может получить развитие до продукции полного цикла, могут быть объединены в общую ЦДС. Разработанные модели ЦДС в оловянном производстве России и Казахстана показали, что наиболее выгодным вариантом для Казахстана является переработка концентратов и дальнейшая металлургическая доводка на НОЗе с получением марочного олова на условиях толлинга.

Литература

1. Белова И.А. Толлинг как экономическое явление / И.А. Белова // Журнал менеджмент в России и за рубежом, 2000, №3.[Электронный ресурс] URL: <https://www.cfin.ru/press/management/2000-3/14.shtml>
2. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации» за 2015 г.

3. Национальный научный портал Республики Казахстан [Электронный ресурс] URL: http://nauka.kz/page.php?page_id=844&lang=1
4. Официальный сайт АО «Tin One Mining» [Электронный ресурс] URL: <http://www.tinone.kz/>
5. Петрунина Ж.В. Оловорудная промышленность Хабаровского края: история развития и современное положение / Ж.В. Петрунина // Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета [Электронный ресурс] URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2016/12/history/petrunina.pdf
6. Пономаренко Т.В. Методический подход к оценке ценности проекта освоения месторождения и создания цепочки добавленной стоимости / Т.В. Пономаренко, Ф.Д. Ларичкин, К.В. Щетинина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 128

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ

С. Э. Яловицына

*Россия, г. Петрозаводск, КарНЦ РАН
jalov@yandex.ru*

Аннотация: На основе проведенного анализа с использованием методов качественной социологии выявлены разделяемые пришлым и принимающим населением ценности, а также особенности ценностных ориентаций нового населения – переселенцев в отношении Карелии, которые влияют на их социальную адаптацию и идентичность.

Abstract: On the basis of the conducted analysis using the methods of qualitative sociology, are revealed the values shared by the migrants and the indigenous people, as well as the features of the value orientations of the new population - migrants towards Karelia, which influence to their social adaptation and identity.

Ключевые слова: социальная адаптация мигрантов, идентичность, ценности, культура, биографические интервью, Республика Карелия, начало XXI в.

Key words: social adaptation of migrants, identity, values, culture, biographical interviews, the Republic of Karelia, the beginning of the XXI century.

Целью нашего исследования является изучение социальной адаптации переселенцев в Республике Карелия с опорой на интерпретации и оценки их самих и частично коренных жителей об этнокультурном климате и межнациональных контактах в Карелии в начале XXI века.

В данной статье и в исследовании в целом мы придерживаемся подхода, что социальная адаптация не может происходить без изменения идентичности. Вместе с тем, «идентичность определяется не через принадлежность к социальной группе» (А.Тэшфел), а «является продуктом доминирующих дискурсов (М.Фуко), связанных с социальными механизмами и практиками. <...> Неустойчивая, флуктуирующая идентичность создается посредством огромного количества противоречащих друг другу текстов, которые не могут обеспечить ей последовательность и стабильность.» [3]

Ориентация на указанный выше подход – негрупповой характер идентичности, определяет наш отказ на данном этапе исследования от изучения конкретной этнической группы переселенцев в Карелии.

Автором было проведено 12 глубинных, биографических интервью с мигрантами с 2007 по 2018 гг. Все они приехали на территорию Карелии в 1990-е – первое десятилетие XXI в. и прожили здесь не менее 10 лет. Наиболее многочисленными в Карелии в 1990-е гг. были группы переселенцев с Азербайджана,

Армении, Чеченской и Ингушской республик, а в начале XXI в. к ним добавились представители среднеазиатских стран (Узбекистан, Казахстан, Киргизия). Поэтому этим группам отдавалось предпочтение при выборе опрашиваемых.

Множественность идентичности затрудняет и выбор фрагментов для представления результатов интервью. [1; 2] Иногда ответ на один и тот же вопрос дает информацию для совершенно разных дискурсов, даже при наличии ключевых слов, связывающих его с вполне определенной темой. Вместе с тем широта обсуждаемых сюжетов интервью требует выбора некоторых из них. Для данной статьи выбраны следующий аспект: восприятие Карелии, как нового места жительства.

На впервые прозвучавший в ходе интервью вопрос об отношении жителей Карелии к нему (ней), как переселенцам, часто звучали положительные оценки. Представим некоторые цитаты.

Фрагмент 1. Женщина, из Чечено-Ингушской республики, о приезде в Петрозаводск в середине 1990-х гг.; 2007 г.:

Респондент (далее Р): «<...> И подходит ко мне носильщик, с тачкой своей.(события происходят на вокзале Петрозаводска) – «Девушка, а Вы что здесь стоите, Вы кого-то ждете?» Я говорю: «Не знаю, куда идти.» Вот так вот приехала. Он-то видит, не русская, сразу: «А Вы, говорит, не расстраивайтесь, сейчас я Вас отведу». Поставил все мои сумки, а я говорю: «Сколько будет стоить?» Он говорит: «Как и всем - 10 руб.» Представляете? Представляете? <...> А этот, скотина, (речь идет о носильщике в Москве) 100 рублей, сказал. <...> И он меня завез, значит в здание, <...> в зал ожидания, там посадил. «А скажите, Вас будет кто-нибудь встречать, а может Вам телефон нужен?». В общем, он принял во мне такое участие, понимаете, это вот первый человек, которого здесь, на карельской земле встретила. <...> Я была ошарашена, что оказывается не все люди злые, оказывается, кто-то может и руку помощи протянуть, Вы понимаете, это было после тех лет ужаса, что там навиделись» (речь идет о военном конфликте в Чеченской республике).

Фрагмент 2. Мужчина, из Узбекистана, о людях в Карелии в начале 1990-х гг.; 2018 г.:

Р: Мне очень понравились люди местные.

Интервьюер (далее И): Чем они понравились Вам?

Р: Наверное, тем, что, тогда, наверное, сразу не мог бы определить, что отзывчивые люди или не отзывчивые. Трудно, я же немного общался. Что они какие-то, как Вам сказать? Если сказать, что тихие, я не знаю, может, обижусь, может, нет. Но тихие люди.

И: Мало темпераментные?

Р: <...> Да, люди, которым... Ну, если человек — вот так вот, ну, не сильно вмешивается в какие-то там...

И: Ссоры, конфликты? <...>

Р: Не взрывные люди. Эмоционально не импульсивные. Мне такая черта характера и на родине никогда не нравилась.

И: Импульсивность имеется в виду?

Р: Да, я всегда страдал от многих и сам был тихий. Я думал всегда, что если у человека есть мнение, то он должен высказаться и выслушать другого человека первым делом, да?

Фрагмент 3. Женщина, из Дагестана, об опыте аренды жилья в Карелии в 2010 г.; 2018 г.:

И: Скажите, пожалуйста, Вы, когда арендовали жилье, были ли у Вас когда-нибудь сложности в этом процессе? Отказывали Вам люди, например.

Р: Вы знаете, удивительно, у меня сложностей не было. Никогда не было сложностей. Потому что, наверное, я умею с людьми разговаривать. Я как-то быстро с ними иду на разговор. Один раз по телефону, когда мы непосредственно съезжали с одной квартиры и заезжали на другую квартиру, <...> взяла женщина трубку. И она спрашивает: «А кто Вы по национальности?»

И: У Вас акцента нет.

Р: А я взяла и сказала - русская. Может быть, это некрасиво с моей стороны, получается, что я как бы обманула.

И: Значит, Вы понимали, что если Вы скажите что-то такое...

Р: Да.<...> Я говорю, а давайте мы с Вами встретимся. Просто понимаете, когда по телефону, это одно, а когда люди встретятся, они увидят в лицо друг друга - это совсем другое. <...> И при встрече поговорим, я с мужем приду. <...>

И: В общем? Она Вас увидела.

Р: Она нас увидела и говорит: «Если бы Вы мне по телефону сказали, что Вы ингуши, может быть, я Вам и отказала бы. А сейчас, я вижу, что Вы люди положительные. Что никаких отрицательных... У нас нет ничего такого. И она согласилась. И она, кстати, была очень рада, когда мы жили в этой квартире.»

Фрагмент 4. Женщина, из Таджикистана, о ношении хиджаба в Карелии, 2007 г.

И: Скажите, а вот в нашем обществе карельском – обществе, для которого не привычен хиджаб, наверняка возникают вопросы. Особенно, когда вы знакомитесь с кем-либо. Не возникало ли в связи с эти каких-либо трений, ну я не скажу что конфликтов, с людьми? Какой-то натянутой ситуации?

Р: Нет. В мечети нет. Ну, у меня есть подруга, знакомые есть. Они относятся хорошо. С преподавателями хорошие отношения. Нет такого.

И: Вам задают вопросы о Вашей религиозной принадлежности? А какие вопросы, например?

Р: Ну, насчет платка спрашивали. Ну, я сказала, что я мусульманка. Наоборот, спрашивают с любопытством. Вообще хорошие отношения есть. Им интересно, они спрашивают.

При развитии беседы и при задавании уточняющих вопросов о том, часто ли люди в Карелии обращают внимание на особую внешность или язык (акцент) наших собеседников-переселенцев, многие отмечали, что им периодически приходится с этим сталкиваться. Среди рассказов о таких случаях появляется информация иного рода: о кличках, недоверии, а также о прямых угрозах, преследованиях и даже насилии. Приведем некоторые примеры.

Фрагмент 5. Женщина, из Узбекистана, об избегании общения с ней, 2018 г.:

Р: Это не первый случай, который происходит со мной. Был еще случай после взрыва в метро. Помните, в Питере был взрыв? (речь идет о событиях апреля 2017 г.)

И: Да

Р: <...> На следующий день я поехала на учебу также в пальто, в шапке, без платка. И рядом со мной просто никто не сел.

И: Побоялись?

Р: Да! Получается, я села около водителя, а рядом со мной было еще около метра. И люди просто так вот толпились, как будто я сейчас взорвусь или что-то такое сделаю. И это очень меня смутило, не знаю, было забавно.

Фрагмент 6. Женщина, из Чечено-Ингушетии, о кличках и странных взглядах, 2007 г.:

Р: У старшей девочки, учился в классе, учился вот до 9 класса, скинхед.

И: Он что, так прямо себя и называет?

Р: Да, уже все знали, открыто это было, что он скинхед, что... Он как-то косо смотрел на наших девочек, у нас их целых три учился в одном классе. <...> Вот один раз он обзывался на мою девочку старшую, не то, что один раз, ни один раз, наверное, обзывался и он ей надоел. Она ему, раз, два, три сказала. (Потом) в один день его в угол вогнала и поговорила с ним хорошо. И с тех пор он ничего, вот единственно, что кондопожские события, когда были, он как-то странно смотрел. Не так как обычно. И так-то их не очень воспринимал, а тут-то вообще. Они, честно говоря, перепугались. Я говорю, может, на время останетесь дома? Но они, правда, не остались, все равно они в школу ходили, но немного опасались они этого взгляда.

Фрагмент 7. Женщина, из Узбекистана, о нападении на нее, 2018 г.:

Р: Да, один раз было такое, когда я училась в 7-м классе и меня избили молодые люди за то, что я нерусская. <...>

И: В каком же году?

Р: Это 2012 или 2013 год, когда мне было лет 13, наверное. Я не помню точно год, я помню, что я училась в 7-м классе тогда и шла тогда расстроенная из-за одной четверки по истории за четверть. (...) Группа подростков поднималась в гору, а я спускалась, и им, наверное что-то не понравилось во мне. И они начали бить битой (...) я, конечно, отреагировала (побежала). Потом <...> поднялась в другую гору, и меня ударили, получается, с другой силой. И я поскользнулась и упала (ударившись) о камень. Получается, я получила сотрясение мозга.

И: Вы потеряли сознание?

Р: Нет, я дошла дома, там еще минуты 2-3 было, я дошла, и потом меня забрали в больницу. А потом начали выяснять это все и.... короче, им ничего не дали, потому что, мне сказали, они были несовершеннолетними, и сместили все на то, что они играли в лапту и меня случайно задели. Все свалили на меня, что я оказалась провокатором этих действий.

И: Вы знали этих ребят?

Р: Одного из них знала. <...> Вот, мальчик, которого я знала, он учился в нашей школе. <...>

И: А как же Вы потом? Ну, страшно же было, наверное, потом? Вообще на улицу выходить и жить как-то дальше в этом городе. Это не было одной из причин переезда потом?

Р: Ммм, я не знаю, служило ли это причиной. Но на мое отношение некоторое к русским это повлияло.

И: Как бы Вы сформулировали сейчас это отношение к русским? <...>

Р: Ну, просто я поняла, что не стоит быть доверчивой.

Теперь приведем несколько мнений представителей коренного населения.

Фрагмент 8. Мужчина, из Карелии, об обиде на мигрантов, 2018 г.:

И: Скажите, был ли такой момент, когда Вы задумались о своей национальности? Когда это произошло?

Р: (задумался). Да, наверное, так остро, конечно, не задумывался, но бывали, конечно, моменты. Были 1990-е года, когда подростком. Было обидно, конечно. Олонецкий район был, конечно, в связи с чеченскими кампаниями. Очень активно стали пребывать так называемые беженцы. Но, в основном, из мужского населения: либо те же самые скрывающиеся, либо может даже участвовавшие в боевых действиях, какие-то подозрительные люди. Ну, и вели себя соответственно очень агрессивно, создавая негативный образ на всем своем народе. И соответственно, когда люди какие-то приезжают и живут с тобой рядом на твоей земле, а чувствуют себя хозяевами, а к тебе относятся как к какому-то... ну, вообще недочеловеку. Было

обидно. Немножко, конечно, задевало какое-то самосознание, что ты, вроде же, карел, на своей земле.

Фрагмент 9. Женщина, из Карелии, комплекс оценок; 2018 г.:

И: Вот Вы вспомнили 1990-ые годы, как раз в это же время, если не ошибаюсь, в Олонец большая волна переселенцев...

Р: Чеченов. Чеченов.

И: Помните эти события?

Р: Помню. Драки были, убийства были. Боялись, честно, даже на них смотреть. Боялись, вообще. Заговорить с ними [боялись]. Сейчас мы с ними даже работаем. У меня муж в прошлом году с ними, у них лес покупал. Как бы работаем мы с ними.

И: А кем он работает Ваш муж?

Р: Глава крестьянско-фермерского хозяйства (...) Сейчас два года были плохих, он у меня два года занимался пилорамой. Слава Богу, мы оттуда ушли (смеется) (...).

И: И вот на этой волне он с чеченцами и общается?

Р: Да, общается. Да, у меня даже в прошлом году снимал квартиру, вот несколько дней, этот чечен. Как бы мы с ними нормально: с ними хорошо – и они хорошо. А вот в то, в 1990-е годы – это было что-то.

И: А с чем это связано, как Вы думаете?

Р: Я думаю, что наши люди, наши карелы, они завидовали им. Я так думаю. Потому что они приехали сюда, им давали там лес, <...> давали... делянки поближе к дорогам, поближе. Вот всё им давали. Они как бы работали. Они работали (подчеркнула), они зарабатывали, они кучу денег отправляли туда, в свою Чечню. А наши просто, они ничего не делали, и завидовали. Большие я Вам ничего не скажу (засмеялась). Они завидовали, завидовали этим людям, которые умели зарабатывать.

Таким образом, в интервью встречаются разные точки зрения об этнокультурном климате республики. Конкретный опыт информантов свидетельствует, как о положительных, так и отрицательных его проявлениях. Это касается как собственно переселенцев, так и принимающего населения Карелии, в т.ч. карельской национальности.

Мозаика сюжетов, возникших при обсуждении вопросов об этнокультурном климате Карелии, позволяет выявить ценностные характеристики переселенцев. Интересно, что в рассуждениях респондентов часто присутствуют антиподы (носильщик в Москве и в Петрозаводске; импульсивные и тихие; разговор по телефону и очная встреча; ближний круг и дальний; труд – лень и т.п.). Такие приемы облегчают респондентам ответ на вопрос, а исследователю дают возможность четко определить оценку, даваемую респондентом описываемой ситуации. В представленных фрагментах присутствует положительные характеристики таких ценностей, как: человечность и честность (фр.1), спокойствие (фр.2), интерес к новому (фр.4), умение работать (фр.9).

Несколько фрагментов связаны с умением преодолеть страх и негативные стереотипы (фр.3, 5, 6, 7). Обратим внимание, что каждый из этих текстов – всегда коллизия, сочетание собственной обиды и (или) непонимания и желание разгадать другого участника ситуации. Интервью демонстрируют нам рефлексия, происходящую в момент интервью, о путях вживания в сложившуюся социальную ситуацию, о собственной идентичности. Даже стремление «быть хозяином на своей земле» (фр.8) демонстрирует нам попытку респондента как-то примирить собственную традиционную идентичность и происходящие вокруг него событий, явно противоречащие ей.

Через анализ этих ценностей познаются и механизмы социальной адаптации, которая, во-первых, носит двусторонний характер, а во-вторых, всегда процесс, основанный на случаях.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Литература

1. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 198.
2. Процедуры и методы социологического исследования/Под общ. ред. Готлиб А. С. Самара, 2014. 354 с.
3. Турушева Ю. Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33.html> (дата обращения: 23.05.2018).